

ФАНТАСТИКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ЕСЛИ

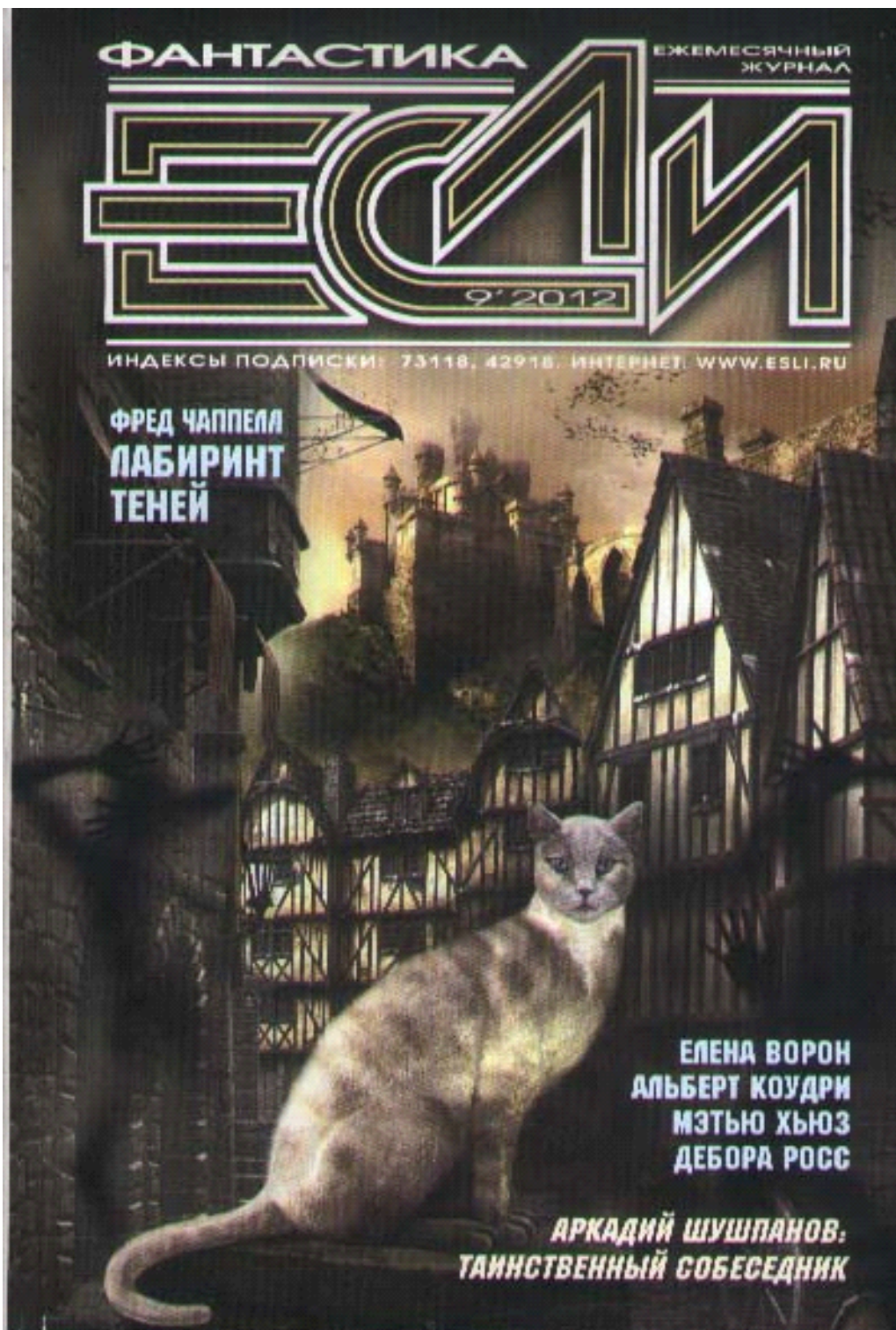
9' 2012

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73118, 42918. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

**ФРЕД ЧАППЕЛ
ЛАБИРИНТ
ТЕНЕЙ**

**ЕЛЕНА ВОРОН
АЛЬБЕРТ КОУДРИ
МЭТЬЮ ХЬЮЗ
ДЕБОРА РОСС**

**АРКАДИЙ ШУШПАНОВ:
ТАИНСТВЕННЫЙ СОБЕСЕДНИК**

Ник ПЕРУМОВ

ГИБЕЛЬ БОГОВ-2
КНИГА ПЕРВАЯ
Память пламени
КНИГА ВТОРАЯ
Удерживая небо

САМОЕ ОЖИДАЕМОЕ ФАНТАЗИИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ!

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Александр ШАЛГАНОВ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:

Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАСТИКА, НОВОСТИ:

Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Екатерина АРОЯН.

СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Инесса ЛУГАЧЁВА.

ВЕРСТКА:

Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга»,
журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

IP Media (США),
Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

ЗАО «АРИА-АиФ», ООО «Горпечать», ЗАО «Сейлс», ЗАО «Центропечать», «АПР», ЗАО «Наша пресса», «Формула Делового мира», ООО «Метропресс» (С.-Петербург), «Урал-пресс», ООО «Желдорпресс ГП», «Деловые издания», «Артос-ГАЛ», «Интер-почта-2003».

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.
Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»
143400, Московская область,
г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.
Зак. 2537.

Тираж 11 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.
Редакция не несет ответственности за содержание рекламных объявлений.

©6 «ЕСЛИ», 2012

ФАНТАСТИКА № 9 (235)
ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

23 Елена ВОРОН

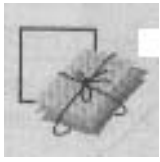
ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЕННЫХ ПСОВ

Любопытно, почему современных фантастов так и тянет в лабиринт?

175 Фред ЧАППЕЛЛ

ЛАБИРИНТ ТЕНЕЙ

На этот раз троица наших давних знакомых дошла до номинации на Всемирную премию фэнтези. При том, что впервые мастер теней рискует своей репутацией.

3 Дебора РОСС

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

А что делать, когда нет своего? Остается одно - похитить чужое.

73 Майкл АЛЕКСАНДЕР

В ОКОПАХ

В Первую мировую, при арналете, солдат мог встретиться не только со смертью...

95 Катерина БАЧИЛО

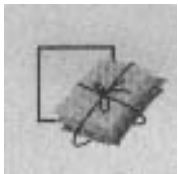
ПАН КРОЗЕЛЬЧИКЮС

Попробуйте представить себе «параллельный» мир, где сам цвет является тайным знанием, а умение видеть его - редкой способностью.

129 Альберт КОУДРИ

МОЗГОКРУТ

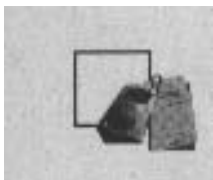
Когда дичь читает мысли охотника, то он становится дичью.

151 Мэтью ХЬЮЗ

РАДОСТНОЕ ИЗНУРЕНИЕ И НИСХОДЯЩЕЕ ФЛАМБЁ

Известный писатель при всей своей изобретательности явно находится под впечатлением «Сказок дядюшки Римуса». Особенно про терновый куст.

117 Дмитрий БАЙКАЛОВ

ОТТОПТАЛИСЬ ПО ПОЛНОЙ!

Новомодный литературный жанр проник на экран стараниями российского режиссера.

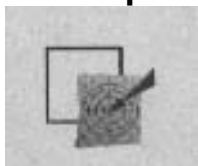
122 Аркадий ШУШПАНОВ
ДРУЗЬЯ ВООБРАЖЕНИЯ

Все киногерои нереальны, но некоторые из них - нереальнее.

119 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Кто страшнее для мира - нацисты с Луны или американцы в поисках природных ресурсов?

254 Сергей ШИКАРЕВ

БЕЗ СТРАХА ПЕРЕД БУДУЩИМ

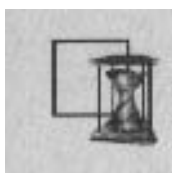
...или Завещание Мастера. Спустя несколько лет после смерти знаменитого писателя наконец вышел его последний роман.

256 РЕЦЕНЗИИ

Нравится это или нет, но проекты сегодня - важная часть жанрового книжного рынка.

268 КУРСОР

Повлияют ли пришельцы на итоги выборов? Сумеет ли сын Стивена Кинга поспорничать с отцом? Обретет ли Терри Пратчетт достойного соавтора?

261 Вл. ГАКОВ

КОРОЛЬ, ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

На самом деле он, конечно же, «не так страшен, как его малюют». Он просто очень разноплановый писатель.

270 ПЕРСОНАЛИИ

Заглянем в досье профессиональных конструкторов иных реальностей. В жизни

ОНИ МАЛО ЧЕМ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ НАС.

ДЕБОРА РОСС

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

ДЕБОРА РОСС

ЧУЖОЕ СЕРДЦЕ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

В обычных обстоятельствах Ленор Хасленд не согласилась бы на ангажемент у патрона, которого не одобрила предварительно лично. Череду состоятельных джентльменов и немногим меньшее число дам обеспечили ей финансовую независимость, однако лорд Роберт давно уже превратился из просто благодетеля в друга, а потому отказать его просьбам было непросто.

- Мой сын чахнет, - жаловался его светлость. - Он угасает. За последние недели он превратился в бесхребетную развалину. Не знаю, кто лучше вас, дражайшая сирена, способен вернуть мужчине бодрость духа.

Поскольку в округе ходили слухи о вампире, Ленор приехала в дом молодого джентльмена с серебряным крестом на ленточке в тон платья. Помимо обычного кинжала при ней была также склянка со святой водой.

У дверей она помедлила, чтобы придать лицу самое милое выражение. И вот, пожалуйста, прошло немногим более двух часов, а она уже жалеет, что согласилась. Что только на нее нашло? И почему многие отцы уверены, что вечер в обществе прекрасной дамы «превратит в настоящих мужчин» их сыновей. Ну, хотя бы в дороге она хорошо выспится, ведь частью ее оплаты явилась сама возможность путешествовать в карете лорда Роберта.

Управляющий, без сомнения, предупрежденный заранее, проводил ее наверх и, указав на соответствующую дверь, незаметно удалился. От легкого толчка дверь распахнулась на хорошо смазанных петлях, и Ленор шагнула в гостиную молодого человека, обставленную мебелью в мужском вкусе. Из комнаты за ней раздавались знакомые звуки: скрип тяжелой мебели и шорох простыней (по всей очевидности, там располагалась спальня). Из приотворенной двери веяло духами. Ленор нахмурилась, так как гордилась своим знанием ароматов. Этот был ей неизвестен: головокружительный и тонкий, но не из тех, какой выбрал бы для себя мужчина.

Если сын уже нашел себе компаньонку... тем лучше. Не в первый раз встревоженный родитель вмешивается без нужды.

- Нет... Прошу, не надо больше, умоляю... - Голос молодой, хриплый. Мужской. И произнесено не в любовной игре, а всерьез.

- А-а-а... - зазвенел в ответ голодом женский голос.

- Во имя господи!

Ленор проскользнула в открытую дверь. В многочисленных подсвечниках оплывали свечи пчелиного воска, заливая все вокруг мягким медовым светом. Большую часть комнаты занимала огромная, с изысканной резьбой кровать. Брошенная как попало одежда запуталась в складках атласного покрывала.

Даже в желтоватом свете нагое тело молодого человека казалось лишенным красок, почти каменным. Длинные волосы налипли ему на плечи, как водоросли на

труп утопленника. Он лежал лицом к стене, поэтому Ленор не могла различить его черт, но в остальном он был определенно хорошо сложен.

Верхом на нем сидела женщина с кожей, отливавшей жемчугом, ее распущенные волосы ниспадали ниже талии. Само ее тело пульсировало почти осуществленным желанием. Даже силясь вырваться, молодой человек выгнулся, чтобы удержать ее ритм, его пальцы смяли простыни. Он мотнул головой, и Ленор увидела его лицо...

Все сомнения рассеялись.

Мужчину возможно изнасиловать так же, как и женщину.

Лучше действовать решительно, а определяться потом.

Метнувшись через комнату, она схватила полную горсть шелковистых волос, припомнив старую выучку, крепче уперлась ногами в пол и собственное тело использовала как противовес, чтобы сдернуть противницу на пол. Круто повернувшись, женщина вырвалась из хватки Ленор и, перекатившись, вскочила на ноги.

Не стыдясь наготы, она уставилась на Ленор: нет, конечно же, ни одна смертная так себя бы не повела. Да она и была не плотью, а сплошь розами, жемчугом и сверкающим золотом. Запах, исходивший от ее кожи, обещал исполнение всех сущих желаний, не высказанных в темноте.

Выходит, она не человек. Значит, из породы рода Лилит?

- Убирайся, женщина! - зашипела суккуб. - Это не твое дело!

- Вот как? - Рука Ленор скользнула в складки юбки и выхватила из ножен кинжал.

- Отец этого мальчика отдал его под мою опеку.

На кровати юноша силился перевести дух.

- Бери его, если хочешь, - небрежно откликнулась тварь. - Он почти высушен. Я поищу более вкусную дичь в другом месте.

Ленор, однако, не ослабила бдительности.

- Милорд, если вам дорога жизнь, немедленно покиньте этот дом!

В шорохе простыней юноша, спотыкаясь, пересек комнату и переступил порог. Ленор не смела отвести взгляд от суккуба, чтобы проверить, прихватил ли он с собой что-нибудь из одежды. Судя по выражению на лице демона, нет.

Долгое время обе молчали. Обе не отступались: Ленор - настороженная, с занесенным кинжалом, суккуб - все более проявляя нетерпение.

- Ты собираешься держать меня тут всю ночь? Если тебе известно, что я такое... а как вижу, тебе известно... ты также должна понимать, что я для тебя не угроза. Я вами питаться не могу.

- Говоря «вами», ты подразумеваешь женщин.

Суккуб пожала плечами.

Ленор спросила себя, а почему жуткая тварь не пытается на нее напасть. Для пробы она сделала шаг вперед, выставив перед собой кинжал. Суккуб поморщилась.

Ага! Клинок был стальной, а сталь состоит по большей части из железа - смерть для всех сущих сверхъестественных тварей.

- Садись. - Острием кинжала Ленор указала на кровать. - Побеседуем о питании.

С миной бесконечного высокомерия демон подчинилась. Ленор не испытывала ни тени физического влечения, и все равно неземная красота суккуба вызывала у нее восхищение. Она напомнила себе, что перед ней существо, совершившее десятки, возможно, сотни убийств, для которого нет и не может быть прощения. «Нет и не может быть прощения»... а ведь таковы были последние слова ее отца.

Она опустилась на противоположный угол кровати.

- В этом... - она указала на простыни, пропитанные потом и прочими жидкостями тела, - все, чем ты кормишься?

- И ты тоже, верно?

Ленор позволила себе улыбку.

- Если ты хочешь сказать, что я такая же шлюха, как и ты, и потому не вправе тебя судить, то ты права. Но средства к существованию можно добывать по-разному.

Выражение на лице суккуба переменилось.

- Для таких, как ты, - возможно. Для таких, как я, - никогда.

- Почему?

- А какой толк искать?

Вот в этом, ядовито подумала Ленор, проблема тех, кто перескакивает из постели в постель, не заботясь ни о чем, помимо физического удовлетворения.

- Ты никогда... - она оборвала едва сложившийся вопрос. - Что случится, если ты не будешь питаться? Если попробуешь воздерживаться?

- Ты спрашиваешь, иссохну ли я как лишенный крови вампир? - Суккуб покачала головой. - Дамочка, ты ничего не знаешь. Я много старше тебя, старше ваших городов и крепостей. Я помню время, когда небеса были цвета крови, а луна занимала полнеба. Твое «никогда» - это очень долго. Но, нет. Я была создана лишь для одной цели.

- Соблазнять мужчин и высасывать их.

- Приносить им упоение и пить его, как вино.

- Пока они не погибнут.

- Все смертные гибнут. Разве подобное блаженство не стоит такого пустяка, как сократившаяся жизнь?

Ленор ответила не сразу. Она думала о мужчинах, с которыми делила постель, о том, как многие рыдали у нее на груди, шепотом поверяя свои тайны, а после спали с ощущением покоя, какого не испытывали уже много лет. Ей хотелось крикнуть, что одиночество или просто стыд не заслуживают смерти.

Суккуб ждала, как приговоренная, застывшая в ожидании топора палача.

Ленор положила кинжал на мятые простыни.

- А ты, будь ты вольна выбирать... если бы ничего не вынуждало тебя ложиться с мужчинами... Что доставило бы радость тебе?

Недоумение затуманило дымчатые глаза. Суккуб понятия не имела, о чем она говорит, ничего не подозревала ни о поэзии, ни о музыке, ни о тончайших уладах науки... Но она знала - Ленор видела, что она знает, - ей не хватает чего-то.

- Ложись, - мягко сказала Ленор.

Суккуб подчинилась - движением столь элегантным и чувственным, что у Ленор перехватило дыхание.

- Можешь мучить меня столько, сколько пожелаешь.

- Я и не думала причинять тебе боль.

Суккуб закрыла глаза. Ее ребра едва заметно поднимались и опускались, подчеркивая округлость груди.

У нее тело женщины. Возможно, в ней заложена и способность женщины получать удовольствие?

Взяв розовато-жемчужную ладонь в свои, Ленор начала поглаживать длинные пальцы, изящное запястье.

Теперь суккуб дышала медленнее. Легкая дрожь пробежала у нее по животу. Ленор спросила себя, не допускает ли ошибку, не пытается ли совершить невозможное. Но в уголке одного глаза она увидела отблеск влаги. В следующее мгновение слеза исчезла.

Суккуб лежала совершенно неподвижно.

Она создана с единственной целью, но не для такого. Возможно, впервые за ее существование кто-то прикасается к ней с добротой. Не в похоти, не в жажде обладания или насилия.

Ленор положила ладони ей на живот, кожа была прохладной на ощупь и туго натянутой, мышцы напряглись, точно в ожидании удара. Она постаралась, чтобы ее прикосновение было легким, как перышко, попробовала вообразить, что успокаивает испуганного котенка. Кожа под ее ладонями согрелась.

Суккуб судорожно втянула воздух. Сам ее запах переменялся, из него исчезла всяческая притягательность, зато появились металлические нотки. Она свернулась калачиком спиной к Ленор, и волосы упали ей на лицо занавесом.

Ленор обняла ее сзади - не как куртизанка обнимает любовника или одна женщина может обнимать другую, а как если бы укачивала дитя. Кое-кто из мужчин, возможно, ее осудил бы, потому что за тысячелетия своего существования суккуб, без сомнения, забрала немало жизней. Но она давно уже свыклась с жизнью вне рамок строгой морали своего отца.

* * *

Проснувшись, она увидела, что свечи догорели, превратившись в лужицы воска. Сквозь занавеси сочился бледный свет. Объятия ее были пусты.

Суккуб стояла у кровати, тень среди теней, узор серебром на фоне умирающей ночи. Ее прекрасную шею обвивали бесчисленные цепочки, такие тонкие, что казались лишь металлическими нитями. На каждой покачивался ослепительный рубиновый камень.

Со слабым перезвоном цепочек суккуб подошла на пару шагов. С приближением рассвета она уже испарялась как роса. Подняв руки, лишённые красок и почти прозрачные, она сняла через голову одну цепочку и протянула ее Ленор.

Тонкая, как паучья нить, цепочка легла ей в ладонь. Одинокий рубин мигнул раз-два, быстро-быстро.

- Это сердце мужчины. Не знаю какого.

- Ты крадешь сердца?

Ответом стала призрачная улыбка:

- Я ничего не краду. Я собираю то, что мне предлагают те, для кого оно больше не имеет ценности. Ты, возможно, найдешь ему лучшее применение. Я... я не смогу запомнить тебя... может, только через пустоту на месте сердца, которым когда-то владела? Тебе это понятно? Давление стольких сердец?

Неужели кто-то способен выносить подобное?

Ленор сомкнула пальцы на сердце. Она смежила веки, а когда открыла глаза, то в комнате оказалась одна.

Неделя пролетела за множеством забот, были долгое возвращение в собственный дом, последние сборы, записка от лорда Роберта с выражением глубокой благодарности и, наконец, отбытие из города. Ленор спала столько, сколько позволяли покачивание и тряска, иными словами, отдыха ей перепало много больше, чем в наемной повозке. В дорогу она надела безукоризненно респектабельное платье, к тому же на размер больше - как для удобства, так и

потому, что оно меньше любого другого туалета в ее гардеробе способно было вызвать ссору с отцом.

Проснувшись, когда кучер остановился напоить лошадей, Ленор воспользовалась случаем размять ноги. Она столько времени проводила в четырех стенах, что все вне их, даже конюшни, поилки для лошадей, дорожная грязь и конский навоз, вызывало у нее любопытство. Лакеи лорда Роберта держались с безупречной учтивостью, но она знала, кем они ее считают: женщиной со свободными нравами и могущественными друзьями.

После одной такой остановки она достала пачку писем. Отцовские были короткими. Примечательными более тем, о чем не говорили, нежели, о чем он писал. Но письма более старые были от ее младшей сестры, отосланные без ведома и дозволения отца...

Страницы были исписаны вкривь и вкось и полны веселой болтовни, поскольку Элизабет, избалованная любимая дочка, свои дни проводила за тем, что сперва влюблялась, а потом бросала поклонника. Нынешнее ее увлечение началось, как и все прочие, с игривого флирта, но понемногу в болтовне Элизабет исчезли преувеличения и вычурные эпитеты, сменившись безыскусными и едкими, потом даже горькими фразами. А меж все более отчаянных строк Ленора прочла и печальный конец всего приключения. Любовник ею пресытился. Пустяковому роману пришел конец. Бедняжка Элизабет, так попалась...

«Никто не умирает от разбитого сердца». Но отчаяние способно подорвать и без того ослабленное здоровье. В семье ни у кого нет туберкулеза (Ленор сама обладала отменным здоровьем), но прочие хвори могут быть не менее смертельны.

«Она зовет тебя», - написал сэр Элвард Хасленд, и по раздраженно неровным строкам Ленор поняла, какого труда ему стоило вывести следующие слова: «Приезжай домой».

Аккуратно сложив письма, она стала бездумно смотреть на серо-бурые поля, стараясь не вспоминать, как он ее выгнал.

Солнце зашло, наступили сумерки, а карета все катила вперед, так как дороги были достаточно торные, чтобы ехать при свете фонарей. К тому времени, когда они достигли Хасленд-холла, лошади устали и проголодались - как и сама Ленор.

Карета загромыкала по гравиевой дорожке. Последовала обычная суэта с переносом багажа, распоряжениями относительно людей, лошадей и упряжи. Управляющий настолько оттаял, что поздравил Ленор с возвращением домой.

- Ваша старая комната готова, мисс. Хозяин велел справиться, не выпьете ли вы

с ним шерри перед обедом.

- Спасибо, Баррум. Прошу, передай отцу мое почтение и скажи, что я буду в его распоряжении, как только повидаюсь с сестрой.

По крутым лестницам Ленор поднялась в жилые комнаты. Огромный помещичий дом построили в более привольные времена, когда семье еще была по средствам прислуга, необходимая, чтобы поддерживать в порядке более просторные залы. Следы благородной бедности читались теперь в потертостях ковра, в пустых кольцах для ламп и пятнах патины на медных засовах.

Дверь приоткрылась несколько мгновений спустя после того, как она постучала. В щелку выглянула старушка в белом чепце и сером саржевом платье. Свет от тонкой свечки у нее в руке мягко ложился на морщинистое лицо. Но ее глаза вдруг просияли.

- Мисс Ленор! Мы не ждали вас так рано!

По крайней мере, хотя бы кто-то в доме искренне рад ее видеть. Минуту спустя они стояли в коридоре и обнимали друг друга, словно ничто больше не имело значения.

- Моя милая миссис Толбот. - Ленор отстранилась из страха, что вот-вот расплачется. - Моя сестра?..

- Спит, наконец. Бедная овечка. Аптекарь был у нее сегодня и говорит, что она очень плоха, совсем плоха. Он отсоветовал снова пускать ей кровь... Но не мое это дело... Всею виной неумный старушечий язык.

- Вам решительно не в чем себя упрекать, - возразила Ленор. - Я бы лучше тысячу раз услышала суровую правду от вас, чем утешительную ложь от кого-то другого.

- Ах, мисс! Вы-то всегда смотрели в глаза трудностям.

- Верно. Родись я мальчиком, сделала бы отличную карьеру в армии. А теперь я бы хотела своими глазами посмотреть на сестру.

- Не будите ее, - попросила миссис Толбот, передавая ей свечу. - Ее последние три дня лихорадило.

- Обещаю.

Поцеловав старушку в щеку, Ленор толкнула дверь.

Ребенком Элизабет обожала все романтическое. Годы не умили ее тяги. Каждая деталь обстановки, от полога кровати и туалетного столика с ясным зеркальцем и множеством стеклянных флаконов для духов до маленького письменного столика, говорила о времени, давно ушедшем, и о мире, который никогда не существовал. Ленор почудилось, что она случайно забрела на страницы какого-нибудь романа сестры. В любой момент широким шагом может войти

рыцарь в доспехах, красивый и куртуазный, или вынырнуть из-за занавесей растрепанный поэт с розой руке.

Девушка, полулежавшая на отороченных кружевами подушках, была совершенно из иной повести. С первого взгляда Ленор и не узнала бы сестру, такой худой и изнуренной казалась спящая.

«Никто не умирает от разбитого сердца».

Подняв повыше свечу, Ленор внимательно рассматривала спящую. Запекшиеся губы и ввалившиеся глаза могли быть следствием беспокойного сна и отсутствия аппетита. А вот эта бледность...

Элизабет проснулась было, всхлипывая, но вновь погрузилась в беспокойный сон. Ночная сорочка была зашнурована так высоко, что Ленор не могла осмотреть шею сестры, не потревожив ее. Она обошла комнату, проверяя засовы на окнах. Они так заедали от старости, что, пожалуй, и не открыть.

Не оставалось ничего другого, кроме как переодеться к обеду.

Один из слуг уже распаковал сундук Ленор. Она выбрала платье из темно-зеленой шерсти с небольшим вырезом: платье было сшито в Париже по ее собственной выкройке, так что ей не требовалась помощь, чтобы его надеть.

Отца она застала в гостиной, и выглядел он так, словно не уходил оттуда с их последнего разговора. Он стоял перед камином, ожесточенно тыча кочергой в поленья. Танцующие языки пламени омывали его лицо лихорадочным светом. На звук ее шагов он круто обернулся, не выпуская из рук кочергу. Часы на каминной полке безжалостно тикали. Присев в поклоне, она ждала, чтобы он заговорил первым.

- Так ты наконец вернулась домой, - произнес он.

Ленор такие слова удивили: ведь миссис Толбот сказала, что ее не ждали так рано. «Наконец... спустя все эти годы?»

- Добрый вечер, сэра.

- Ну что ж. - Он протянул руку, и она ее взяла. Она даже не помнила, когда в последний раз они касались друг друга.

Поначалу ей показалось, что он не переменился, но это был обман зрения. Присмотревшись внимательнее, она поняла, что он выглядит не столько разгневанным, сколько изнуренным заботами, словно силой воли тщился подавить горести мира и потерпел неудачу.

Учтивым жестом он предложил ей первой пройти в столовую. Выходит, он ее ждал. Любезность удивила ее еще больше, чем предложенная рука. Когда они сели и подали суп, по счастью, еще горячий, он спросил, как она добралась.

- Неплохо, - ответила она. - Дороги сухие, а я бывалая путешественница, поездки

меня не беспокоят.

- Ребенком тебя мало что могло напугать. - Он поднял на нее глаза, не донеся до рта ложку. - Так ты видела сестру?

- В чем ее недуг, отец? В письме ты не привел подробностей, но я не ожидала, что застану ее в столь опасном положении.

- Мой личный врач разводит руками. Да, он лопотал что-то про соки тела и флегмы. Сущая чушь! Аптекарь, у которого здравого смысла хватит на десять докторов, дважды отворял ей кровь, а когда это не помогло, дал ей лауданум. По крайней мере, моя бедная девочка спит. Но что с ней будет, когда действие лауданума иссякнет... - Он прервался на время, пока слуга убирал тарелки и вносил следующую перемену блюд.

Ленор ковыряла камбалу, сгребая в сторону гарнир из петрушки.

- А если ее недуг сверхъестественной природы?

- Что ты знаешь о подобных вещах?

По меньшей мере он не разбушевался, обзывая ее суеверной клушей.

- Я живу в городе. Она писала мне о своем... - В письме стояло «любовник», но Ленор не хотела употреблять это слово при отце: - Воздыхателе. Что ты о нем знаешь?

Он оттолкнул тарелку.

- Его зовут Анри д'Омбросса. Называет себя на французский манер comte, графом. Она познакомилась с ним на празднике у леди Эллсуорт: сплошь мишура и танцы. Тебе ведь известно пристрастие сестры к подобным пустякам. В то время мне они казались безобидным развлечением.

- Танцы полезны для здоровья, - согласилась Ленор. - Д'Омбросса... необычная фамилия. - Интонацией она дала понять, что, на ее взгляд, фамилия ненастоящая.

Задумавшись, отец перестал жевать. Очевидно, comte Анри не считался подходящим зятем, а потому до сего момента его происхождение не имело никакого значения. Ленор сказала:

- Насколько я понимаю, он от нее отказался, значит, это неважно.

Разговор шел на различные темы, но никогда не касался рода занятий Ленор. Даже если ее приезд не принесет большой пользы, малейший шаг к примирению стоил дорожной усталости, а потому она подождала, пока принесут и унесут сыры.

- Вы дали понять, что comte Анри принадлежит к кружку леди Эллсуорт. Мне бы хотелось быть ей представленной. - И в ответ на острый взгляд отца добавила: - Ради сестры. Возможно, ничего поделать нельзя, но я должна сама в этом убедиться.

- Такого иноземного прощельяги с безвкусным титулом свет не видывал, но,

полагаю, ты не успокоишься, пока не увидишь собственными глазами. Так уж вышло, что леди только что прислала очередное из своих приглашений. На завтрашний вечер, хотя, скорее всего, у тебя не хватит времени подобрать блески да оборки, или что там делают дамы, готовясь к подобным выходам.

- Завтра решу.

- Что, по мнению леди Эллсуорт, предъявить на таком собрании человеку моих лет? - продолжал ворчать отец. - Выделывать коленца как юный хлыщ?

- Возможно, она видит в тебе выгодную партию. Кажется, она все еще вдова.

Он вздохнул, едва слышно.

- Никто и никогда не заменит твою мать.

Свечи заливали бальную залу в Эллсуорт-мэнор кремово-золотым сиянием, играя бликами на шелковых платьях, кольцах с драгоценными камнями, угадываемых под кружевными манжетами, головных уборах с павлиньими перьями и брошах, низко сидящих на фарфоровых декольте. Музыка, нежная и плавная, подала знак к началу танцев. Ленор смотрела, как приглашенные занимают свои места: дамы по одну сторону, джентльмены по другую, словно шеренги солдат на поле битвы. Разделяли их лишь приглашающий жест и кивок.

А я кто? Шпион... или тайный охотник?

Она подавила в себе желание коснуться ворота платья муарового шелка, падавшего шоколадными складками и переливавшегося золотом от малейшего движения. Тончайшая цепочка в вырезе была практически незаметна, рубин уютно примостился между ее груди под вышивкой медной нитью. Она подняла подбородок, слегка изменив позу, чтобы выгоднее показать фигуру, и обвела взглядом залу. По какой-то оплошности леди Эллсуорт открыла бал рука об руку с юношей, таким красивым, что он, верно, был фейри в человеческом обличье. Среди приглашенных дамы намного превосходили числом кавалеров, и далеко не одна осталась без партнера.

- Моя дорогая мисс Элизабет...

Голос был вкрадчивым, воплощением мужественности, и прозвучал так близко, что Ленор шеей ощутила шорох дыханья. За долю секунды, потребовавшемуся, чтобы повернуться лицом к незнакомцу, она успела оправиться от удивления.

Он был невысок, всего на пядь выше нее. Но его осанка и манера держать себя (а лунно-белый бархат подчеркивал его плечи и узкую талию) прибавляли ему несколько дюймов. Волосы он носил чуть длиннее, чем требовала мода, и от высокого с небольшой залысиной лба они ниспадали черным потоком. Но самое главное - глаза, такие темные, что казались сплошным зрачком.

Во рту у нее пересохло. Он был слишком красив, слишком бледен и опасен, чтобы оказаться простым смертным. Она не решалась дышать из страха, а вдруг вдохнет запах могилы.

Пока ей ничего не угрожает, ведь он не посмеет открыто напасть на нее, когда вокруг столько людей.

- Прошу прощения! - воскликнул он. - Вы, верно, сочли меня до крайности дерзким, ведь мы не были по всем правилам представлены. Я принял вас за другую.

Ленор подбирала слова, как фехтовальщик выхватывает шпагу. «На позиции»:

- Возможно, вы знакомы с моей сестрой.

«С моей сестрой, которая так больна, что едва узнала меня сегодня утром».

- Вы на удивление похожи: та же нежность в облике.

«Обманный маневр»:

- У вас передо мной преимущество, сэр.

- Анри д'Омбросса, *comte*, к вашим услугам.

В его поклоне немало насмешки? Он явно уже наметил ее следующей жертвой.

И отозвалась с отмеренной любезностью:

- Так вы француз? Вы говорите почти без акцента.

«Укол». Мерцание света (возможно, случайное отражение свечи) колыхнуло темноту глаз.

- Имя, но не я. Моя семья старая, и я далеко от родных краев. «Вызов»:

- Далеко от дома? Выходит, Англию вы находите холодной? Улыбка подчеркнула красоту бледных черт.

- Вы так добры... Но нет, мне никогда не холодно.

«И не мудрено». Его тон подразумевал, что такое неудобство бледнеет до пустяка в присутствии леди, подобной ей. Ленор хотелось закатить ему пощечину. Вместо этого она раскрыла веер, будто тоже находила комнату неприятно теплой.

«Удвоить натиск»:

- Это воистину счастливое обстоятельство, поскольку наша страна изобилует просторными и полными сквозняков домами. Можно смело сказать, что любое поместье, имеющее право называться таковым, подвержено подобному недугу.

- Если в ответе на это замечание дама надеялась услышать, поселился ли я по соседству, - сухо ответил он, - и на каких условиях, то с прискорбием должен сказать, что ее любопытство не будет удовлетворено. - Он предложил ей руку. - До меня донеслись первые такты «Каприза милорда Байрона». Могу я иметь честь?

Она позволила увести себя в центр зала. Теперь заманить его чуточкой флирта, возможно прогулкой по террасе вдвоем, в уединенном уголке...

Группка матрон, окруживших чашу для пунша, сгорала от любопытства, изумляясь выбору графа. Ленор прекрасно знала, что они говорят о ней. Углом глаза она поймала заговорщическое подмигивание д'Омброссы.

Ленор не часто теряла самообладание, но дерзость этого жеста на мгновение выбила ее из колеи. В результате она сбилась с шага в первой же фигуре, которую знала наизусть.

- Что-то не так? - осведомился ее партнер. - Я ошибся не только в вашем имени, но и в том, что вы желали танцевать?

«Разойтись».

Фигуры танца развели их в разные стороны, временно прервав дальнейшую беседу, а когда они сошлись снова, уже не было смысла отвечать.

Последние такты танца, вместе с требуемыми поклонами, дали ей возможность овладеть собой. Д'Омбросса прогуливался с нею - истинный кавалер. Его пальцы обвили ее ладонь: кожа у него была холодна, как шелк. Позволив себе полуулыбку, она пробормотала что-то о жаре в зале и собственной усталости, что возымело желаемый эффект: заботливо был предложен пунш. Она позволила отвести себя к дивану в самом тихом уголке салона. В его отсутствие она достала пузырек со святой водой и до половины вынула пробку, а после расположила складки платья так, чтобы его прикрыть. Руки у нее дрожали.

Возможно, он не человек (теперь она была почти уверена, что ее первоначальные подозрения верны), но он мужчина, а она не без опыта. Она находила его привлекательным, но давно уже перестала поддаваться пустым влечениям. Элизабет сочла бы его неотразимым.

Вернулся он в приятно короткое время с бокалом пунша и тарелкой ореховых пирожных.

Ленор поставила бокал, едва пригубив напиток. Ее пальцы сжались на пузырьке. Стеклянные стенки казались теплыми.

- Возможно, вы еще недостаточно знакомы с местными обычаями, - сказала она, - не то поняли бы, как неуместно ухаживать за женщиной, чья сестра опасно больна из-за вашей жестокости.

- Моей? - Хотя он не улыбнулся, но по тону был скорее позабавлен, чем обеспокоен. Однако, как она заметила, он не отрицал, что действительно ухаживает за ней. - Мне жаль, что ей нездоровится, но это не моя вина.

- Нет? Невозможно поверить, что вы не в ответе, как с ней обошлись. В вашей природе быть столь бессердечным?

Выражение д'Омброссы стало жестче, на бледном лице явственно выступили желваки.

- Если я бессердечен, у меня на то веская причина, - ответил он голосом столь пустым и горьким, что не будь Ленор так возмущена, она пожалела бы его.

Раны худшие, чем у него, излечивались, и сердца, раненные сильнее, возвращали себе способность любить. В постелях патронов, в их сдавленных рыданиях, в потоках их признаний она стала свидетельницей подобных преобразений. Она знала пульс и ритм этого танца. Она сама умела его исполнять, и очень хорошо. Разве она не выжала слезы из лишенного души суккуба? А если сумеет вытянуть яд отчаяния д'Омброссы, то разве нельзя даже такого, как он, привести от жестокости к сочувствию?

Искушение охватило ее и потрясло превыше физического вожделения. Одно его доброе слово, обращенное к Элизабет, поставило бы ее на путь выздоровления.

О чем она думает? Это не человек, а чудовище, столь же злобное, как и суккуб. Даже более, потому что он не понимает, как страдают его жертвы. Его черствость довела Элизабет почти до смерти.

«Это должно закончиться сейчас же!»

Вырвав пробку, Ленор плеснула содержимое пузырька ему в лицо.

Д'Омбросса молчал, вода стекала по его дорогим шелковой сорочке и парчовому жилету. Рот у него открылся, глаза быстро моргали. Грудь вздымалась и опускалась. Лунно-белый бархат камзола, напивавшись жидкостью, потемнел.

Задыхаясь, д'Омбросса вскочил на ноги. Он выглядел так, словно вот-вот ее ударит.

Ни толики дыма не поднялось от его залитых святой водой лица и шеи.

Ленор уставилась на него во все глаза, не понимая, почему он не вспыхнул, как спичка. Он должен обратиться в пепел!

Прибежал с салфетками и полотенцами лакей. Судя по восклицаниям в салоне, леди Эллсуорт уже сообщили о скандальной выходке ее гостя. Д'Омбросса схватил полотенце.

Он не был вампиром. Но кто же тогда?

Господи милосердный, что я наделала?

Не успел он отойти, Ленор поспешно поднялась на ноги. Стекланный пузырек со звоном упал. Она положила руку на локоть графа, и д'Омбросса вздрогнул, но ее прикосновение возымело желаемый эффект: он круто обернулся к ней.

- Простите меня! Я не хотела... я не знала.... - Она выпрямилась с тем достоинством, какое могла в себе найти. - Я совершила ужасную ошибку и обошлась с вами чудовищно. Приношу вам мои глубочайшие извинения.

Он вытер полотенцем лицо и глаза - те покраснели, будто от давно забытых слез. Как она могла быть такой глупой, такой бесчувственной? Кажется, у него

действительно есть причина вести себя бессердечно. Его собственное сердце украдено.

Ее рука вспорхнула к воротнику платья, за которым скрывалось рубиновое сердце. Когда-то драгоценный камень был сердцем мужчины. Возможно, его сердцем... Нет, это маловероятно. Суккубу ведь сотни лет.

Что если предложить сердце ему? Сольется ли оно с его плотью, с его душой? Вернутся ли к нему тогда человеческие чувства?

- Мадам, я вас покину. - Он поклонился ей: спина прямая, носки туфель наружу.

- Сэр, не угодно ли пройти сюда. - Лакей с полотенцами указал на дверь в задней части салона, скорее всего, в помещение, где он мог бы обсушиться и переодеться. Пока Ленор стояла, застыв в оглушенной неподвижности, мужчины удалились.

Атмосфера накалилась, голоса смолкли. В бальной зале танцы закончились, и танцоры расходились парами. Музыканты на время отложили инструменты.

Нельзя, чтобы он ускользнул! Если она хотя бы сколько-то разбирается в мужчинах, через несколько минут он забудет причину случившегося и свое варварское обращение с милой юной девушкой. Он будет помнить только, как дурно с ним обошлась женщина скверной репутации. Если она хочет извлечь пользу из столкновения, действовать надо немедленно.

Она бросилась за ним.

После со вкусом подобранных, сочных, приглушенных красок салона коридор для слуг сомкнулся вокруг нее, как туннель в шахте, темный и затхлый. Сердце у нее упало, словно он сдавливал ей ребра. Света не было, только мерцание свечи в чьей-то руке, исчезнувшее за дверью в дальнем конце.

Дверь захлопнулась, но не раньше, чем Ленор запомнила, где она расположена. Нашарив засов, она дернула дверь на себя. Перед ней открылись лестница и второй коридор покороче, тускло освещенный отблеском света в дальнем конце. Она направилась туда.

Несколько минут спустя Ленор ворвалась к паре горничных, привольно расположившихся отдохнуть за поздним ужином. Одинокая свеча, сальная, а не восковая, стояла рядом со второй, незажженной. При виде ее горничная помоложе вскочила так быстро, что ножки стула царапнули голый пол.

- О, мадам! - Даже в тусклом свете щербатое лицо девушки потемнело от удивления.

- Прошу прощения, - пробормотала Ленор. - Вы не видели, здесь не проходил довольно мокрый и крайне раздосадованный джентльмен?

- О, мадам!

Ленор бросилась дорогой, по которой пришла, в спину ей неся сдавленный

смех. Конечно! Д'Омброссу не поведут в помещения для слуг, ему предложат комнату для гостей, где он мог бы привести в порядок свой туалет и вернуть утраченное самообладание.

Лестницы в Эллсорт-мэнор были уже и круче тех, к каким она привыкла. Несколько раз она наступала на собственный подол, а потом подобрала юбки. Какая она идиотка, что сперва мешкала, а потом заблудилась!

Протиснувшись в еще одну дверь, она оказалась в новом коридоре. Но этот был освещен свечами, по полу бежал ковер с богатым узором, от стенных панелей исходил запах воска - очевидно, это были хозяйские помещения. Все двери, выходившие в коридор, были закрыты.

Ленор пробормотала себе под нос несколько слов, крайне неуместных в устах дамы. Если придется проверить каждую из них - пусть так. Она одернула платье, пытаясь вернуть ему подобие порядка, подошла к ближайшей двери и прижалась к ней ухом.

Ничего.

Что если он там, но один? Она сумеет расслышать его дыхание, мягкий шорох одежды, возможно, плеск воды? При ее-то невезении он может сидеть совершенно неподвижно, в тишине планируя месть.

Ее пальцы сомкнулись на ручке. Что она теряет? Она уже разрушила ту ничтожную репутацию, какая у нее еще оставалась.

Дверь чуть приоткрылась, смазанные петли двигались беззвучно. Она мгновение смотрела в темную комнату, потом двинулась дальше по коридору.

Ленор вздрогнула, когда третья дверь с противоположной стороны открылась, и оттуда вышел лакей, но уже без полотенец. Не подав виду, что заметил ее, он повернулся и зашагал в противоположном направлении. Когда он исчез за углом, она снова смогла вздохнуть.

На сей раз она не потрудилась постучать. Она видела достаточно раздетых мужчин, чтобы отбросить ложную скромность.

Помещение заполнял свет нескольких канделябров, обставлена она была мебелью по моде десятилетней давности, а потому комнатой, вероятно, мало пользовались. Д'Омбросса стоял перед вешалкой, на ней - его камзол и жилет, у ног - скомканная мокрая сорочка. Его обнаженное тело напоминало мрамор. В руках он держал сухую сорочку, хмурясь на нее так, словно не был уверен, что сумеет справиться с нею сам.

Когда он увидел Ленор, складка на лбу стала глубже.

- Опять вы! Да кто вы такая? Гарпия, решившая меня терзать?

- Вы сказали, у вас есть веская причина быть бессердечным. Кто-то украл ваше

сердце.

- Если и так, какое вам дело?

Он изменил позу, незаметно подчеркивая ширину плеч, мускулистые контуры торса. Перед ней был мужчина, уверенный в своей сексуальной привлекательности, мужской силе.

Серебряная цепочка покалывала Ленор пальцы и легко поднялась над ее головой. В сиянии свечей рубиновое сердце пульсировало. Угол его рта скривился, марая красоту черт.

- Это что? Дар любви?

- Это сердце. - Она сделала шаг к нему так, как подходила бы к напуганной лошади. - Оно может стать вашим. Я предлагаю его вам в дар. Возьмите его и вновь станьте цельным. Любите, как любили когда-то.

Он замахнулся на нее сорочкой, хлестнул, как кнутом. Рукав зацепил рубин и вырвал цепочку из рук Ленор.

- Сентиментальная дура! Зачем бы мне... или любому разумному мужчине... вообще желать чувствовать? Мне что, самому напрашиваться на муки и унижения? Не хочу видеть ни его, ни вас! Убирайтесь! - Когда же Ленор помешкала, он добавил: - И забирайте с собой эту побрякушку!

Рубин помаргивал, уютно примостившись в гнезде из складок. Подобрал его, она бежала, оглушенная поражением.

Я потерпела неудачу, думала она, раскачиваясь в такт повозке на пути домой. Как рассказать о случившемся Элизабет? Невыразимо жестоко будет передать ей ответ д'Омброссы. Но ведь и промолчать или солгать она не может. Элизабет ждет рассказа. Она будет цепляться за каждое слово, как за кроху надежды.

Да гори он в аду!

Ленор коснулась драгоценного камня, который снова висел у нее на шее. Внезапно и непрошено ей пришло на ум, что д'Омброссе не нужен ад, ведь собственный он носит с собой, куда бы ни пошел. Мысль показалась ей печально отрадной.

Повозка почти достигла скромных ворот Хасленд-холла. В окне Элизабет горел свет.

Ничего не поделаешь. Она должна подняться к сестре. По крайней мере, у нее есть сестра, а у Элизабет есть она, и это немалая причина для благодарности. У нее даже, возможно, будет толика отцовской любви.

Бедный д'Омбросса.

Завернувшись в толстую вязаную шаль, Элизабет читала в кресле у камина.

Поэзия, предположила Ленор, когда сестра закрыла книгу. С улыбкой Элизабет подняла взгляд. Ее кожа, когда Ленор поцеловала ее в щеку, показалась прохладной.

- Как видишь, мне гораздо лучше, - сказала Элизабет. - Мне ужасно стыдно, что я причинила вам столько неприятностей. Ты вернулась домой! Отец мне рассказал... он снова произносит твое имя!

Устроившись на табурете, Ленор упивалась неожиданным потоком болтовни.

Элизабет опустила глаза.

- Я ведь всегда болтала, верно?

- Да, милая.

- Тогда говори ты. Как твое путешествие? Как ты провела вечер?

- Неплохо. - Сестры обходили занимавший обеих вопрос, как фехтовальщики, нежелающие вступать в поединок. Нервы Ленор все еще были напряжены после перепалки в бальной зале и случившегося в салоне. - Я вернулась с бала в Эллсуорт-мэнор.

Элизабет сложила руки на коленях. Ленор увидела, что это не книга стихов, а жития святых.

Бедная Элизабет.

Молчание повисло, затянулось.

- Он не хочет меня видеть, - сказала жалобно Элизабет. - Ты не смогла заставить его передумать...

- Я не смогла заставить его чувствовать.

- У него нет сердца! И даже если... даже если бы он ко мне вернулся, как я могла бы верить, что он больше меня не оставит?

Подыскивая нужные слова, Ленор сняла с шеи рубиновое сердце.

- Ты... - начала она, но Элизабет прервала ее с нехарактерным для нее жаром:

- Не попрекай меня этим ничтожеством! Я не хочу знать! Это неважно! Мое собственное поведение было не лучше! Подумать только: я убивалась по любовнику, который существовал только в моем горячем воображении! Я вздыхала, и хныкала, и умирала от любви, как дама в балладе. Но люди ведь не умирают от разбитого сердца, верно?

- Я никогда такого не видела, - согласилась Ленор.

Элизабет покачнулась, приложив дрожащую руку к щеке. Книга соскользнула на пол.

- Ну, тебе надо отдохнуть.

Элизабет позволила увести себя в кровать. Ленор взбила подушки и расправила покрывало, как делала это няня, когда они были детьми. Элизабет схватила ее за

руку.

- Посиди со мной еще немного. Совсем чуть-чуть.

Сбросив туфли, Ленор забралась в кровать, и Элизабет пристроилась рядом. В камине с шорохом развалились в пепел угли. В комнате сделалось тихо, слышалось только дыхание сестер.

- Хочешь знать, почему я передумала? Почему я решила жить? - шепнула Элизабет, словно они снова стали детьми и делились секретами.

- Поскольку твой... д'Омбросса к этому не причастен, признаюсь, меня снедает любопытство. Сомневаюсь, что на такое решение тебя вдохновили жития святых.

- Нет-нет! - Элизабет захихикала. - Это чтобы заснуть. Причина в тебе.

- Во мне? Ты спала, когда я приехала, а проснувшись, была слишком больна, чтобы разговаривать.

- Когда ты нас покинула, отец полгода бушевал. И с каждой новой вестью из столицы его гнев только рос. Я уж думала, что он вообще не пустит тебя на порог.

- И я тоже.

- Или что ты не приедешь, даже если он попросит.

До сего момента и не приехала бы. Оставила бы старого тирана мариноваться в собственном яде.

- Но он попросил, - продолжала Элизабет; голос у нее стал мягким и нежным, как у ребенка. - И ты приехала.

Она подняла глаза на Ленор. Огонь догорел, остались тлеть лишь несколько угольков.

- Разве ты не понимаешь? Он попросил, он проглотил свой гнев и свою гордость... А ты приехала, ты забыла все те страшные вещи, которые он тебе наговорил, и вернулась... из любви ко мне.

О!

- Знаю, это не то же самое, что любовь мужчины к женщине, - продолжала Элизабет тем же тихим, уверенным голосом. - Зато она никогда не исчезает. Когда-нибудь я смогу полюбить кого-то еще, и мне будет все равно, любит ли он меня в ответ. А до тех пор... - ее тело обмякло, голова упала на подушку, - этого достаточно.

Умиравший огонь сделался вдруг слишком ярким. Ленор закрыла глаза. Тепло тела сестры проникало в ее собственное. Вокруг нее знакомый старый дом погружался в сон. Она почти слышала дыхание остальных спящих: Баррума, миссис Толбот, а еще дальше - лошадей в конюшне, сов на крыше, барсуков в норах. Отца, который вернул ей все это.

Покинет ли она когда-нибудь снова это место, захочет ли...

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

Deborah J.Ross. A Borrowed Heart. 2011. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Fantasy & Science Fiction» в 2011 году.

ЕЛЕНА ВОРОН

ПОВЕЛИТЕЛЬ ОГНЕННЫХ ПСОВ

Е П Е Н А В О Р О Н
ПОВЕЛИТЕЛЬ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

ОГНЕННЫХ ПСОВ

Иллюстрация Сергея ШЕХОВА

Что успеешь, если завтра предстоит умереть? Если глянул в Запретное зеркало и увидел в нем свой приговор?

К кому кинуться? К брату - старшему магу семьи, - который ничем не поможет? К другу, которого оскорбил? К возлюбленной, от которой отказался?

А вдруг... Вдруг все же память подвела? И отразившееся в магическом стекле лицо - не совсем то, что можно увидеть за оградой семейного кладбища, где ожидает пока еще бесхозное надгробие?

Виконт Рафаэль Альтенорао, младший маг семьи, брел через парк. Ноги не желали идти, заплетались; плечо оттягивал мешок с Запретным зеркалом.

Небо хмурилось, грозило холодным дождем; под ногами шуршали сухие листья, издавала нанесенные ветром. Осень. Всюду осень, кроме как в парке графа Альтенорао. Здесь круглый год деревья покрыты белыми цветами. Один из предков Рафаэля имел талант садовника, и с тех пор графский парк не устает цвести.

Впереди был ручей с горбатым мостиком, на котором горели два фонаря - ажурнойковки, золоченые, с резьбой по хрусталу. В ручье крутилось колесо, как от игрушечной мельницы, и его соединял с первым фонарем длинный черный хвост. Ко второму фонарю хвоста не тянулось, и хрустальный шар светил сам по себе.

Рафаэль пересек мостик, привычно задержал дыхание и миновал обгорелый скелет, цепями прикрученный к дереву. Ржавые цепи давным-давно вросли в ствол, но от обугленных костей несло удушливой вонью, как будто человека сожгли только вчера. Древнее напоминание. О чем? Этого не знал даже покойный отец.

Вдалеке, едва различимый за деревьями, лежал остов «летательного аппарата тяжелее воздуха». Рядом с ним вечно бился огромный шелковый лоскут, привязанный к «аппарату» веревками-стропами. Напоминание жило собственной жизнью, не зависящей от ветра; то надувалось тугим пузырем, то бессильно опадало на землю. О чем напоминал лоскут далекому предку? Отец считал: о несбывшейся мечте; старший брат говорил: об ошибке изобретателя.

Вбок уходила чуть заметная колея, присыпанная палой листвой. Рафаэль посвистел. В глубине парка мелькнули два желтых огня, и из-за деревьев выкатился маленький экипаж - аутомобиле. Он остановился рядом, мигнул огнями, будто в приветствии. Рафаэль с грустью погладил лакированную крышу:

- Здравствуй, малыш. Давненько мы не видались...

Старый верный друг. Рафаэль снова погладил его и шепнул:

- Иди домой.

Экипаж задним ходом укатил обратно.

Проводив его взглядом, Рафаэль оглянулся. Белая лисица, следовавшая за ним

по пятам, стояла, задержав в воздухе переднюю лапу. На ней были ошейник и чепчик, сплетенные из золотых нитей. Посмотришь на зверя подольше - и вместо лисы увидятся золотые волосы Иллианы и белая кожа у нее на груди, когда она, задыхаясь в изнеможении, - загнанная дичь! - натолкнулась в лесу на огромный валун, распласталась по камню, а потом в отчаянии рванула на себе платье и вслепую кинулась назад, навстречу преследователю, с криком: «Убей! Кто бы ты ни был: убей, прошу!».

Передернувшись, Рафаэль отогнал видение. Лисица опустила лапу, готовая бежать за ним дальше. Напоминание об убийстве, которое виконт едва не совершил.

Он снова побрел по аллее. Листья под сапогами шуршали и поскрипывали, с серого неба упало несколько капель.

Младший маг семьи. Смешно сказать! Какой он, к Черным Искрам, маг? Не просто недоучка - неуч. Он невозбранно прочел все книги в простой библиотеке, однако отец был в бешенстве, когда впервые застал Рафаэля в «магической». Да еще с Элианом - сыном ближайшего соседа, маркиза Контедо-Лэя. Род маркиза не владел магией, но именно Элиан - хитрец, пролаза и безрассудный смельчак - добыл заклятье, открывшее дверь библиотеки, где хранились тайные книги. Отец спустил Эла с лестницы, а Рафаэля сурово наказал.

И наказывал всякий раз, когда ловил над запретными книгами. Однако поделаться с упрямым ничего не мог: добытое Элианом заклятье исправно открывало перед Рафаэлем дверь, и магия самого графа Альтенорао была перед ним бессильна.

Впрочем, граф очень любил непокорного сына. Всегда стремился чем-нибудь порадовать, смотрел сквозь пальцы на озорство и мальчишеские проказы... Только не позволял иметь дело с магией. И наотрез отказал маркизу Контедо-Лэю, когда тот предложил выдать свою дочь Иллиану за Рафаэля.

Шорох листьев под ногами успокаивал. Холодный осенний воздух был напоен ароматом вечно цветущих деревьев; белые соцветия изредка отрывались от веток и падали наземь, как огромные хлопья странного снега.

Внутренне вздрогнув, Рафаэль стал как вкопанный. Впереди, в стороне от аллеи, бронзовой оградкой был обнесен пяточок голой земли, над которой всегда дрожал воздух. Из этой дрожащей пустоты показалась тигриная лапа. За ней появилась голова, затем вторая лапа, половина туловища. Тигр принюхался, поглядел на замершего Рафаэля. Вышел целиком. Не спеша переступил через оградку и двинулся куда-то в глубь парка. Упитанный, тяжелый, явно немолодой зверь.

Гость из зверинца эмира - или шаха, или как там зовется правитель мира, в который кто-то из предков открыл ворота. Предок давно сгнил в могиле, а ворота

живут. Отсюда в тот мир может попасть любой, но чужакам сюда хода нет.

Однако же тигр явился - да так уверенно, словно не в первый раз. Получается, зверью ходить можно, только людям нельзя? Что нужно полосатому пришельцу? Рафаэль направился следом.

* * *

Стражу возле оградки не поставишь, и сторожевое заклятье граф Альтенорао не наложил - не захотел оскорблять сына запрещающей магией.

Конечно же, подросшие Рафаэль с Элианом однажды полезли в чужой мир. Прячась в кустах, они в сумерках поглядели на дворец правителя и его стражу. Дворец был ажурный, воздушный; разноцветные купола как будто парили в густо-синем небе, отчеркнутом полоской малинового заката. Стражники в белых одеждах, с кривыми саблями издали казались ленивыми увальнями.

Однако в другой раз незваных гостей заметили, и поднялся переполох. Рафаэля порвала огромная пятнистая кошка, бывшая в парке за сторожевого пса, он истекал кровью и едва мог идти, а орущая стража настигала. Ясно было, что к воротам не успеть, среди фонтанов и подстриженных кустов не укрыться. Тогда Элиан бросился бежать в другую сторону, отвлекая погоню на себя. Рафаэль кое-как добрался до ворот, выполз в свой мир - и потерял сознание.

Очнулся он у бронзовой оградки, на земле. Рядом был сильно встревоженный отец; его лиловые, как у всех Альтенорао, меняющие цвет глаза стали бурыми.

- Элиан жив? - спросил он первым делом.

- Его схватила стража...

Рафаэль взвился с земли. На теле - ни царапины, лишь изорванная одежда, липкая от крови. Граф Альтенорао обладал магическим талантом целителя, и рядом с ним можно было не бояться ни ран, ни самой смерти.

- Стой! - отец не позволил Рафаэлю метнуться через оградку к воротам. - Сейчас уладим. - Граф печально вздохнул: - Не впервой.

Вдалеке показался Леон. Старший брат торопливо шагал по аллее, держа под мышкой нечто блестящее. Оказалось - часы. Заморские, работы английских мастеров, с чудесным боем и танцующими фигурками. Рафаэль с детства благоговел перед дивной игрушкой, стоявшей в материнском будуаре.

Взяв часы, граф Альтенорао перешагнул через оградку и ступил в пятно дрожащей пустоты. Исчез.

- Леон! - Рафаэля осенило. - Ты ведь тоже туда ходил? И тебя тоже пришлось

выкупать?

Леон был на десять лет старше, ему уже исполнилось двадцать четыре года.

- Ходил, - признался он неохотно. - Один-единственный раз.

- И что отец за тебя отдал?

- Музыкальную шкатулку из Алемании. Ей не было цены, - отрывисто проговорил старший брат. - А если ты спросишь, почему не отдал что-нибудь из магических безделушек, я отвечу: в том мире наша магия бессильна. - От слова к слову у него повышался голос, и последнюю фразу он почти выкрикнул: - Тебе ясно?!

- Магия бессильна, - повторил Рафаэль, удивленный его вспышкой. - Ну и что?

Леон отвернулся. Рафаэль сам сообразил: отец отправился к чужакам безоружный. Случись что - заупрямится жадный эмир или, скажем, Эл ранен, - ничем не поможешь. Подчиняющее волю заклятье не наложить, раны не исцелить.

Граф не возвращался. Рафаэль изнывал от тревоги. Так бы и кинулся на помощь - глядишь, пригодился бы.

Невыносимо медленно тянулось время, вязкое, как смола. Полуденные тени на земле не двигались, облака в небе застыли. Откровенной насмешкой висело неподалеку магическое изобретение: стрелки часов с затейливыми цифрами делений. Часы парили в воздухе - ни вбитого в дерево гвоздя, ни цепочки, ни диска циферблата, ни механизма. Лишь нелепые, с завитушками, цифры да замершие стрелки. Обычно они ползли по кругу, а тут остановились намертво, с высоты ухмылялись в лицо.

Леон стоял, прислонившись к дереву, скрестив руки на груди; нахмуренный, отчужденный. Да ведь это же он заставил время остановиться, чтобы наказать ожиданием! Рафаэль подавился горечью и стыдом. Ничего нет хуже, чем обращенная против тебя магия собственной семьи.

- Отец не желает тебя учить по-настоящему, - процедил Леон. - Надеюсь, теперь ты сам хоть что-нибудь поймешь.

И без того оскорбленный младший виконт от этих слов совсем взъярился. Выместить обиду и гнев было не на чем, кроме глумящихся часов. Метнувшись к ним, Рафаэль подпрыгнул, схватился за хрупкую с виду минутную стрелку, ожидая, что выдернет ее из пустоты. Не тут-то было. Он сам повис в воздухе; руку чуть не вырвало из плеча. Затем стрелка неожиданно подалась и сдвинулась на одно деление. Рафаэль разжал пальцы.

Привычный мир исчез. Его скрыл черный вихрь, в котором перемигивались золотые искры и крутились золотистые завитки, а затем их поглотило лиловое облако. Видеть это было радостно и больно, хотя боль тоже казалась радостной и сладкой.

Через несколько мгновений наваждение прошло, окружающий мир возвратился. Рафаэль уставился в искаженное яростью лицо брата.

- Не будь ты отцовским любимчиком, я бы запер тебя в подвале, - рявкнул Леон. - И ты сидел бы там с крысами, пока не усвоил: ничего магического трогать нельзя!

Рафаэль невольно глянул на часы. Стрелка уползла всего на одну минуту, а не на пять, как он ее сдвинул.

Время снова шло обычным порядком; в небе плыли облака, минутная стрелка ползла к следующему делению.

Из дрожащей пустоты вынырнул Элиан, легко перескочил через ограду. Следом явился граф Альтенорао. Измученный и словно постаревший; лиловые глаза выцвели и стали пепельно-серые.

- Справились, - выдохнул граф. - Вы довольны приключением, господа безобразники?

- Прости, пожалуйста, - еле слышно вымолвил Рафаэль.

Он в жизни не просил прощения за свои выходки. А сейчас попросил. Это оказалось больно и одновременно сладко и радостно. Потому что отец вернулся и было, к кому обращаться. Пять минут назад Рафаэль уже чувствовал эту радость и сладкую боль. И видел лиловое облако - цвета отцовских глаз. А еще видел черный вихрь с золотыми искрами и завитками.

Он посмотрел на Элиана. Тот был слегка растерян и пристыжен, но, встретив взгляд друга, улыбнулся. От его улыбки мир расцвел новыми красками.

Эл был одним из двух самых красивых людей, кого Рафаэль знал. Конечно же, его сестра Иллиана была гораздо красивее, но это потому, что юный виконт был в нее влюблен.

Дети маркиза Контедо-Лэя славились на всю округу. Вьющиеся золотые волосы, удивительные черные глаза, в которых вспыхивают золотые искры, отливающие золотом черные брови, изысканные черты лица, поразительная грация движений...

Понятно, что без магии не обошлось. Маркиза недолюбливала собственное отражение в зеркале и втайне презирала простецкое лицо супруга. Ее дети не должны были походить на отпрысков прачки и конюха! Маркиз щедро заплатил за услуги неразборчивого мага, и на свет родились совершенно необыкновенные близнецы. Мать не могла нарадоваться на прекрасных крошек, маркиз стеснялся откровенных следов магического вмешательства. Элу и Ли прочили блистательную карьеру при королевском дворе. Их даже отправили в столицу учиться и получать воспитание, но оказалось, что великолепные дети чахнут вдали от родного поместья. Пришлось вернуть их домой, к огромной радости самих близнецов и Рафаэля.

Вызволненный из плена Элиан поклонился графу Альтенорао и учтиво проговорил:

- Я непременно постараюсь должным образом отблагодарить ваше сиятельство и восполнить утрату часов, отданных за мою недостойную персону.

Вид у него был серьезный, однако в черных глазах плясали шальные искры. Леону это не понравилось. Он бесцеремонно ухватил Элиана за плечо, поставил лицом к лицу с Рафаэлем и велел:

- Поклянитесь друг другу, что больше туда не полезете. Элиан, ты первый. Говори!

Требование было унижительным. Юный Контедо-Лэй побледнел.

- Отец! - воззвал Рафаэль. - Не надо.

Граф промолчал. Элиан передернул плечами: мол, видали мы что и похуже! - и отчетливо выговорил:

- Раэль, я клянусь тебе, что больше никогда не воспользуюсь магическими воротами твоих предков и не пойду в чужой мир. - Никто, кроме него, не называл Рафаэля Раэлем. Это было тайное имя, известное только им двоим.

Виконт повторил за другом:

- Эл, я клянусь тебе, что больше не пойду в чужой мир через ворота моих предков.

Леон развернулся и зашагал прочь, как будто у него внезапно нашлось множество неотложных дел. Граф двинулся следом; его прямые плечи опустились, походка враз потяжелела.

- Меня поймали и приволокли во дворец, - проговорил Эл, глядя на кровавые лохмотья, в которые превратилась одежда Рафаэля. - А потом не хотели отдавать. Сам эмир, или кто он там, не возражал, но его сын... один из сыновей... - Элиана передернуло. - Этот мерзавец заявил, что я не Альтенорао, а чужак. А с чужаками нет договора, чтобы возвращать людей в обмен на ценные безделушки. И раз так, он вправе оставить пришельца себе.

- Чтобы сделать рабом?

- Отправить в гарем. - Элиан зло усмехнулся: - Ни один восточный тиран не устоит перед магической красотой Контедо-Лэев! Я сказал, что убью его. Он не поверил. Указал на стражу: дескать, головорезы его уберегут. Я сказал, что всё равно убью.

У Рафаэля в глазах потемнело от бешенства. Элиан продолжал:

- Негодяй только смеялся надо мной. Пришлось сказать, что я хоть не Альтенорао, но друг вашей семьи. Тут старый эмир всполошился. Дескать, ссориться с магами Альтенорао слишком опасно. Потому что они придут с огнем

и... м-м... здесь я плохо понял... с какими-то собаками, которые принесут много бед. Поэтому он велел меня отпустить и поблагодарить графа за любезно подаренные часы.

- Мы придем с огнем и собаками? - переспросил Рафаэль. - Да у нас в поместье испокон веку собак не держали - ни сторожей, ни охотничьих. А Леон сказал: в том мире наша магия бессильна... Но как ты там объяснялся?

- Я немного знаю их язык. От сумасшедшей тетки Антуанетты.

Безумную тетушку Рафаэль не раз встречал в поместье Контедо-Лэй. Она была еще нестарая и очень миловидная; хохотушка и плясунья с безнадежно помутненным рассудком. Она смеялась при виде маленьких детей и вечно тетешкала какой-нибудь сверток, будто младенца.

- Когда я был совсем маленький, - рассказывал Элиан, - тетка часто говорила: «Запомни это, малютка. Когда вырастешь, ты спросишь, зачем мою крошку бросили хищным птицам. Зачем ее растерзали орлы». Она смеялась и учила меня разным словам. Выходит, она когда-то жила в том мире, но вернулась... после того как убили ее ребенка.

Они посмотрели друг на друга и разом обернулись к дрожащей пустоте, обнесенной оградкой. Там, за границей двух миров, красивых мальчиков отсылали в гарем, а ненужных младенцев кидали на растерзание хищникам.

- Значит, маги Альтенорао придут с огнем и собаками? - с угрозой проговорил Рафаэль.

Однако Элиан покачал головой:

- Не придут. Отец и брат скажут: не нравятся чужие порядки - не ходи в гости. А мы с тобой дали клятву, от которой не освободиться.

* * *

Тигр уверенно струился между деревьями, не оглядываясь на Рафаэля с его лисицей. Красивый зверь. Наверняка у эмира он не один, и тигрята найдутся. Их можно продавать королю, да и не только ему. И не только тигрят. Почему никто не удосужился наладить торговлю с чужим миром? Мало ли, какие сокровища можно оттуда получить за здешние механические безделушки. Шелка, пряности, оружие, восточные фрукты. Впрочем, маги Альтенорао - не торговцы. Насколько Рафаэль знал, ни одно изобретение не принесло его роду ни гроша.

Похоже, тигр направлялся к Серебряному Дождю. Так и есть: впереди показалась большая унылая прогалина - голая земля да камни. В ее центре с неба сыпались

блестящие хлопья, опускались наземь и исчезали. Серебряный Дождь не иссякал ни днем, ни ночью, то сверкая на солнце, то смешиваясь с настоящим дождем либо снегом.

Рафаэль остановился под деревьями у края поляны. Тигр же спокойно ее пересек, развернулся и двинулся обратно. Он дважды прошел через Дождь, и блестящие хлопья щедро осыпали его шкуру, а затем растаяли без следа.

Виконт подался в сторону, уступая зверю дорогу. Не забыл бы он путь домой... Тигр не забыл. Он прошествовал к воротам между мирами, перескочил через оградку и скользнул в пустоту. Рафаэль мог бы поклясться, что движения полосатого красавца на обратном пути были куда легче и стремительнее прежнего.

Серебряный Дождь омолаживал. Гораздо лучше, чем хваленые эликсиры, которыми торговал богатейший род Бенсбуоров. За способный подарить вечную молодость Дождь чего не отдали бы король Франсезы и правители соседних государств!.. Впрочем, знай король про такое сокровище - тут стояли бы войска, а бесценный Дождь окружала бы крепостная стена. И маги Альтенорао были бы служителями при Дожде, вроде смотрителей в зверинце.

Рафаэль гадливо поежился. Ему было восемь лет, когда мать привела его на прогалину и велела стать под серебряный звездопад. Сама она осталась в нескольких шагах от Дождя, и лицо ее с каждым мгновением делалось все более испуганным и несчастным. Рафаэль сам испугался - за нее - и выскочил из-под «звездопада». Тогда мать схватила его за руку и бросилась прочь.

Ничего хорошего из ее затеи не вышло. Рафаэль в одночасье разучился читать, писать и считать, а еще забыл множество игр, затей и проказ. Маленький Эл вдруг оказался как будто старше, и он заново учил Рафаэля всем проделкам и штукам, а прелестная Иллиана горевала, обнаружив, что юный сосед позабыл свое обещание жениться на ней, когда вырастет. Хуже всех пришлось отцу. Рафаэль видел, как помертвело его лицо, когда граф узнал, что натворила супруга. Он невнятно произнес какие-то слова, от которых мать разрыдалась, а после того слег на много дней.

С тех пор Рафаэль даже вспоминать не мог спокойно о Серебряном Дожде - его тошнило.

Кто был прав? Леон, считавший, что если младший брат не будет касаться магии, это продлит ему жизнь, ибо магия, в свою очередь, его не отыщет? Или мать, которая хотела вернуть сына на несколько лет назад и таким образом отодвинуть предел, за которым ему назначено умереть? Быть может, без Серебряного Дождя Рафаэль повзрослел бы раньше, и его отражение в Запретном зеркале уже давно бы совпало с изображением на семейном кладбище? Что толку

гадать!..

Впереди показалась сложенная из белого камня стена, затянутая ползучими розами с мелкими красными цветами. Кованые ворота были заперты магическим заклятьем. Рафаэль не знал, как их открыть, да это и ни к чему. Он пройдет и калиточкой.

Калитка была чуть поодаль - едва найдешь под раскинувшимися розами. Виконт потянул тугую дверку и не без труда протиснулся в щель. Розы цеплялись шипами за мешок с Запретным зеркалом, как будто не желали пропускать его на кладбище. Белая лисица в золотом чепчике проскользнула вслед за хозяином.

Аллеи обширного кладбища были вымощены тем же белым камнем, из которого сложена стена, и на них совсем не было сора. Виконт шагал, стиснув зубы. Плечо ныло под тяжестью зеркала, ноги постыдно слабели. «Иди отсюда, мальчик, не рви себе сердце». Рафаэль даже оглянулся - настолько отчетливо прозвучал в ушах чей-то шепот.

Кругом тянулись ряды древних надгробий. На постаментах из темно-зеленого камня стояли бюсты, изображавшие исключительно мужчин - магов из рода Альтенорао. Жен хоронили тут же, но их надгробия были обыкновенные. А маги похоронены под бюстами, которые с поразительной точностью передавали сходство с умершими; на постаментах - ни имен, ни дат. Магическое изобретение одного из самых дальних предков чем-то сродни часам, способным показать будущее. Альтенорао умирали, достигнув полного сходства со своим изображением. Так умер дед Рафаэля, так умер его отец. А сейчас Рафаэль шел, чтобы взглянуть на собственное надгробие. Достаточно ли сходства, чтобы умереть?

Между могилами зеленела яркая, совершенно весенняя травка. И ни цветочка, ни кустика. Когда хоронили отца с матерью, Жозефина - жена Леона - посадила у могилы белые лилии. Цветут ли они?

Вспомнив про Жозефину, Рафаэль запнулся и стал, охваченный внезапным смятением. Леон был женат целых шесть лет, но лишь недавно Жозефина объявила, что у нее будет ребенок. Сын, разумеется. У Альтенорао всегда рождаются сыновья. И становятся магами. Однако же бюст Леона дожидается хозяина, и изображение самого Рафаэля стоит, а его племянника - нет. Почему?

Тоскливо ругнувшись, Рафаэль зашагал дальше. Разгадывать загадку с отсутствующим надгробием не ему, а Леону.

Вот и место. Дальний угол, где приютились два надгробия с изображением еще живых людей. Невольно оттягивая минуту, когда он взглянет в каменное лицо своего двойника, Рафаэль свернул с аллеи и прошел к могилам отца и матери. Они

умерли в один день. Или, если угодно, были в одну ночь убиты.

Бюст отца на высоком постаменте приходился вровень с головой Рафаэля. Виконт посмотрел в родное лицо. Ушедший в себя взгляд, трагические складки у рта, болезненно изломанные брови. Таким граф был за несколько часов до смерти.

Мать... Рафаэль опустился на колени возле белой мраморной плиты. На ней золотом были написаны имя и даты жизни. И тонкими штрихами намечен рисунок - опечаленные, поникшие лилии. Это придумала Жозефина. А живые лилии, которые она посадила в день похорон, исчезли без следа.

- Мама, - Рафаэль провел ладонью по холодному камню, не то смахивая невидимый сор, не то пытаясь коснуться матери, которую отчаянно любил и не уберег. - Мама...

Она так хотела, чтобы ее младший сын жил подольше! Так боялась дня, когда ей придется его хоронить. А вышло наоборот. Он, еще живой, пришел на ее могилу.

* * *

В тот день графиня со служанкой возвращалась в поместье - она неделю гостила у тетки. Карета мирно катила по лесной дороге через земли, принадлежащие маркизу Контедо-Ляю.

Там, где дорога спускалась в овраг и шла через самую густую чащу, из зарослей выскочили трое в масках. Они тяжело ранили кучера, убили молоденькую служанку, а графиню выволокли из кареты, сорвали с нее драгоценности, разодрали одежду и по очереди надругались. А после исчезли в лесной чаще, словно тени Черных Искр, вызванные в мир злобной магией.

Яростно сопротивлявшаяся насильникам, растерзанная графиня Альтенорао затащила в карету истекающего кровью кучера, Сама уселась на козлы и погнала лошадей домой.

От слуг не укрылось, в каком виде она возвратилась; все поняли, что произошло с любимой госпожой. Весь дом взвыл от ужаса и негодования.

Рафаэлю досталось снимать мать с козел и на руках нести в спальню. Леона не было дома, а выбежавший навстречу отец почернел лицом и задыхаясь осел на ступени парадной лестницы.

- Винченцо ранен... умирает... - сорванным от криков голосом вымолвила мать, когда Рафаэль нес ее вверх по ступеням. - Скажи отцу: пусть займется... пока не поздно.

Было поздно: кучер Винченцо умер еще по дороге.

Поначалу мать держалась с удивительным мужеством: она распоряжалась потрясенным Рафаэлем, перепуганной Жозефиной и служанками, старалась поддержать и ободрить супруга.

На второй день она уже плакала, а на третий просила дать яд.

Ночью полуодетый Леон явился к Рафаэлю и с трудом растолкал ото сна. Отец с вечера уговорил обоих сыновей и Жозефину выпить сонного порошка, и Рафаэль спал как убитый.

- Вставай! - у Леона заплетался язык, и от него сильно пахло вином. - Вставай, ну! Отец... наш отец... - Он скрипнул зубами.

С затуманенной головой Рафаэль кое-как оделся и поплелся за старшим братом, запинаясь обо все, что попадалось на дороге. Порошком, который дал отец, можно было усыпить четверых.

В комнатах и коридорах горели магические свечи - тусклые, но живущие по несколько лет. В их серо-желтом свете Леон остановился у двери материнской спальни.

- Она не хотела умирать. Она днем просила яд, но... вспомнила о нас с тобой. Она кричала и звала на помощь. Ты не слышал?

- Нет, - Рафаэля шатало, и он прислонился к стене. - Кто кричал?

- Он ее заставил. Он должен был лечить! -- вскрикнул Леон. И почти зашептал: - Он же умел лечить, как никто. Мог бы под Серебряный Дождь отвести. - Опять сорвался на крик: - Она бы забыла! Все забыла! Ссадины бы прошли, синяки... Ничего б не осталось. Ничего бы с ней не было, понимаешь?!

Рафаэль начинал понимать. Оттолкнув брата, он распахнул дверь спальни и ворвался в комнату:

- Мама!

Замер. Попятился.

Тусклые свечи роняли свет на ее искаженное мертвое лицо, на свалившееся одеяло, на сбитые простыни. Мать боролась до последнего, отталкивая руки, несущие смерть. На столике рядом стояла хрустальная чаша, на дне которой еще оставался мутный белесый напиток.

- Она не хотела пить яд, - проговорил Леон, стоя в дверях. - Отец силой заставил. Потому что не мог вынести позор, нанесенный гордому роду Альтенорао.

- Он засмеялся; горький смех оборвался на всхлипе. - Невыносимый позор - для него, наследника древних магов! Как можно после этого жить? - Леон ввалился в комнату, схватился за спинку кресла, чтобы не упасть. Наклонился над тем, кто сидел в этом кресле - недвижимый, с торчащей из шеи рукоятью кинжала: - Ну, разве можно после этого жить? Если ты убил мою мать?

Граф Альтенорао молчал - мертвый. У Леона вдруг подогнулись колени, он неловко сложился, скорчился на полу, обеими руками схватившись за ножки кресла, и тонко-тонко завыл...

Считалось, что когда графиня Альтенорао в приступе отчаяния выпила яд, граф тоже покончил с собой.

- Собаки не взяли след, но ты возьмешь, - сказал Леон после похорон. Молодой граф - ныне старший маг семьи - стоял у камина в «магической» библиотеке и машинально, бездумным движением пальцев, зажигал и гасил в нем огонь. - Ты отыщешь мерзавцев, где бы те ни скрывались. И убьешь. Но запомни: одного надо оставить в живых. Я спрошу, кто их подослал.

- А если я приведу того, кто не знает? - Рафаэль сидел в кресле, как замороженный, не шевелясь. Он не простил отцу смерть матери, не простил и брату убийство отца. - Наверняка с главным встречался только один, а остальные пошли ради денег.

- Неважно. Допрос - моя забота. Дело магии.

Леон плеснул себе вина, осушил бокал. Он много пил в последние дни, но не пьянел, как будто глотал простую воду.

- Малыш, я ничего не понимаю, - проговорил старший брат с неожиданной мягкостью. - Откуда взялись эти люди, зачем они... - он запнулся, не сразу подыскал слова, - напали на мать. Не понимаю, отчего отец дал ей яд...

- А почему его убил, понимаешь?

- Нет, - тихо, со стыдом, признался Леон. И, чуть помолчав, продолжил: - Я боюсь, что замешана чужая магия. Более сильная, чем наша. Потому что по собственной воле отец бы не стал убивать. Его заставили. И сам я... когда я его... на меня будто затмение нашло; схватился за кинжал в совершенном безумии. Мы должны выяснить, кто наш враг.

- Хорошо, - сказал Рафаэль. - Я сделаю, как ты говоришь. Если сумею «взять след», - с горькой иронией повторил он слова брата.

- Сумеешь. Ты - младший маг семьи.

- Откуда это видно?

- Отец держал твою долю магии у себя, - сказал граф. - Когда он умер, она освободилась вместе с его собственной. Отцовскую магию, кроме таланта целителя, я забрал себе - полностью, как старший наследник. Но твою магию я не сумел бы взять, даже если б хотел; мог бы лишь связать ее и удерживать, как это делал отец. Тогда бы она тебе не досталась, и ты не сделался бы магом. Так было бы лучше. Но... Пойми: ты должен найти тех людей! Я не могу. Только ты, больше никому. У тебя талант охотника, а я... я просто маг, неплохо обученный, но

бесталанный. - Леон подошел и положил руки Рафаэлю на плечи. - Постарайся меня простить. За отца... и за себя самого.

- Как скажешь. Если тебе нужно мое прощение - пожалуйста.

Виконт думал высвободиться, однако Леон не отпустил. Он стоял, низко склонившись, сжимая ему плечи, и беззвучно вздрагивал. С острой неловкостью Рафаэль осознал, что старший брат плачет.

Ибо, отдав Рафаэлю его долю магии, граф Альтенорао подписал ему смертный приговор.

...Виконт приехал верхом на место, где трое в масках остановили карету; восходящее солнце как раз осветило макушки деревьев на краю оврага. Спешился, осмотрел влажную землю. Кровь кучера и служанки смыл прошедший накануне дождь. Рафаэль уже был здесь - в тот день, когда все случилось, с собаками из псарни Контедо-Лэев. Своих собак в поместье Альтенорао не держали, и пришлось обратиться к маркизу. У него были лучшие в округе охотничьи псы, однако они не смогли взять след, а только жалобно скулили, поджимая хвосты.

- Магия, - сказал тогда Элиан, примчавшийся в лес вместе с другом.

Сейчас Рафаэль был один. Старший брат запретил брать с собой Элиана или кого-то из слуг:

- Ты можешь невзначай убить невинного человека. Ты превосходный охотник, но не умеешь обращаться с магией и обуздывать свой талант.

Конечно, Рафаэль не умеет. Благодаря кому, спрашивается?

Заросли стеной подступали к дороге; на дне оврага сердилась быстрый ручей. Дорога круто сбегала вниз. Рафаэль огляделся в надежде что-нибудь увидеть: оброненную разбойниками материнскую серьгу, потерянную предводителем пуговицу. Ничего.

С конем в поводу он двинулся в заросли. Влажные листья гладили по щекам, словно прохладные руки. Ни кострища, ни сломанных веток, ни шкурки от съеденного сала. И на мягкой земле с прошлогодней листвой никаких отпечатков.

Где разбойники оставляли коней? Ведь не тащились же в эдакую даль пешком и на крыльях не прилетели...

А если напрямик, отсюда будет недалеко до поместья Контедо-Лэй. Разбойники могли прибыть от маркиза. Чушь! С какой стати? Маркиз хотел выдать дочь за Рафаэля и получил от графа отказ, но это не повод затевать гнусную месть. Однако же Элиан в свое время добыл заклятье, открывшее дверь в «магическую» библиотеку.

Вскинув голову, Рафаэль втянул носом воздух, словно пес, отыскивающий дичь верховым чутьем. Запахи влажного утреннего леса, дух беспокойно

переминающегося коня. А вот душный запах крови... острый запах ужаса, боли и ярости... бессилия и унижения... вонь глумливой радости насильника... манящий аромат обещанных денег... Не то, все не то... Вот он - едва уловимый, верткий, ускользающий дурной запахок. След, который выведет к истинному злодею. След, ведущий в поместье Контедо-Лэй!

Рафаэля скрутило от боли, как будто опалив огнем. Магия рода Альтенорао - вернее, ее малая часть, талант, который не мог забрать себе старший брат, - эта магия обрушилась на него со всех сторон и одновременно проснулась внутри. В глазах помутилось, Рафаэль едва не упал. Дико заржал конь, вырвал из рук хозяина повод и поскакал прочь от магической свистопляски.

Вновь утвердившись на ногах, виконт поглядел вокруг новым взглядом. Пахнувший кровью след был отчетливо виден, красноватое свечение тянулось через лес и вело - куда? Прочь от поместья маркиза. Туда ушли негодяи, надругавшиеся над матерью Рафаэля. Этот след неодолимо притягивал, перебивая ускользающий дурной запахок, вытесняя его из сознания, заставляя забыть, забыть... Охотник ринулся по горячему очевидному следу, не подозревая, что бросил другой, гораздо более важный.

Через лес, через луг, через поле, вброд через речку, на лодке по озеру, на чужой лошади по дороге, вновь пешком, затем на крестьянской телеге... Охотник преследовал дичь днем и ночью, без отдыха. Рафаэля вел запах пролитой убийцами крови, его несла огненная магия рода Альтенорао и незаметно подталкивала в спину чужая ловкая рука.

Он настиг изнеможенную дичь в крошечной горной деревушке. Крытые соломой домишки, стадо всполошенных овец, жалобно твякнувшая собака, прыснувшая в стороны ребятня. Молодухи в черных платках прятались за спинами оробевших мужей; старухи делали корявыми пальцами оберегающие знаки; старики вышли просить пощады... Рафаэль не видел себя и не знал, горит вокруг него Белое Пламя или, наоборот, за спиной вьется рой Черных Искр.

Магия выгнала дичь навстречу охотнику. Они вышли из домика, где укрылись, - обреченные и готовые умереть. Молодые, на вид хлипкие, бледные. Не иначе как горожане. Школяры какие-то, что ли? Или писцы из городской канцелярии? Рафаэлю было все равно. Это - дичь.

- Убей! - вскричал один из них, в красной вышитой безрукавке, с разводами соли под мышками. - Сил больше нет.

- Убей, - вторил ему парень на кривых ногах, обтянутых сапогами из тисненой кожи. - Не могу... Убей, только быстро.

Третий молчал. У него трясся подбородок, взгляд был безумный. Рафаэль

подходил к домику, стуча по камням коваными сапогами. Резкий стук отдавался от голого склона горы.

- Убе-ей! - взвыл тот, что был в безрукавке, и повалился на колени, сорвал с головы мятую шляпу.

- Убей! - взвизгнул кривоногий и рухнул рядом, закрыл лицо руками.

Третий стоял и молча трясся.

«Убей!» - толкнуло Рафаэля что-то стороннее, беспощадное. Подойдя, он трижды ударил кинжалом. На опаленных солнцем камнях расцвели кровавые пятна. Охотник добыл свою дичь.

Возвратившись, он не смог объяснить Леону, почему убил всех троих, забыв наказ привести одного для допроса.

- Что ты натворил? - с тихим отчаянием упрекнул старший брат. - Теперь мы не узнаем, кто их послал.

Рафаэль молчал, чувствуя себя, как сухой мертвый лист. Ни мыслей, ни сил, ни желаний.

Леон отступился. Нет проку в пустых укорах. Он налил в бокал вина, протянул брату:

- Пей. На тебе лица нет, еле жив. Неделю будешь отсыпаться и отъедаться.

- А потом? - Рафаэль взял вино. - Я смогу наконец читать тайные книги? По праву младшего мага семьи?

Леон бросил взгляд за окно, на вечно цветущий парк, смутно белеющий в летних сумерках; поглядел в камин, где резвилось магическое пламя.

- Видишь ли, - заговорил он, взвешивая слова. - Я не могу запретить. Я могу лишь просить: не надо. Ты все равно не успеешь... - Он поправился: - Не научишься ничему дельному. А то, что узнаешь, принесет один вред.

- Почему? - спросил Рафаэль по привычке.

- Я очень боюсь, что ты будешь знать лишнее.

- Ты трус, - отозвался виконт и выплеснул вино из бокала в камин. Пламя погасло.

* * *

Леон не стал спорить и уговаривать, он просто унес из «магической» библиотеки с десятков книг. Рафаэль обнаружил на полках пустые места, но что там раньше стояло, вспомнить не мог.

Он побродил среди черных шкафов, набитых фолиантами с потускневшим

золотом на корешках, подошел к столу с нефритовым чернильным прибором. На бронзовых крышках двух чернильниц сидели крошечные псы. Единственные собаки в поместье. Помнится, правитель чужого мира толковал о каких-то собаках, с которыми маги Альтенорао могут к нему явиться. Уж не с этими ли?

Рафаэль проверил чернильницы. Сухо, лишь на донце черная труха. Он еще покружил по библиотеке - и вдруг впервые обратил внимание на висящее в простенке зеркало в каменной раме. Знакомый темно-зеленый камень: Рафаэль видел его на кладбище, когда хоронили мать и отца. Из него высечены надгробия рода Альтенорао.

Зеркало явственно отталкивало от себя, гнало прочь. Все же виконт упрямо взглянул на свое отражение. И охнул. Из зеркала на него смотрело мертвое лицо - его собственное, но темно-зеленое, каменное.

- Не надо этого делать, - раздался голос Леона.

Рафаэль отшатнулся. Молодой граф Альтенорао вошел в библиотеку.

- Не смотри, - повторил он. - Я прошу.

- Что это такое?

Приблизившись, Леон сам встал перед зеркалом. Рафаэль с внутренней дрожью увидел темно-зеленое лицо брата - серьезное, сосредоточенное. Леон слабо улыбнулся, и - удивительное дело! - так же улыбнулось каменное лицо. Граф обнял Рафаэля за плечи, притянул к себе, и в магическом стекле появились два очень похожих отражения.

- Это Запретное зеркало. Не смотришь в него - так будет спокойнее.

- Хорошо, - Рафаэль отвел взгляд. - А на Иллиане я могу жениться? - Он спохватился, что вести речь о свадьбе спустя лишь несколько дней после похорон неприлично, и добавил: - Или хотя бы сделать ей предложение?

Леон не ответил. Рафаэль высвободился из-под его руки.

- Судя по твоему безмолвию, этого тоже нельзя? Почему, наконец? - он невольно повысил голос. - Я могу знать, отчего не должен жениться на девушке, которую люблю всю свою жизнь?!

Леон молчал. И смотрел с жалостью. Рафаэль взбеленился, но против этой жалости оказался бессилён. Он выбежал из библиотеки, в сердцах так хлопнув дверью, что опрокинулись магические свечи, днем и ночью горевшие в коридоре.

Вскочив на коня, Рафаэль отправился к Контедо-Лэям. Не предлагать Иллиане руку и сердце, а просто повидаться с возлюбленной. Он не видел ее уже много дней, с той поры, когда были живы отец с матерью. И он сам еще не был магом.

Виконт гнал коня лесными дорогами, а проснувшийся в нем маг-охотник смутно тревожился. Что-то было неладно. Сердце щемило, и нехорошо перехватывало

дыхание. И чем ближе к поместью маркиза, тем хуже.

Кованые ворота, от которых вела к дому каштановая аллея, были закрыты. Рафаэль стукнул бронзовой колотушкой по диску с гербом Контедо-Лэев; пошел долгий глубокий звон. Из своего домика показался привратник.

- Господин Рафаэль, мои соблезнования... Храни Белое Пламя память о вашем батюшке... И матушка, болезная, вот же горе на нашей земле! - Лязгнув ключом, он отпер замок. - Господин Рафаэль, вы сегодня к кому? Господин Элиан в отъезде. А молодая госпожа уехала кататься и до сих пор не вернулась.

- Иллиана уехала? С кем?

- Одна. Сказала: ей все надоели. Берегут пуще королевской казны, а такая опека хуже тюрьмы. Верхом ускакала.

- Куда?! - вскрикнул Рафаэль, разворачивая коня.

- А к реке, как обычно.

Виконт промчался по аллее, искал Иллиану на маленькой пристани, проскакал далеко вверх и вниз по течению. Нет ее.

След... Охотник должен взять след! Рафаэль вернулся к воротам, сосредоточился, приказывая своему таланту пробудиться. Где след Иллианы?!

Его потрянуло, так что он чуть не вылетел из седла, и обожгло изнутри. Взвился, заржав, испуганный магией конь, но Рафаэль удержался в седле и не выпустил поводья. Увидел нежный, как озаренный луной туман, след возлюбленной. И пришпорил коня, посылая вдогон.

След был очень красноречив. Вот Иллиана пробиралась на лошади сквозь кленовую поросль; затем отпустила поводья, и лошадь лениво шла шагом, а Иллиана любовалась широким лугом. Здесь она въехала в лес; тут сидела на камне, радуясь обретенному одиночеству; наконец растянулась на мягком, нагретом солнцем мху и беспечно задремала. Нежный лунный след переливался на земле.

А потом Иллиана испугалась. Кого? Рафаэль не мог разобраться. След чужого присутствия был смутный, как развеянный ветром черный дым.

Лошадь Иллианы мчалась огромными скачками. Чужой след пропал, но всадница продолжала скакать, не разбирая дороги; Рафаэль остро чувствовал запах страха. Лунный след Иллианы окрасился кровавыми полосами и вел все глубже в лес.

На земле валялась ее потерянная шляпка.

Потом среди замшелых стволов показалась Золотинка - лошадка Иллианы. Она жалобно заржала, пытаясь ускакать - неловко, сильно хромя. Нагнав ее, Рафаэль спрыгнул с коня. Громко позвал:

- Иллиана! Ли, где ты?!

Золотинка метнулась прочь, и с топотом кинулся в чащу храпящий конь Рафаэля.
- Иллиана! - закричал охотник, снова отыскав отливающий красным след, бросаясь в погоню.

Дичь! Перепуганная, уставшая. Дичь, которую нужно нагнать и добыть. Умыть кинжал свежей кровью. Собственная магия туманила голову, чужая толкала в спину, отнимая остатки рассудка. Впереди - вожделенная дичь...

Он почти настиг ее. Зеленое платье Иллианы и рассыпавшиеся золотые волосы мелькали среди еловых стволов. Ускользающая драгоценность... его любимая девушка. Рафаэль на миг опомнился, хотел было ее окликнуть. Но нет: магия опалила глаза и сердце, одержала над разумом верх. Это - дичь! Он различил быстрое, на всхлипах, дыхание. И выхватил кинжал.

Иллиана бежала из последних сил, ничего не видя и не слыша. Лишь кровавая пелена перед глазами, да звон в ушах, да бешеный стук готового разорваться сердца. На огромный валун она натолкнулась, как на стену. Задыхаясь, распласталась по камню, тщетно пытаясь найти защиту в его шершавой твердости. Не спастись. Нечто неведомое, страшное, беспощадное, оно настигнет и... Нет, ни за что!

В отчаянии, Иллиана рванула на груди платье и вслепую кинулась назад, чтобы встретить то ужасное лицом к лицу.

- Убей! - взмолилась она. Должно же оно проявить милосердие... - Кто бы ты ни был: убей, прошу! - Она упала; ноги отказывались служить. Однако Иллиана упрямо приподнялась, чтобы оно убило сразу, не вздумав сперва надругаться. - Убей...

Оно молча исчезло.

Потом ее отыскал Рафаэль - такой же напуганный и несчастный, как и она сама. Платье на Иллиане было разорвано, кожа испятнана кровавыми ссадинами. Рафаэль вел ее по лесу, обнимая за талию, а Иллиана все стягивала на груди разорванный шелк, прикрывалась вуалью случайно найденной шляпки. Любимый не требовал объяснений - где она была, с кем, от кого убегала. Да спаслась ли? О чем скажут ее рваное платье и ссадины тому, над чьей матерью надругались какие-то негодяи? Иллиана не решалась оправдываться и объяснять, а Рафаэль ни о чем не спрашивал.

Он так и уехал - ничего не сказав, не посмеяв ей признаться. Маг. Охотник. Убийца...

- Я едва не убил Иллиану, - начал он с порога, отыскав брата в «магической» библиотеке. - Гнал ее, будто дичь!

За окнами синела ночь, черные шкафы окружали Леона, как угрюмые слуги; на

письменном столе горели свечи. Граф поднял голову от древнего манускрипта.

- Будь осторожен. Я предупреждал: ты способен невзначай убить человека.

- Невзначай?! - вскрикнул виконт. - Я уже прикончил троих, отомстив за мать. Ты можешь связать эту проклятую магию, мой треклятый «талант»? Так свяжи его и держи у себя. Мне он не нужен!

- Магию невозможно отнять. Твой талант останется при тебе...

- ...навсегда? - подхватил Рафаэль. - А ты спросил мое мнение? Почему не нашел другого мага, который за деньги сыскал бы разбойников?

- Никто другой их бы не разыскал. - Леон поднялся из-за стола. - И я не просил убивать всех троих. По твоей милости мы не узнали, чья магия нам угрожает. Сегодня ты гонялся за Иллианой; ты попытался понять, не движет ли тобой чужая рука?

- Как я мог попытаться? Я в этом не разбираюсь ничуть. Чего ты от меня ждешь?

- Выдержки и достойного поведения, - отрезал граф.

- Почему я не могу жениться на Иллиане?! - рявкнул выведенный из себя виконт.

- Потому что ты скоро умрешь. - Леон тоже потерял терпение. - Сходи на кладбище, погляди на себя. Надгробие ждет! - Он спохватился, прикусил язык. - Прости. Вырвалось. Прости, я виноват. Отец всегда боялся, что ты узнаешь и будешь ждать смерти. Мучиться, глядя в него каждый день, - Леон кивнул на Запретное зеркало. - Ты уже почти взрослый... и время подходит.

Рафаэль потер лоб, тщетно пытаясь осознать услышанное.

- Отец не допускал тебя к магии, - продолжал Леон. - Надеялся уберечь от назначенной смерти. Однако мать отвела под Серебряный Дождь, страшась неизбежного и желая его отсрочить. И магия тебя слегка, но коснулась. А сейчас ты так или иначе младший маг семьи.

- Необученный и бестолковый, - добавил Рафаэль, стремясь за усмешкой скрыть смятение.

- Именно, - подтвердил старший брат. - Пойдем в парк.

- Под Серебряный Дождь? - угадал Рафаэль; его затошнило.

- Ты забудешь, что я тебе наболтал. И сможешь спокойно жить дальше.

- И забуду, как чуть не убил Иллиану?

- Да.

- И как зарезал троих негодяев?

- Если хочешь, то - да. Все зависит от того, сколько времени прстоишь под Дождем. А забыв так далеко, быть может, станешь чуть моложе. И... - Леон замялся, - твой срок придет позже.

- Послушай-ка, - Рафаэль встрепенулся. - Дождь омолаживает... возвращает

назад. А недавнюю магию уберет?

- Чужое заклятье Дождь смысл бы. Но собственную магию, повторяю, отнять невозможно.

- Тогда зачем связываться? Не хочу. - Виконт подумал и улыбнулся: - Я бы лучше женился. И мы с Иллианой были бы счастливы... хоть сколько-нибудь. Я ведь умру не завтра?

- Нет, конечно, - печально согласился Леон. - Но женившись, ты повзрослеешь быстрее. И самое главное. Если ты преследовал Иллиану, если гнал свою дичь - в следующий раз ты ее убьешь.

* * *

Спустя несколько дней явился Элиан. Граф Альтенорао с супругой и Рафаэль как раз отобедали, но еще не поднялись из-за стола.

Энергичный Элиан ворвался в столовую, как будто брал приступом вражеский замок; в черных глазах вспыхивали золотые искры. Поприветствовав графа с супругой, он обратился к Рафаэлю:

- Мне нужно с тобой поговорить.

- Здесь, - неожиданно объявил Леон. - Жожо, будь добра, оставь нас.

Жозефина с улыбкой поднялась и выпорхнула из столовой.

- Мне нужен Рафаэль, - заявил раздраженный вмешательством Элиан.

- Присаживайтесь, господин Контедо-Лэй. Ваши секреты меня не волнуют; меня заботит ваша безопасность. - Лиловые глаза графа Альтенорао буквально ощупали Элиана с головы до ног: его бархатный охотничий костюм, короткую шпагу, кинжал, шляпу с пером заморской птицы, сафьяновые сапоги.

- Садись, - сказал Рафаэль, видя, что друг готов вспылить и наговорить Леону дерзостей. - Не к врагу пришел.

Элиан уселся, бросив шляпу на соседний стул. Леон предложил ему вина и сменил тон:

- Известно ли тебе, милый мальчик, что ты принес на себе заклятье?

- Какое? - удивился Элиан.

- Чье? - вскинулся Рафаэль:

Граф Альтенорао поднялся, обошел стол и остановился возле гостя, положил ладонь на его вьющуюся золотую шевелюру. Элиан хотел отстраниться.

- Потерпи. - Леон провел рукой по его голове и плечам, затем вернулся на свое место, глотнул вина. - Эл, ты принес свою смерть. Стоит тебе испугаться - и ты

покойник. А сегодня ты очень легко испугаешься. - Граф перевел взгляд на младшего брата. - Кто-то желает смерти нашим близнецам. Хочет убить их... м-м... чужими руками. Их испуг пробудит охотничий азарт, повлечет за собой погоню. И рано или поздно эта дичь неминуемо будет добыта.

- Леон, объяснения кончаются Серебряным Дождем, - вмешался потрясенный виконт. Кто-то задумал убить Эла и Ли! Его, Рафаэля, руками... - Сними заклятье, если можешь.

Граф посмотрел на Элиана. Молодой Контедо-Лэй сидел нахмуренный, не на шутку встревоженный. К тому же была уязвлена его гордость. Он испугается!

- Эл, ты принес злую и хитрую магию, избавляться от которой больно и страшно. Если я попробую снять заклятье, ты станешь с криками кататься по полу, в слезах и обмочившись с перепугу. Такого унижения ты не простишь и попытаешься меня убить. Вряд ли у тебя получится, но схватиться с тобой я бы не желал... Ты, конечно, не помнишь, с кем из чужих встречался и кто мог наложить заклятье?

- Я был в отъезде и встречался с сотней людей.

- Плохо. А скажи-ка: от кого ты получил заклятье, которое открыло Рафаэлю дверь в библиотеку?

Элиан не сразу сообразил, о чем речь; это было так давно!

- От фокусника из бродячего цирка.

- Вот как? - Леон с деланным удивлением приподнял брови. - А чем расплатился?

- Горсткой мелких монет.

- Такие дорогие заклятья за мелкую монету не покупают. Что-нибудь еще?

Элиан покачал головой:

- Фокусник был рад оказать услугу члену семьи Контедо-Лэй.

- Иными словами, некий маг с радостью навредил семье Альтенорао, - сухо заметил граф.

- Как по-твоему, кто это? - спросил Рафаэль.

Леон повертел в пальцах бокал, словно размышляя, стоит ли младшему брату знать правду. Заговорил:

- В сущности, враг может оказаться кем угодно; я не очень хорошо знаю наших магов и не могу с уверенностью что-либо утверждать. Но исходя из известного, упомянул бы троих. Во-первых, барон Маррит-Вайн. Он достаточно силен, честолюбив и безрассуден, чтобы ввязаться в преступную авантюру. Затем господин Кусмодель - сильнейший маг, которого много лет назад поразило безумие. Он находится под присмотром Высокого совета магов, однако они могли и недоглядеть. Мало ли, что взбрело в затуманенную голову... И третий -

Герзенгольц. Чрезвычайно силен, жесток и коварен. Алчет богатства и власти. И помоги нам Белое Пламя, если это именно он.

- В жизни не слышал, чтобы Белое Пламя сподобилось помочь хоть кому-то, - съязвил Элиан, привыкший надеяться на себя, а не на высшие силы, и напомнил: - Леон, мне нужно потолковать с твоим братом.

- Изволь, - граф поднялся на ноги. - Рафаэль, положи на стол свой кинжал. Элиан - кинжал и шпагу.

Виконт подчинился не раздумывая; недовольный Элиан помедлил, но затем все-таки вынул из ножен и сложил оружие на шитую серебром скатерть. Граф Альтенорао шевельнул пальцами; с руки сорвался сноп алых искр, пал на шпагу и оба кинжала, остался россыпью помаргивающих огоньков.

- За оружие не хвататься. Руки сожжет до костей... но и угомонит любого, кто затеет драку. Элиан, изложи свое дело и уезжай. Заклятье через день-два рассеется, но пока тебе здесь находиться опасно. - Леон отошел к открытому окну и повернулся к гостю спиной, лицом к цветущему парку.

Элиан метнул на него сердитый взгляд и уставился на Рафаэля:

- Он утверждает, будто ты желаешь со мной разделаться. Это так?

- Нет, - Рафаэль сплел пальцы в замок, опасаясь, как бы не задрожали руки.

- Вот и славно, - Элиан улыбнулся той неповторимой улыбкой, от которой все краски мира расцветали ярче; краше улыбалась только его сестра. Затем черные с золотом глаза пытливо вгляделись Рафаэлю в лицо, высмотрели нечто такое, отчего Элиан в порыве сочувствия накрыл ладонью его сплетенные пальцы.

Леон у окна вздрогнул и обернулся, хотел что-то сказать... Поздно. Чужая магия, какова бы она ни была, уже стекла с руки Элиана к Рафаэлю. Граф с досадой прикусил губу. Его вина: не предусмотрел, не уберег.

Виконт откинулся на спинку стула, ощутив к другу внезапную неприязнь.

- С чем ты пришел?

- С плачем от сестры. Ты не приезжаешь повидаться, а на ее последнее письмо ответил двумя холодными строчками.

Рафаэль отвел взгляд. «Если ты преследовал Иллиану, если гнал свою дичь - в следующий раз ты ее убьешь». Как после этого приезжать, как писать нежные письма?

- Ли безутешна, - продолжал Элиан. - Мало того, что ее напугали в лесу до беспамятства, еще и ты позабыл. Раэль, - назвал он друга его детским тайным именем, - я понимаю: ты потерял мать и отца, тебе ни до чего. Но Ли готова разделить с тобой это горе. Она любит тебя, чтоб ты знал! Почему ты от нее отвернулся?

Рафаэль молчал. Он хотел бы признаться, что вся беда в его магии охотника-убийцы, однако нужные слова не шли, а с языка просилось грубое «не лезь не в свое дело».

Элиан истолковал его молчание по-своему.

- Хорошо, давай совсем откровенно. Ты считаешь, что ее обесчестили? Если ты нашел ее растрепанную и в рваном платье, это означает лишь одно? Но послушай: Ли уверяет, что ее пальцем не тронули. Раэль, я знаю ее, как никто. Если она говорит: «Не было» - значит, не было.

Чужая магия одолевала. Нестерпимо хотелось обругать Элиана, бросить в лицо самые безобразные слова...

- Раэль, честью клянусь: Ли невинна.

Рафаэль глядел на огоньки, которые перемигивались на хищной стали клинков. Только бы достало сил промолчать.

- Отвечай! - вспыхнул Элиан. - Ты мне друг или нет?!

- Нет! - Рафаэль внезапно утратил над собой власть. - Иди и сам утешь сестричку, которая тебе так дорога! Ей теперь все равно с кем!..

Элиан вскочил, с грохотом опрокинув стул; Рафаэль тоже взвился.

- Стоять! - хлестнул голос Леона.

Их швырнуло в разные стороны. Рафаэль наткнулся на фарфоровую напольную вазу, опрокинул ее и разбил. Элиан крутанулся, едва устояв на ногах, и хлопнулся о стену.

- Дуэль, сегодня же, - произнес он глухо. - Я вас вызываю, господин Альтенорао. Выбор оружия за вами.

У Леона сверкнули глаза: он одним взглядом запечатал Рафаэлю рот и пригвоздил к месту.

- Элиан, твой вызов не принят, - сказал граф. - Я приношу извинения. Мой брат не хотел никого оскорблять. Не его вина, что ты принес магию, против которой у нас не нашлось защиты. - Леон повел рукой, собирая алые огоньки с оружия на столе; они охотно вернулись к хозяину, оставив холодную сталь. - Эл, я прошу: прости Рафаэлю чужие, навязанные ему слова.

- Маги! - бросил Элиан с крайним презрением.

И ушел.

* * *

Рядами стояли одинаковые надгробия - бюсты на каменных постаментах. Одни

предки явственно глядели на Рафаэля, взгляды других были устремлены мимо. Белая лисица-напоминание неожиданно подошла и ткнулась носом ему в руку. Нос был сухой и теплый.

- Что тебе? - Поднявшись от материнской могилы, виконт подобрал мешок с Запретным зеркалом. - Торопишь?

Темные глаза на узкой мордочке как будто и впрямь куда-то звали.

- Иду, - обещал лисе Рафаэль, но сначала шагнул к собственному надгробию.

Вытащил из мешка Запретное зеркало, водрузил на постамент возле бюста и поглядел на себя. Довольно ли сходства, чтобы завтра умереть?

Отражение было очень похожим. И все же не таким, как запечатлел Рафаэля предок. Лицо в магическом стекле было тревожным и растерянным, лицо надгробия - гордым, решительным и отважным.

- Я польщен, - пробормотал Рафаэль, всматриваясь в древнее изображение себя самого. - Выходит, еще повоюем? - обратился он к напоминанию.

Лисица запрыгала, подгоняя: «Пойдем же скорее!».

Рафаэль спустил тяжеленное зеркало наземь и прислонил к постаменту. Тут постоит, ничего магической штуке не сделается.

Он зашагал к калиточке, сквозь которую недавно протискивался. Выпустит ли она обратно? Калиточка выпустила, и ползучие розы не цеплялись за одежду. Рафаэль вежливо придержал тугую дверку:

- Проходите, госпожа лисица. Ну, зверь, веди, куда нужно.

Зверь затрусил по занесенной сухими листьями аллее.

Что делать? Чего ожидать? Прошедшее со смерти отца время Рафаэль провел бестолково. Леон упрямо не подпускал его к главному знанию, а хватать абы что не хотелось. Единственное, что он за это время худо-бедно постиг, - научился распознавать присутствие чужой магии. Да и то - распознавать Леон обучил, а бороться? Увы.

Под ногами шуршали сухие листья; с деревьев лениво осыпались соцветия. И вдруг екнуло сердце. Вдалеке на аллее виднелись серый плащ и золотые кудри, сиявшие среди тусклого осеннего дня. Иллиана! О Белое Пламя, как Рафаэль по ней стосковался... Он чуть не сорвался бежать. Однако впереди неспешно трусило напоминание, и он удержался. Не хватало напугать любимую, чтобы она превратилась в дичь.

Да Иллиана ли это? Он замедлил шаг, вглядываясь. Плащ до земли и золотая шевелюра... для Иллианы слишком короткая. Это ее брат. Его высокая фигура и широкие плечи. Зачем Эл примчался?

Элиан заметил Рафаэля и пошел навстречу. Чем ближе, тем яснее видно:

стряслась беда. Красивое лицо осунулось, щеки запали, меж бровей залегла горькая складка.

Виконт стал, прислушиваясь к себе, приказывая своему таланту охотника спать. Элиан тоже остановился. Лисица в чепчике уселась между ними, прикрыв хвостом передние лапы.

- Какой у тебя чудной зверь, - Элиан слабо улыбнулся. - Ты не рад меня видеть?

- Рад, - солгал Рафаэль, пытаюсь уловить опасную магию, вольно или невольно принесенную другом.

Кажется, что-то есть.

- Раэль, я приехал мириться. Пока не поздно. Пока ты... ты... еще жив.

Откуда ему это знать? От враждебного мага?

- Ты готов со мной помириться? - спросил Элиан с надеждой.

- Я уже помирился, - сказал Рафаэль, всматриваясь. Это осунувшееся лицо, горькая складка между бровей... - Эл, какая у тебя беда?

Элиан помрачнел.

- Наш отец разорен. Он пытался вложить деньги в предприятия, которые с виду сулили хорошую прибыль. И каждый раз терял все. Ему придется продавать земли, чтобы расплатиться с долгами.

- И что же? Его долги тебя так удручили?

Элиан отмахнулся.

- Ему пообещали деньги. С условием: он дознается, чем владеют маги Альтенорао. Он велел Иллиане спросить у тебя. И получить ответ любой ценой - хитростью, посулами, отдавшись ли, все равно. Она отказалась платить собой за его неудачи в делах. Тогда он пригрозил выдать ее за герцога Тимарье, который несказанно богат и готов погасить наши долги. Ты наверняка о нем слышал: мерзкий карлик, не пропускающий ни одной юбки. Старикашка давно точит на Ли зубы. Она не знает, что делать. Но рано или поздно явится к тебе на поклон. Раэль, избавь ее от этого унижения. Скажи мне: что хранится у вас в подземелье?

Магия - вот она, в действии. В благодарность за то, что Эл приехал мириться, чтобы уберечь любимую от унижительных просьб, да просто так, лишь бы сделать другу приятное - Рафаэль готов был выложить любые фамильные тайны. К счастью, он их не знал.

- В подземелье хранится вино и свален всякий хлам, ничуть не интересный вашему благодетелю, - сообщил виконт легким тоном.

- Раэль, таким не шутят. - Красивое лицо болезненно дрогнуло. - Мне нужно привезти ответ. Скажи.

Проклятая магия, с которой не умеешь бороться! Желание угодить было острым

до стога, до вскрика. Ведь просит не кто-нибудь, а Эл - друг, когда-то спасший Рафаэлю жизнь. Просит ради Ли, которая Рафаэлю дороже всего на свете. Где взять нужное знание? Броситься к Леону, уговорить его, упротить? Вырвать ответ угрозами?

Рафаэль опомнился, одернул себя. Он не поддастся.

- Эл, я не знаю.

- Раэль! - Перешагнув через припавшее к земле напоминание, с отчаянным лицом Элиан опустился перед Рафаэлем на колени. - Ради моей сестры. Скажи правду.

Гордый Контедо-Лэй! Немыслимо.

- Ты ума лишился. Встань сейчас же. - Рафаэль хотел было сам поставить его на ноги, однако вовремя вспомнил, чем в прошлый раз обернулось дружеское прикосновение.

- Я прошу, - вымолвил Элиан, задыхаясь от унижения. - Скажи. Тебе совсем не осталось жить. А Ли - что ж ей, из дома сбежать? Вороны отыщут, где ни спрячешься. Раэль! Я ведь не прошу отдать. - По его запавшим щекам сползли слезы.

Рафаэль пришел в ярость. Как смеет проклятый Искрами маг издеваться?! Одного превращает в убийцу, другого разоряет, третьего принуждает валяться в ногах... И мать с отцом погубил!

- Хорошо, я скажу. Но сначала встань.

Элиан поднялся. Лицо почернело, в глазах - ни искорки.

- Пойдем, - Рафаэль зашагал по аллее, ведущей к дому.

Элиан двинулся следом; лисица затрусилась последней.

Какие сокровища хранят маги Альтенорао? От родового замка, построенного в незапамятные времена, ничего не осталось - кроме фундамента, на котором за прошедшие века строили снова и снова, да пресловутого подземелья.

- Эл, посмотри: впереди за оградкой - ворота в мир, куда мы с тобой поклялись не соваться. Помнишь, как эмир испугался огня и собак и велел тебя отпустить? А сегодня я видел тигра, который оттуда явился. - Рафаэль старательно заговаривал другу зубы. - А вот часы, которые показывают будущее. Иди-иди, не останавливайся. Вон там, на поляне - чрезвычайно ценная штука. Она возвращает молодость и красоту... - Виконт поперхнулся; к горлу подступила тошнота.

Элиан замаялся на краю прогалины с Серебряным Дождем. Рафаэль ухватил его за плащ и потянул за собой:

- Ты сказал: мне совсем не осталось жить. А эта штука немного отсрочит конец. Ты же хочешь, чтобы я прожил подольше?

Элиан покорился. Какое бы заклятье на нем ни лежало, он не хотел, чтобы друг

умирал.

Рафаэль повел его к сыплющимся с неба серебряным хлопьям. Они опускались, плавно покачиваясь, и таяли, не достигнув земли.

- Эл, тут нет ничего страшного. Тигр, о котором я говорил, дважды прошел через Дождь...

Он сбился и смолк; на миг даже тошнота отпустила. Виконт сообразил, что хранится в древнем подземелье. И как будто заново услышал: «Скажи. Я ведь не прошу отдать». Ну да: открой Рафаэль тайну, Эл попросил бы это себе - для чужого мага. Наложенное заклятье рождало нестерпимое желание отдать все, что бы Эл ни потребовал. Счастье, что Рафаэль прежде не догадался.

Дождь был совсем рядом. Первая серебрянка прильнула к щеке Элиана.

- Нет! - Он отшатнулся.

- Иди, - приказал виконт. - Ради нас с Ли.

Элиан шагнул в самый центр «звездопада». Оглянулся:

- А ты?

- Проходи дальше, - махнул ему Рафаэль, тревожась. Сколько времени нужно, чтобы Дождь смыл заклятье, но Элу не повредил? - Иди скорее.

Элиан вышел из-под Дождя. С десятков хлопьев задержались у него на плечах и медленно таяли. Выглядел он гораздо лучше, лицу вернулись живые краски.

Виконт с омерзением обнаружил у себя на рукаве две блески, поспешно стряхнул. Как его угораздило? И... кажется, он что-то позабыл? Нечто важное или так, чепуху?

- Эл, пойдём, некогда тут прохлаждаться.

Лисица-напоминание поджидала на границе голых камней и травы. Настороженные уши подрагивали, возле лапы что-то блестело. Рафаэль наклонился посмотреть, и его едва не стошнило.

На камешках лежала изумрудная заколка для волос. Здесь была Жозефина. Ходила под Серебряный Дождь? Вздумала омолодиться? Да как только прознала об омоложении?!

Рафаэль подобрал заколку. Вот почему на кладбище нет надгробия для сына Леона: Жозефина погубила своего еще не родившегося ребенка. Он в ней просто исчезнет.

Двинулись обратно к аллее.

- У меня в голове туман, и память отшибло, - растерянно сообщил Элиан. - Наверное, я приехал с тобой мириться?

Хвала Белому Пламени, Эл не помнит, как стоял на коленях и плакал. Зато Рафаэль этого не забудет. И посчитается с врагом... если успеет.

Среди деревьев завиднелась оградка с воротами в чужой мир. Неподалеку в воздухе висели часы - стрелки и цифры делений. Виконт повернул к ним.

С того раза, когда магическое изобретение предсказало возвращение отца с вызволенным из плена Элом, Рафаэль к часам не обращался. Нынче терять было нечего, а он желал знать, что будет завтра. Настанет ли для него это завтра.

Он кое-как дотянулся до глядящей в зенит минутной стрелки, однако сдвинуть ее не хватило сил. Элиан присел, согнув одну ногу в колене так, что получилась ступень:

- Залезай.

Поднявшись, Рафаэль взялся за хрупкую с виду, тонкую стрелку, хотел повернуть на двадцать четыре оборота. Стрелка нехотя провернулась один раз - и стала намертво.

Окружающий мир потонул в бешеном рыжем огне. Стремительное пламя с ревом вынеслось из тьмы, пожрало Рафаэля и полетело дальше. Охватило Эла, слилось с его золотой шевелюрой, затем обняло Иллиану, сродняясь с золотыми сполохами в ее глазах, и наконец пало на что-то страшное, сотканное из самих Черных Искр, и принялось с ним сражаться. Вслед за тем настала пустота, в которой не было ни света, ни страха, ни боли, ни жизни.

Медленно, неохотно, прежний мир возвратился. Рафаэль лежал на земле, над ним склонился Элиан:

- Воды? Вина? Позвать Леона?

Рафаэль осторожно сел. Горло саднило.

- Я кричал?

Элиан кивнул. Похоже, виконт кричал так, что друг из милосердия его пощадил, не живописуя подробности.

Рафаэль прокрутил стрелку вперед на час. Выходит, остался только час жизни? А потом - бешеное пламя, пожирающее всех и вся? Он вскочил:

- Идем скорее!

- Ну, нет. Я тоже хочу знать, какие ужасы готовит будущее, - объявил Элиан.

Ему хватило роста и силы в руках, чтобы, стоя на земле, сладить со стрелкой. Под его пальцами она вращалась легко, словно это было не магическое изобретение, а сломанная детская игрушка. Рафаэль невольно считал обороты: один, два, три, четыре... Затем перестал считать.

Стрелку внезапно заклинило. Элиана отбросило от часов, как тряпичную куклу; он свалился в траву. Застонал, потом вскрикнул, словно отдал команду. И очнулся. В глазах стояло изумление.

- Ты из-за них так кричал? Из-за рыжих собак?

У Рафаэля отлегло от сердца. Раз у Элиана спустя много часов будут рыжие псы, значит, его через час не сожжет пламя... Если только не врет изобретение предка.

Под ногами крутилась лисица, понукая: «Идем же, идем!».

Снова зашагали по аллее.

- Леон, - вдруг сказал Элиан.

Навстречу со всех ног мчался граф Альтенорао - без шляпы, без плаща, в домашней рубашке.

- Живы? Целы? Кто кричал? - подбежав, он схватил за руки Рафаэля, окинул его цепким взглядом, потом так же схватил Элиана. И резко отстранил: - На тебе было сильнейшее заклятье. Куда ты его дел?

Рафаэль повлек брата к дому; в нескольких словах поведал, с чем приехал Элиан, затем передал заколку:

- Жозефина ходила под Серебряный Дождь. - Добавлять про погубленного ребенка не стал; кому как не Леону это понимать без объяснений.

- Ну что ж, значит, так, - у графа чуть дрогнул голос. - Что у тебя еще?

- Часы предсказали: мне - сметающее все пламя, а Элу - рыжих собак.

Леон на всем ходу развернулся и заступил Элиану дорогу:

- Ты видел рыжих собак?!

- Да. Ну и что?

- Ясные образы от наших часов простые люди не видят. Это бывает только с магами.

Элиан оскорбленно выпрямился:

- Я сказал правду.

- Верю, - примирительно улыбнулся Леон. - Так вы, сударь, и есть маг. Я в этом окончательно убедился.

- Идем! - не выдержал Рафаэль. Времени осталось - меньше часа. Он снова потащил брата за собой. - Леон, с какой стати Эл - маг?

- Посмотри на него, златоглазого. Отец говорил: наши близнецы рождены магией и ее же несут в себе. До поры до времени.

- До какой поры? - недоверчиво осведомился Элиан, поспевая следом.

- Пока она тебе не потребуется. Ваша с сестрой магия - на один раз, на самый крайний случай. Кстати, я надеялся узнать у твоего отца, кто в свое время обеспечил ему детей несказанной красоты. Кто подарил Рафаэлю друга и возлюбленную, ради которых он готов на все. Через которых с ним легко управляться - например, дать доступ к тайным книгам, чтобы он в них рылся и добывал нужные знания...

Элиан хотел было возразить, но Леон повысил голос, заставляя его молчать:

- Через вас двоих Рафаэля нетрудно подчинить себе. Чтоб ты знал: подмятый чужой магией, он чуть не прикончил Иллиану. А когда не вышло, негодяй прислал к нам тебя - под кинжал, под осколок стекла, хоть под удар стулом по хребту. С расчетом, что он посулит вернуть тебя к жизни, а Рафаэль, от горя потеряв голову, взамен выложит ему тайны рода Альтенорао.

- Зачем убивать, если сейчас он поступил куда проще? - спросил виконт.

- Видимо, повзрослевшие маги-близнецы стали слишком опасны. Маркиз же мне ничем не помог; заклятье не позволило ему вспомнить своего благодетеля.

Над кронами цветущих деревьев выростали, приближаясь, полупрозрачные башенки дома. У Рафаэля был еще вопрос к брату.

- Эл сказал странную фразу: «Вороны отыщут, где ни спрячься». Что это может значить?

- Вороны? - переспросил граф, останавливаясь. Кожа на лице серела, черты заострились, как будто он старел, шагнув под неведомую противоположность Серебряного Дождя. - Герзенгольц, - выдохнул Леон потрясением. - Это он... - Граф взял себя в руки: - Как далеко в будущем ты видел то пламя?

- Через час. Уже меньше.

Леон ринулся к дому с криком:

- Йохана ко мне!

Йохан Жуг был мажордомом в поместье Альтенорао. Он вышел из дверей - не на зов, а по каким-то своим делам, и взлетевший по лестнице граф едва не сшиб его с ног.

- Йохан! Всем покинуть дом. Вещи брать некогда. Детей и деньги. И пусть уходят. Через службы, вдоль прудов, в лес. Рафаэль, за мной, - Леон кинулся в дверь мимо остолбеневшего мажордома. - Жозефина! Жожо! Где ты?!

В вестибюле, среди зеркал и резных деревянных панелей, граф огляделся, надеясь увидеть жену, бегущую по коридору в одном из крыльев их большого дома. Однако она как в воду канула. Ругнувшись, он шепотом произнес заклинание, от которого зашептали, зашипели, зашелестели стены и полы.

- Жозефина, - отчетливо выговорил Леон, и ее имя повторилось в залах и комнатах на всех трех этажах, - возьми ларец с драгоценностями, теплый плащ и беги из дома вместе со слугами.

Разнесшееся по дому указание отозвалось воплями перепуганных служанок. Вопли тоже пошли гулять, пугая людей еще больше.

- Молчать! - приказал граф. - Кому дорога жизнь - уходите. Через час тут все запылает. Элиан...

- Я остаюсь, - объявил тот, и дом подхватил его слова. - Ты сам сказал: я тоже маг.

- Это будет твое последнее приключение.

- Ваши часы явили мне собак много времени спустя.

Леон махнул рукой, уступая.

Взбежав по лестнице на третий этаж, он повернул налево; там находились две библиотеки - обычная и «магическая» - и рабочий кабинет самого графа.

Стены гудели причитаниями и бранью слуг, распоряжениями мажордома, детским плачем, мяуканьем кошки.

- Господин граф! - прозвенел испуганный девчачий голосок. - Кошку с котятками можно забрать?

- Забирайте все живое. Не забудьте лошадей. И шевелитесь, унеси вас Белое Пламя!

В конце крыла Леон остановился у пустой стены; по мановению хозяйской ладони в ней проступила массивная, с бронзовыми накладками дверь кабинета. Леон пробормотал заклинание, и дверь отворилась. За ней оказалась непроглядная тьма. Оттуда с визгом вырвались два черных существа, похожие на огромных летучих мышей, кинулись на Рафаэля и Элиана, крыльями залепили глаза, когтями впились в горло.

- Свои, - бросил граф, и твари мгновенно исчезли.

Элиан с Рафаэлем ошарашенно переглянулись, одинаковым движением пощупали горло. Крови не было.

- Проходите. - Леон зашел в кабинет, щелкнул пальцами.

Мрак сменился тусклым светом, сочившимся из окна с задернутыми шторами. Рафаэль огляделся. Книжный шкаф с застекленными дверцами, письменный стол, камин, жесткое кресло, в углу - напольная ваза с охапкой белых лилий, похожих на те, что Жозефина посадила на могиле графини Альтенорао. От них шел тонкий аромат.

Здесь было очень тихо - ни голосов, ни плача, ни шума сборов. Очевидно, отсюда тоже не уходило ни звука.

На стенах висели картины в грубых, едва оструганных рамах. На одной проступали из тьмы каменные ступени, на другой можно было разглядеть восемь окованных железом дверей, на третьей ничего не разберешь, как будто нарисован серый пепел, а на четвертой выписана дюжина разнообразных ключей с хитроумными бороздками. Они висели на гвоздях, вбитых в дубовую панель, и были освещены не поместившейся на картине свечой; ее свет отражался на их черных, красных, желтых, позеленевших тельцах, подчеркивал царапины,

вмятинки, пятна ржавчины.

Граф Альтенорао повел рукой, и нарисованные ключи обратились настоящими, а рядом вспыхнула укрепленная на стене магическая свеча. Граф снял с гвоздя один из ключей и отпер дверцу книжного шкафа. Не без труда вытянув книгу с закованным в серебро переплетом, Леон отнес ее на письменный стол, раскрыл, зажег еще две свечи и наклонил так, чтобы капли расплавленного воска падали на страницы.

- Рафаэль, затопи камин, - велел он, усевшись к столу. Кивнул на пустой угол: - Дрова найдешь там. Нащупаешь и сложишь, затем подожжешь. Эл, сними картину с лестницей, вырежи из рамы холст. Раму нужно разломать и положить в камин, когда разгорится.

Леон сосредоточился на книге. На нее падали мутные капли, и он переворачивал страницы и прижимал, склеивая воском лист за листом.

Рафаэль вытаскивал из угла невидимые дрова. Намучился: чурочки были расщепленные, занозистые и немилосердно кололись, все больше под ногти. Элиан тоже едва справился с порученным делом и шипел от боли. Зато огонь в камине полыхнул, чуть только Рафаэль поднес свечу.

- Эл, клади раму, - велел граф Альтенорао.

Обжигаясь, Элиан сунул в пылающий зев камина обломки. Языки пламени съежились, потускнели, но, лизнув раз-другой, признали грубо оструганное дерево за пищу.

Граф поднялся от стола, свернул в трубку холст со ступенями и, что-то шепча, бросил в камин. Холст неспешно развернулся, накрыл пылающие дрова. Изображение проступило намного отчетливее: можно было разглядеть каждую щербину на древних ступенях, каждый стык на каменной стене рядом. Затем полотно вспыхнуло зеленым пламенем - и осыпалось пеплом. Огненные языки на невидимых дровах танцевали свободно и радостно.

Леон устало потер лицо и возвратился к столу, перевернул очередную страницу.

- Снимайте картину с дверями. Так же вырезать полотно, разломать раму. Холст разрезать на восемь частей, каждую со своей дверью. Осторожнее, не повредите двери. И складывайте на полу, не спутав порядок.

Опять намучились, хоть и укрощали картину вдвоем. Разрезали вкривь и вкось, хотя кинжалы были превосходно наточены. К счастью, ни одну дверь не задели и не оттапали от нее кусок. Когда Леон подошел принимать работу, оказалось, что кособокие обрезки заляпаны кровью, а пальцы Элиана и Рафаэля щедро кровоточат.

Граф бросил в камин обломки рамы, одну за другой скормил огню нарисованные

двери. Они сгорали быстро, на несколько мгновений успев проявиться до последнего гвоздя и заклепки. Леон раз за разом шептал короткое заклинание; и от раза к разу ему становилось все труднее дышать, на лбу выступила испарина.

Вернувшись к столу, он обессиленно повалился в кресло, поставил свечи прямо, чтобы не капали воском.

- Мы с вами материализовали лестницу в подземелье и восемь дверей, которые предстоит открыть... но это далеко не все. - Он посидел, прикрыв глаза, и снова заговорил: - Герзенгольц явится сюда и, насколько я представляю, попробует сторговаться. Ваше дело - не верить ни единому слову. Вам ясно, господа?

Господа кивнули.

Передохнув, граф потянулся к панели с ключами, выбрал один. Шепнул над ним заклинание, вынул из ящика стола моток веревки и вместе с ключом передал Рафаэлю:

- Сделай связку. Так, чтобы шли по порядку и было бы трудно перепутать.

Виконт поочередно связал четыре ключа, с беспокойством поглядывая на брата. Леон стремительно уставал от заклинаний. Горящие свечи бесстрастно подчеркивали его ввалившиеся щеки, темные круги под глазами, пересохшие губы.

- Вот что тебе нужно знать, младший маг, - граф улыбнулся измученной улыбкой. - Отпирать двери пойдешь один. Помни: Герзенгольц непомерно алчен, коварен и жесток. И очень силен. Нельзя, чтобы он стал еще сильнее, завладев магией нашего рода. Быть может, у тебя достанет сил ему не поверить и хватит решимости убить. Потому что ты сильнее меня. И ты - маг-охотник.

Граф произнес заклинания над пятым и шестым ключами, посидел, отдыхая. Рафаэля подмывало спросить, что же сокрыто в подземелье, но удерживала мысль, что брат об этом молчит неспроста.

- Леон, если Герзенгольц - преступник, - заговорил Элиан, - отчего ты не зовешь на помощь? Ведь над магами есть свой закон, своя власть...

У Леона гневно сверкнули глаза.

- Чтобы иметь право на помощь, надо состоять на службе. Служить королю, а главное - Высокому совету магов. Альтенорао никогда не служили, наш род был в стороне от козней, интриг и попыток урвать свой куш. Известно: наша магия не принесла нам ни гроша. Однако она не принесла и горя в мир, не прибавила нам позора. Ею не пользовались негодяи, порабощая умы и души, с ее помощью не воевали короли. А теперь ушлому мерзавцу вздумалось, чтобы она служила ему... К Черным Искрам Совет! Но и в частном порядке я никого не дозволялся. Магам слишком дороги собственные покой и безопасность.

Граф помолчал, успокаиваясь, затем прошептал заклинание над седьмым

ключом, а восьмой вручил Рафаэлю как есть:

- Ты откроешь дверь своей волей. Захочешь - ключ повернется в замке. Нет - никто не отопрет, даже могучий Герзенгольц.

Потом он снял со стены последнюю уцелевшую картину. Пепел на холсте шевелился, как будто под ним таилось нечто живое. Граф передал картину Рафаэлю:

- Тебе вырезать и жечь. Раму не ломай, она должна сохраниться целой. Тогда содержание картины останется, так сказать, в рамках твоей воли.

Виконт кое-как справился с непокорным, ускользящим от лезвия холстом.

- Сверни и брось в огонь, - велел Леон.

Рафаэль так и сделал. Скрученное в трубку полотно неохотно развернулось. Затем пламя оглушительно взревело и метнулось из камина на волю, кинулось Рафаэлю на руки и в лицо, облизало жгучими языками. И возвратилось на место, тихо свернулось на черном холсте. Угасло. Рафаэль остался сидеть на полу, прижимая к груди обожженные руки. Ослеп. Оглох. Руки... Как теперь быть?!

Леон выхватил из вазы цветы, плеснул водой брату в лицо. Зрение и слух возвратились.

- Прости, без этого не обойтись. Пламя должно было признать тебя за хозяина.

Элиан шепотом выругался.

Рафаэль неуверенно поднялся. Хотелось заползти куда-нибудь, свиться в клубок и замереть. Уснуть, если получится. И спать, пока не заживут эти страшные красные пятерни, с которых огонь слизнул кожу.

- Не спеши, - мягко сказал Леон. - Руки вернуться; надо немного подождать.

Какое «подождать»? И так сколько времени улетело! Сжав зубы, Рафаэль забрал со стола связку ключей.

- Не торопись, - повторил старший брат. - Наше будущее от нас не уйдет. - Он взял Рафаэля за плечи и долго смотрел ему в лицо. Прощался. - Что ж, иди... маг-охотник. Эл, помоги сдвинуть шкаф.

С виду шкаф был тяжел, как скала, однако на удивление легко отъехал в сторону. Леон поднял крышку люка. Под ней был вертикальный ход с железными скобами; стенки источали слабый свет.

Не потерять бы ключи. Рафаэль сунул связку под рубашку, и она легла на животе уютным холодком.

Леон вдруг подался к окну, раздернул шторы:

- А вот и его светлость Герзенгольц. Титул герцога был пожалован безродному проходимцу за услуги, оказанные королевской фамилии.

По аллее, ведущей от ворот к дому, катилась роскошная с виду карета - красного

дерева, с позолотой. На козлах - щегольски одетый кучер, и на запятках два лакея. Вороной, запряженный в карету, не бежал - летел, стелясь над землей.

- По-моему, я это уже видел, - пробормотал Элиан. - Вороны и дракон.

Рафаэль пригляделся. Фигуры кучера и лакеев расплывались, их щегольская одежда тускнела, темнела, лица вытягивались, а руки обрастали бахромой. Утрачивая очертания людей, они стремились превратиться в огромных черных птиц, - и все-таки не превращались, в последний миг удерживались в человеческом обличье. Великолепный вороной колебался между конем и драконом: то можно было разглядеть мерно взмахивающие крылья, поджарое туловище, злобную рогатую головку на тонкой шее, а то - конь как конь. Разве что летит, земли не касаясь.

Рафаэль торопливо скользнул в узкий ход. И не видел, как сверкающая позолотой карета подкатила к парадному входу, как дракон сложил крылья, но хищно вытянул шею, осматриваясь и что-то выискивая, как встрепенулись и завертели головами вороны. Не видел, как из кареты молодцевато выскочил маг Герзенгольц, в насмешливом приветствии приподнял шляпу, а в карете был кто-то еще, и там бились черные крылья.

Это видели граф Альтенорао и Элиан; они опрометью кинулись вниз.

Слабого света хватало, чтобы рассмотреть гравировку на железных скобах, по которым спускался виконт. На каждой - бегущие вереницей собаки. Впереди крупный вожак, за ним след в след, как волки, основная стая, а позади едва поспевает нелепый пес-недоросток, мохнатый клубок на коротких лапах. Большие на всех скобах бежали целеустремленно и одинаково, а недомерок запинаясь, кувыркаясь, «служил», что-то вынюхивал, выкусывал блох, задирает лапу. Наблюдая за ним, Рафаэль забыл про сожженные руки.

Огонь и собаки, с которыми Альтенорао могли явиться в чужой мир... где вообще-то их магия не действует. Магический огонь Рафаэль много раз видел и сегодня ощутил на себе. А собаки? Таятся в подземелье за восьмой дверью? Он посчитал бегущие по железу фигурки. Восемь. И восьмой - вечно отвлекающийся, смешной недомерок.

Тихо как. Сюда тоже не дотягивается заклятье, разносящее по дому голоса. Все-таки Рафаэль позвал наудачу:

- Леон!

- Да, я с тобой, - шепотом откликнулся старший брат.

И сейчас же ворвались другие звуки:

- ...негодяй! - вскрик Элиана, затем его стон.

- Неужели откажетесь от выгодной сделки? - вкрадчивый, мурлыкающий и

одновременно смеющийся чужой голос.

И еще - брань, похожая на хриплое карканье. Нога не нащупала следующей скобы. Рафаэль оборвался, повис на руках.

- Разве жизни еще нерожденного сына и младшего братишки того не стоят? - мурлыкал-смеялся чужак. - Право же, граф! Две жизни - за сущий пустяк.

Виконт разжал пальцы и полетел вниз.

Каменный пол ударил по пяткам, взбрыкнул, опрокинул. Рафаэль прокатился по плитам, больно ударившись головой; сел. Уставился в оскаленную собачью пасть. Ну и клыки!.. Пес был каменный: сам черный, клыки белые, выкаченные глаза с янтарными вставками.

- Нет, ваша светлость, вы ничего не получите, - дошел до сознания бесстрастный ответ Леона.

- Подумайте, граф: в моих силах подарить им жизнь. И вы снова откажетесь? Одним словом убьете обоих?

Рафаэль обнаружил дверь - неприступную, окованную железом. Каменный пес сидел прямо перед ней и не позволял отворить. Больше того, виконт не нашел замочной скважины для ключа. Биться над загадкой было некогда.

- Леон!

- Нет, и довольно об этом! - прилетел ответ.

Брат отказал Герценгольцу, но и Рафаэлю велел молчать. Герцог, однако, насторожился.

- С кем вы беседуете, граф? - промурлыкал его светлость, а смех в голосе стих.

Рафаэль дальше не слушал. Дело Леона - заговаривать врагу зубы, пока он тут управляется. Сев на корточки, он заглянул в каменные глаза.

Не друг, не слуга - сторож. Равнодушный и неподкупный.

Однако Леон ведь не зря дал ключи. Рафаэля осенило. Вытащив связку, он выбрал из нее ключ номер один и сунул в приоткрытую пасть. Веревка лопнула, ключ вырвался из пальцев и ушел вглубь, словно пес его жадно сглотнул.

Черная глыба двинулась на отпрянувшего виконта. Вслед за псом тронулась с места и дверь. Рафаэль шагнул в открывшийся проем, ожидая, что дверь зловеще захлопнется за спиной. Но нет - она осталась открытой.

Лестница. Древняя, с выщербленными ступенями, очень крутая, освещенная непонятно чем. Он зашагал вниз, стараясь ступать потише.

- Дорогой граф, вы негостеприимны, - смеялся наверху чужак. - Так и будем стоять на пороге? Ну, дело ваше... Что же, вы не пощадите и этого славного мальчика? Мои вороны выклюют его золотые глаза. Желаете это увидеть, милейший?

Рафаэль пустился бежать.

И наткнулся на выросшую ниоткуда дверь. Только что впереди ничего не было - и вот, пожалуйста. У порога спит белый каменный пес. Морда прикрыта лапой, но ухо чутко приподнято.

Наверху препирались:

- Я позволю себе не поверить вам, дорогой граф. Мальчишка не может находиться под опекой Совета, ибо его магия пренебрежимо мала.

Леон что-то солгал в защиту Элиана - Рафаэль не вслушивался, выбирая в связке номер второй. Наученный опытом, отрезал ключ от общей связки и сунул в настороженное песье ухо. Ключ исчез, провалившись в пустоту. Ухо дрогнуло. Дверь тронулась с места, сдвигая в сторону спящего сторожа. Виконт кинулся в щель, не дожидаясь, пока дверь отворится как следует.

- А где ваш брат, позвольте осведомиться? - услышал он на бегу. - Любимый братишка, которому совсем не осталось жить, ибо вы приговорили его к смерти?

Ответ Леона потонул в рычании, донесшемся снизу. Перед третьей дверью присел на задние лапы свирепый желто-коричневый пес.

Грозное рычание было эхом, которое отзывалось на каждый шаг Рафаэля. Звякнувшие от неосторожного движения ключа породили омерзительный вой.

Как эта тварь рычит и воет, если у нее закрыта пасть? Тихо подкравшись - пес все равно злобно хрипел, - виконт рассмотрел сторожа вблизи. Замочной скважины не обнаружил.

- Лови! - шепотом велел он, бросая ключ, будто кость.

Взгляд не уследил, однако Рафаэль мог бы поклясться: каменная тварь на лету поймала подачку и сожрала. Прекратила рычать и хрипеть. Дверь и пес поехали ему навстречу.

- Рафаэль, откликнись, - мурлыкнул Герзенгольц. - Попроси брата, чтобы он купил тебе жизнь. Заодно попроси, чтобы выкупил жизнь Элиана. Всего-то нужен мне пустячок, который иначе пропадет ни за грош. А, Рафаэль? Где ты, мой мальчик?

Лестница повернула и уперлась в четвертую дверь. Здесь не было сторожа, но и замочной скважины Рафаэль не нашел. И дверных петель тоже. Они с той стороны? Значит, дверь открывается вовнутрь, если считать, что сам он находится снаружи.

Рафаэль надавил ладонью, затем налег плечом. Дверь сдвинулась. Стала, но в щель можно заглянуть... Изнутри на него смотрел пес, а на умильной морде яснее ясного читалось: «Давай поиграем!».

- Рафаэль, тебе любопытно со мной побеседовать? У меня довольно пленников,

дорогих твоему сердцу.

Он швырнул ключ поверх собачьей головы. Зазвенело - ключ заскакал по ступеням. Пес развернулся и прыгнул следом; тяжело ухнул камень о камень. Дверь свободно открылась. Рафаэль перебрался через распластавшееся на лестнице собачье тело, невольно пощупал прижатый мощной лапой ключ - не стронуть! - и побежал вниз.

- Ну, вот что, граф, хватит терять время, - раздраженно сказал Герзенгольц. - Пропустите.

- Нет.

- Бросьте, я все равно пройду.

- Попробуйте.

Рафаэль едва признал голос брата: Леон страшно, безнадежно устал. Враг не просто так топтался на пороге, молот языком - он сражался. И, увы, побеждал.

Пятая дверь. Растянувшаяся у порога сука кормила щенков. Они дружно уткнулись мордочками в материнское брюхо, а одного оттеснили, и он цеплялся лапками за каменную плиту, пытаясь вслепую ползти. Не колеблясь, Рафаэль сунул ему под брюшко ключ, нажал - и оторвал от пола. Думал было перенести щенка к матери, но каменная фигурка треснула и рассыпалась. Сука подняла голову.

- Я хотел помочь... - растерянно прошептал Рафаэль.

Собака тяжело привстала; щенков оторвало от сосцов, и они завопили на полу.

- Прости, мать, - Рафаэль ссыпал оставшееся в горсти крошево рядом с живыми малышами, положил ключ. - Мне очень жаль.

Собака с хрустом перевалилась на другой бок, носом подтолкнула щенков поближе к себе и подальше от двери. Виконт перешагнул через семейство и протиснулся в открывшуюся щель.

Наверху смеялся-мурлыкал Герзенгольц:

- Любезный граф, вы уже лишились физических сил, а сейчас я отниму у вас волю. И вы как миленький отдадите мне нужное. А потом... Что? Не слышу!

Беззвучный шепот Леона не добрался вниз, к Рафаэлю.

- Ах так?! - в ярости взревел его светлость. - И ты морочил мне голову?! Тварь! - Он сорвался на визг.

У Рафаэля на бегу подогнулись колени, словно ему всадили нож в сердце. Он покатился по лестнице, зная: Леон убит. Брат сделал, что мог... задержал врага, как сумел... боролся до последнего вдоха... И погиб!

Он ударился головой, чудом не свернув себе шею, и остался лежать оглушенный.

Будто сквозь толстую стену донеслись женский визг и хриплый хохот, похожий на карканье. Затем отчаянный крик Жозефины:

- Лео-он!

Явилась. Где она была? В парке? Мысли в гудящей голове едва ворочались.

- Жозефина, возьми ларец с драгоценностями, теплый плащ и беги из дома вместе со слугами, - прозвучал голос графа Альтенорао. Он был уже мертв, а указание жило.

Наверху опять закаркали-захохотали.

- Леон! - рыдала Жозефина. - Что ж это?! Как же ты?! А-а-а! Уби-ийца! Вот тебе, вот тебе, вот!.. - Вне себя, она кинулась на грозного мага. Закричала от боли.

- Грязная сучка, - прошипел Герзенгольц. -- Ты отправишься вслед за муж... - Он вдруг захрипел.

- Жозефина, беги! - властно выкрикнул Элиан.

- О-о, магический мальчик, очнулся? - язвительно, хоть и слегка задыхаясь, вымолвил Герзенгольц. - И вообразил, будто со своей плевой магией можешь со мной тягаться? Но ты потратил всю силу на эту крикливую сучку... и больше не навредишь.

Крики и плач Жозефины стихли. Рафаэль различил ее жалобные стоны; они удалялись. Каркали-посмеивались вороны.

В голове прояснилось. Виконт лежал на площадке - ноги на ступенях, а голову не поднять. Надо же, как угодил: головой под собачье брюхо, плечами - в широко расставленные лапы. Выбравшись из ловушки, он поднялся на колени. Пес из белого-зеленого камня тянулся мордой к его лицу.

- Леон убит, - поделился Рафаэль своим горем.

Осмотрелся: где связка? Вот она. Топорщатся веревочные обрезки, а ключи перепутались. И... Белое Пламя! Их всего два - седьмой и восьмой. Шестой пропал!

Прохладный язык лизнул Рафаэля в щеку: не тревожься, ключ взят. Пес тягуче поднялся, задрал морду и коротко, гулко гавкнул. Распахнув дверь, Рафаэль ринулся дальше. Нависающий над головой потолок светлел, словно превращаясь в бумагу с рисунком из каменных плит.

- А вот и новоиспеченный граф! - раскатился торжествующий крик Герзенгольца. - Смотрите-ка: старший маг семьи удирает, как заяц от охотничьей своры!

Да, со смертью Леона Рафаэль стал графом и старшим магом семьи. Он бросил взгляд вверх. И замер пораженный.

Дом светился насквозь, как стеклянный. Стены, перекрытия, мебель - все сделалось дымчатым и прозрачным. Подземелье же было затянуто туманом, в котором угадывались древний фундамент, винный погреб, заброшенные мрачные

помещения - не то кладовые, не то казематы. Что находилось внизу, за седьмой дверью, не было видно.

- Не туда глядишь, мой дружок! - со смехом вскричал Герзенгольц.

Рафаэль повернулся, увидел пройденный путь. Ступени, стены, потолки, двери, каменные сторожа - все это стало прозрачным и не чинило глазу преград. В подземелье спускалась процессия: согнувшийся, как от страшной боли, Элиан со связанными за спиной руками, человек-ворон с клювом вместо лица, следом - немолодой, грузноватый герцог в богатых одеждах, а за ним - два ворона, которые тащили нечто, завернутое в темную ткань. Безвольный сверток длиной в рост человека.

- Сильная магия делает путь короче, - самодовольно объявил его светлость. - Нам не пришлось лезть колодцем... да и не все мои спутники одолели бы крутой спуск! - Он зашелся радостным смехом; запрыгали вислые щеки, похожие на бурдючки с водой. Эти щеки и крупный мягкий нос совсем не вязались с острым взглядом темных настороженных глаз.

«Не верить ни единому слову», - прозвучал в ушах голос Леона. Рафаэль опомнился, развернулся и снова кинулся вниз.

- Стой! - велел Герзенгольц. - Послушай меня, не то будет поздно!

Чужая магия ударила по ногам, вышибла из них уверенность и ловкость. Не убиться бы на ступенях. Рафаэль привалился к стене плечом. Пусть медленно, пусть кое-как, но дальше, дальше. Он должен... Что? Убить герцога? Или отказаться от магии, отдать ее в надежные руки? Герзенгольц сумеет распорядиться ею получше, чем неумеха Альтенорао.

- Пощади Иллиану, - замурлыкал герцог. - Ее жизнь зависит от тебя. Твой брат не желал щадить никого. Но ты-то подумаешь о других? Вспомнишь о девушке, которую любишь?

Не верить ни слову! Как трудно не верить... Как тяжело торопиться, когда ноги вязнут, словно в трясине.

- Послушай, мой мальчик, - вкрадчиво шептал Герзенгольц. - Альтенорао отродясь не знали, что делать с магией. Ваши изобретения бесполезно гниют в глупом парке с его единственным временем года. Людям не достались ни вечный свет, ни самобеглые экипажи, ни бесценный Серебряный Дождь. Потому что все, изобретенное вами, связано магией и не способно отсюда уйти. И никто не может эти изобретения повторить. Все лучшее вы подгрести под себя и сидите, будто собаки на сене. Двадцатый век на дворе! Слышишь? Двадцатый! А люди не знают пользы электричества, не ездят на автомобиле, не летают на аппаратах тяжелее воздуха, не применяют порох и нефть, не знакомы с простейшим предсказателем в

виде часов. А сколько прекрасных женщин теряют свою красоту без Серебряного Дождя! Сколько мудрецов прежде времени сходят в могилу, не избавившись под Дождем от болезней! Подумай, какое доброе дело ты сделаешь, отпустив вашу магию в мир... передав ее мне, ибо я способен найти ей достойное применение. Подумай о том, как хочет жить Иллиана. Как ты хочешь жить вместе с ней. Хочешь жить... хочешь... жить...

Заклинания герцога шелестели, впиваясь в сознание, грозя подчинить волю. Не верить! Не слушать! Идти вперед. Вниз. Еще шаг. Еще...

Седьмая дверь. У порога - рыжий пес. Лежит на боку, вытянув лапы; голова запрокинута, горло разорвано. Он даже не каменный. Он только что был живой - кровь на шерсти не запеклась, и он совсем теплый.

- Я не в силах пощадить Иллиану, - бормотал Герзенгольц. - Сгоряча наложил столь крепкое заклятье, что сам не сниму, хоть и рад бы. Мне жаль ее - такую молодую, красивую. Ты должен мне помочь. Всего-то надо - немножко твоей магии, Рафаэль. И тогда я освобожу Ли от заклятья. Ты согласен? Договорились?

С языка рвалось: «Договорились! Согласен!». Вот только Леон... О чем он просил? Не верить ни слову? Но Герзенгольц - честный маг, он ошибся и желает исправить содеянное... А Леон уже мертв, и ему все равно.

- Леон мертв, - прошептал Рафаэль, вздрагивая от горя и от жалости к убитой собаке.

- Придумай, как открыть эту дверь, - нашептывал герцог. - А потом не спеши, дождись меня. Ты отдашь свою магию и получишь взамен Иллиану. Оглянись. Посмотри, что я предлагаю. От такого нельзя отказаться!

«Не верь!» - кричал кто-то. Леон? Мертвый пес? Лисица-напоминание? Вся магия рода Альтенорао?

Рафаэль нашел в себе силы не оглянуться. Он приложил седьмой ключ к горлу рыжего пса; пачкая кровью пальцы, сомкнул края раны.

- Мне нужна твоя магия. Ты отдашь ее. Без сожалений, - не отставал Герзенгольц.

Рана затягивалась. Ужасающе медленно! А Герзенгольц нагоняет, свободно проходя дверь за дверью. Эл идет первым. Связанный веревками, скрученный болью. Идет ли? Жив ли? Что с Иллианой?!

- Не спеши, - уговаривал герцог, незаметно обволакивая Рафаэля мощным заклятьем. - Ты разумный человек и внемлешь моим доводам. На них нечего возразить.

Пес дернулся, клацнув зубами; чуть-чуть промахнулся мимо руки. Рафаэль подавился нелепой обидой. Он со всей душой, а взамен...

«Беги!»

Он побежал. Вернее, поднялся на дрожащих ногах, с трудом отворил дверь и шагнул через порог.

- Помоги, мой любимый!

- Иллиана! - позабыв обо всем, Рафаэль обернулся.

Герзенгольц с пленниками миновал шестую дверь и направлялся к седьмой. Впереди - Элиан, в крови, то и дело оступаясь. За ним - человек-ворон, на каждой заминке он бил клювом Эла по голове. Герцог... по виду не герцог - монарх. Величественный, упоенный своей несомненной победой; даже вислые щеки подтянулись и уже не смахивали на бурдючки с водой. Два приотставших ворона теснили Иллиану: шагали по ступеням плечом к плечу, толкая ее, заставляя спускаться. Рафаэль замер, ослепленный. Иллиана шла почти нагая, в прозрачной накидке, которая не скрывала, а лишь подчеркивала красоту ее юного тела; золото волос струилось за спиной, прихваченное лентой, не позволяющей хотя бы прикрыть грудь. Иллиана шла со связанными руками, но с гордо поднятой головой, не смирившись с унижением плена.

Однако рот у нее был завязан платком, и звать на помощь она не могла.

Военная хитрость. Раз глянув, Рафаэль уже не смог оторвать взгляд от возлюбленной. Он не смел глядеть на ее плененное врагом нагое тело и в то же время был не в силах отвернуться, отвести взор, просто закрыть глаза.

«Беги!» - повелительно шевельнулись брови Иллианы.

«Скорее!» - сверкнул глазами Эл и пошатнулся, цепляясь за стену, замедляя общее продвижение. Преступный маг не спустится быстрее, чем Элиан позволит... Новый удар клювом по голове.

Рафаэль похолодел. Надо бежать, но взгляд не оторвать, не отвернуться.

Он попятился. Нащупал ногой край ступени. Шагнул, придерживаясь за шершавые камни стены. Второй опасный шаг. Третий. Нога скользнула на выщербленной ступеньке, и Рафаэль растянулся на лестнице во весь рост.

Герзенгольц издевательски хохотал, и глумливо каркали вороны. Рафаэль сползал на животе. Следом еле-еле двигался Эл. Отчего враги это терпят, не швырнут его вниз по ступеням? Догадаться нетрудно: Эл - щит между Рафаэлем и Герзенгольцем. Могущественный маг боится неумелого, необученного соперника. А Иллиану с ее магией «на крайний случай» беспечно оставил за спиной.

Оскорбительный хохот стих, и донеслось ядовитое:

- Напрасно надеешься. Девчонка не обладает магической силой. Тебе ли не знать: магами бывают только мужчины.

Враг услышал его мысли? Этого еще не хватало.

Герцог достиг седьмой двери,

Рафаэль дополз до площадки. Взглядом прикованный к Иллиане, пошарил ногой: каменного сторожа нет. Он встал, завел руки за спину, попытался нащупать в двери замочную скважину.

- Ищи, голубчик, ищи, - захихикал его светлость и потряс кулаком, в котором было зажато нечто блестящее. - Ключ-то твой - вот он. Обронил ты его, милоч, не заметив. Ключик - раз! - и ко мне перебрался. А мы-то сейчас и войдем! - В ликующем голосе прорвались интонации лавочника.

Не верить! Мало ли, у кого что блестит. Понять бы только, где настоящий ключ. Вот он - невидим, невесом, неосязаем, однако его можно признать по веревке. Бывший фокусник из бродячего цирка позабыл наложить на нее заклятье.

- Стой! - Герценгольц замахал руками. - Ты откроешь дверь для меня!

С той стороны что-то тихонько гудело. Рафаэль на ощупь искал замочную скважину. Вот, кажется, подходящая выемка. Теперь надо вставить ключ...

- Обожди! Иначе сожжешь Элиана с сестрой. И себя прежде всех. Ты не умеешь обращаться с магией, ты ничего не умеешь.

Ключ никак не лез в скважину.

Элиан внезапно распрямылся, ударил назад головой и тут же, развернувшись, - плечом. Его конвоир заорал, складываясь вдвое, оседая на ступени. В тот же миг Иллиана метнулась вперед и что было сил пнула Герценгольца в спину. Герцог рухнул на своего подручного, который барахтался и бил крыльями. От боли у него не получалось обратиться человеком, а огромная птица на узкой лестнице оказалась беспомощна. Особенно, когда сапог Элиана тяжело пришелся сперва по клювастой башке, а затем уж куда попал.

- Остановись, сумасшедший! -- зывал Герценгольц из облака разлетающихся перьев; ему никак не удавалось подняться, хотя магия уберегала от сапога.

Два замыкающих ворона боролись с Иллианой и друг с дружкой. Один пытался тащить ее вверх, другой, наоборот, толкал вниз. Оба каркали, жестоко бранясь, бестолково суетились, путались в обрывках накидки. Лента у Иллианы в волосах расплелась, платок на лице развязался, и обе тряпицы налипли воронам на глаза - не оторвать. Самонадеянный Герценгольц ошибся: Иллиана владела магией. Слабенькой и недолго живущей, но пришедшейся кстати.

Стоя к двери спиной, Рафаэль сражался с непокорным ключом. Не открыть. Он не хочет. Бойтся. Откроешь - и пламя сожжет Ли с Элом. Либо герцог захватит магию Альтенорао, подчинит ее себе, как ухитрился подчинить Рафаэля. Нельзя рисковать. Пусть лучше то, что за дверью, там и останется.

- Рафаэль, погоди! Я сейчас помогу. - Герцог барахтался вдвоем с вороном;

Элиан чудом до сих пор задерживал обоих. Его светлость выкрикивал, запыхавшись от борьбы: - Мы вместе откроем дверь, безопасно для всех. Ты не знаешь, какое могущество обретешь. Ваша магия способна перейти в другой мир. Мы направим ее через ворота в парке, и в том мире она окажется единственной. У нас с тобой не будет соперников. Ты будешь править половиной мира. Возьмешь туда Элиана, и он отомстит за свою безумную тетку и ее убитого младенца...

Так вот чего шесть лет назад испугался старый эмир - вторжения магии, которая способна сломать тамошние порядки.

- У тебя есть выбор. Жить там или погибнуть здесь, убить или спасти Иллиану. Рафаэль, опомнись! Подожди!

Ключ вошел-таки в скважину. Рафаэль стиснул зубы. Герзенгольц не присвоит мир восточных сокровищ, тайн и красавиц. Он не будет повелевать ни тем миром, ни этим. Магия Альтенорао не достанется негодяю и подлецу.

Ключ легко повернулся.

Герцог взвыл и кинулся вверх по лестнице. Сшиб с ног Иллиану, отшвырнул с дороги клубок из сцепившихся воронов.

Упавшая Иллиана пропала из виду: ее закрыли бьющиеся на ступенях птицы. Смотреть было не на что. Заклятье утратило силу.

Рафаэль крутанулся лицом к двери. Огонь в кабинете Леона совсем недавно признал его за хозяина. Это - его магия! Дверь широко распахнулась. В лицо дохнуло сухим жаром.

Подвал. Огромный и совершенно пустой. В дальней стене - восемь каминов; в каждом пылает гудящий огонь.

- Ко мне! - приказал Рафаэль. Если он - хозяин огню, пускай слушается. - Взять!

Пламя взревело и метнулось наружу. Собралось в блистающие сгустки, обрело форму собак. Огненные псы помчались к Рафаэлю, разбрасывая пылающие лоскутья, которые метались в воздухе, катались по полу, рассыпались на тысячи искр. Семь растрепанных молний, и восьмой - отстающий рыжий клубок.

- Стоять! - крикнул Рафаэль, хотя сам уже понял: отозвать псов невозможно. Он принял решение, и магия Альтенорао его исполняла.

Он крепче стал на пороге - единственная преграда между огнем и живыми людьми.

- Стоять! - приказал он, глядя в пылающую морду вожака. Огненные псы летели добыть свою дичь.

- Свои! - выкрикнул Рафаэль, и его накрыл вал огня.

Семь ревущих растрепанных молний вырвались из подвала и ринулись по лестнице вверх. Восьмой, смешной недомерок, остался с упавшим хозяином,

обнюхивал его, трогал лапой, облизывал искрящимся языком.

Огненная смерть пожрала комки изломанных перьев, собственным ревом заглушив предсмертные крики. Затем охватило Элиана, который стоял над вжавшейся в камни сестрой, безнадежно пытаясь прикрыть ее от огня. Пламя жарко расцеловало его, потом обняло Иллиану, сроднилось с золотыми сполохами в ее прекрасных глазах и долго не желало выпускать из объятий. А после кинулось дальше, наверх, сквозь седьмую, шестую, пятую двери. Настигло главную дичь и долго сражалось, изнемогая в тяжелой борьбе. А победив, рассыпалось на освобожденные золотые звезды. И ушло.

За стаей бежал лохматый недомерок и заботливо вылизывал тех, о ком хозяин сказал: «Свои!». Он тоже постепенно рассыпался золотыми звездами. Они оставались лежать на камнях и подолгу не гасли.

* * *

Мало-помалу Рафаэль пришел в себя. Он сидел, привалившись к мраморной балюстраде парадной лестницы, и дрожал от холода. Серое небо сочилось дождем, а внизу лежал парк с голыми скелетами облетевших деревьев. У подножия лестницы, где недавно стояла запряженная драконом карета Герзенгольца, курился дымком черный пепел.

Рафаэль поднял голову.

- Ожил? Наконец-то, - обрадовался незнакомый молодой человек. Светловолосый, кареглазый, располагающий к себе. Судя по дорогой шелковой рубашке - из благородных.

- Не узнаешь? - Незнакомец засмеялся - беззаботно, как мог смеяться только Элиан. - Твои огненные псы сожрали нашу с Ли красоту. Погибло все, к чему имел отношение Герзенголец. Мне-то не жаль, а сестренка сильно обескуражена. Для нее это большой удар... - Элиан зябко поежился, затем сел перед Рафаэлем на корточки и заглянул ему в лицо: - Раэль, ты очнулся?

- Ли жива? - переспросил виконт на всякий случай.

- Жива, - подтвердил Элиан. - Но ей страшно тебе показаться. Боится: а ну как ты ее разлюбишь?

Рафаэль внимательно поглядел на друга. Обаятельное, хоть и без изысков лицо, карие глаза с затаенной смешинкой. Очень славный. А Ли, конечно, еще милее. К тому же - Белое Пламя свидетель - Рафаэль любил Иллиану не за одну лишь ее красоту.

Словно угадав его мысли, Элиан улыбнулся; мир от его новой улыбки не расцветал, но на душе становилось теплее. Рафаэль улыбнулся в ответ и неловко поднялся.

- Леон ожидал, что псы сожгут и нас, и дом.

- Зачем им зверствовать? Ты отпустил магию Альтенорао на волю - они и счастливы. - Продрогший Элиан обхватил себя руками за плечи. - Если я правильно понял, мы скоро увидим ваши изобретения в действии.

Рафаэль невольно глянул, не летит ли в небе «аппарат тяжелее воздуха». Впрочем, так скоро мир не меняется. Он перевел взгляд на расстилающийся у подножия лестницы парк. Магия ушла, и в парке все было мертво.

И вдруг его пронзило:

- Где Леон?

- Герценгольц ударил его стилетом, - тихо сказал Элиан. - В сердце. Он умер мгновенно.

- Где он?!

- Жозефина тащила его вниз по лестнице...

Рафаэль кинулся бежать - по ступеням, по аллее, к прогалине с Серебряным Дождем. Земля была усыпана почерневшими соцветиями. Но если у Жозефины достало сил... если она успела, пока магия Дождя держалась...

Его нагнал Элиан, на бегу поделился:

- Я понял, к чему в будущем видел собак. У нас есть отличные гончаки. Рыжие. Я подарю их тебе. И ты снова будешь Повелителем Огненных Псов.

На аллее показались двое - тоненькая, хрупкая Жозефина и оживший, помолодевший, энергичный Леон. Они шли, держась за руки, и даже издали было видно, как они влюблены.

МАЙКЛ АЛЕКСАНДЕР

В ОКОПАХ

МАЙКЛ АЛЕКСАНДЕР

В ОКОПАХ

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Сомнительная попытка отлежаться в бомбоубежище. Так именуются эти землянки у больших шишек из Великого генерального штаба, сидящих в Бад-Кройцнахе*¹. А может, штаб уже перебрался в Спа?***² Этого даже Зигги не знал. Старый добрый Зигфрид с понимающим взглядом и сардонической усмешкой. Он всегда советовал мне смеяться, чтобы не плакать. Со временем становится трудно отличить одно от другого.

Я лежал на покореженных досках, которые впивались мне в позвоночник. Но хотя бы защищали от жидкой грязи на полу. Я уже три недели не снимал сапог, иногда мне даже становилось интересно, что там, в их глубине, происходит.

Ходили слухи, что скоро начнется грандиозное наступление, что мы должны будем вклиниться между британской и французской армиями, рассеять их и двинуться на Париж, чтобы закончить наконец войну. Ну, как во всех остальных грандиозных наступлениях, которые завершить войну почему-то так и не смогли.

Зигги предположил, что от бомбардировок время замкнулось в кольцо и что мы теперь будем вечно то захватывать, то отдавать врагу полкилометра выжженного склона: Бог, Кайзер, Гинденбург***³; холод, грязь, голод, вонь, «вскопанный рот»****⁴, инфлюэнца, тиф, горчичный газ - в любом порядке.

Масляная лампочка, свисающая с деревянной балки, временами начинала мигать, ее огонек то угасал до тускло-оранжевого, то снова вспыхивал. Света лампочка давала достаточно, чтобы давить вшей и вызывать ощущение роскоши, - не сравнить со свечой, которую я на всякий случай таскал в кармане. Я посмотрел на пустой стол лейтенанта (он был убит на прошлой неделе), пустую полку, крюк, на котором висели противогазы.

---

¹ * Бад-Кройцнах (нем. *Bad Kreuznach*) - город в Германии, районный центр, курорт, расположен в земле Рейнланд-Пфальц. (Прим. перев.)

² ** Спа - курортное местечко в Бельгии, еще со Средних веков славящееся своими целебными водами. С марта по ноябрь 1918 года там располагалась Ставка Верховного командования германской армии. (Здесь и далее прим. авт.)

³ *** Пауль Людвиг Ханс Антон фон Бенекендорф унд фон Гинденбург (нем. *Paul Ludwig Hans Anton von Beneckendorff und von Hindenburg*, 2 октября 1847 - 2 августа 1934) - немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914-1916), начальник Генерального штаба (1916-1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). Рейхспрезидент Германии (1925-1934).

⁴ **** Язвенно-некротический гингивит, или ангина Симоновского - Плаута - Венсана - острое, иногда рецидивирующее поражение десен с изъязвлением, некрозом десневого края и деструкцией десневых сосочков.

Сейчас я был один, совсем один, и это воспринималось как дар небес. Я погрузился в оцепенение - усталость проела плоть до самых костей. Я слишком устал даже для того, чтобы спать. Оставался час до вечерней вылазки в столовку, где нам наливают жиденький супчик с волокнами вонючего конского мяса и несколькими дольками сушеной моркови, а к супу, если повезет, дадут еще и ломтик кислого ржаного хлеба пополам с опилками, намазанный тонким слоем «сала Гинденбурга»⁵. На второе - пюре из кормовой репы. Ха. Это если дневальные не погибнут при артобстреле, что, с другой стороны, можно рассматривать как удачу. Ибо уже несколько месяцев мои кишки представляют собой еще одну вражескую державу, воюющую с остальным организмом.

Когда мы выступили в том далеком августе - в чистых мундирах, чисто выбритые, ровными колоннами и с песнями - в столовой нам подавали приличные порции тушеного мяса, картофель, морковь и капусту с толстыми ломтями свежего хлеба, намазанными сливочным маслом. А теперь я мечтаю хотя бы о тарелке картошки. Картошка - это хорошо, даже старая, сморщенная, с черными пятнами внутри. Увы, Фатерланд истощил все стратегические запасы; картофеля не будет до следующего урожая.

У нас, немцев, Фатерланд - Земля-отец; у французов и русских - Родина-мать. Возможно, в этом заложен какой-то глубокий смысл, да только будь я проклят, если я его улавливаю. Впрочем, я и так проклят, как и все мы. Зигги говорит, что Господь во имя экономии закрыл ад и открыл окопы, в которых не демоны нас терзают, а мы сами друг друга мучаем.

Я вслушивался в беспорядочные разрывы артиллерийских снарядов. Некоторые доносились издали - такое приглушенное «бдумп!»! Другие грохотали достаточно близко, так что со стен падала грязь. «Пристреливаются лягушатники, - подумал я. -155-й калибр...» В глубине души я надеялся, что угожу под прямое попадание одного из них. Три с лишним года такой жизни - более чем достаточно!

Ну, а где же наш ответный огонь? Командование твердило о необходимости подавления вражеской артиллерии. Возможно, у нас закончились снаряды. У нас уже почти все закончилось. Мне это было по барабану - день клонился к вечеру, а никто никогда не начинает атаку перед ужином.

Близкий разрыв встряхнул бревна наката, огонек лампы замигал и погас. Что-то свалилось с потолка и с громким «ба-ам-м» ударило в мою каску. За лейтенантским столом плюхнулся на пол пласт земли, а потом послышался царапающий звук.

Опять крысы. Похоже, обстрелы доводили грызунов до психоза - как, впрочем, и

---

⁵ * «Сало Гинденбурга» (*Hindenburg Fat*) - пюре из кормовой брюквы, которое делало такой хлеб чуть более съедобным.

людей. Если они проторят дорожку в убежище, то начнут кусать все, что ни попадя, включая меня, капрала Ганса Людендорфа - нет, не родственника великого генерала⁶, а просто однофамильца.

Я нашарил в темноте лопату. Очень полезный и многоцелевой инструмент. Можно использовать вместо унитаза: облегчился на рабочую часть и мечешь полученный продукт через бруствер в сторону противника, не рискуя быть застреленным снайпером, специализирующимся на сидящих орлами. А можно крыс прихлопывать. Я поднялся, неслышно ступая, подошел к столу, быстро отодвинул его и нанес мощный удар плашмя по тому месту, где по моим предположениям должен был находиться чертов грызун.

Послышался лязг, и чей-то голос произнес:

- Эй!

При этом кто-то схватил лопату и с силой толкнул ее и меня вместе с ней через всю землянку, так что я ударился головой о деревянную балку. Хорошо на мне была каска, а то бы точно башку проломил.

- Что это с тобой, человек? - спросил тот же голос. - Для чего ты ударил меня по голове?

Лампочка снова зажглась. Мои глаза вновь обрели способность фокусироваться, и я увидел перед собой нечто, глядевшее на меня с некоторой досадой.

Оно было высотой около метра, сине-коричневое - то ли пятнистое, то ли грязное. Никакой одежды. Фигура в общих чертах человеческая, только ноги короткие. Руки длинные, очень развитая грудная клетка. Уши заостренные, как у кота, и длинные бакенбарды. Не усы, а именно длинные бакенбарды, тоже вроде кошачьих. Громадные, на пол-лица, угольно-черные глазищи.

- Так я задал вопрос, - повторило оно. - Зачем ты ударил меня по голове?

Я пошарил вокруг себя и сомкнул пальцы на рукоятке лопаты.

- Потому что я думал: ты крыса! - завопил я, правда мой вопль был частично заглушен близким взрывом. - А я ненавижу крыс!

Я поднял лопату в жесте, который, как я надеялся, выглядел грозно, хотя, если учесть, как легко оно только что отшвырнуло меня, надежда была хилой. В любом случае, похоже было, что я наконец тронулся умом. И вовремя. Психам сейчас живется гораздо легче.

Оно какое-то время молча глядело на меня, затем повернулось и запрыгнуло на стол. Также по-кошачьи - мягко, плавно, достаточно высоко и без всяких видимых

---

⁶ * *Людендорф (Ludendorff) Эрх (1865-1937) - немецкий пехотный генерал (1916), фактически руководил военными действиями на Восточном фронте в 1914-1916 годах, а в 1916-1918 годах всеми вооруженными силами Германии.*

усилий. Затем село на край стола и скрестило руки на груди, явно ожидая продолжения.

- Так... - неуверенно начал я. - Э-э, так что... кто вы такой?

- Ага, кажется, приходишь в себя, - ответило оно. - Кличут меня Гэмлин. А тебя как?

- Меня... э-э... меня кличут Ганс.

- Ну что ж, добрый Ганс, не намерен ли ты принести извинения за то, что треснул меня по черепушке?

- Видите ли, я... я прошу прощения за сей злополучный удар, м-м, герр Гэмлин. Обстоятельства...

- Отлично. Извинения приняты. Больше так не делай.

Он сделал движение, как будто намеревался спрыгнуть со стола.

- Битте, Гэмлин. Перед тем как вы уйдете... ну, короче, что вы такое?

Если бы мне удалось задержать это создание и если бы кто-нибудь зашел в землянку, то я или получил бы подтверждение, что рядом со мной действительно находится монстр-недоросток, или отправился бы на побывку в психушку. Оба варианта меня устраивали. Существо поглядело на меня испытующе.

- Похоже, все эти бабахи вконец превратили твои мозги в винегрет.

- Так вы что, гном?

- Я похож на гнома?! Или ты видишь рядом со мной разбросанные по всему полу сокровища? Или я должен натянуть на голову дурацкий колпак и прохаживаться с надменным видом, как какой-нибудь лепреккон? Попытайся еще. - Он ткнул в мою сторону кряжистым пальцем с толстым заостренным ногтем, подозрительно смахивающим на коготь. - И не вздумай назвать меня гоблином!

- Я, э-э, не буду. - Хотя моя мадьярская бабушка, упокой, Господи, ее душу, была бы именно такого мнения и завопила бы «Гоббас!». Но я уже припомнил правильное наименование. - Вы кобольд!

Оно слегка склонило голову.

- Гэмлин, кобольд, к вашим услугам.

Послышался близкий взрыв, и с потолка посыпались труха и щепки.

- М-м. Что привело вас сюда, Гэмлин?

Кобольд поднял глаза.

- Да так, прогуливался тут неподалеку. Что-то шумновато сегодня, - указал он пальцем на потолок.

- К этому довольно быстро привыкаешь.

- В самом деле? Я бы не стал даже пробовать. Это же каким идиотом надо быть, чтобы сидеть здесь и терпеть все это.

Его сварливый тон завел меня.

- Таким идиотом, который знает, что если он попытается отсюда сбежать, его расстреляют!

Гэмлин кивнул.

- А, ну да, вы же смертные. Это я вроде как понимаю.

- Нет, не понимаете. Если я дезертирую и попадусь, то не только меня расстреляют, но и всю мою семью.

То была самая последняя директива всемогущего Людендорфа, призванная поднять моральный и боевой дух армии. И кому есть дело, что на данный момент никакой семьи у меня нет?

- Ты разыгрываешь меня?

Я покачал головой.

- Нет. Я всего лишь заложник, обреченный месить грязь. И пытаться убивать «лягушатников» и «томми», ожидающих прибытия американцев, про которых адмирал говорил, что наши могучие унтерзеботен⁷ никогда не позволят им пересечь океан, но они, похоже, все-таки объявились, если слухи не врут.

Кобольд почесал подбородок.

- Не понимаю. Мы во все времена наблюдали у вас эти дела. И с каждым разом, когда мы поднимались наверх, чтобы посмотреть, безумие нарастало. Раньше вы выстраивались рядами друг против друга и палили из этих своих ружей. Теперь вы укладываете галлов в одну канаву, пруссаков в другую...

- Эй, поосторожнее. Я шваб, а не какой-то там юнкер.

- ...и заставляете их там оставаться, пока каждая сторона забрасывает другую этими бабахами. Верно?

- В точку. А время от времени, разнообразия ради, одна сторона выскакивает из своей канавы и атакует другую канаву. Примерно половина атакующих погибает, а остальные бегут назад в свою канаву, чтобы там дожидаться очередной бомбардировки.

- Ну, и зачем вы все это делаете?

Три года назад я дал бы другой ответ, но не теперь.

- Я уже и сам не знаю. Мы поем «Стражу на Рейне»^{**8} и думаем: какого черта? Французы поют «Марсельезу» и думают то же самое. Если там есть англичане, они

---

⁷ * *Unterseeboot* (нем.) - подводная лодка. (Прим. перев.)

⁸ ** «*Die Wacht am Rhein*» - немецкая патриотическая песня, корни происхождения которой уходят в XIX век, в период конфликта с Францией (известного как франко-прусская война), обретшая вторую популярность во время Первой мировой войны.

поют «Долог путь до Типперери»^{*9} или что-то вроде. Может быть, янки принесут с собой какую-нибудь новую песенку, вроде «Боже, храни президента Уилсона».

Я проковылял к лежащей на земле балке и уселся на нее.

- Нет, я имею в виду, какой во всем этом смысл? Вот вопрос, на который я никогда не получал вразумительного ответа.

- Это война. У вас что, нет войн?

- Нет. И за что вы сражаетесь?

Я провел грязными пальцами по пересохшим губам.

- Ну... «Германия должна получить достойное место под солнцем». Гинденбург хочет заполучить Польшу и Прибалтику. Франция хочет Эльзас и Лотарингию, а также реванша за 1870 год и за все, что сделали фон Мольтке и Бисмарк. У Англии договор с Францией и Россией. Америка, как я думаю, просто сыта уже всем этим по горло. Россия хочет... черт, да разве кто-нибудь когда-нибудь знал, чего вообще хочет Россия?

Гэмлин поскреб под мышкой.

- Но вы же не воюете постоянно. И если война вдруг начинается, то кто-то ведь ее начинает.

- Войну начинают, когда где-нибудь пристрелят какого-нибудь жирного принца. Предлог всегда найдется. Покатится камушек с горки, а дальше нарастает лавина.

Гэмлин покачал головой.

- Да, за сотню лет ничего не изменилось. Или за две сотни? Со временем все становится туманным и расплывчатым. Мы, в общем-то, не следим за вашим течением лет. Арндт помнит этого типа Фридриха, а Людвиг знает кое-что о Карле, который кажется, был до него.

- Кто это такие?

- Короли, я полагаю.

- Нет, другие два.

- Мои приятели. Возможно, они бы тебе понравились, если бы ты с ними встретился.

- Где? Под землей?

- Где ж еще? Что тут у вас делается наверху, нас не особенно волнует. Вы, люди, все с приветом. - Он сделал жест мускулистой рукой, как бы отмахиваясь от нашего мира. - Но, похоже, у вас есть улучшения. В любом случае, вас стало больше. Да и шума от вас стало намного больше, это уж точно.

- Может быть... - На меня вдруг снова навалилась безмерная усталость. - Я

---

⁹ * «Долог путь до Типперери» (англ. «It's a Long Way to Tipperery») - маршевая песня британской армии.

просто хочу домой. Моя мать умерла во время «брюквенной зимы»^{*10}. Отец скончался спустя два месяца.

Я бросил взгляд на свои ноги - две опухшие колоды, втиснутые в потрескавшуюся, потертую кожу.

- Одна умерла от холода, другой от голода, - я закрыл глаза. - Я жалею, что сам не помер.

Настроение кобольда слегка изменилось.

- Ты не кажешься плохим парнем, - выразил свое мнение Гэмлин.

Я приподнял одно веко и слабо махнул рукой.

- Если не считать того, что я хотел вас убить, то вы вроде тоже неплохое создание.

Я понимал, что, скорее всего, разговариваю со столом убитого лейтенанта, но мне было все равно. Мне пришло в голову, что я порядочно запоздал с желанием лечь в сырую землю.

Снаружи в артобстреле наметилась пауза. Затем послышался звук уже не такой громкий - голос наших собственных пушек и пулеметов. Сначала прозвучали стаккато очередей и отдельные взрывы, а потом по нарастающей, и за несколько секунд все слилось в общий непрерывный грохот.

- Trommelfeuer! - заорал я.

- Что?

- Заградительный огонь! - «Лягушатники» все-таки вели свой обстрел перед атакой, мерзавцы!

Бум. Бум. Бум-бум. Бум! Блиндаж сотрясался от взрывов.

- Это тот самый миг, когда галлы начинают петь и выскакивать из своей канавы? - спросил Гэмлин, которого, во всей видимости, вся эта вакханалия не шибко волновала. Ну, разумеется, он же самолично заявил, что бессмертен, ублюдок этакий.

Впрочем, все мы нынче ублюдки.

Я вскочил и принялся отыскивать взглядом винтовку.

- Ну да, да. Они вот так обстреливают нас часами, а затем начинают заградительный огонь и бросаются на наши окопы. Где мой противогаз? И где моя винтовка?

Он указал в дальний угол помещения. Я, было, бросился туда, но тут над самой

---

¹⁰ * «Брюквенная зима» - зима 1916-1917 годов, когда вследствие блокады большую часть рациона значительной части населения Германии составляла кормовая брюква. Вследствие такого питания умерло около 750 000 гражданских лиц.

нашей головой разорвался снаряд - банг!

Когда я очнулся, то почувствовал, что Гэмлин тянет меня за руку.

- Что...

И заткнулся, увидев, что угол, куда я рвался, полностью погребен под парой тысяч килограммов грязи, обломков бетона и дерева. Под этим завалом исчезла добрая треть блиндажа. Через огромную дыру в потолке видны были небо и вспышки разрывов, а шум стал просто оглушительным. Я попытался подняться на ноги.

- Где моя винтовка! - завопил я, покачнулся и снова завалился на спину.

- Идем, - у Гэмлина, учитывая его скромные габариты, был очень громкий голос, он заглушил даже какофонию выстрелов и взрывов. Я осознал, что кобольд без всяких затруднений волочит меня по густой грязи. Еще один снаряд разорвался поблизости, и еще один кусок потолка рухнул на земляной пол.

- Мне нужна моя винтовка! - заорал я, пытаюсь вырваться из его хватки.

- Зачем?

- Потому что она мне нужна! - Я орал и сам себя не слышал из-за доносящегося сверху грохота.

Он указал на кучу земли и древесины там, где было мое лежбище.

- Вот там, под всем этим.

- Отпусти меня! - завопил я и, вырвавшись из его хватки, бросился к куче мусора и обломков, пытаюсь отыскать оружие. Ничего не увидев, начал разрывать кучу голыми руками.

- О духи!.. - услышал я позади себя. Потом Гэмлин отодвинул меня в сторону, за четверть минуты расчистил двухметровый завал из грунта, камней и деревянных обломков и вручил мне мой обшарпанный «маузер».

- Что-нибудь еще? - прокричал он, перекрывая грохот. - Нет? Ну, тогда дуй за мной!

Он повернулся к стене, где находился стол лейтенанта. Там в свете вспышек я разглядел полуобрушившийся вход в туннель. Руки Гэмлина начали работать с невероятной скоростью и вход на глазах становился шире и глубже.

- Тебе придется ползти, Ганс, - сказал он.

- Но я не могу...

Он снова вышел в то, что осталось от блиндажа, подскочил ко мне и рванул за гимнастерку, чуть не сбив меня с ног. Весил он поразительно много.

- Я сказал пойдём, идиот! - проорал он мне прямо в ухо. Я опустил на карачки и, работая коленями и локтями, пополз за ним. И как раз вовремя, поскольку очередной взрыв обрушил остатки блиндажа. Ударная волна швырнула мне в

спину добрую порцию жидкой грязи. Винтовка изрядно мешала, но я понимал, что когда все закончится, мне лучше будет предстать перед начальством в качестве солдата, не бросившего оружие. То, что я мог бы позаимствовать винтовку у любого убитого из множества тех, кто украшает сейчас пейзаж наверху, мне даже в голову не пришло. Это была моя винтовка. В учебке тебе это крепко вбивают. Так же, как и то, что солдат должен радостно и бодро выполнять приказы начальства. Вот как сейчас - кобольд приказал, а я выполняю.

Мы спускались все ниже и ниже, медленно смещаясь по широкой дуге вправо. Под конец слабый свет сзади, идущий от входа в туннель, исчез полностью, и я полз в крошечной темноте. Но перед тем как свет угас окончательно, я все пытался разглядеть, что кобольд делает с камнями и грунтом. То ли он просто впечатывал все это в стены туннеля, то ли они исчезали при его прикосновении. Но, похоже, что первое. Поскольку туннель не заполнялся водой, я решил, что стенки, уплотненные таким образом, не пропускают влагу. Земля, однако, продолжала сотрясаться от взрывов, и меня вдруг охватила жуткая паника - я был уверен, что вот-вот стены обрушатся и погребут меня заживо. Я так ярко это представил, что завизжал от ужаса.

- Ну, а сейчас-то что? - отозвался из темноты кобольд.

- Я не хочу умирать здесь!

- Там, наверху ты заявил, что хочешь умереть. Ты уж, будь добр, разберись наконец, чего тебе на самом деле хочется.

Почему-то его слова меня успокоили. Я рассмеялся каким-то странным, запинаящимся смехом.

- Благодарю вас, герр Гэмлин. - Я снова подхватил винтовку. - Вперед!

Гэмлин остановился.

- Пощупай стену слева от себя, там должен быть вход.

Я так и сделал и качнулся туловищем вперед, когда моя рука провалилась в пустоту.

- Да. Есть.

- Следуй по этому ходу на расстояние... э-э... локтей примерно сто. Там есть помещение, в котором ты можешь переждать всю эту катавасию. Там, кстати, находится твой приятель. А я скоро вернусь.

- Приятель? - переспросил я. - Зигги?

Но в ответ услышал только ровное и мощное шуршание - Гэмлин продолжил прокладывать свой подземный путь.

Какого черта?

Я прополз по поперечному лазу, пока не оказался у входа в более обширную полость; эхо от моего шебуршания изменилось.

- Зигги?

- Qui va la?^{*11} - послышался человеческий голос.

Я попятился назад в туннель, а винтовку, наоборот, высунул вперед.

- Капрал Ганс Людендорф, - я ерзал на брюхе и пытался хоть как-то нацелить оружие. - Identifizieren Sie sich^{**12}, - добавил я.

- Можешь называть меня Пьер, - ответил голос на вполне приличном немецком. - А тебя и в самом деле зовут Ганс?

В воздухе ощущался слишком хорошо знакомый мне запах - железный запах крови. Я взвел затвор, удивляясь, что его не заело после того, как винтовка побывала в завале, и направил ствол на голос.

- А тебя точно зовут Пьер?

- Господи, Ганс, да опусти ты эту треклятую винтовку. Я не доставлю тебе никаких неприятностей. - До меня донесся звук какого-то движения. - А вскоре я уже вообще никому не смогу доставлять неприятности.

Я запустил руку в карман и нащупал восковой цилиндр.

- Слушай, Пьер, я сейчас попытаюсь зажечь свечу. Мне будет спокойнее, если и ты будешь сохранять спокойствие и позволишь мне это сделать.

Свеча сломалась почти посередине, но в остальном была вполне пригодна. Я отыскал в подсумке водоупорную спичку и чиркнул о камень. Вспышка оказалась ослепительной, пришлось прищурить глаза. Фитиль затрещал, задымился, а затем наконец и сам загорелся. Я протянул руку и подождал, пока на полу пещеры не накапает лужица расплавленного воска. Воткнул туда свечу и осмотрелся.

Пьер сидел, привалясь спиной к стене, метрах в двух-трех от меня, и глядел перед собой. перевел взгляд на меня, слабо улыбнулся и поднял руку, отдавая честь.

- Мсье, - произнес он негромко, почти шепотом, - думаю, нам следует объявить перемирие?

Его гимнастерка на левом плече и ниже пропиталась кровью. Сильно пропиталась. А оружия я не увидел.

Я кивнул.

- Перемирие.

Я пригляделся к нему. Смуглый и небритый, невысокий, худой, но все же не такое пугало воронье, как я. Похоже, гасконец.

---

¹¹ * Qui va la? (фр.) - Кто здесь?

¹² ** Identifizieren Sie sich (нем.) - Представьтесь.

- Как ты здесь оказался? - спросил я.

- Мы расчищали проходы в проволочных заграждениях, и мне попало в плечо. Пуля или осколок. Ударом сбросило в большую воронку от снаряда, там я и вырубился. А потом очнулся вот здесь в полной темноте. Сперва даже подумал, что ослеп. Это гоблины меня сюда затащили.

- На твоём месте я бы не называл их гоблинами. Они предпочитают, чтобы их называли кобольдами. По крайней мере тот, с которым я повстречался.

- О, я называл его мсье Фамильяр^{*13}. Его это вроде бы устраивало. Я, если честно, был малость не в себе. А когда котелок снова стал нормально варить, то я решил, что просто свихнулся, и расслабился. А что тебя сюда привело, капрал?

- Меня сюда привел кобольд, представившийся мне как Гэмлин. Он... ну, он спас меня от прямого попадания в мой блиндаж. А почему - понятия не имею.

Он закрыл глаза.

- Раньше я нашел бы все случившееся весьма необычным. Теперь же... Я полностью выбрался из туннеля в небольшую пещеру.

- И долго ты тут торчишь, Пьер?

- Не знаю. Темно, тихо. Думаю, день или два. Нет способа определить. Кобольды приносят мне воду, когда я их прошу.

- Нет, я имею в виду на фронте и вообще в армии?

Я припомнил лето, когда нам с Зигги вручили повестки о мобилизации, как мы маршировали по Унтер-ден-Линден^{**14}, как развевались знамена и наяривали оркестры, а мужчины пели, и юные девушки одаривали нас цветами, конфетами и поцелуями, и как мы потом грузились в поезд. А затем Льеж, Намюр^{***15} и великий план Шлиффена^{****16} по окружению противника.

---

¹³ * *Familiar* (англ.) - демон-искуситель. *Фамильяры* (ист.) - прислуга, посылаемая для ареста лиц именем инквизиции.

¹⁴ ** *Унтер-ден-Линден* (нем. *Unter den Linden* - «под липами») - один из главных и, вероятно, самый известный из бульваров Берлина, получивший свое название благодаря украшающим его липам.

¹⁵ *** *Намюр* (фр. *Namur*, валлон. *Nameur*, нидерл. *Namen*) - город в центре Бельгии, столица региона Валлония; во время Первой мировой войны оказывался в центре боевых действий.

¹⁶ **** *План Шлиффена* - стратегический план военного командования Германской империи, который был разработан в начале XX века, чтобы одержать быструю победу в Первой мировой войне на Западном фронте в войне с Францией и в войне с Россией на Восточном. План был разработан начальником немецкого Генерального штаба Альфредом фон Шлиффеном, а

- А-а. С самого начала, Ганс. Слава. Кровь. Отступление с Ланрезаком*¹⁷. Марна**¹⁸. А ты?.. - Он закашлялся.

-То же самое. С фон Клуком***¹⁹. Возможно, мы стреляли друг в друга.

Пьер закрыл глаза и левой рукой извлек из темноты флягу.

- Вот, сберег. Выпьешь?

- Я не хочу пить, danke****²⁰.

- Это не вода.

Я принял предложенную емкость, открутил крышечку и сделал небольшой глоток. Арманьяк. Сделал еще пару глотков, уже полноценных, и протянул фляжку назад.

- Оставь себе. - Пьер махнул ладонью, затем правой рукой вытащил из-под бока бутылку. - Я всегда таскаю запас на всякий случай.

Он вытащил зубами пробку. Мы чокнулись и славно глотнули. По телу разлилось тепло, и в маленькой пещерке стало гораздо уютнее. Я уже долгие месяцы не пил спиртного, а вдобавок целый день ничего не ел, так что выпивка ударила мне в голову, как кирпич. Я отхлебнул еще.

После чего начал мычать мелодию, качая головой вперед-назад, потом и слова пошли:

*Zum Rhein, zum Rhein, zum deutschen Rhein,
Wer will des Stromes Hueter sein ?
(К Рейну, к Рейну, к немецкому Рейну,
Кто охраняет священный поток этой ночью ?)*

Пьер, к моему удивлению, подхватил слова, и мы продолжили вместе, завершив: «Fest steht und treu die Wacht...am...Rhein!»*****²¹

также, после отставки Шлиффена, модифицирован Гельмутом фон Мольтке.

¹⁷ * Шарль Ланрезак (фр. Charles Louis Marie Lanrezac; 30 июля 1852 - 18 января 1925) - французский военный деятель, дивизионный генерал (1911), участник франко-прусской и Первой мировой войн.

¹⁸ ** Река во Франции. На этой реке 5-12 сентября 1914 года состоялось так называемое Марнское сражение - крупное сражение между немецкими и англо-французскими войсками, закончившееся поражением немецкой армии.

¹⁹ *** Александр фон Клук (нем. Alexander Heinrich Rudolph von Kluck, 1846-1934) - немецкий военачальник. Генерал-оберст.

²⁰ **** Спасибо (нем.)

²¹ ***** «Fest steht und treu die Wacht... am... Rhein!» (нем.) - «Тверд и надежен страж, на Рейне страж!» (Прим. перев.)

Он сделал очередной глоток, я от него не отстал. Затем он начал напевать, и уже я подхватил. Услуга за услугу. И мы все наращивали громкость, пока эхо не возвратило финальный куплет:

*Marchons, marchons!
Qu 'un sang impur
Abreuve nos sillons!
(Идем, идем,
Чтобы кровь нечистая
Впиталась в наши нивы!)*²²*

Я сделал еще один добрый глоток. Французы, может, и ублюдки, как все говорят, но у них прекрасный гимн и добрый арманьяк. Я подсел к нему поближе.

- Что там у вас делается, Пьер?

- Да, в общем, не о чем говорить. Мы сражаемся, мы умираем. Скоро в дело вступят американцы.

- Гинденбург заверял, что наши подлодки не допустят, чтобы нога хотя бы одного американского солдата ступила на землю Франции, - заявил я. - Или это был Людендорф? А может, Кайзер?

Я хихикнул.

- Короче, какой-то прусский хер.

Я пристроил фляжку у себя на коленях.

- Мне не хотелось бы обсуждать твоих командиров, Ганс. Но кто же в таком случае та тысяча мужиков в американской форме, которая отрабатывала строевую и приемы рукопашного боя и которую я видел, когда в последний раз ездил на побывку?

- И как они выглядели?

Пьер помолчал пару мгновений.

- Очень упитанными.

- Да уж, представляю. И что они пели?

- «Туда»**²³.

- Что «туда»?

- Это название такое. Очень боевая вещица, грозная. И они ее пели с таким же воодушевлением, с каким мы пели свои песни в 1914 году.

---

²² * *Строки из национального гимна Франции «Марсельезы».*

²³ ** *«Over there» - самая популярная песня у американцев во время Первой мировой войны.*

Он отпил глоточек и посмотрел на меня из-под полуприкрытых век.

- А знаешь ли ты, - проговорил он очень серьезно, - что у американцев есть колледж, который взял ту вашу песню в качестве своего гимна?

- Точно? И какой же?

- Йельский. Я познакомился с парнем, который там учился, и он мне ее напел. Слова, конечно, другие, но мелодия та же. Хотя слова, надо сказать, глуповатые.

- Ну, чего еще ожидать от американцев?

- Я видел их моряков на стрельбах. Они показывали отличные результаты.

Я подумал, пусть янки поют, что хотят, лишь бы в меня не стреляли.

- Ну, а вообще как дела?

- После того как Робера Нивеля*²⁴ сменил Петен**²⁵, должен сказать, стало лучше, - ответил Пьер. - Питание улучшилось, увеличился срок отпуска, и всякого рода бунтовщиков и дезертиров расстреливают уже не так много. А что у вас?

- Жратва. Да, до нас доходили слухи. Но я, собственно, это имел в виду, - я указал на его плечо. - Хочешь, осмотрю рану?

- Ну, кровь уже не идет. По большей части. Но спасибо.

Пьер пошевелился.

- Держи, - заявил он, шаря здоровой рукой в своем ранце. Послышался скрежет металла, а потом до меня донесся запах солонины, ударивший мне по мозгам с той же силой, как до того алкоголь.

- Вот. Угостись банкой мадагаскарской тушонки.

- Господи! Это же было...

Он втиснул банку мне в ладонь.

- Давай. У меня еще одна имеется. Только вот есть придется пальцами.

- Управляюсь.

Я сидел в этой маленькой пещерке, освещаемой колышущимся пламенем свечи, рядом с раненым роилу***²⁶, ел прямо пальцами холодную жирную солонину и чувствовал, что ко мне постепенно возвращается желание еще немного пожить. Я давно не ел такой роскошной пищи, и мой кишечник отреагировал на нее громким урчанием.

---

²⁴ * Робер Жорж Нивель (фр. Robert Georges Nivelle, 1856-1924) - французский генерал, главнокомандующий французской армией во время Первой мировой войны, сторонник агрессивной наступательной тактики.

²⁵ ** Анри Филипп Петен (вариант написания фамилии - Петэн; фр. Henri Philippe Petain, 1856-1951) - французский военный и политический деятель.

²⁶ *** Роилу - «окопник», прозвище французских пехотинцев, особенно во время Первой мировой войны.

На самом деле печально осознавать, что экзистенциальный ход мыслей может повернуть в другое русло всего лишь одна банка жирного мяса.

- Почему? - спросил Пьер, когда я подчищал пальцами остатки мяса и жира в банке.

- Что почему? - не понял я.

- Почему, Ганс? Ты, похоже, неплохой парень. Я вроде бы тоже. Почему мы убиваем друг друга?

- Большие шишки, Пьер. Большие шишки все затевают. Он кивнул.

- C'est la vie^{*27}.

- So ist das Leben^{**28}.

Я прикончил солонину и облизывал пальцы.

- Ты лютеранин? - голос Пьера звучал как бы ниоткуда.

- Моравские братья^{***29}. Мы опередили Лютера на сотню лет. А ты? Католик?

- Трудно сказать. В конце концов, это ведь Франция. Моя матушка парижанка, а потому скорее лицемерка, чем католичка. Отец баск и с рождения ненавидит все французское. Кроме моей матушки, разумеется. Временами он ходит к мессе, как правило, для того чтобы потом критиковать качество богослужения в исполнении местных священников.

Я закончил облизывать пальцы.

- Похоже на моих стариков. А почему ты, собственно, об этом спросил, Пьер? Хочешь мне исповедаться или что-нибудь вроде того? - Я чувствовал, что обязан сделать для него что-нибудь хорошее за эту банку солонины.

- Мой отец сказал мне как-то одну очень странную вещь, Ганс. Звучало примерно так: «Пьер, ты никогда не задумывался, как странно, что Иисус явился на Землю в человеческом облике, чтобы умереть за наши грехи?». Разумеется, я ответил так, как нас учили, что только Воплощенный Бог мог искупить грехи человечества. «А с чего бы это Творец Вселенной затаил такую обиду на нас? - спросил отец. - Тебе никогда не казалось, что для Бога это как-то мелковато?» Я ответил, как учили: что пути Господни неисповедимы и сие тайна есть. А сам ожидал, что папаша вlepит мне затрещину. Но он только сказал: «Я думаю, что Бог сделал то, что Он сделал,

---

²⁷ * C'est la vie (фр.) - такова жизнь.

²⁸ ** So ist das Leben (нем.) - такова жизнь.

²⁹ *** Моравские братья - протестантская община, выросшая из движения гуситов, последователей чешского реформатора Яна Гуса. Организационно религиозная община Чешских братьев оформилась в 1457 году под названием «Братское единение» (Unitas fratrum). Единственным авторитетом в вопросах веры, религиозной практики и церковного устройства считалась Библия.

потому что Он хотел Сам испытать, что значит умирать».

Выдвинутая отцом Пьера концепция повергла меня в недоумение.

- Но разве Господь не всеведущ?

Пьер отхлебнул из бутылки.

- Ну, принято так думать. Но знать что-то теоретически и испытать это что-то на собственной шкуре - разные вещи, да? Возьмем женщин, например...

- Я бы не прочь взять одну прямо здесь и сейчас. Пообедать в ресторане, сводить в театр, а потом в постель, - я потряс в воздухе флягой. - С бутылкой чего-нибудь такого. Или доброго эльзасского гевюрцтраминера^{*30}.

- Сорт неустойчив к микроклимату, результаты не всегда хороши, - возразил Пьер. - Лучше держись арманьяка. Как ты думаешь, Ганс, зачем мсье Фамильяр привел нас сюда?

Спиной я ощущал еле уловимые вибрации в толще скалы. Там, наверху, все еще палили орудия.

- Не знаю. А ты что думаешь? Зачем кобольд приволок нас сюда?

- Думаю, - ответил Пьер, - они хотели, чтобы мы поубивали друг друга.

Ответить я не успел, послышался шум, и из туннеля появился Гэмлин в сопровождении двух своих сородичей. Внешне они были совершенно неразличимы, но голос Гэмлина я помнил.

- Что ж, если вы этого хотите, то мы не станем вам мешать - валяйте, не обращайтесь на нас внимания, - заявил он.

- Вы нас подслушивали! - Я почувствовал себя оскорбленным. Подумать только, какой-то монстр-недомерок, чумазая карикатура на человека, которая с такой легкостью передвигалась в этом царстве смерти.

Пьер коснулся моего плеча.

- Не стоит выходить из себя из-за этой кучки навоза.

Я посмотрел на кобольда.

- Это правда? Вы привели нас сюда, чтобы посмотреть, как мы будем убивать друг друга?

- Это одна из возможностей, - ответил Гэмлин, а другие два кобольда переглянулись и кивнули. - Ты ведь говорил, что вы воюете друг с другом.

- Ну, в данный момент мы не воюем. Прошу прощения за то, что вас

---

³⁰ * *Гевюрцтраминер (нем. Gewurztraminer) - технический (винный) сорт винограда, используемый для производства белых вин. Словом «гевюрцтраминер» также называют сепажные белые вина из одноименного сорта с богатым ароматом (Эльзас, Франция, и Пфальц, Германия). В Эльзасе этот сорт занимает 18% площадей виноградников.*

разочаровали, но мы заключили перемирие. - Я протянул руку и осторожно обнял Пьера за плечи. - Просто парочка приятелей решила немного выпить, да, Пьер?

- Deutschland ueber alles!^{*31} - произнес он, проглатывая звуки, и отпил из бутылки.

- Vive la France!^{**32} - согласился я и осушил флягу.

- Какая-то бессмыслица, - заявил Гэмлин, ковыряя в носу. - Вы сражаетесь друг с другом, вы убиваете друг друга. Не считая тех случаев, когда вы этого не делаете. Потом вы умираете, вам крышка, капут. В чем смысл?

- Мы сражаемся за что-то большее, чем мы сами.

- И что же это?

Вопрос, с учетом действия выпитого, поставил меня в тупик.

- Капелланы говорят нам, что если мы сражаемся за святое дело, то после смерти совершенно точно попадем на Небеса, - ответил за меня Пьер.

- Как, и с той, и с другой стороны?

- А почему бы и нет? - заметил я.

- Я все пытаюсь понять эти ваши Небеса. Вы умираете, но вы не умираете, а отправляетесь на небо. Вроде как боги.

- Боги юношеского разряда, - уточнил я.

- Ну и что вы делаете там, наверху? - поинтересовался Гэмлин.

Я поперхнулся.

- Мы... э-э, я так думаю, ничего особенного мы там не делаем. Как, похоже, и вы.

- И вы действительно во все это верите? - спросил Гэмлин.

Мы с Пьером переглянулись.

- Ну, не то чтобы... - сказал я.

Пьер пожал здоровым плечом - галльский жест, о множестве значений которого можно исписать тома.

- Послушайте, Гэмлин... - начал я.

Пьер устало опустил голову мне на грудь.

- Ганс, не утруждай себя объяснениями. Я уже пытался.

- И?

- Они не в состоянии понять. - Он ткнул бутылкой в сторону бесстрастных фигур. Их тени, отбрасываемые мечущимся огоньком свечи, исполняли гротескный танец на стене пещеры. - Ты только подумай, каковы они. Неуязвимые, бессмертные, не меняющиеся.

Я вспомнил, что говорил Гэмлин про Фридриха Великого. Ну да.

- Мсье Гэмлин, - осведомился Пьер, - знакомы ли вы с удовольствием,

---

³¹ * *Deutschland ueber alles!* (нем.) - Германия превыше всего!

³² ** *Vive la France!* (фр.) - Да здравствует Франция!

доставляемым изысканной пищей?

- Мы не едим, - ответил Гэмлин.

- Стыдоба. Ну, а как насчет радостей плотской любви? - И как бы отвечая самому себе, ткнул рукой в сторону абсолютно гладкой паховой области кобольда. - Ну, все понятно, можете ничего не отвечать. А доводилось ли вам лежать в теплой траве и просто смотреть, как по небу бегут, догоняя друг друга, облака?

- В чем смысл этого занятия? - спросил кобольд.

- Вот именно, мой чумазый дружок. Вот именно.

- Я не друг вам, - заявил Гэмлин.

- А, так, стало быть, враг?

- Нет.

- К чему ты клонишь? - спросил я Пьера.

Он вздохнул, как мне показалось, удовлетворенно.

- Они вроде Бога, Ганс. Или генерального штаба. Они понятия не имеют о реальной жизни. И они веками делают одно и то же, поскольку не способны изменяться. - Он ткнул в меня пальцем. - Мы меняемся, потому что мы должны, потому что у нас есть начало и конец. А у них всегда есть завтра. Все, что угодно, можно отложить на потом и это потом в точности равно вечности. Они не меняются. Они не могут меняться. Мы вырастем, мы можем проголодаться или истекать кровью.

Он поднес бутылку к губам и сделал средней величины глоток.

- Между нами, единственное, на что могли бы согнуться эти господа, - копать ходы для канализационных труб. Так я думаю.

Гэмлин слушал нас, почесывая подмышки. Это был его жест непонимания - ну, как мы чешем затылки.

- Посмотри на них. Они те же самые, что и сотни лет назад. А вот я помню, как Блерио перелетел через Ламанш ровно девять лет назад. Они веками ползают под землей и всегда будут это делать, а мы научились летать.

- Насчет полетов: не забудь про воздушные корабли графа Цеппелина, - уточнил я.

- А были еще братья Монгольфье, их тоже не следует сбрасывать со счетов.

- Ну, конечно же, нет. - Я поднял фляжку, обнаружив в ней еще несколько капель.

- За Монгольфье!

- И эти летающие штуки вы используете, чтобы сбрасывать бабахи друг на друга? - встрял Гэмлин.

- О, Бога ради, что, вы привязались к этим бабахам? - завопил я. - У них есть названия - бомбы, снаряды и мины, а не бабахи!

- Это неважно, - вздохнул Пьер. - Мы и дальше будем находить разные удивительные способы, чтобы пускать друг друга в расход. Но, по крайней мере, это будут новые способы. Да, мы живем не в раю - это, скорее, чистилище, а раз так, то у нас есть какая-то надежда. Это они живут в аду. Погребены и не меняются. Одни и те же навеки.

Свеча истаяла, и ее фитилек плавал в лужице расплавленного воска. Пьер указал на нее.

- Это я, друг Ганс. *Ma chandelle est mort*^{*33}.

Я посмотрел в глаза Гэмлину.

- Оставьте нас.

Он ответил на мой взгляд.

- Почему?

- Потому что мой друг умирает, и он не желает, чтобы вы были свидетелями этой сцены.

Гэмлин поглядел налево, направо, воздел руки.

- Я никогда не пойму вас, людей, - сказал он и вышел из пещеры, прихватив своих приятелей.

- Это точно - он никогда не поймет, - прошептал Пьер. - Мне даже немного жалко его. Они как вечно функционирующие машины, не способные пролить слезу умиления при виде какого-нибудь глупого котенка.

Я сжал ладонь на его здоровом плече.

- Я могу что-нибудь сделать для тебя?

Он запустил руку за ворот рубахи и достал опознавательный жетон. Я осторожно стащил шнурок через его голову.

- Если выживешь, сможешь доставить моему отцу?

Я повесил жетон на шею.

- Если выживу.

Какое-то время он молчал, дыхание было учащенным и неглубоким.

- Когда ты здесь появился, ты звал какого-то Зигги, - сказал он наконец.

- Гэмлин сказал мне, что тут меня ждет приятель. Ну, я и подумал про Зигги. Мы с ним росли вместе, вместе и в армию пошли.

- Что ж, друг Ганс, если ты отсюда выберешься, расскажи ему про меня и выпейте в память обо мне.

- Так и сделаем. Вы, кстати, чем-то схожи.

Пьер протянул мне бутылку.

---

³³ * *Ma chandelle est mort* (фр.) (в вольном переводе): «Свеча моей жизни догорает».

- Мне она больше не нужна.
Я принял бутылку.
- Что-нибудь еще, дружище?
- Ну, да. Можешь что-нибудь спеть? Желательно не военное.
Я подумал и припомнил кое-что из детства:

*Au clair de la lune
Mon ami Pierrot
Prete-moi ta plume
Pour ecrire un mot...
(В свете луны,
мой друг Пьеро,
Одолжи мне свое перо,
чтобы черкнуть слово.)*

- Очень хорошо, - прошептал он.
Пламя на фитиле затрепетало, вспыхнуло и погасло. Пьер умер. А я провалился в сон.
Я сидел во мраке. Едва слышный гул канонады окончательно стих. Или мы отбили французов, или они захватили наши окопы.
В туннеле послышалось шуршание, я понял, что Гэмлин возвращается, и вскоре он предстал передо мной все с теми же своими приятелями.
- Ну что, Ганс, бабахи закончились. Хочешь вернуться?
- А у меня есть выбор?
- Ты можешь остаться, если захочешь.
- И что я тут буду делать?
- Станешь одним из нас, - сказал он так, как будто речь шла о каком-то совершенно не заслуживающем внимания пустяке.
Может быть, поэтому мне понадобились долгие секунды, чтобы уразуметь, о чем он говорит.
- Невозможно! - выдавил я наконец.
Гэмлин покачал головой.
- Такое уже случалось.
А я вдруг сообразил, что вижу его и видел этот его кивок в абсолютном мраке!
- Нет! - заорал я. - Выведите меня отсюда!
- Как скажешь, - Гэмлин указал на фигуру слева от себя. - Это Арндт, который был знаком с тем типом Фридрихом. Верно, Арндт?

Я увидел, что тот, кого он называет Арндтом, кивает.
- Mein Gott!^{*34} - прошептал я. - Вы все бывшие люди...
- Нет, - прервал меня Гэмлин. - Не все.
- Как... когда...
- Я же говорил тебе, после пары сотен лет все былое представляется как бы в дымке.
- Просто расслабься, - произнес тот, кого звали Арндтом, - и тебя очень скоро уже ничего не будет волновать.
- Выведите меня! Немедленно! - Я был смертельно напуган перспективой задержаться здесь лишнюю минуту. А еще я боялся, что они меня уговорят.
Гэмлин махнул рукой.
- В таком случае, сюда.
Я потрепал Пьера по плечу и подхватил винтовку.
- Вы позаботитесь о нем? Я имею в виду, что его надо похоронить.
Гэмлин кивнул.
- Мы завалим пещеру, когда будем из нее выбираться.

Я выбрался из-под обломков убежища, щуря глаза от бледного света раннего утра. Гэмлин вывел меня к разрушенному блиндажу, отрыл проход в засыпанном туннеле и, когда я вылез наружу, снова запечатал. Мы простились, не сказав друг другу ни слова.

Накрапывал дождик, и люди в окопах были в германской форме. Атаку удалось отбить. Мой вид вкупе с разрушенным блиндажом объяснили без слов, почему я не участвовал в бою. Несколько бойцов подошли ко мне, на их лицах читались изумление и потрясение. Они радовались и хлопали меня по спине. Да, со мной все в порядке; нет, взрывом меня отшвырнуло в угол, и я потерял сознание, вы просто не нашли меня в темноте. А как тут дела? Какие потери?

Я приподнялся на цыпочки, чтобы оглядеться, и увидел невдалеке знакомое лицо.

- Зигги! - закричал я и замахал рукой. - Живой! А у меня для тебя есть потрясающая история!

Зигги улыбался в ответ. Он не махал мне рукой, просто скалился, зубы его казались очень белыми, а глаза глядели прямо на меня. У него не было половины черепа, а упасть он не мог, потому что запутался в мотках колючей проволоки первого ряда заграждений.

---

³⁴ * *Mein Gott!* (нем.) - *Боже мой!*

Перевел с английского Евгений ДРОЗД

© Michael Alexander. In the Trenches. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 2012 году.

КАТЕРИНА БАЧИЛО

ПАН КРОЗЕЛЬЧИКЮС

КАТЕРИНА БАЧИЛО

ПАН

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

КРОЗЕЛЬЧИКЮС

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

Наконец Крозельчикюс купил новейший гелиофор.

Крозельчикюс был равнодушен к искусству. И в особенности к искусству гелиографии. Но у него был план, в котором покупка гелиофора значилась третьим пунктом. И Крозельчикюс строго придерживался этого плана.

Гелиофор привезли в воскресенье вечером техники Штайнграу, которых сопровождал хвост с оружием. Хвост - невысокий, не слишком опрятный тип с крысиным лицом - придирчиво изучил дом Крозельчикюса, самого Крозельчикюса и его разрешительные бумаги. С особым недоверием хвост обнюхал патент - свеженький, пахнувший лаком и буквами.

- Теперь вы в сером списке, Крозельчикюс, - сказал хвост, протягивая ключ на латунной цепочке. - Ведите себя хорошо. И будьте бдительны.

Крозельчикюс не стал отвечать.

Пока он подписывал бумаги - накладные, договор и уведомление об ответственности, - хвост устроился рядом с радиоприемником и принялся крутить ручку настройки.

«...поздних работ Нисефора Ниепце... управления, пан Бодани заявил... согласно закону... расколется легче стекла... смертная казнь...» Крозельчикюс отдал бумаги экспедитору, решительно выключил радиоприемник. Хвост широко улыбнулся и, не сказав ни слова, вышел прочь. Вслед за ним покинули дом экспедиторы, оставив у двери небольшой ящик с гелиофором.

Крозельчикюс оглядел комнату: убедился, что линии все так же параллельны и все вещи занимают строго отведенные для них места, не двигаются и молчат; слегка прикрутил керосинку. Лампа недовольно зашипела и в знак протеста забрызгала стол керосином. Крозельчикюс проигнорировал этот ее жест. Плотнo задернул шторы. Прислушался. Из-за окна доносилось равномерное жужжание гидравлической машины.

Гелиофор был что надо. С кассетой на двенадцать пластин. С объективом от Герца. В собранном виде он представлял собой строгий чемоданчик, обитый черной кожей, с металлическими рычагами по бокам и крепким замком, ключ от которого оставил хвост. Такой передовой гелиофор Крозельчикюс видел вблизи впервые. Весь курс обучения в школе гелиографии Крозельчикюс, как и его сокурсники, прошел в теории. К теории прилагались деревянные макеты современных гелиофоров, так что Крозельчикюс знал, как обращаться с любым из них. Кроме того, он был хорошо знаком с моделями, устаревшими настолько, чтобы попасть в музей.

Крозельчикюс осторожно поставил гелиофор на стол, отпер замок и откинул переднюю панель. С щелчком выдвинулся объектив, растянулась гармошка меха.

Крозельчикюс затаил дыхание. Неожиданно он осознал, что не только ради результата, но и ради процесса не терпится ему сделать первый снимок. Патента на съемки при искусственном освещении у Крозельчикюса, разумеется, не было: лишние расходы, а в перспективе - больше внимания со стороны серых. Потому следовало дожидаться утра.

Крозельчикюс захлопнул переднюю панель, запер аппарат и убрал его в нижний ящик бюро.

Уже в спальне он достал из упаковки один порошок люминала, высыпал содержимое в стакан воды и выпил. Заснуть самостоятельно, зная, что в соседней комнате ждет своего часа новенький гелиофор, Крозельчикюс вряд ли смог бы. С некоторых пор он стал плохо спать: засыпал долго, просыпался часто, но хуже всего были сновидения - яркие, красочные, тревожные. Просыпаясь, Крозельчикюс помнил их в мельчайших подробностях - известный признак душевного нездоровья.

Он успел подготовить воду и приборы для утреннего туалета, равнодушно полистать старый альманах и в сто двадцать третий раз детально обдумать свой план завоевания Агаты, прежде чем сон оглушил его.

Этой ночью снились Крозельчикюсу волки цвета грозового неба. Они были совсем рядом, дышали Крозельчикюсу в спину и шептали страшные слова.

* * *

Крозельчикюс проснулся ровно в восемь. Умылся, побрился. Надел свежее белье, новый клетчатый костюм, черно-белые оксфорды и круглые очки. Этого дня он ждал почти вечность. И спланировал его по минутам.

Не завтракать. Взять гелиофор. Покинуть дом, пересечь улицу, свернуть на Плахты и пройти полквартала - до кафе «Зарадли». Устроиться на веранде, в углу. Гелиофор небрежно поставить на стол. Агата появится как раз в тот момент, когда Крозельчикюс, откушав кофею, примется выбирать ракурс для гелиосъемки. И...

Четвертый шаг его плана. Первые три - обучение в школе гелиографии, получение патента и покупка гелиофора - были выполнены строго по графику, назначенному полгода назад. График этот представлялся Крозельчикюсу соломинкой, хрупкой и ненадежной. Единственной опорой в бушующем океане, каким обернулась вдруг окружающая реальность.

Это случилось в мае: спокойная, прилично-монохромная жизнь Крозельчикюса взорвалась нежданным фейерверком и рассыпалась безумной мозаикой, которую Крозельчикюсу так и не удалось собрать воедино. С тех пор Крозельчикюс мог

держаться на поверхности серой обыденности, только неукоснительно следуя плану.

Крозельчикюс взял с каминной полки толстый справочник Нисефора Ниелце, содержащий таблицы разрешенных фокусных расстояний и формулы построения композиции. Крозельчикюс знал этот справочник наизусть, но полагал, что, листая его, будет выглядеть значительно более авантажно.

Убирая справочник в наплечную сумку, Крозельчикюс заметил странное: миниатюрные фарфоровые бинтуронги на каминной полке, асбестовые, в черную полосу, не стояли ровно, как обычно, а выстроились в подозрительную синусоиду. Это был плохой признак. Бинтуронги нервничали.

Крозельчикюс медленно обернулся к бюро, заранее испытывая нехорошее предчувствие.

Нижний ящик бюро был выдвинут примерно на полтора сантиметра.

В три шага Крозельчикюс пересек комнату, но внутренне он преодолел куда более внушительное расстояние. Мысли его зигзагами металась от надежды к отчаянию, и семнадцать раз Крозельчикюс успел подумать, что, может, он сам вчера не до конца задвинул ящик, и шестнадцать раз успел решительно отместить такую возможность.

В семнадцатый раз ответ ему дала реальность: гелиофора в ящике не было.

* * *

В мрачную обволакивающую апатию Крозельчикюс впал еще до прихода полиции. Он сел на краешек стула, уперся ладонями в колени и так просидел двенадцать минут. Стрелка настенных часов двигалась то рывками, то черепашьей развалкой. И в эти двенадцать минут вечности Крозельчикюс успел двести тридцать шесть раз обдумать произошедшее и пятьдесят восемь раз в деталях припомнить вчерашний вечер.

Инспектор, явившийся в сопровождении двух хвостов, представился именем Зайнике. Был он невозмутим, курил трубку, руки прятал в карманах полосатого пальто. Хвосты осмотрели квартиру, обнюхали стены и пол, а внимательнее всего - входную дверь. После чего Зайнике выставил их на улицу.

Крозельчикюс не сводил взгляда с инспектора. Зайнике неспешно прошелся по комнате, посмотрел на бинтуронгов, изучил коллекцию гелиографии над камином. Спокойный и внушительный. Он напомнил Крозельчикюсу индийского эlefанта.

- Видите ли, Крозельчикюс, какая проблема. Probleme, как говорится, du siecle.

Следов взлома нет. Вы, Крозельчикюс, понимаете, что это значит?

Инспектор устроился рядом с Крозельчикюсом, выложил на стол карандаш и толстый блокнот в переплете цвета испуганной мыши.

Крозельчикюс не стал отвечать, хотя прекрасно понял намек Зайнике. Неуверенные в себе люди обыкновенно очень страшатся подобных обстоятельств, и Крозельчикюс не был исключением. Заранее, еще до появления инспектора, он вообразил, что его непременно сочтут виновным. Крозельчикюс мысленно перебирал возможные ответные реплики. Но все они были фальшивы и нелепы.

Инспектор внимательно посмотрел на Крозельчикюса, оценил, по всей видимости, его внутреннее состояние и сочувственно покачал головой, послюнявил карандаш, сделал какую-то пометку в блокноте.

- По моей информации, ваш близкий знакомый Виташ Бодани - активист «Спектрума». Это правда? - невпопад спросил Зайнике, оглянувшись в поисках пепельницы и, не найдя ее, достал из кармана платок.

- Я н-не... Черт возьми, когда вы успели пересчитать моих знакомых? - вскинул брови Крозельчикюс.

- Не будьте ребенком. Вы в сером списке Штайнграу, и это значит - нам известно о вас все.

Крозельчикюс поспешно опустил взгляд и принялся изучать старый, потрескавшийся паркет. Раньше он не замечал этих трещин, но теперь в их сплетениях виделись Крозельчикюсу диковинные картины. Вряд ли в Штайнграу действительно знали о нем все. Тогда бы не было этой дружелюбной беседы, как и повода для нее, а Крозельчикюс давно и надежно обосновался бы в Богнице, в окружении молчаливых серых стен.

- Вы подписывали уведомление, Крозельчикюс. Предупреждены о последствиях. Гелиофор исчез - это же не кот чихнул.

Крозельчикюс с подозрением покосился на Зайнике. Восьмисекундный «Чихающий кот» был одним из самых популярных фильмов, снятых для запрещенного теперь Эдисонова кинетоскопа.

Зайнике аккуратно высыпал на платок содержимое трубки, для верности постучал трубкой по столу, держа ее за мундштук. Свернул платок, убрал в карман и принялся набивать табачную камеру новой порцией табака из гридеперлевого кисета.

Крозельчикюс коротко глянул на трубку - цвета весенней зелени, новенькую, блестящую, удивительно контрастирующую с соловьиным костюмом инспектора, - и тотчас отвел взгляд.

- Не одобряете табакокурение? - понимающе хмыкнул Зайнике, но трубку не

убрал.

Крозельчикюс вскочил, нервно прошелся по комнате и сел на краешек стула в той же позе. Он хотел снять очки, но не смог: руки его мелко дрожали, и только уперев их в колени, Крозельчикюс кое-как унял дрожь.

- Между тем, - продолжал Зайнике, - я вижу, что человек вы хороший. Ну, оступились разок - с кем не бывает? Вы симпатичны мне, Крозельчикюс, потому я пойду вам навстречу.

Крозельчикюс с робкой надеждой посмотрел на инспектора. Тот продолжил:

- Я дам вам сутки, Крозельчикюс. Мне все равно, как и где вы найдете свой гелиофор. Достанете из-под дивана, куда спрятали в надежде на страховку. Заберете у перекупщика, которому отдали, чтобы загнать подороже на черном рынке. Мне все равно. Главное - верните его. Иначе ваше дело уйдет к серым. Завтра же. А вы... - тут Зайнике красноречивым жестом показал, что случится с Крозельчикюсом.

- Но послушайте, - начал было Крозельчикюс, который теперь только понял, к чему ведет инспектор. - Я не...

- Все так говорят, Крозельчикюс. У меня двадцать три дела в год о краже и утере гелиофоров. Из этих двадцати трех - одно дело оказывается настоящим грабежом, но это сразу ясно: хозяина в таких случаях непременно убивают. Насмерть, да. Двадцать же потерпевших - такие, как вы, за сутки находят пропажу в самых неожиданных местах.

- А еще двое?

- Эти упорствуют. И отправляются в распоряжение серых.

* * *

Пора уже рассказать, как выглядит Крозельчикюс. Не станем прибегать к пошлым приемам вроде пересказа отражения в зеркале или витрине. Просто вообразите: навстречу вам идет среднего роста гражданин. Среднего же телосложения и возраста. Как ни стараетесь, вы не можете найти в его образе ничего примечательного. Белоснежная рубашка застегнута на все пуговицы, туго затянут темный галстук. Прическа аккуратная, с пробором, очки круглые. Руки Крозельчикюс держит вдоль тела, словно боится ими размахивать. Даже одетый в самый лучший свой клетчатый костюм Крозельчикюс не заставит ваш взгляд задержаться. Вы не просто забудете о нем через минуту - вы никогда не заметите его, если только он не заговорит с вами первый.

Крозельчикюс шел по улице Йиндржиха Плахты -- одинокий и ничтожный, как человек невидимка. Мир сейчас виделся ему черной пустотой, в которой существовали три человека и один предмет.

Первым человеком был сам Крозельчикюс. Но не он был центром воображаемого черного мира. Там, в центре, разместился бы гелиофор, если бы его не украли, теперь же это место занял холодный сквозняк. Где-то в черноте слева и немного позади прятался образ инспектора Зайнике, воплотивший в себе Закон и Наказание. Где-то в черноте впереди и чуть справа скрылся неизвестный вор с гелиофором под мышкой. Едва Крозельчикюс вспоминал о нем, тотчас непроизвольно начинал осыпать воображаемого вора проклятьями. Мысленно, разумеется. Внешне Крозельчикюс никак не менялся. Даже в крайней точке эмоционального возбуждения он не становился интересным или хотя бы заметным.

Родной город сделался похожим на лабиринт, предназначенный для испытания лабораторных крыс. Мир рушился, и плана на такой случай у Крозельчикюса не было.

Всегда, сколько себя помнил, Крозельчикюс жил по плану. Сперва план этот был в ведении его мамы - женщины суровой, практического склада. После смерти мамы Крозельчикюс взялся планировать будущее самостоятельно, и только счастливая эта привычка выручила Крозельчикюса полгода назад, когда неожиданная находка перевернула его жизнь.

Теперь несложный механизм Крозельчикюса работал по инерции; пока мысленно он переживал аффективную бурю, ноги сами выбирали дорогу, выполняя старый, ненужный уже план - за неимением нового.

Ровно в десять утра Крозельчикюс поднялся по деревянным ступенькам в «Зарадли» - уютное кафе на Плахты, с бланжевыми скатертями на столах веранды и полосатым тентом над витринами, украшенными цитатами из меню.

За угловым столиком, где обычно по утрам сидела Агата, теперь было пусто.

Агата! Необыкновенная девушка. Тончайшей эмоциональной организации - что в деталях отражалось на ее одухотворенном лице. Загадочная улыбка полных губ манила Крозельчикюса и обещала ему покой и понимание. Глаза светились мудростью и нежностью. Если бы только Агата оценила его, Крозельчикюса, по достоинству. Если бы только...

Но Крозельчикюс самым бездарным образом упустил единственный шанс привлечь внимание Агаты.

Не зная, как с этим жить, Крозельчикюс заказал крем-карамель и кофею. Он не очень хорошо понимал, зачем явился сюда сейчас, когда жизнь, похоже,

стремительно неслась под откос. Крозельчикюс не представлял, где искать гелиофор. Все, что он мог противопоставить свалившемуся на него несчастью, - это давление в груди, спазм в горле и тремор в руках.

Октябрь в этом году выдался удивительно теплым, но Крозельчикюс почувствовал, что замерз.

Принесли кофей, и Крозельчикюс, прикусив губу, заставил дрожащую руку взять чашку.

- Не возражаете, пан Крозельчикюс? - пропел над ухом мелодичный знакомый голос. Это была Агата. Увидев ее, Крозельчикюс неловко вскочил, едва не расплескав кофей на рубашку.

- Конечно, панна Агата, почту за честь.

Глаза Агаты были удивительного цвета, точь в точь как прозрачное осеннее небо. И вместе с небом они были богатством, о ценности которого не подозревал никто, даже сама Агата. Только Крозельчикюс мог наслаждаться этой красотой.

- Я почему-то знала, что сегодня встречу вас, пан Крозельчикюс, - с лукавой улыбкой сказала Агата. - Такой хороший день!

И от этих слов сердце Крозельчикюса вспыхнуло теплым огненным цветком - Крозельчикюс согрелся в одно мгновение, и руки его перестали дрожать. И побледнели мысли о пропавшем гелиофоре и завтрашнем аресте.

И правда, подумал Крозельчикюс, такой хороший день!

Агата была девушкой Виташа Бодани, школьного товарища Крозельчикюса. Но однажды она по секрету призналась Крозельчикюсу, что по-настоящему влюбиться сможет только в гелиографиста.

Агата обожала гелиографию. С самым серьезным видом рассуждала она о достоинствах и недостатках классических композиций и ракурсов, о выборе фокусного расстояния и выдержки, настройке экспозиции. Эти рассуждения ее были очаровательно глупы. И в них было столько жизни!

Крозельчикюс не любил гелиографию, но ему нравились гелиофоры и история. Этот маленький парадокс пятнадцать лет назад привел Крозельчикюса в музей «Дом Нисефора», где он сделал головокружительную карьеру смотрителя архива.

Агата с неподдельным интересом расспрашивала о Нисефоре Ниепце и его опытах, приведших к созданию гелиофора. Крозельчикюс мог рассказать многое: о мучительном поиске гелиораствора; о легендарной первой гелиографии, которая бесследно исчезла вскоре после создания; о передвижных выставках гелиографистов; о Меренской ярмарке и истоках жесткого контроля над гелиоискусством...

Ничего этого Крозельчикюс Агате не рассказывал. Когда девушка появлялась

рядом, он терял способность выражать свои мысли связно. Да и сами мысли его теряли способность двигаться в нужном направлении. Крозельчикюсу хотелось провалиться под землю от нелепости каждой фразы.

Сделав большой глоток кофею, Крозельчикюс сказал буднично:

- Вообразите, у меня похитили гелиофор.

Агата ахнула. Невольно Крозельчикюс выпрямил спину. Трагическое событие обернулось вдруг поводом для гордости.

- Вероятно, отправлюсь завтра в Штайнграу, - продолжал Крозельчикюс равнодушным тоном. И добавил с улыбкой: - Вы очень рискуете, панна Агата, общаясь теперь с опасным преступником.

Сегодняшний стресс словно что-то сдвинул в Крозельчикюсе. Он совершенно не заикался и сам себе казался интересным и значительным.

- Вам непременно надо все-все рассказать Виташу, - уверенно сказала Агата. - Он поможет. Виташ такой славный. Всем помогает. Очень люблю его за это.

Крозельчикюс ревниво нахмурился, слыша такие слова. Но спорить не стал.

* * *

Квартира Виташа Бодани занимала верхний этаж и мансарду самого высокого здания на площади Верхнего рынка.

Виташ был младше Крозельчикюса на пару лет. В школе они не особо приятельствовались, да и теперь их странные отношения держались, кажется, исключительно на интересе Агаты к гелиографии. Собственно, всех отношений - редкие встречи в «Зарадли». Виташ обычно бывал доброжелателен, внимательно выслушивал сбивчивые рассказы о малоизвестных документах, найденных в архиве «Дома Нисефора», непринужденно шутил и как будто не замечал неуместности Крозельчикюса в их маленьком кружке.

Крозельчикюс полагал Виташа типичным представителем золотой молодежи - бестолковым и инертным; единственным его достижением было удачно родиться. Этого могло хватить, чтобы спасти невинного человека из лап Штайнграу, но Крозельчикюс сомневался, что Виташ возьмется ему помочь. Крозельчикюс пришел сюда только ради Агаты - быть может, сегодня он видел ее в последний раз.

Но теперь, разглядывая дорого и безвкусно обставленный кабинет, Крозельчикюс невольно думал о том, что хозяин этого кабинета мог бы выручить его без особых усилий. Как всякий маленький человек, Крозельчикюс искренне

верил в безграничные возможности публичных людей - будто у них имелись специальные рычаги влияния на все, происходящее в этом мире. Таким публичным человеком был не Виташ Бодани, но его отец - тот самый Карел Бодани, после обличительной статьи которого в «Лидове новины» Штайнграу официально запретил кинетоскоп, и представители Эдисона покинули страну.

Парадокс: именно младший Бодани был владельцем одного из оставшихся в городе частных кинетоскопов и даже после запрета нередко устраивал домашние просмотры. Однажды он и Крозельчикюса приглашал на «Казнь Марии Шотландской» (рассказывали, что для шокирующих одиннадцати секунд этого фильма Кларк и Эдисон обезглавили настоящую женщину). Крозельчикюс тогда отказался: ему никак нельзя было привлекать к себе внимание серых.

- Я слышал, Виташ имеет отношение к «Спектруму»? - осторожно поинтересовался Крозельчикюс. Они ждали Виташа уже час, но Крозельчикюс не был расстроен: все это время Агата посвятила ему одному.

- О, так вы знаете? - обрадовалась Агата. - Вам Виташ рассказал?

Крозельчикюс неопределенно пожал плечами, нервно усмехнулся. Агата сделала строгое лицо, погрозила ему пальцем.

- Вы же понимаете, пан Крозельчикюс, что это тайна?

- По сравнению с пропажей гелиофора это пустяк, поверьте.

Значит, Зайнике не обманул. Впрочем, это не имело значения. О «Спектруме» в последнее время говорили много, но исключительно шепотом - как о единственной реальной оппозиции Штайнграу. «Спектрум» выпускал собственную газету, журналисты которой ловкими булавочными уколами досаждали серым, не давая, однако, поводов для запрета движения. Если все активисты движения были под стать Виташу, то не удивительно, что им так долго позволяли оставаться на плаву.

То ли от скуки, то ли от смущения Агата взялась наводить порядок: поправила статуэтки на полке, собрала в аккуратную стопку разбросанные книги. Крозельчикюс ревниво отметил, что девушка чувствует себя здесь совершенно свободно. Когда они только пришли, она распорядилась, чтобы принесли кофий, и строго отчитала старого лакея за нерасторопность.

Самому Крозельчикюсу было в этом кабинете крайне неудобно. Виташ, не сознавая того, наполнил мансарду удивительно яркими и болтливими вещами, которые теперь без стеснения рассматривали Крозельчикюса и подавали ему знаки, настойчиво напоминая о его душевной хвори. Ужасно несвоевременно. Крозельчикюс старался не смотреть по сторонам.

- Виташ все-таки удивительный. Сколько раз предлагала я ему повесить на стену гелиографии - что-нибудь из работ Люмьеров, например... - Агата указала на стену,

увешанную квадратными картинками в рамках.

Крозельчикюс старался не смотреть в ту сторону, вместо этого принялся придирчиво изучать носки собственных ботинок. Агата продолжала:

- Но нет, он уперся в эти сизые квадраты, ни за что не хочет их менять. Его друг Казимир... Вы знаете Казимира? Он утверждает, что можно научиться отличать один такой квадрат от другого. Что они разные, представляете? Это, разумеется, только глупые выдумки супрематистов.

Последнее слово Агата произнесла презрительно, точно говорила о чем-то неприличном.

- Думаю, пан Крозельчикюс с тобой не согласится. - Слова эти сопровождалось надрывным скрипом ступенек: по лестнице поднимался Виташ Бодани.

* * *

Виташ Бодани сказал:

- Крозельчикюс, вам несказанно повезло. Я знаю парня, который знает другого парня, который что-то слышал про вашу пропажу. И этот третий - вы следите за моей мыслью, Крозельчикюс? - этот третий готов вернуть вам... м-м... вашу собственность взамен на небольшую услугу.

Крозельчикюс непонимающе уставился на Виташа.

- Я не очень понял вас, Виташ, - медленно сказал Крозельчикюс, пытаюсь подобрать слова. В голове его случились мельтешение и хаос. Мысли отказывались становиться словами, пихались, роптали, выталкивали друг друга вперед. - Парень, который знает другого парня, который - что?

Виташ склонился над Крозельчикюсом.

- Бросьте это, Крозельчикюс. Бросьте. Я вижу, что мы преотлично друг друга понимаем.

Крозельчикюс отвел глаза. Еще секунду назад он надеялся, что понял Виташа неправильно.

- Какого рода услуга требуется вашему парню? - Крозельчикюсу трудно далась эта фраза, горло будто спазмом сдавило, а руки, даже упертые в колени, продолжали ходить ходуном.

- Не моему, Крозельчикюс! - очень искренне возмутился Виташ. - Да если бы это был мой парень, я бы тотчас вернул вам утерянное. Мы же свои люди, Крозельчикюс! Нет-нет, тот пан совершенно незнакомый. Можно сказать, прохожий. Знаете, как бывает? Вы обронили, он нашел.

- В моей квартире?

- Почему я знаю? Я не вдавался в детали, я просто передаю информацию, полезную вам. Моему другу. Или мы не друзья, Крозельчикюс?

Виташ налил себе виски в стакан и стал пить короткими глотками. Крозельчикюсу не предложил.

Крозельчикюс с минуту молча следил за танцем пылинок в солнечном свете. Потом небрежно перевел взгляд на стену, увешанную рамками с цветными квадратами внутри - работами супрематистов (тоже, кстати, запрещенных). Некоторые цвета были просто шокирующими... Крозельчикюс невероятным усилием воли отвернулся. Дальше - стеллаж с книгами, до потолка; рабочий стол (туда лучше не смотреть), кресло-качалка (встревоженный скрип), барный шкаф. Виташ.

Нисефор тебя дери, думал Крозельчикюс, глядя на Виташа. Тот был невозмутим, во взгляде - искренняя забота о друге. А на деле... Мелкий вор и шантажист. Но как держится! Будто действительно хочет помочь Крозельчикюсу, а не скидывает в пропасть.

- Этому парню... - Виташ, решив, что выдержал нужную паузу, продолжил: - Назовем его Игрек... Игреку нужна бездельница, в сущности...

- Да не томите же, Виташ, - нетерпеливо простонал Крозельчикюс. - Мне, откровенно говоря, даже интересно, что может понадобиться Иксу, Игреку и прочим Зедам от обыкновенного зрителя музейного архива.

- Потерянная гелиография, - скороговоркой выпалил Виташ и запил эти слова огромным глотком виски.

Крозельчикюс медленно, с расстановкой, спросил:

- Вы. С ума. Сошли. Виташ?

Крозельчикюс успокоился вдруг, руки и голос вновь стали его слушаться, мысли выстроились в параллельные шеренги, мир стал прост. Он поднялся, поправил очки, немного рассеяно огляделся - не оставил ли здесь своих вещей? - и, не говоря более ни слова, двинулся к лестнице.

- Эй, вы куда, Крозельчикюс? А как же гелиофор?

- Вы хотели сказать, моя собственность?

Виташ резко пересек комнату и преградил Крозельчикюсу путь.

- Я хочу сказать - ваша свобода, Крозельчикюс. Она не дорога вам?

- Дорога. Как память. Но жизнь дороже. Выпустите меня, Виташ.

- Если вы уйдете, то завтра ваш гелиофор найдет какая-нибудь милая старушка и сдаст хвостам. - Виташ достал папиросу, не спеша прикурил, затянулся, выпустил дым. - И все двенадцать пластинок будут отсняты. Запрещенными кадрами,

Крозельчикюс.

Крозельчикюс, не глядя на Виташа, подошел к бару, налил себе полстакана виски и залпом выпил. Закашлялся.

- Папиросу? - участливо спросил Виташ.

Крозельчикюс сказал:

- Положим, вам удался ваш шантаж. Я испугался и решил вам помочь. Но Виташ, сами подумайте: где я возьму вам потерянную гелиографию? Потерянную, Виташ! Это значит, что ее нет. Испарилась. Исчезла.

Виташ подошел к Крозельчикюсу, стал рядом, у окна.

- Одна птичка на хвосте принесла, что гелиография у вас, - доверительно сообщил он. - Или вы знаете, где этот снимок найти. И если птичка ошиблась - вам же хуже.

Виташ распахнул окно, и тотчас вместе с порывом ветра и запахом осени в комнату ворвались звуки улицы: клаксоны автомобилей, шелест деревьев, шум городской толпы, воркование голубей.

* * *

История гелиографии началась не сто лет назад, а еще на двенадцать лет раньше, когда эксперименты Нисефора Ниепце с закреплением гелиоизображений впервые увенчались успехом. О первой гелиографии сохранилось мало сведений. Снимок был сделан с помощью особого гелиораствора, описания которого в дневниках Ниепце нет. Не существует ни одного документального подтверждения, что Нисефор сделал еще хотя бы одну гелиографию с помощью того же раствора.

Зато о Меренской ярмарке известно многое. В те дни в столицу съехались тысячи зевак. Сотни из них пришли поглазеть на диорамы Ниепце - чудо привычное - и заодно бросали взгляд на новейшую работу мастера. Маленькую, шесть на восемь сантиметров, картинку с диковинным названием - гелиография.

- А правду рассказывают, что она проклята? - Агата легко прикоснулась к руке Крозельчикюса. Сердце его мгновенно выпрыгнуло куда-то в горло и застряло там, мешая дышать.

- Прошу прощения? - прохрипел Крозельчикюс.

- Первая гелиография. Говорят, у того, кто на нее посмотрит, выпадают глаза...

- О. Нет, конечно, нет. Ерунда, бабушкины сказки.

Крозельчикюс поежился. Желание оглянуться и убедиться, что за ними не следует отряд хвостов в одинаковых касторовых костюмах, ощутило жгло изнутри,

как физиологическая потребность. Вроде голода.

Они шли по Радничке в сторону Старой ратуши, рядом с которой помещался музей «Дом Нисефора». При других обстоятельствах Крозельчикюс был бы совершенно счастлив. План его, пусть кривой дорожкой, привел к нужному результату: Агата была рядом. Но цена такого счастья Крозельчикюса решительно не устраивала. Авантюра, в которую тянул его коварный Виташ, никак не должна была зацепить эту невинную девушку.

Невдалеке от музея помещался газетный киоск. Крозельчикюс остановился рядом с ним, чтобы незаметно осмотреться.

Конечно, никаких хвостов позади не было. По пустынной серой мостовой ветер гонял пожухлые кленовые листья. Но Крозельчикюса не отпускало тревожное чувство, что улица полна тайных соглядатаев, которые только и ждут момента, чтобы уличить преступников.

Юноша в потрепанной федоре прошел мимо, окинув Крозельчикюса и Агату равнодушным взглядом. Равнодушным ли? Нескладная дамочка у соседнего дома изучала список жильцов. Подозрительно.

- Что пан хочет? Вечернюю «Лидове»? Папиросы, табак? - противным голосом поинтересовался старик-киоскер. Крозельчикюс спохватился, ткнул пальцем в первую попавшуюся пачку папирос.

Наклонился к Агате и зашептал:

- Панна Агата, не нужна вам махинация. Оставайтесь.

Агата испуганно оглянулась. По противоположной стороне улицы медленно шел Виташ, искусно делая вид, что совершенно не интересуется Крозельчикюсом и Агатой.

- Простите меня, Крозельчикюс, что посоветовала вам обратиться к нему, - ответила Агата. - У меня и мысли не было... что Виташ... Я так хотела помочь! И теперь не оставлю вас! Не смейте перечить.

Холодной своей ладошкой Агата сжала запястье Крозельчикюса, и тот замер в блаженстве. Пусть завтра смерть. Теперь не страшно.

- Шесть гелеров, - напомнил о себе киоскер.

Крозельчикюс поспешно дал ему несколько монет и машинально спрятал в карман ненужные папиросы.

«Дом Нисефора», как и большинство музеев, в понедельник не работал, а мрачно дремал серыми стенами в компании усатого сторожа.

Этот дом не был родным для Ниепце. Это была его тюрьма.

Нисефора заперли здесь почти сразу после дознания по делу о меренской чуме. И ему еще повезло. Остальные жертвы первой гелиографии, в том числе и жена

Ниепце, закончили свои дни в карцерах Богнице, где их до смерти лечили кровопусканиями, слабительными, опиумом, чемерицей и обливаниями холодной водой. Ниепце не лечили. Почти. Но ему долгих двенадцать лет пришлось трудиться в этих стенах на благо общества.

«Дом Нисефора» правильнее было бы назвать музеем славы Штайнграу. Это был памятник нечеловеческой изворотливости основателей серого департамента. Открытие Ниепце, обернувшееся меренской чумой, для Штайнграу стало лестницей к власти; никчемная лаборатория при Богнице превратилась в структуру, контролирующую весь Мерен.

В Штайнграу хотели от Нисефора многого, но добились только изобретения безопасной гелиографии, развитие и распространение которой серые с тех пор чутко и бдительно сдерживали. Всякое новшество, хоть бы и косвенно связанное с опасной наукой офтальмологией, тщательно обнюхивали специальные люди из патентного ведомства Штайнграу и, как правило, запрещали.

Было совсем уже темно, когда Агата приостановилась у запертых ворот «Дома Нисефора». Крозельчикюс же решительно прошел мимо, прошипев только:

- Не сюда.

Он двинулся вдоль чугунной ограды, заросшей плющом, и повернул за угол. Здесь Крозельчикюса нагнал Виташ, ухватил за плечо.

- Без фокусов, дружище. Вы куда собрались?

- Пан Бодани, - сказал Крозельчикюс, оглядываясь, - оставимте панну Агату здесь. Незачем впутывать ее в грязное дело.

Неслышно подошла Агата.

- Я иду с вами, и это не обсуждается, - в ее голосе прозвучали металлические нотки. Виташ и Крозельчикюс переглянулись.

- Крозельчикюс, вы не правы насчет грязного дела, - горячо зашептал Виташ. - Я не все могу вам рассказать, но поверьте, вы оказываете «Спектруму» неоценимую услугу.

- Думаете, меня впечатляют ваши детские игры в политику? - Крозельчикюс скептически поднял бровь. Отодвинул рукой заросли плюща и сказал: - Прошу.

Следуя привычке хранить и систематизировать не только музейные экспонаты, но и любую информацию об окружающем мире, Крозельчикюс давно приметил и запомнил место в ограде, где расположенные достаточно широко прутья решетки позволяли забраться на территорию музея в обход ворот и сторожки охраны.

- Вы недооцениваете «Спектрум». Знаете ли вы, какую библиотеку по теме человеческого зрения нам удалось собрать? - в голосе Виташа звучал неподдельный фанатизм. - Я намерен читать научный труд некоего Яна Далтона -

это удивительно, что он пишет...

- Я не слышал о таком ученом.

- Уж об этом в Штайнграу побеспокоились. А о Менделе вы слышали? Гениальный ученый, светило. Сгинул в Богнице вслед за Далтоном.

- Ваши ученые были душевнобольными?

- Они позволили себе сомнение.

Крозельчикюс достал часы из жилетного кармашка. Семнадцать пятнадцать.

- У нас не более получаса, - сказал он. - Поторопимся.

Три тени, крадучись, проскользнули через сад к черному входу, каким обыкновенно пользовались только технические сотрудники музея. Пропустив Виташа и Агату вперед, Крозельчикюс задержался. В шелесте деревьев и шуме ветра ему почудилось что-то тревожное. И дверь скрипела как-то не так. Предупреждающе. За изгородью как будто мелькнул свет фонаря.

Крозельчикюс мысленно посчитал до тринадцати и захлопнул за собой дверь.

* * *

Почувствовав знакомый запах щелочи, которым было пропитано все здание музея, Крозельчикюс немного успокоился.

Виташ успел уже зажечь лампу и уйти по коридору далеко вперед, Крозельчикюс двинулся за ним, ориентируясь на пятно света.

- Стойте, пан Крозельчикюс! - тревожно прошептал где-то рядом голос Агаты. - У меня плохое предчувствие. Не пойдем туда.

- То есть как не пойдем? - занервничал Крозельчикюс. Теперь и его накрыло плохим предчувствием, да так, что он счел за лучшее прислониться к стене. Агата взяла его за руку.

Тотчас раздался хлопок выстрела, крик, потом где-то впереди послышалось эхо голосов и шагов.

- Западня, - сдавленно прошептала Агата. - Что делать, пан Крозельчикюс?

Такого поворота событий Крозельчикюс никак не ожидал.

Разве мог он решить, что делать? Впасть в ступор и мелко дрожать, пока голоса и шаги не доберутся сюда? Потерять сознание от избытка чувств? Забиться в угол и не дышать?

Но прохладная маленькая ладонь сжимала его руку, и Крозельчикюс мужественным шепотом сказал:

- Уходите, панна Агата. Я задержу их.

Агата напряглась, впилась в его ладонь ногтями так, что, кажется, пошла кровь.

- Я боюсь, Станислас. Не оставляйте меня.

Это окончательно добило Крозельчикюса. Никто не звал его по имени уже пятнадцать лет, с тех пор как умерла матушка.

Он решительно распахнул дверь и вывел Агату наружу.

Кажется, здесь никто их не ждал.

На полпути к ограде Агата резко остановилась. Крозельчикюс едва не упал от неожиданности.

- А как же вы теперь вернете свой гелиофор? - спросила Агата. - Ведь гелиография осталась в музее...

- Пойдемте, панна Агата, не стойте тут, - зашипел Крозельчикюс.

- Нет! - почти закричала Агата. - Немедленно возвращаемся! Пан Крозельчикюс!

Крозельчикюс затравленно оглянулся. Ни сторожа, ни хвостов он пока не заметил, но был уверен, что с минуты на минуту они явятся сюда.

- Агаточка, миленькая, позвольте вывести вас отсюда. После поговорим.

- Но я не хочу, чтобы вас арестовали серые, - Агата почти плакала. Крозельчикюс растроганно улыбнулся.

- Ну, раз не хотите, значит, не арестуют. Как бы то ни было, возвращаться в музей нам незачем. Первой гелиографии там нет, - Крозельчикюс машинально поправил очки.

- Как так? - Агата привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть лицо Крозельчикюса. - Зачем же мы сюда пришли?

- Откровенно говоря, я рассчитывал отдать Виташу одну из достаточно старых, но самых обыкновенных гелиографии. Что-то из первых тюремных экспериментов Ниепце с обыкновенным раствором, каким мы пользуемся до сих пор. Настоящая первая гелиография давно хранится у меня дома.

* * *

Крозельчикюс любил свой дом. Но только полгода назад, когда Крозельчикюс случайно нашел в архиве музея ту самую гелиографию и через сто с лишним лет сделался новой жертвой меренской чумы, он смог наконец по достоинству оценить красоту и гармонию дома и научился как следует понимать его.

Сейчас дом был встревожен. Стены почти кричали, стекла в окнах держались на грани истерики. Фарфоровые бинтуронги на каминной полке зыркали мрачно и дергали усами.

Крозельчикюс прикрыл за собой дверь. Агата, то ли почувствовав настрой дома, то ли по иной причине, была непривычно молчалива. Даже, как показалось Крозельчикюсу, несколько напряжена.

Крозельчикюс снял со стены гелиографию, висевшую рядом с изображением черного индийского слона. Это был простенький кадр: бульвар, дома, деревья, черное небо. Специалист без труда узнал бы вид, открывающийся на Радничку из «Дома Нисефора».

- Неужели это она? - жадно спросила Агата.

- Почти, - усмехнулся Крозельчикюс. Он отогнул крепления и убрал задник рамки. Бережно достал металлическую пластинку, передал ее Агате, перевернув другой стороной. - Не знаю, как Ниепце сберег эту гелиографию во время ареста, но позже он просто воспользовался ею снова. Видите: с одной стороны пластины - вид из окна, а с другой... Я нашел этот снимок в альбоме среди десятка таких же.

- Но она... пустая, - разочарованно сказала Агата.

- Поднесите к свету... Вот так, И чуть поверните, - Крозельчикюс своей рукой помог Агате повернуть гелиографию как следует.

Крозельчикюс в который раз изумился, как красива и настолько же печальна женщина, запечатленная на этом снимке.

- Почему Ниепце все-таки не уничтожил снимок? После всего... - спросила Агата.

- Это портрет его жены. Он любил ее. - Крозельчикюс переставил лампу к краю стола, чтобы Агата могла удобно устроиться на стуле и рассмотреть изображение.

За лампой протянулась едва заметная дорожка пролитого керосина. Крозельчикюс отошел в тень.

Агата всмотрелась в гелиографию. Ахнула, зажмурилась.

- Я... не понимаю, - сказала она. - Что-то не так в этой... Она как будто... громкая? Мне больно смотреть.

- Это называется цвет. Не бойтесь. Больно только в первый раз. Вы будете плохо видеть - недолго. Может быть, полчаса. Зато потом... - Крозельчикюс запнулся, продолжил совсем тихо: - Вы могли просто попросить, панна Агата, - ему очень трудно дались эти слова, спокойствие вновь покинуло Крозельчикюса, голос дрожал.

Агата резко поднялась и, не выпуская гелиографию из рук, сделала несколько неуверенных шагов в сторону двери. Остановилась.

- Что вы имеете в виду, пан Крозельчикюс?

- Я отдал бы вам свою жизнь.

Агата шумно выдохнула, помолчала несколько мгновений (Крозельчикюс успел мысленно сосчитать до девяти), словно обдумывая что-то. За эти мгновения

внешность ее изменилась удивительно, как будто Агата с облегчением сняла наконец маску глупой девочки. И стала... кем?

- Вы не отдали бы, - презрительно сказала она. - Эта гелиография у вас уже несколько месяцев, и вам не пришло в голову даже показать ее мне.

- Это опасная вещь, милая Агата. Практически приговор. Впрочем, вам ли я буду это рассказывать, серая вы моя.

Агата дернулась, как от пощечины.

- Давно знаете?

- Узнал только что. Заподозрил в музее.

Бинтуронги с камина смотрели на Агату укоризненно. Крозельчикюс нашел в себе силы приблизиться к Агате, чтобы еще раз - на прощанье - заглянуть в ее глаза.

- Я только не понимаю, зачем вы подставили Виташа, - сказал он. - Ведь это вы - та самая птичка, которую он упомянул. Вы рассказали ему и про мой гелиофор, и про эту гелиографию.

Агата повернула голову на его голос. Усмехнулась.

- Ну как же, это как раз очень просто. И элегантно, я считаю. Мой подарок Штайнграу на прощанье. Глава «Спектрума» пойман с поличным при попытке кражи из музея Ниепце. Наконец есть повод прижать гаденышей. И серые отвлекутся на это лакомство, пока я буду искать покупателя. Как в шахматах, Крозельчикюс. Вы играете в шахматы? Одним ходом убить двух зайцев. Раз-раз, и в дамки, - сказав это, Агата отвернулась от Крозельчикюса и направилась к двери, безошибочно определив направление.

- Вы, наверное, имеете в виду шашки, дорогая? - этот вопрос прозвучал одновременно с выстрелом.

У двери стоял инспектор Зайнике все в том же полосатом пальто и кепке. В руке его дымился револьвер.

* * *

Зайнике поставил гелиофор на бюро, а сам прошел к креслу, стараясь не смотреть на гелиографию, выпавшую из рук Агаты. Достал свою ужасную трубку цвета молодой зелени. Продемонстрировал ее Крозельчикюсу, усмехнулся.

- Вы ведь видите цвет, правда, Крозельчикюс?

Крозельчикюс кивнул машинально. Отвернулся к Агате. Та сидела, криво прислонившись к столу, куда ее отбросило выстрелом. Агата недоверчиво смотрела на свою блузку, пропитавшуюся кровью. Крозельчикюс опустил на

колени рядом с ней, взял за руку. Рука была пронзительно холодной.

- Кровь. Она как... что? Как... - едва слышно прошептала Агата, но не закончила фразу. Крозельчикюс каким-то специальным чувством понял: Агата умерла.

- Как закат, - хрипло сказал Крозельчикюс.

Мир остановился. Крозельчикюс вообразил, что замерли световые лучи в плену линз и скрипят, неспособные вырваться, - как если бы кто-то назойливо водил железом по стеклу. Что-то мешало свету двигаться дальше. Что-то мешало Крозельчикюсу дышать.

- Только не нужно убиваться, Крозельчикюс, - грубо сказал Зайнике. И в этой грубости Крозельчикюсу почудилась попытка оправдаться.

Сквозь приоткрытую форточку слышно было, как на улице жужжит гидравлическая машина и поет сверчок. Эти два звука сливались в одну такую привычную и уютную мелодию. Крозельчикюс помимо воли прислушался к ней, полагая различить новые ноты: перешептывания, хриплое дыхание, шаги. Звуки засады.

Но там были только сверчок и гидравлическая машина.

- А ведь вы тут один, Зайнике или как-вас-там, - сказал Крозельчикюс.

Зайнике не ответил. Он набил трубку и теперь с явным удовольствием курил.

Крозельчикюс чувствовал себя престранно: кажется, впервые в жизни он ничего не боялся. Как будто все самое страшное уже случилось. И выжгло его изнутри.

Крозельчикюс подошел к камину. Полосатые бинтуронги выстроились в ряд. Они смотрели на Крозельчикюса мрачно, но одобрительно. Искоса глянул Крозельчикюс влево и такой же одобрительный, полный нехорошей решимости вид заметил у керосиновой лампы.

Легко поднял тело Агаты, аккуратно уложил на стол рядом с керосинкой.

Зайнике с любопытством следил за его действиями, но ничего не предпринимал.

- У меня револьвер, Крозельчикюс, - только напомнил он.

- Так стреляйте, - спокойно ответил Крозельчикюс.

- Вы нездоровы, Крозельчикюс. Меренская чума - не шутка. Вас вылечат.

- В Богнице?

- Медицина не стоит на месте. Есть...

- Зайнике, почему вы один? - перебил Крозельчикюс. - Не все так гладко в сером департаменте, да? Подкрепление задерживается? Наверное, празднуют там арест Виташа.

У Крозельчикюса не было плана. Он импровизировал, и ему это нравилось.

Крозельчикюс убрал бинтуронгов с каминной полки в карман. Взял в руки справочник Ниепце. Никчемная книга, если подумать. Будто Крозельчикюс не

разберется сам, какую композицию выбрать для гелиографии. Он положил справочник на стол. Пусть хоть раз послужит для пользы дела.

- А ведь я несколько месяцев действительно полагал себя душевнобольным. Один против вселенной... Это, знаете, бодрит, - Крозельчикюс поднял с пола гелиографию. - Я был не прав, Зайнике. Вы слишком нервничаете, слишком боитесь меня.

- Чего я хочу? Например, увидеть, какого цвета море. Увидеть мир, который вы украли.

Зайнике попытался привстать, но отчего-то у него не получилось. Он принялся ерзать в кресле, стараясь делать это незаметно для Крозельчикюса.

- Вы потеряли способность рассуждать здраво. Болезнь прогрессирует. Не останови мы меренскую чуму сто лет назад, мир погряз бы в войнах и хаосе! Забудьте о тихой Европе, забудьте о сильном Мерене. - Крозельчикюс не слушал его, а слушал скрип половиц и чувствовал в нем слова прощания. Дом знал, чем закончится эта ночь. - Вам не интересно, Крозельчикюс?

- Пропанганды мне довольно по радио. Но мне вот что интересно: почему вы не стреляете?

- Мне незачем убивать вас. Вы симпатичны мне, Крозельчикюс. Только прекратите, пожалуйста, эти метания по комнате...

- А вы остановите меня, - Крозельчикюс оглядел комнату. Все ему тут было дорого, но иногда приходится расставаться и с самым дорогим.

Крозельчикюс достал папиросы, которые купил в киоске рядом с музеем. Теперь только он разглядел, что на пачке изображена была девица, удивительно похожая на Агату. В руках она держала поднос с грушами. Девушка печально подмигнула Крозельчикюсу.

Он похлопал себя по карманам. Обернулся к Зайнике:

- Могу я попросить у вас спички?

- Так-то лучше! - одобрительно сказал Зайнике. - Покурите, успокойтесь. Только не подходите ближе! Я брошу вам коробок.

Поймав спички, Крозельчикюс тотчас спрятал папиросы в карман и сказал:

- Карандаш, огонь, вода, карма-барма, цу-е-фа.

Зайнике с подозрительным прищуром следил за тем, как Крозельчикюс зажигает спичку.

- Что вы делаете, Крозельчикюс? Немедленно курите!

- Извините, Зайнике. Не люблю это дело, - Крозельчикюс бросил спичку на стол, туда, где на пропитанной керосином скатерти лежало тело Агаты. - Прощайте, Зайнике. Жаль, вы не способны оценить, как красиво сейчас здесь будет.

- Стойте, Крозельчикюс! - инспектор направил на Крозельчикюса револьвер. Это был не какой-нибудь легкомысленный «кобольт», а мудрый, надежный «маузер»; дуло его смотрело печально и строго.

- Очень хорошо, - сказал Крозельчикюс, снимая очки и убирая их в нагрудный карман. - Если вы правы и я болен... Если мир только кажется мне не таким, каким видите его вы, то револьвер выстрелит, и мы умрем здесь вместе. Если прав я и неодобрение револьвером вашей серой деятельности - не странные фантазии воспаленного мозга, а реальный факт, то будет осечка. Стреляйте.

Стол, справочник Ниепце и Агата почти мгновенно превратились в пламя. Огонь уже тянулся к шторам и ковру. Крозельчикюс подхватил с бюро гелиофор и, не удержавшись, обернулся, чтобы подмигнуть креслу, в котором сидел побагровевший инспектор, и револьверу в руке Зайнике.

Инспектор так и не выстрелил.

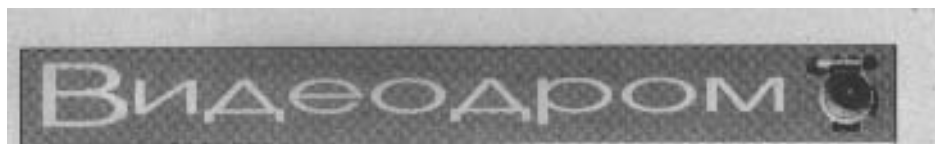
Крозельчикюс вышел и не видел уже, как беспомощно Зайнике бился в крепких объятиях кресла, одной маленькой пружиной зацепившегося за ремень инспектора. Как, отбросив револьвер, пытался Зайнике дотащить кресло к двери, но не смог справиться с силой притяжения пола, удерживающей громадину на месте.

Зато Крозельчикюс слышал, как взрываются патроны, до которых добрался голодный огонь.

Крозельчикюс пересек улицу и обернулся. Дом пылал. Пламя пожирало его яростно и жадно. Достойный погребальный костер для Агаты. Прощай, дом.

Крозельчикюс не спеша разложил штатив, установил гелиофор. На крышку усадил фарфоровых бинтуронгов, которых достал из кармана, - пусть тоже полюбуются.

Крозельчикюс немного волновался: это был его первый кадр.

Видеодром

ХИТ сезона

ОТТОПТАЛИСЬ ПО ПОЛНОЙ!

Редкий случай: не литература предлагает иным медийным средам новые жанровые направления, а наоборот. Термин «мэшап» пришел в литературу из компьютерных технологий и музыки (компоновка несовместимых стилей: например, рэпа с классической симфонической музыкой). А вообще-то он созвучен русскому слову «мешанина», и так, по сути, его следует понимать...

Но, воскликнете вы, в литературе весьма часто совмещают несовместимое: гений и злодейство, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень... Да, возразим мы, но до сих пор это было приемом. Жанром это стало, когда возник издательский тренд - пожалуй, самый молодой из существующих, появившийся в 2009 году. Именно тогда вышла в свет провокационная книга Сета Грэма-Смита «Гордость и предубеждение и зомби», в которой автор «опрокинул» сюжет классического произведения английской литературы, предтече «дамского» романа - «Гордость и предубеждение» Джейн Остин. Книга Грэма-Смита мгновенно стала бестселлером, и издательство Quirk Books запустило проект, положивший основу жанра мэшап. Затем Бен Винтерс продолжил «эксперименты» с творчеством Остин, написав «Разум и чувства и морские монстры», а Стив Хокенсмит поспешил с приквелом к роману Грэма-Смита, предложив читателям свои «Гордость и предубеждение и зомби: Рассвет ужаса».

Подключились и другие издательства. Классические сентиментальные истории обрастали монстрами, Анна Каренина оказалась андроидом-революционером в стимпанковской версии Бена Винтерса «Андроид Каренина»; сразу два издательства независимо и параллельно оттоптались на романе «Маленькая женщина» Луизы Мэй Олкотт, снабдив повествование вампирами и вервольфами; диккенсовский Скрудж тоже связался с кровососами; Джейн Эйр стала Джейн Слэйр (Джейн Убийца). А уж над произведениями Остин продолжали измываться все кому не лень - благо, романов много, а автор безответен.

Вскоре романтическое направление стало тесно мэшаперам. Досталось уже и «Робинзону Крузо» - его скрестил с монстрами Лавкрафта Питер Клайнс в романе «Робинзон Крузо: страшные приключения оборотня». Королева Виктория оказалась вдруг охотницей на демонов. Пол Маккартни - бессмертным вампиром.

Второй мэшап-роман основателя жанра Сета Грэма-Смита назывался просто и понятно: «Авраам Линкольн: Охотник за вампирами» и представлял собой якобы секретный дневник Линкольна, в котором один из самых знаменитых президентов США описывал свою «вторую» жизнь: с молодости он, вооружившись серебряным топором, охотился на сонмища вампиров, которые перебрались из Европы с целью захватить новые территории. Заодно была представлена «настоящая» история противостояния Севера и Юга (а иначе зачем южанам нужно было столько рабов?)... Все это на фоне реальных событий жизни Линкольна.

Кому, как не иностранному режиссеру, снимать в США патриотическую ленту про великого президента? Постановку доверили нашему Тимуру Бекмамбетову, уже имеющему опыт работы с вампирской тематикой в «Дозорах». Бюджет выделили по нынешним меркам небольшой - 69 миллионов, потому актеров звездного уровня в картине нет. Да и не нужны они - сам профиль президента Линкольна многие годы является «звездой». Пятидолларовых купюр. Памятников и мемориалов. И всего прочего. Главное - подобрать похожего исполнителя, да чтоб драться умел, Таким стал Бенджамин Уокер.

Юный Авраам еще в малолетстве становится свидетелем убийства матери вампиром. С тех пор он одержим жаждой мщения. Уже молодым человеком он выслеживает вампира-убийцу и пытается убить. Неудачно, но Авраама спасает профессиональный охотник за вампирами Генри Стёржес (впоследствии выясняется, что он вампир-инсургент). Вскоре Линкольн понимает, что имеет дело с целой организацией кровососов, возглавляемой пятитысячелетним Адамом (не тем ли самым прародителем человечества?), и выбирает путь политика, ведь одоление рабства - это победа над вампирами, Но во время гражданской войны ему придется вновь расчехлить свой серебряный топор...

Бекмамбетов, верный своему клипмейкерскому прошлому, снял весьма типичную для себя ленту - великолепный видеоряд, замечательные находки в эпизодах (один поединок на спинах несущегося табуна чего стоит) и некоторое пренебрежение к общему сюжету. Не удалось избежать неминуемого патриотического пафоса, ведь основной зритель фильма - американец со сложившимся набором клише о биографии Линкольна. Не забыта и обязательная для мэшапа сентиментальная линия. Американским зрителям такое всегда по вкусу.

А вот интересно было бы посмотреть на реакцию отечественного зрителя, если бы американский режиссер снял в России фильм про то, например, как Петр Первый рубит в капусту упырей, возглавляемых Бабой-Ягой...

Дмитрий БАЙКАЛОВ

рецензии

БЕЛОСНЕЖКА И ОХОТНИК

(SNOW WHITE AND THE HUNTSMAN)

Производство компании Roth Films, Universal Pictures (США), 2012.

Режиссер Руперт Сандерс.

В ролях: Кристен Стюарт, Крис Хемсворт, Шарлиз Терон и др.

2 ч. 07 мин.

Перед зрителем разворачивается мрачная история с Хемсвортом-Тором в роли лучшего охотника в мире и бесподобной королевой Равенной, вступившей в конфликт с этим выбором продюсеров, Странное ощущение от фильма: альтернативный взгляд на известную сказку братьев Гримм простителен, но выбор актрис на главные роли вызывает замешательство, Оценивая внешние данные исполнительниц главных ролей, кажется, что конфликт между их героинями выглядит надуманным.

Да и от оригинальной истории почти ничего не осталось. Есть, конечно, эпизоды,

радующие глаз: например, чудесная Святая Глушь с очаровательными феями. Этот момент резко контрастирует с общим впечатлением от фильма, он снят словно для другой истории. Волшебный Белый олень, заменивший в картине надоевшего единорога, и шмыгающие животные, до боли напоминающие второстепенных героев диснеевских лент с милыми уютюшными зверятами, брутальная банда циничных и хамоватых гномов, вовсе, как ожидалось, не распевающих свой хит «Йо-хо, йо-хо», - все это не вызывает ожидания сказки. Напротив, это мрачное, тяжелое кино, к тому же чудовищно затянутое. Целевая аудитория этой сумрачной фэнтези - совсем не дети. Для девчонок слишком уж грубовато и много батальных сцен, мальчишкам не так интересна любовная линия, пусть и рассказанная под другим углом. Ни вашим, ни нашим, как говорится.

Разумеется, стоит посмотреть на саму Шарлиз Терон, ее героине веришь безоговорочно - настолько она безупречна в этой роли, что ей можно простить многое. Если и смотреть кино, то только ради того, чтобы увидеть, как она блистает на экране.

Что же до остальных: гномы хороши, хоть и чувствуется, что в сюжет фильма их ввели с большим натягом. Раскрыться характерам некогда - сплошь битвы, драки и погони. Охотник и Белоснежка - совсем уж незамысловаты. Словом, стоит ли это смотреть, решайте сами.

Вячеслав Яшин

БЕЛОСНЕЖКА И ПРИНЦ ЭЛЬФОВ

(GRIMM'S SNOW WHITE)

Производство компании Global Asylum (США), 2012.

Режиссер Рэйчел Голденберг.

В ролях: Элиза Беннетт, Джейн Марч, Джэми Кинг, Отто Янкович, Бен Мэддокс и др.

1 ч. 29 мин.

Уж коли так получилось, что в этом году стартовало аж две «Белоснежки» (первая - вышедшая в марте «Белоснежка: месть гномов» Тарсема Сингха), и каждая со звездным актерским составом, то на скандально известной киностудии Asylum, промышляющей спекуляциями на крупных премьерах, никак не могли пройти мимо такого шикарного подарка и постарались в своей поделке

использовать сразу оба «оригинала». Драконов - из одной ленты, батальные сцены - из другой. Главной отличительной особенностью является очередная альтернативная адаптация сюжета братьев Гримм. Ну, и еще хоть какая-то знакомая фамилия в титрах. На этот раз Джейн Марч в роли злой королевы Гвендолин.

Автор сценария Наоми Сельфман почти сохранила классический сюжет оригинальной сказки, но ввела в нее свирепых зверей, рептилий и весьма нетривиальных карликов. Да и Белоснежка из черноволосой очаровашки с чистым взглядом лани превратилась в мрачную, жестокую и безжалостную девицу.

Однажды на Землю попал метеоритный огонь, породивший эльфов, которые с давних времен живут здесь вместе с динозаврами. Придя к власти, королева Гвендолин уничтожила эльфов. Теперь ей хочется остаться самой прекрасной в мире. Для этого она должна еще и свести в могилу свою падчерицу Белоснежку, Сбежав, Белоснежка оказывается в темном лесу, где встречается с отшельниками-эльфами.

Чуть смешно, немножко страшно... но удивительное дело: из откровенной дешевки получилось вполне приемлемое кино. Что действительно плохо, так это полнейшее отсутствие каких-либо попыток сыграть свои роли. Шаблонные, заученные движения, Белоснежка с тяжелым взглядом и эмоциями амебы. Зато королева блистательна - истинная стерва, да еще и с гипертрофированным либидо.

В глубине души мы остаемся детьми и ждем даже от самой глупой и несурозной сказки какого-то волшебства...

Вячеслав Яшин

ЖЕЛЕЗНОЕ НЕБО

(IRON SKY)

Производство компаний Blind Spot Pictures Oy, 27 Films Production, New Holland Pictures (Германия - Финляндия - Австралия), 2012.

Режиссер Тимо Вуоренсола.

В ролях: Юлия Дитце, Удо Кир, Пета Сержант, Ким Джексон и др.

1 ч. 33 мин.

Ну как они это делают? Вот так - взять, перемешать кучу жанров, стилей... и

получить цельное кино. Нет, на это, кажется, способны только европейские режиссеры, да и то не испытывающие продюсерского гнета.

Американская экспедиция на Луну, запущенная в качестве президентской рекламной кампании, обнаруживает на обратной стороне базу нацистов, сбежавших туда после Второй мировой. Один из астронавтов убит, второй, негр-фотомодель, захвачен нацистами. Его айфон оказывается тем элементом, который поможет запустить супероружие «Гибель богов» и уничтожить Землю. Айфон разрядился, и вместо того чтобы его зарядить, нацисты снаряжают экспедицию на Землю - на летающей тарелке. А из негра с помощью лекарств безумный доктор делает альбиноса, и рука у него теперь автоматически вытворяет зигу при звуке нацистского гимна.

Негр в качестве проводника, многоцеготамфюрер Адлер, мечтающий стать просто фюрером, и симпатичная учительница-идеалистка отправляются в Нью-Йорк на переговоры с дамой-президентом, рвущейся на второй срок... Трэш, скажете вы! Но нет никаких «мусорных» элементов, типичных для этого жанра. Тогда пародия? Вполне возможно: на наци-дизельпанк, на астероидные фильмы-катастрофы, но не без гэгов в духе Цукеров или Брукса или шуток ниже пояса в стиле Вэйансов. Тут не требуется смех за кадром - все вроде бы на полном серьезе, лишь ощущение полной бредовости и сюрреалистичности происходящего. Так может, просто комедия? Нет, концовка уж очень трагичная и мощная.

Перед нами жесткая политическая сатира, показывающая, что нацизм никуда не делся, а земные политики суть те же фюреры, готовые, в любой момент уничтожить планету... И все это, включая и эпизоды космической битвы, снято «на коленке». В Финляндии. За 7,5 миллиона евро. А получился один из лучших фантастических фильмов года.

Тимофей Озеров

экранизация

ДРУЗЬЯ ВООБРАЖЕНИЯ

Есть такой феномен, который наблюдается у маленьких детей: у них появляются придуманные друзья. Психологи находят разные объяснения: одиночество, нехватка общения и родительского внимания, вытеснение каких-то эмоций и желаний, бегство от ответственности или чувства вины.

Такие «друзья» обычно сами исчезают к 7-9 годам, если же этого не происходит, впору бить тревогу и обращаться к специалистам. Такие «сюжеты» издревле перетекали в кинематограф, ведь он способен визуализировать то, что живет только в воображении. Крайне эффектно смотрится прием, когда герой фильма общается с персонажем, невидимым для окружающих, но не для зрителя.

Воображаемые друзья - чисто психологический феномен, поэтому его можно решать очень по-разному. История про таких героев может получиться какой угодно: сказочной, фантастической или вполне обыденной. Но элемент ирреального всегда будет присутствовать даже в самом приземленном решении - такова уж природа этих созданий. Воображаемые друзья «дважды ирреальны», ибо сами живут в фантазиях выдуманных персонажей, Их делали героями едва ли не сотни кино- и телефильмов.

От Я до Я

Картины про ирреальных персонажей часто даже не пытаются выдавать за фильмы со сколько-нибудь фантастическим элементом. Более того, режиссеры и сценаристы для создания вящего эффекта преднамеренно запутывают зрителя, чтобы тот львиную долю экранного времени пребывал в уверенности, что все-все герои в реальности фильма существуют на самом деле. Так происходит в оscarоносной ленте Рона Говарда «Игры разума», где только в переломный момент главный герой догадывается, что трое людей из его окружения, включая единственного друга, - на самом деле плод шизофренического бреда. Мощный интеллект математика ловит сам себя на логической нестыковке и осознает собственное заболевание. Хотя видения ученого, сыгранного Расселом Кроу, занимают немало места в картине, та никоим образом не позиционировалась как фантастическая, перехватив награду американской киноакадемии за лучший фильм 2001 года у «Властелина Колец: Братства кольца».

Любопытны два факта, связанных с «Играми разума», доказывающих, что реальность неизменно фантастичнее любого вымысла. Во-первых, прототип героя, нобелевский лауреат Джон Форбс Нэш, действительно сумел непостижимым образом самостоятельно победить шизофрению. Экранный же Нэш продолжает до старости видеть своих воображаемых друзей, но волевым усилием не поддается соблазну вступить с ними в контакт. Во-вторых, настоящий Нэш, страдая от своего недуга, вовсе не боролся с «красной угрозой», как нам показывают в его кинобиографии, а общался... с пришельцами из космоса.

Только в кульминационный момент понимает, что его лучший друг не более чем плод воображения, персонаж другого знаменитого фильма «Бойцовский клуб» (1999). В эпатажной картине Дэвида Финчера по роману Чака Паланика, пожалуй, наиболее ярко показал себя драматургический ход: в образе отдельной, «параллельной» личности выступает альтер эго персонажа, подчеркивая раскол сознания. Тайлер Дёрден - бунтарская часть души страдающего от стресса и бессонницы «белого воротничка», вытесненная в подсознание, но вырвавшаяся наружу. Это одновременно и мистер Хайд, и оживший портрет Дориана Грея: недаром Дёрден умирает после того, как его носитель стреляет себе в голову, но сам остается в живых.

Таким же образом решен конфликт между различными частями сознания героини Натали Портман в «Чёрном лебеде» (2010) Даррена Аронофски. Символический удар осколком зеркала по воображаемой подруге-сопернице оставляет рану на теле самой убийцы. Здесь фабула, правда, усложнена тем, что соперница - одновременно и плод развивающейся паранойи главной героини, и в то же время

вполне реальный человек.

В отличие от этих фильмов голландско-бельгийский триллер «Бен Х» (2007) не скрывает ирреальности одного из персонажей. Зритель понимает, что возлюбленная подростка-аутиста видна ему одному. Тем не менее именно она толкает его на то, чтобы обратить свою инаковость в силу и решить проблему с террором одноклассников. В сериале «Детектив Рэйнс» центральный персонаж, склонный к шизофрении, заходит еще дальше, превращая созданных его болезненным сознанием людей в помощников для раскрытия преступлений. Даже ближайший друг - это застреленный несколько лет назад напарник. Прекрасно сознавая, что ожившая жертва убийства не является реальной, Рэйнс в диалогах с ней тем не менее подбирается к разгадке.

Ранее, в первом фильме по сценарию Квентина Тарантино «Настоящая любовь» (1993) вторым «я» главного героя был ни много ни мало сам Элвис Пресли, которого сыграл Вал Килмер (зритель видел его лицо только мельком в зеркальном отражении). А древнейшим «воображаемым другом», толкающим героя на поступок, в мировой драматургии некоторые считают призрак отца Гамлета, Справедливости ради надо отметить, что, хотя в трагедии Шекспира с призраком мог разговаривать только датский принц, скорбную тень видели и другие персонажи...

Второе «я» может иметь довольно мало человеческого. В 2010 году увидела свет кинобиография знаменитого французского шансонье «Гейнсбур: Любовь хулигана». В титрах жанр обозначен как «фантазия» режиссера Жоана Сфара, а сам постановщик сообщает, что отталкивался не столько от реальной жизни Сержа Гейнсбура, сколько от его вымысла. В сюжете, кроме самого героя, действует персонаж, сошедший с рисунков маленького Люсьена Гинзбурга, который тогда еще не взял себе звучный псевдоним. Он имеет сначала образ огромной головы с двумя парами рук и ног, а затем гибкого субъекта с очень длинными пальцами и кукольной головой, украшенной громадным носом. Эту внутреннюю ипостась Гейнсбура играет американский мим Даг Джонс, чей талант европейцы оценили с легкой руки Гильермо Дель Торо^{*35}.

Впрочем, персонифицированное второе «я» способно в мире фильма переходить из нереального состояния во вполне материальное. Так происходит в экранизации романа Стивена Кинга «Темная половина» (1993), поставленной Джорджем Ромеро. Писатель Тэд Бомонт длительное время ведет «двойную» литературную жизнь, выдавая триллеры под псевдонимом Джордж Старк. Когда псевдоним

---

³⁵ * *Подробнее о Даге Джонсе можно прочитать в статье «Люди тела», «Если» №2, 2012 г.*

раскрыт, а Старк официально отправлен в небытие, он прорывается в реальность. На самом деле в Старке развилась, а потом и материализовалась душа погибшего в утробе матери брата-близнеца писателя. В другом фильме по произведению Кинга, «Тайное окно» (2004) Дэвида Коуппа, мы видим более традиционное столкновение героя со своим придуманным альтер эго, как в том же «Бойцовском клубе».

Они живут!

Немало картин обыгрывают ситуацию, когда воображаемые друзья все-таки существуют на самом деле, то есть плодом фантазии как таковым не являются.

Один из самых ранних и известных образцов - комедия «Харви» (1950), поставленная по пьесе Мэри Чейз, удостоенной Пулитцеровской премии. Эксцентричный чудак, богатый наследник Элвуд П. Дауд (его играет любимец американской публики тех лет Джеймс Стюарт) в открытую дружит с невидимым приятелем по имени Харви. Он утверждает, что Харви имеет образ двухметрового белого кролика. Поведение Элвуда побуждает его близких сдать родственника в сумасшедший дом, но не тут-то было. Простодушный мистер Дауд неизменно выходит сухим из воды, а его окружение начинает все более ощущать присутствие шутника Харви. Он ирландский дух под названием «пука», всегда являющийся людям в облике животного. В конце концов даже самый заядлый скептик убеждается в реальности Харви и его фантастических способностях. Однако Харви дружит только с юродивым Элвудом, потому что тот добровольно предпочитает быть «слабым, а не умным»...

Но если Харви все-таки невидим, то многие его коллеги просто-напросто хорошо прячутся и выставляют своих человеческих товарищей в лучшем случае безобидными выдумщиками, в худшем - откровенными лгунами. В подростковой комедии ужасов «Маленькие монстры» (1989) действует целая генерация разнообразных страшилищ, в чем-то предвосхищая сюжет вышедшего значительно позднее анимационного хита «Корпорация монстров» студии «Пиксар». Чудовища на самом деле бесшабашные проказники, которые по ночам покидают свой мир, где царит вечный «праздник непослушания», пугают детей и устраивают от их имени мелкие пакости. Более того, все они когда-то сами были обычными детьми, сбжавшими от скучных домашних и школьных обязанностей. Так продолжается до тех пор, пока монстр-хулиган по имени Морис не подружился с «нормальным» американским подростком. Разумеется, мальчику никто, кроме

сверстников, не верит: взрослым не открыт вход в волшебную реальность, что находится под каждой детской кроватью.

«Самый лучший друг в мире» Карлсон, как мы помним, тоже длительное время скрывался от всех, кроме Малыша. Это обыграно в недавней попытке снять отечественный семейный фильм «Тот ещё КарлОсон» (2012) режиссера Сарика Андреасяна. Где-то в облаках живет целый волшебный народец «метриков». Смысл их жизни - помогать и развлекать одиноких и несчастных детей. Однако метрикам строго-настрого запрещено показываться на глаза взрослым. Интрига строится на том, что такой непутевый и эгоистичный «друг» поставлен перед вполне взрослой дилеммой: или поступить, как велит закон, или все-таки раскрыть себя, чтобы защитить своего подопечного.

В «Хрониках Спайдервика» (2008) Майкла Уотерса дети могут видеть целый волшебный мир, сконцентрированный вокруг их нового дома и полный разнообразных сказочных созданий - от нежных маленьких фей до злобных троллей. Правда, такую способность им дает не воображение, а магическое кольцо... или же плевок слюной хобгоблина.

В ремейке телевизионного хоррора «Не бойся темноты» (2011), спродюсированного Гильермо Дель Торо, действие также происходит вокруг древних сверхъестественных существ и старинного особняка. Некоторую оригинальность можно увидеть в приеме, когда отнюдь не добрые эльфы сначала прячут свои истинные намерения и притворяются друзьями маленькой девочки, в то время как взрослые рассказам ребенка, естественно, не верят, считая их фантазией. К слову, в фильме-первоисточнике никакого ребенка не было, и неназванные твари охотились за молодой женщиной.

Нередко за воображаемых друзей принимают хотя и не материальных, но отнюдь не выдуманных привидений - так происходит, например, в ремейке еще одного хоррора «Ужас Амитивилля» (2005), где совсем юная героиня Хлои Мориц подружилась с девочкой-призраком. В относительно давней комедии «Парень с небес» (1985) старшеклассник обзаводился невидимым приятелем, которым оказывался его собственный отец, погибший еще до рождения сына и застрывший в Чистилище, а затем посланный на землю «исправляться». В изысканно тонком мистическом триллере «Приют», также продюсерском фильме Гильермо Дель Торо, мать пропавшего ребенка в поисках сына ищет возможность войти в контакт с его воображаемыми друзьями, а осознав их «привиденческую» сущность, даже решает посвятить себя заботе о неприкаянных душах.

Одними из наиболее традиционных псевдovoображаемых друзей следует признать Духов Прошлого, Настоящего и Будущего из многочисленных экранизаций

«Рождественской песни» Чарлза Диккенса. Не будучи придуманными сознанием несчастного Скруджа, они тем не менее оказываются именно друзьями, направившими его на путь истинный. В современной интерпретации этого классического сюжета «Призраки бывших подружек» (2009) скарредный ростовщик заменен плэйбоем-фотографом, а «лечат» его не от скупости, а от безответственности. Самое интересное, что посещают его призраки вполне живых бывших пассий, в некоторых случаях - одновременно с их реальными двойниками.

Если друг был придуман вдруг

Великий Стэнли Кубрик в экранизации «Сияния» Стивена Кинга отказался от того, чтобы наглядно показать выдуманного друга главного героя по имени Тони, персонифицированную часть ясновидческого дара мальчика Дэнни Торранса. Другие же предпочитают буквальное прочтение темы - и тогда визуализацию получают действительно воображаемые персонажи.

Классическую историю о таком приятеле рассказывает комедийная драма Нормана Джуисона «Богус» (1995). После смерти матери-циркачки ее сына (одна из первых ролей вундеркинда Хэйли Джоэла Осмента) вынуждена взять на воспитание сводная сестра покойной, сыгранная Вупи Голдберг. Темнокожая деловая леди среднего возраста понятия не имеет, как обращаться с детьми. А неприкаянного малыша всюду сопровождает почти что Карлсон без пропеллера - «в меру упитанный» обаятельный француз, роль которого исполняет Жерар Депардьё. Помогать одиноким детям, по заявлению пришельца, его работа. Так продолжается, пока однажды Богуса не начинает видеть и незадачливая опекунша мальчика, и это озарение помогает ей сблизиться с приемным ребенком. А в норвежском фильме «Щепка» (2009) другом мальчика становится вообще не человек, но оживленный его воображением обрубок дерева. В продолжении «Щепка женится» (2010) этому персонажу даже находят такую же «деревянную» подружку.

Однако чаще всего кинематографистам интереснее показывать, как воображаемые друзья влияют на взрослую жизнь героев. В более ранней комедии Эйта Де Джонга «Вредный Фред» (1991) к молодой женщине в трудную минуту возвращается друг ее детства - рыжеволосый нереальный шалопай. Его образ явно отсылает к бартоновскому Битлджусу, а спецэффекты перекидывают мостик к будущей «Маске» с Джимом Кэрри. Здесь также применен ход, впоследствии повторенный в «Богусе»: несуществующие друзья «кочуют» от ребенка к ребенку,

когда их реальные товарищи по играм вырастают.

Более сложный, надсистемный вариант - когда выдуманные знакомые есть одновременно у взрослого и ребенка. Так происходит в экранизации романа Венди Орт «Остров Ним» (2008). Девочка живет с отцом-биологом на необитаемом острове и зачитывается романами о храбром естествоиспытателе. Реальных друзей ей заменяют воображаемые (правда, эта линия из театральной версии удалена) - капитан Крюк, Том Сойер и кэрролловская Алиса. Но любимый писатель оказывается женщиной (Джоди Фостер), скрывающейся под псевдонимом и страдающей фобией открытого пространства. Одиночество писательницы тоже скрашивает воображаемый друг - герой ее собственных романов, обладающий всеми теми качествами, какие хотела бы иметь их автор. Вдвоем с этим другом она и отправляется спасать девочку, оставшуюся в беде без отца.

Еще одну историю писателя рассказывает независимая лента «Бумажный человек» (2009). Неудачливый романист так и не сумел расстаться с воображаемым другом детства - супергероем Капитаном Великолепным (его играет звезда нескольких кинокомиксов Райан Рейнольдс). Случай сводит автора со школьницей, у которой есть воображаемый кавалер. Неожиданная дружба двух несчастливых героев помогает им вновь обрести себя, а заодно расстаться наконец-то со своими личными фантомами.

Во многих лентах используется мотив, когда воображаемый персонаж помогает реальному лучше адаптироваться в повседневности. Во «Франклине» (2008) Джеральда Макморроу бывший солдат, повредившийся рассудком на войне в Ираке, вместо Англии видит фантастический мир, где он - борец с диктатурой, а окружающие либо соратники, либо враги. Случай сталкивает его с юношей, живущим во вполне обычном Лондоне, но постоянно общающимся с девушкой, придуманной еще в детстве. Однако этот фантом помогает герою не только избежать пули «бунтаря», но и встретить в реальном мире своего двойника.

Обратная ситуация - когда адаптироваться к жизни приходится... самому нереальному другу. Этот оригинальный ход лег в основу мультсериала «Дом друзей мистера Фостера» от Cartoon Network. В отличие от многих кинофильмов, воображаемые друзья здесь отнюдь не гуманоидны и доступны для восприятия всех окружающих, а не только «своего» ребенка. Действие же происходит в приюте для воображаемых друзей, оставленных повзрослевшими детьми.

Несмотря на то что тема основательно избита, она еще имеет потенциал для развития. Например, сюжет о борьбе воображаемых друзей за свои права наравне с реальными людьми. Или о том, как воображаемый друг, оставшись один, без человека, сам завел себе выдуманного приятеля. Впрочем, какой бы разворот тема

ни принимала, она всегда остается историей одиночества и непонимания. Будем ценить живое общение и настоящих друзей.

Аркадий ШУШПАНОВ

АЛЬБЕРТ КОУДРИ

МОЗГОКРУТ

А Л Ь Б Е Р Т К О У Д Р И

МОЗГОКРУТ

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

- Привет, мистер Рубрик, - сказал Браун, приподнимаясь для рукопожатия.

Вместо ответа Мило принялся приглаживать растрепанные черные волосы - ни дать, ни взять молодой шахматист, проигравший важный турнир. Наконец он переспросил:

- Кто?

- Вы. Теперь вы Мило Рубрик, помните?

- Ах. Да. Да. - Первое «да» он сказал по-русски.

Браун вздохнул. Он пытался увильнуть от того, чтобы нянчиться с этим Мило и (не слишком, впрочем, напористо) возражал шефу, заместителю начальника штаба по оперативным вопросам:

- Но это будет меня отвлекать. Охота на Мандрагору...

- У тебя есть новые зацепки?

- Вообще-то, нет, но...

- Тогда займись хоть чем-нибудь полезным, черт возьми! Уладь с Рубриком, а к Мандрагоре вернешься, как только что-нибудь появится.

Кабинет Брауна был совершенно безликим: металлический стеллаж, типовой стол, два кресла (то, на котором сидел Браун, вращалось, другое - нет), и он указал Мило на кресло перед собой. Пытаясь изобразить приветливость, предложил растворимый кофе, от которого Мило благоразумно отказался, и они приступили к делу.

- Меня назначили ответственным за ваше исчезновение, - объяснил Браун. Мило побледнел еще больше, и собеседник быстро добавил: - Нет-нет, не в этом смысле. Дать вам новую жизнь. Там, где никто не будет знать, кто вы такой.

- Ах, да, - снова проговорил Мило, и его исхудалое землистое лицо слегка порозовело.

- Будете заниматься антиквариатом в тихом городке на холмах. Внизу автострада, и заезжих покупателей хватит, чтобы поддерживать иллюзию, будто этим вы зарабатываете на жизнь. Ежемесячно мы станем выплачивать вам небольшое жалованье, оно внебюджетное, так что лишних вопросов не возникнет. Звучит приемлемо?

- Пожалуй, - согласился Мило. Лицо его заметно оживилось. - А лес для прогулок?

- Насколько хватает взгляда. И даже больше. Еще, как я слышал, там неплохая охота.

- Я не охочусь. За мной самим, как вы говорите, идут по следу. Есть такое выражение?

- Да, есть.

- Так я не хочу охотиться. Но все остальное чудесно... пока меня не найдут.
- Вас не найдут.
Мило вздохнул и пробурчал что-то, похожее на «полный».
- Что? - переспросил Браун.
- Полоний. Полоний-22, если быть точным. Им отравили того парня в Лондоне. А украинского президента травили диоксином. Оба эти способа весьма мучительны. Надеюсь, со мной они разделаются побыстрее.
- Мило, вас не убьют.
Рубрик яростно затряс головой, и его космы заметались туда-сюда:
- Убийство - их работа, и они ее сделают... Можно мне чаю вместо кофе?
Значит, новый подопечный - любитель чая, как и он сам. Браун наполнил кипятком из забулькавшего чайника два пластиковых стаканчика и вручил Мило пакетик «пеко». Тот опустил его в стаканчик и продолжил:
- Лишь бы быстро и безболезненно. С этими парнями только на это и можно уповать.
- Ваше здоровье, - провозгласил Браун, подняв стаканчик.
- Что?
- Ваше здоровье, - повторил он. На лице Мило появилась печальная предсмертная улыбка.
- Ах, да. Ваше здоровье.

* * *

Городок, выбранный в качестве укрытия, назывался Мокасин-Гэп; подразумевало его название гадюку или же индейскую обувь - этого Браун не знал³⁶.

Дорога заняла два часа, и первую половину оба молчали. Мило смотрел в окошко на весенний лес, на покрывающиеся зеленью пастбища да домишки с огромными телевизионными тарелками. Затем завязался разговор - в осторожной манере новых знакомых. Несмотря на то и дело возникавшие затруднения с артиклями, которым в русском нет эквивалентов, Мило говорил довольно бегло, к немалому облегчению Брауна, который по американскому обыкновению не очень дружил с языками. Он поинтересовался, почему прежние наниматели Мило теперь хотят его ликвидировать.

- Я работал в Московском цирке. Телепатом. И меня наняли читать мысли.

---

³⁶ * *Название городка переводится как Мокасиновое Ущелье; имеется в виду мокасиновая змея семейства гадюковых. (Здесь и далее прим. перев.)*

Брауну было известно, что Агентство экспериментировало с экстрасенсорным восприятием еще в 1950-х годах, однако он впервые слышал, будто русские коллеги тоже повелись на это.

- Чьи мысли?

- Президента. Не вашего, а нашего. То есть когда он еще был президентом.

- Вы шпионили за собственным президентом?

- Конечно. А разве Агентство не следит за Обамой?

- Без комментариев. Так почему же вам пришлось бежать?

- Президент обнаружил, чем я занимаюсь.

- Упс.

- Вот именно. Он заполучил мои отчеты, прочитал, что я о нем наговорил, и это ему не понравилось. Я докладывал, что он склонен к нарциссизму и немного к садизму - не потому что убивает людей, это ведь входит, как у вас говорят, в его должностные обязанности. Но это доставляет ему удовольствие, ему нравится причинять людям страдания. Я написал, что такой синдром типичен для диктаторов. Ему это не понравилось.

- Да уж, странно, если бы понравилось.

- Так что дело стало личным. Он уже не президент, но все еще могущественный человек в России, и он объявил мне вендетту. А теперь посмотрите, что происходит с людьми, которых он не то чтобы ненавидит, а просто с теми, кто вызвал досаду или неудовольствие: он травит их посреди Лондона или Киева, расстреливает в центре Москвы среди ясного дня.

- Среди бела дня.

- Белого, ясного, какая разница? Главное для него - огласить послание. Поэтому он и убивает явно, а не тайно, как мог бы делать, если б захотел. Это как та сцена из «Крестного отца», когда приносят дохлую рыбину, завернутую в пуленепробиваемый жилет, что означает: «Тот человек спит среди рыб». Вот так и поступает наш джентльмен: передает жителям России послание, всегда одно и то же. «Пойдете против меня - и вот что с вами произойдет». - Он обернулся, провожая взглядом мелькнувший за окном цветущий кизил. - Я лишь надеюсь, что для меня они припасли пулю. Яд - паршивое дело.

В Мокасин-Гэпе Браун без труда нашел пресловутую лавку - сельский коттедж близ местной шоссе, украшенный тележным колесом и вывеской «Антиквариат из глубинки». Он припарковался на гравийной площадке перед домом, отпер дверь, которая приветствовала их звяканьем колокольчика, и они вошли. На первом этаже размещалась собственно лавка со всяческими *objets de junque*^{*37}, плюс кухонька с

---

³⁷ * *Подражание французской идиоме «objet de vertu» - произведение искусства,*

убогими ложками-вилками, щербатыми тарелками, тарахтящим холодильником и газовой плитой. Этажом выше располагались кое-как обставленная спальня да ванная комната с четвероногой ванной. Для житья более чем скромно, однако в качестве укрытия, решил Браун, лучшего и не придумаешь.

Мило покинул Москву впопыхах, поэтому пожитки его тоже были скромными: две картонные коробки с одеждой, две пары туфель и томик рассказов Чехова. Так что вселение заняло минут двадцать, да и на закупку провизии в местном «Уол-марте» и загрузку холодильника ушло немногим больше. Затем они прогулялись по весеннему лесу, наслаждаясь прохладным ветерком, пением птиц и мелькавшими повсюду белыми и розовыми цветочками. Вскоре Мило уже улыбался, а при расставании и вовсе обнял Брауна, очень по-русски, не решившись, впрочем, на поцелуй.

- Спасибо за все, - сказал он. - Я всегда буду помнить вашу доброту.

Это несколько смутило Брауна, поскольку никакой доброты в его хлопотах не было и в помине. На обратном пути Браун прикидывал, как скоро он снова займется Мандрагорой, не догадываясь, что ответом на этот вопрос было - завтра.

* * *

Конечно же, когда работаешь на Агентство, каждый день приносит сюрпризы. И все же Браун пребывал в некотором изумлении, оказавшись ни свет ни заря на борту коммерческого авиалайнера, державшего курс на Джорджию - ту, что у Черного моря, а не у Атлантического океана. Глава тбилисского отделения Агентства был уверен, что Мандрагора снова нанес удар. Прибыв на место, Браун понял, что коллега, скорее всего, не ошибся. Этот почерк был ему знаком.

По кавказской традиции, охрана политика по фамилии Дашвили состояла из профессиональных преступников и близких родственников. Ночью, когда тот спал с неизменной «береттой» под подушкой, некто проник в спальню, прострелил ему мозги из его же собственного пистолета и был таков.

Всех телохранителей, конечно же, задержали. Следователи пытались выяснить, что могло послужить мотивом убийства - какая-то старая междоусобица или, возможно, недавняя ссора, отбрасывая разные мелкие трения, неизбежные между людьми, успевшими намозолить друг другу глаза. К тому же Дашвили весьма неблагоразумно обещал охранникам включить их в свое завещание - действенный

где «junkie» (от «junk» - старье, хлам) - неологизм, обозначающий старые вещи, представляемые более ценными, нежели они есть на самом деле.

способ заставить их задуматься о выгоде от его смерти.

Естественно, все они наотрез отрицали какую-либо причастность к убийству, никого из них не смогли уличить во лжи и испытания на полиграфе.

- Классический Мандрагора, - устало сказал Браун грузинскому чиновнику с большущими усами. После десятичасового перелета он ощущал себя выжатым лимоном. - Подобраться к жертве через окружение защитников: семьи, друзей, телохранителей - его специальность. Он это делает - непонятно как, но делает.

- Вряд ли, - отозвался грузин, хмуря густые брови, смахивавшие на две корчащиеся волосатые гусеницы. - Это один из телохранителей. Если только вы не верите в привидения, которые нажимают на спусковой крючок.

- Все телохранители прошли детектор лжи.

- Полиграф не обнаруживает ложь. Он выявляет всего лишь стресс. Может, убийца псих. Они почти неуязвимы для этой штуковины.

- Это невозможно. Все они не ангелы, да. Но все прилежные прихожане и семьянины.

- А кое-кто и серийные убийцы, насколько я знаю.

Грузин поинтересовался, почему он называет убийцу Мандрагорой. Браун объяснил, что некий служащий Агентства, надписывая дело, вспомнил о старом комиксе под названием «Чародей Мандрагора»^{*38}.

- Черт его побери, - сокрушался Браун, - ну почему он не оставляет нам ни отпечатка, ни следа, ни волоска, ни нити ДНК? Даже великий Рембрандт подписывал свои шедевры. Почему бы Мандрагоре не поступать так же?

- Американский юмор, да? - снова нахмурил брови грузин.

Браун набросал отчет, потом размялся, взобравшись к белой церквушке на Святой Горе, где похоронена мать Сталина. От других туристических приманок, включая автобусную экскурсию в Гори - там в качестве памятника истории сохранялся дом, в котором родился тиран, - он отказался. Не теряя времени, вылетел домой, в аэропорту Даллеса забрал свой автомобиль, мужественно перенес процедуру доклада и крепко проспал всю ночь в своем кондоминиуме во Вьенне, штат Вирджиния.

Он ничего не добился, разве что упрочил репутацию Мандрагоры, и ему хотелось на какое-то время забыть о существовании этого выродка. Поэтому на следующее утро Браун отправился в Мокасин-Гэп, где застал Мило на кухне, уписывающим ароматный ломоть домашнего хлеба, щедро сдобренный вареньем. И то, и другое, объяснил тот, было дарами местных дам.

---

³⁸ * *Главный герой этого комикса владеет техникой быстрого гипноза, вызывая у своих противников определенные иллюзии.*

- Я как бездомная собака, - начал разглагольствовать Мило с набитым ртом. - Здешние никогда не купят собаку. Они будут ждать, пока какая-нибудь не забредет к ним во двор, и если она им понравится, примут. А нет - пристрелят. Кажется, меня они приняли.

Он соорудил бутерброд Брауну, они уселись на грубо сколоченной скамейке во дворе и, попивая чай, принялись болтать обо всем на свете, кроме политики и убийств. Мило рассказывал ему о Московском цирке, о медведях - поразительные медведи, говорил он, потолковее людей - и восторженных лицах детей на представлениях. Браун чувствовал, что их формальная связь начинает приукрашиваться дружбой. Хорошего в этом было мало, но приглашение Мило как-нибудь снова заглянуть к нему все же пришлось принять.

Потом снова объявился Мандрагора. На этот раз убийство произошло в Корее. Жертвой оказался влиятельный бизнесмен, известный своей ненавистью к северокорейскому режиму. Он умер в окружении своей большой семьи и двух телохранителей - мастеров тхэквондо. Причиной гибели явилось пулькоги^{*39}, в котором обнаружили рицин - смертельный яд, получаемый из неприметных касторовых бобов. Слушая описание симптомов - гемолиз, вызывающий рвоту, судороги и коллапс, - Браун подумал, что Мило прав, предпочитая пулю. Яд и вправду паршивое дело.

Как обычно, Мандрагору никто не видел и не слышал. Скорее всего, его нанял Пхеньян, поскольку ни у Кремля, ни у русских олигархов не было ни малейшей причины оказывать такое одолжение полоумному диктатору Северной Кореи. Все это было любопытно, хотя ничего не давало, и Браун собрался было лететь домой, когда его снова сняли с охоты, на этот раз по совершенно постороннему делу.

Остаток лета он провел в той части Пакистана, в которую - особенно после смерти Бен-Ладена - американцам лучше не соваться, разве что под прикрытием танков и с беспилотников на связи. Его двухкомнатная квартира покрылась слоем пыли, поскольку убираться там было некому, и вновь посетить Мокасин-Гэп он смог только в сентябре.

Земли за Голубым хребтом тоже гористые, но совершенно не похожие на безводные складки афгано-пакистанской границы. Леса тронул ранний предрассветный морозец; въехав на гравийную площадку перед антикварной лавкой, Браун учуял дымок от камина. Дверь открыла крупная угловатая женщина в опрятном накрахмаленном платье в цветочек и поинтересовалась, чем она может помочь. Когда же он спросил Мило, ее лицо обратилось в неприступную гранитную

---

³⁹ * Пулькоги - блюдо корейской кухни из обжаренной маринованной говядины, курятины или свинины.

скалу.

- Мы друзья, - поспешно уверил ее Браун. - Просто скажите ему, что приехал парень из Агентства.

Вскоре появился Мило, и они снова крепко обнялись. Поскольку Браун не воспользовался возможностью всадить в него ледоруб, большая женщина расслабилась, заулыбалась и даже позволила им вместе уйти из лавки. На прогулке в благоухающем сосновом бору Мило объяснил:

- Это миссис Стрейт. Мы познакомились в церкви.

- Я и не знал, что ты верующий.

- Да причем здесь вера? Утром в воскресенье все закрыто, идти больше некуда, вот я и хожу в Церковь Непокоримого Евангелия. Поют там хорошо, после службы вкусно кормят, а когда я сказал им, что за мной охотится тайная полиция, они объявили себя моими защитниками.

- Мило, ты не должен рассказывать о том, что за тобой охотится тайная полиция. Ты в бегах.

- Парни из ФСБ охотятся за мной. Почему бы это не узнать и прихожанам?

Браун покачал головой. ФСБ - нынешнее название старого КГБ. Может, они и преследовали Мило, но после Кореи склонялся к мысли, что им надо было лишь установить его местонахождение. Ситуация в Россия сейчас весьма запутанная: Кремль контролирует многое, но не все, а наемный убийца удобен тем, что от него всегда можно откреститься.

Пока Браун размышлял, Мило оживленно болтал о своих новых друзьях в Гэпе. Два брата, Мервин и Марвин Коукли, свозили его на гонки NASCAR^{*40}, на которых столкнулось семь автомобилей. Еще они познакомили его с этой женщиной по имени Стелла, которая теперь хочет поселиться у него.

- У нее голова только этим и забита, я вижу, - объяснил Мило и подмигнул.

Пока что, добавил он, ему удалось отговорить Стеллу, потому что у нее четверо детей, а шестерым в двухкомнатном жилище будет несколько тесновато. Одна только мысль о подобном семействе привела Брауна, закоренелого холостяка, в содрогание. Однако следующая фраза Мило заставила его забыть обо всем остальном.

- Ах да, у меня кое-что важное для тебя. Кажется, плохие парни нашли меня.

- Что? Откуда ты знаешь?

- Знаю. Либо это был один по-настоящему здоровый парень, либо два маленьких. Я лежал в кровати со Стеллой пару ночей назад, когда они проехали

---

⁴⁰ * *National Association of Stock Car Auto Racing Inc.* - Национальная ассоциация гонок серийных автомобилей.

мимо лавки, и почувствовал, как ему или им тесно в маленькой машине. Я вскочил и подбежал к окну, чтобы разглядеть номер машины, но их огни уже исчезли.

- А мысленно увидеть номер ты не смог?

- Увы, нет. Понимаешь, я не обладаю... э-э, дальновидением, или какое там слово...

- Ясновидение.

- Точно. Лучше всего я улавливаю то, что чувствуют люди. Ну вот, например, прямо сейчас тебе хочется в туалет. Так что, пожалуй, нам лучше вернуться.

К тому времени, когда Браун воспользовался удобствами лавки и вымыл руки, он уже начинал слегка сочувствовать бывшему президенту России.

Мило был не только симпатичным грустным перебежчиком. Он был навязчивым маленьким монстром, вторгающимся в ваши личные мысли, знающим ваши личные потребности и не оставляющим вам никакого уединения. Неудивительно, что за ним охотились убийцы.

* * *

Однако это не означало, что Браун позволит убить его. На следующий день он повидался с женщиной, которая в его отсутствие приняла дело Мило. Он знал ее только в лицо - потрясающая, но холодная блондинка примерно сорока лет, походившая на фрау Геббельс из однажды увиденной Брауном передачи о взлете и падении нацистов.

Она выслушала его рассказ о телепатическом предостережении с насмешкой, а затем твердо отчеканила, что на данный момент Мило не числится в списках приоритетов кого бы то ни было в Агентстве. На то, чтобы устроить ему новый переезд или хотя бы обеспечить защитой там, где он сейчас находится, средств нет. Когда же Браун попытался ее убедить в необходимости принять меры, она заявила, что если у него нет других дел, то сама она загружена выше головы.

Браун понимал, что судьба Мило целиком зависит от расписания ресурсов. Агентство получило от него то, что хотело, и расплатилось тем, что обещало. Перспективы его использования в будущем не было никакой, и если с ним что-то случится - что ж, рано или поздно со всеми что-нибудь да происходит.

И все же выбросить Мило из головы он не мог. Несколькими днями позже, когда он все еще размышлял над этой неразрешимой проблемой, запищал телефон защищенной линии связи через шифрующее устройство. Мило должен был воспользоваться секретным номером только в экстренном случае - и случай

представился.

Прихожане Церкви Непокколебимого Евангелия схватили предполагаемого убийцу и теперь не знали, что с ним делать. Поскольку шериф округа Кугуар Дж. Бафорд Хикс был рьяным поборником «Билля о правах», он бы попросту отпустил задержанного, если бы того ему передали.

- Улик против него нет, - объяснил Мило, - за исключением моей телепатии. Я знаю, кто он такой, но говорит, что британский бизнесмен, и у него правильный паспорт. У него даже нет оружия - наверное, у единственного во всем Мокасин-Гэпе. Может, как это у вас говорится, разразиться международный скандал.

Браун отослал заместителю начальника штаба по оперативным вопросам докладную записку и отправился в Гэп. Мило ждал его, уже располагая кое-какой информацией. По паспорту подозреваемый звался Джеймсом Артуром Хейвенем, однако телепатия говорила, что его настоящая фамилия Ульянов. Он был заперт в погребе миссис Стрейт, и Мило повел Брауна в ее опрятный каркасный домик, через гостиную со множеством комнатных растений и китайских безделушек и далее вниз по скрипучей деревянной лестнице.

В маленькой комнатушке, уставленной сотнями поблескивающих банок с этикетками «Персики» и «Груши» под 40-ваттной лампочкой без абажура за картонным столиком угрюмо сидел арестант - коренастый, широкоплечий мужчина в неприметном темном костюме. Его охраняли братья Коукли, и хотя они не были близнецами, у Брауна все равно возникло странное ощущение, что у него двоится в глазах. У обоих были длинные руки и ноги, вытянутые худощавые лица, длинноствольные пистолеты «магнумы», и оба были одеты по местной моде: джинсы, фланелевая рубашка и ботинки с металлическими носками. Как и задержанный, они сидели на деревянных складных стульях, позаимствованных, по-видимому, в церкви.

На столик было выложено содержимое карманов «англичанина», и Браун принялся разглядывать его, когда Мило прошептал:

- Что-то не так с его сигаретами.

- Что?

- Не знаю, но он думает о них постоянно, и совсем не так, как тот, кто всего лишь хочет покурить.

Браун отодвинул бумажник из кожи угря, ключи, британский паспорт и мелочь и взял пачку «Летал лайтс» с фильтром. Слишком легкая, чтобы там было что-то спрятано, подумал он. Принялся выковыривать сигареты ногтем и вытащил все. Под ними оказалась белая пластиковая коробочка с кнопкой сверху.

Он вытряхнул ее себе на ладонь, улыбнувшись подобной бондианщине, и

спросил:

- Это и теперь используется?

- Вы схватили совсем не того, - ответил Ульянов со вполне сносным британским акцентом. Он добавил что-то о похищении человека и неправомерном лишении свободы, но Браун пропустил это мимо ушей.

- Полагаю, зарядом служит гильза с углекислотой, - задумчиво изрек он. Положив большой палец на кнопку и поднеся коробочку сантиметров на пятнадцать к голове задержанного, объявил: - Считаю до трех, - и принялся считать по-русски, - один, два, три...

На «три» человек вскочил, отшвырнув карточный столик, двинул локтем Мервину или Марвину в солнечное сплетение и прыгнул к лестнице. Последовавший выстрел был оглушитель. Пуля отбросила его к полкам, и он рухнул на спину, как-то медленно и по-киношному. Кирпичный пол дрогнул, когда он приземлился, банки на полках звякнули друг о друга (две с этикеткой «Персики» даже упали и разбились), и подвал наполнили запахи кордита и сладкого сиропа.

Следующие полчаса царила суета. Пока вырубленный Коукли постепенно вновь осваивал искусство дыхания, миссис Стрейт созвала с полдюжину соседей, выглядевших как родные братья, но таковыми не являвшихся. Перекидываясь протяжными указаниями друг другу: «Чак, за ноги берись, ага?» - они вытащили тело, чтобы затем избавиться от него в заброшенной шахте. Потом хозяйка выгнала Брауна с Мило и принялась за уборку.

Они принесли изъятое орудие убийства в антикварную лавку. Мило без слов взял плотную подушку со старого дивана и пинцет Стеллы для выщипывания бровей - именно то, что было нужно Брауну, но о чем он еще не успел попросить. Испытывая легкую дрожь («Черт, этот парень просто жуть»), Браун положил подушку на прилавок, направил на нее коробочку - звук был такой, словно кто-то подавил отрыжку - и выковырял пинцетом маленький желтый предмет, напоминавший желатиновую капсулу.

- Очень мило, - пробормотал он. - Старый КГБ применял крошечный стальной шарик с полостью, в которой содержался яд. Не самое лучшее решение. Где-то в семидесятых их агент ликвидировал в Лондоне перебежчика, эксперты из Скотланд-Ярда извлекли шарик, и вскоре его фотографии показывали по всем новостным каналам. Но это, держу пари, растворяется в теле - и что ж тогда искать?

- Только само тело, - безжалостно ответил Мило. - Думаю, в искусстве исчезновений они преуспели больше вашего.

Учитывая старания Брауна, замечание было обидным. Однако отчасти и верным.

ФСБ каким-то образом нашла Мило, и когда убийца не вернется, те, кто его послал, придут к очевидному заключению и пошлют кого-нибудь снова.

Браун вновь вернулся к тому, о чем размышлял в своем кабинете. Что же можно сделать, если фрау Геббельс отказала в переезде и охране? А может, думал он по дороге домой, и не надо ничего предпринимать? Может, Мило и так в полной безопасности там, где живет. Прихожане сомкнули ряды вокруг него, они знают Мокасин-Гэп как ни один чужак, и им определенно известно, откуда у пистолета вылетает пуля.

На съезде с Вашингтонской кольцевой Браун позвонил ему:

- Мило, сделай самому себе одолжение. Ходи в церковь каждое воскресенье.

* * *

В Агентстве он отдал оружие в лабораторию на анализ. Когда поступил отчет, он принес его фрау Геббельс и хлопнул им по столу.

- Пилюля содержит токсин моллюска, - объявил он. - Когда моллюск заражается микроорганизмами красного прилива^{*41}, он вырабатывает яд, который вызывает почти совершенную имитацию сердечного приступа.

Она смотрела на него с ничего не выражающим лицом, бесстрастным, как от ботокса.

- Так парень был агентом ФСБ?

- Скорее всего, его наняли. Но мы знаем, кто снабдил его оружием и проинструктировал, как им пользоваться.

- Мы можем допросить его?

- Разве только с помощью медиума.

- Как это произошло?

- Нарвался на неприятности с местными.

- Если эта деревенщина будет убивать иностранных граждан, это выйдет нам боком.

- Вам. Рубрик теперь на вашей ответственности, если вы помните.

Женщина и вправду вызывала у Брауна отвращение. Однако, вопреки опасениям, следующая попытка покушения также не была замечена прессой и общественностью.

На этот раз работенку взял на себя американец.

- Его звали Джо Маккарти, - невнятно прозвучал голос Мило по защищенной

---

⁴¹ * *Красный прилив - цветение воды, вызванное присутствием динофлагеллат.*

линии.

- Да ты шутишь^{*42}, - только и сказал Браун, гадая, что же будет дальше? Ядерное оружие на Кубе? Крот по имени Элджер Хисс?^{**43} В любом случае, что это - возврат к холодной войне?

- Да с чего мне шутить-то? Маккарти был одет как охотник на оленей: сезон открыт, как ты знаешь. У него имелись лицензия и автоматическая винтовка с телескопическим прицелом - в общем, все по-деловому, как вы говорите. Я сразу его вычислил и сказал своим друзьям. В сезон здешние леса гремят, как Сталинградская битва, так что на лишний выстрел никто и внимания не обратил.

- Полагаю, они воспользовались той же шахтой?

- Или другой. На холмах их полно. Марвин отогнал его автомобиль в Чарлз-Таун, где у троюродного брата нашего агента мастерская по разборке машин. А Мервин продал мне свой пистолет, и теперь я перед сном кладу его под подушку.

- Интересная у тебя жизнь, Мило. Что-нибудь еще?

- Я обручился. На прошлой неделе продал спальный набор - здесь не говорят «гарнитур», а еще мать Стеллы одолжит немного, да и мое жалованье поступит, так что худо-бедно у нас наберется первый взнос за передвижной дом из двух секций. Куча места для детишек.

«О Боже!» - подумал Браун.

- Ты... э-э... думаешь, это разумно?

- Ну, Стелла хочет побыстрее заключить брак, потому что снова беременна. Мне чуть дурно не стало, когда я понял, что у нее будет двойня. Она хочет пройти УЗИ в Бекли, но зачем это, если есть я?

- Значит, скоро у вас будет шестеро?

- Да, где-то в июне. Как думаешь, правительство повысит мне пенсию?

- Я могу только попросить.

* * *

Фрау Геббельс вполне предсказуемо была настроена скептически.

---

⁴² * *Имя наемного убийцы напоминает о Джозефе Реймонде Маккарти (1908-1957), американском сенаторе и юристе, печально знаменитом развязанной им кампанией против инакомыслящих.*

⁴³ ** *Элджер Хисс (1904-1996) - американский юрист и высокопоставленный правительственный чиновник. В 1948 году был обвинен в шпионаже в пользу СССР, однако осужден только за клятвопреступление.*

- За ним охотятся наемные убийцы, а он собирается жениться на женщине с четырьмя детьми?

- И двое на подходе.

- А они там слышали когда-нибудь о противозачаточных таблетках? Презервативах? Резинках?

- Может, Стелла просто любит детей.

- И они собираются жить в передвижном доме - двое взрослых, четверо детей и двое новорожденных?

- Ага. Конечно же, это будет двухсекционный дом.

- Не понимаю, зачем русским суесться вокруг мистера Рубрика. Им надо лишь дождаться следующего торнадо.

- Вы можете добавить ему денег?

- Вы же знаете, что не могу. Вот если б он предоставил нам что-нибудь полезное по джихаду, это было бы другое дело.

И все же ее интонации были менее твердыми, чем раньше. Браун впервые видел ее озабоченной.

- Столько детей, - пробормотала она. - И как только эта женщина их содержит?

- Мило говорит, она подрабатывает кассиршей в «Уол-марте», а ее мать в это время присматривает за детьми.

- Бог ты мой. А отец первых четырех?

- Отцы, я полагаю. Стелла теперь ревностная прихожанка и отдалась воле Господа, однако он был далеко не первым.

Браун оставил ее несколько ошеломленной. У себя в кабинете он положил голову на стол и заснул. Он проспал минут пятьдесят, когда она постучалась к нему и зашла, не дожидаясь приглашения.

- Слушайте, - начала она с ходу. - Касательно мистера Рубрика.

Потирая затекшую шею, он глядел на нее сквозь плавающие красные пятна. Она плотно закрыла за собой дверь.

- Я ни в коей мере не чувствую себя виноватой, - театрально зашептала она. - У меня был приказ.

Это окончательно разбудило его.

- Какой приказ?

- В общем, русские поймали одного из наших. Он получил по полной. Они дали понять, что вернут его, если...

- Догадываюсь, - прервал ее Браун. - Если мы подскажем, где искать Мило.

- Не знаю, с чего они решили, что он так важен. То есть с какой стати выменивать шпиона на безобидного человечка? Что они там себе навоображали?

Браун ответил:

- Я знаю, что такое «получил по полной». Его отпустили?

- Да, он в Германии, в больнице на базе Рамштайн. Из критического состояния его вывели.

К этому времени глаза Брауна уже окончательно прояснились после сна, и он разглядел в ее лице нечто такое, что должен был заметить сразу.

- Погодите-ка, - сказал он, когда она развернулась, чтобы выйти. - Что еще вы знаете?

Она подошла к его столу, наклонилась и прошептала:

- Когда наш парень смог говорить, он сообщил, что в Штаты прибывает агент по кличке Шаман. Выудил из своего русского источника, который полагает, что тот грохнет какую-то большую шишку, и снова начнется холодная война. Хотя на самом деле его могли нацелить на тайное убийство.

- Понимаю, - произнес Браун. - Спасибо, что сказали.

Он так и продолжал таращиться на дверь, когда она закрылась за ней. Надо выяснить ее подлинное имя. Настоящая фрау Геббельс отравила своих детей, прежде чем присоединиться к мужу. Но эта женщина детей любила - она беспокоилась о Мило как о будущем отце, а не как об информаторе.

Через полчаса он сидел в приемной заместителя начальника штаба. Он настоял на срочной встрече, и теперь ему надо было решить, что именно говорить. Ситуация сложилась довольно забавная. Агентство годами выслеживало Мандрагору по всему миру, и вот теперь - предав Мило, человека, которого обещали защитить, - они, быть может, по чистой случайности заманили зверя в ловушку.

Браун решил притвориться, будто считает, что шеф так все и спланировал, и поздравить его с гениальным решением. Придерживаясь этой линии, он надеялся добиться необходимой защиты для Мило, а заодно удовлетворить свое сардоническое чувство юмора. В распахнувшуюся наконец-то дверь кабинета он вошел с улыбкой.

* * *

Свежевыпавший снежок быстро таял под полуденным солнцем, когда Браун снова въехал на гравийную площадку перед «Антиквариатом из глубинки». Двое худых мальчишек, стриженных под горшок, прекратили перекидываться старым, переклеенным скотчем футбольным мячом и уставились на него.

- Привет, - сказал Браун. - Мило здесь?

- Кто?

- Мило Рубрик. Который женится на вашей маме.

- Тут нету никого с таким именем, - заявил мальчик постарше, а помладше решительно добавил: - Не-а!

В этот момент из лавки вышел сам Мило. В джинсах и аккуратно выглаженной рабочей рубашке - послушный новообращенный в семейную жизнь. Он по-отечески сказал мальчикам:

- Поздоровайтесь с мистером Брауном.

Они что-то невнятно пробурчали и снова принялись пинать мяч. Мило проводил Брауна в дом, и за чаем тот рассказал о Мандрагоре. Мило нахмурился и спросил:

- Этот человек носит складной цилиндр?

И снова Брауна пробрало до костей. Именно так одевался Чародей Мандрагора в комиксе, и этот образ Мило мог выудить только из его, брауновского, мозга. Он объяснил, что к чему, и добавил:

- Никому не известно ни его настоящее имя, ни как он выглядит. Этим он похож на Бога. Мы знаем только его работу.

- Все равно я его выявлю, - уверенно заявил Мило.

- Трудно найти хорошего наемного убийцу, о чем умолчала Мей Уэст⁴⁴.

- Ему от меня не спрятаться.

С его языка уже готово было сорваться: «Ты чудо, Мило, но он еще большее», - как вдруг его осенило.

Сначала это была лишь мгновенная вспышка застарелого гнева. Шесть лет своего детства Браун провел в семейных приютах, и притом не слишком приличных, в несовместимых сборищах малолетних сорванцов и жестоких нерадивых взрослых. По версии психолога Агентства, эти годы лишили его доверительности, вселили страх перед отношениями с людьми и превратили в скрытного и замкнутого до одержимости. Возможно, они-то и определили выбор профессии.

«И что?» - подумал он, раздражаясь собственной неспособностью позабыть то, что было так неприятно вспоминать. А потом он увидел связь с Мандрагорой.

Браун просидел несколько минут в глубокой задумчивости, прежде чем заметил,

---

⁴⁴ * Мей Уэст (1893-1980) - американская актриса, драматург, сценарист и секс-символ, одна из самых скандальных звезд своего времени, автор ряда имевших широкое хождение двусмысленных изречений. Браун обыгрывает ее высказывание «Трудно найти хорошего мужчину, но хорошо, когда находишь крутого».

что Мило на него пристально смотрит.

- Почему ты думаешь, что Мервин и Марвин могли бы причинить мне вред? - спросил он.

- Просто случайная мысль, - улыбнулся Браун и поднялся. - Стелла ведь знала их до того, как познакомилась с тобой? - Он не добавил: «Держу пари, она была их женщиной, и им было не очень-то по душе отдавать ее какому-то чокнутому иностранцу».

Во дворе он перехватил неверную подачу мальчика помладше и лихо отправил мяч назад, заслужив пару застенчивых улыбок. Он сел в машину, и Мило наклонился попрощаться.

- Загляни к стоматологу.

- К стоматологу? Зачем?

- У тебя... как это говорится... зуб мудрости, который скоро доставит тебе неприятности.

Когда Браун добрался до дома, зуб уже болел. «Черт, - думал он, - как только Стелла выносит этого ненормального? И как он терпит такую потаскуху? Как вообще можно выносить кого-то другого?»

* * *

Прошла неделя, и операция по встрече Мандрагоры окончательно оформилась. Заместитель начальника штаба послал группу - не в Гэп, где их мог обнаружить Мило, а в соседние деревушки с живописными названиями вроде Посэм-Нек и Бернинг-Стамп^{*45}.

В охотничьей экипировке, подобающим образом вооруженные и снабженные лицензиями, они неприметно растворятся в огромном братстве убийц оленей и будут просматривать леса, выискивая - хм... а кого, собственно говоря? Вот вопрос. Никто не знал, как выглядит Мандрагора, а если в той мысли, которую вынашивал Браун, что-то было, то убийца вообще мог объявиться без оружия, потому как оно ему и не требовалось.

Однажды вечером, когда Браун уже надел пальто и направился к двери, зазвонил телефон. Он замер. Наверное, у него тоже развились экстрасенсорные способности, потому что еще до того как он взял трубку, ему уже было известно, что на другом конце провода окажется рыдающая женщина. Он слушал с полминуты, а затем бросился в кабинет бывшей фрау Геббельс.

---

⁴⁵ * *Шея Опоссума и Горящий Пень.*

Хотя так он уже о ней не думал. Когда они стали работать вместе, она сказала, что ее зовут Мерлин Хорн («Как оперную певицу, - объяснила она, - только я не пою»). Этим вечером они оба задержались, убирая столы перед первой совместной поездкой в Центр исполнительского искусства имени Кеннеди. Он застал ее уже готовой к выходу, с ниткой искусственного жемчуга, в осеннем костюме и стеганом пальто из какого-то переливчатого материала.

- Мило убили, - резанул он. - Мандрагора оказался слишком быстрым для нас. Я еду туда. Ты со мной?

- Черт, - сказала она. - Вот тебе и «Лебединое озеро».

Отъезд задержался: необходимо было доложить шефу, потом Брауну пришлось выписывать оружие; но в конце концов они уселись в служебный автомобиль и отправились в долгую поездку в осеннем мраке. Время от времени Мерлин набирала номер Мило, но безуспешно. А раз он услышал, как она захлюпала носом, и краем глаза увидел, что она роется в сумочке в поисках платка.

- Я все не перестаю думать, - сказала она грустно, - что в мире теперь будет на шестерых сирот больше.

- Я знаю, - ответил он. Она уловила в его голосе грубые нотки и бросила на него пытливый взгляд.

К десяти часам они прибыли в Мокасин-Гэп и выяснили, что известие о смерти Мило весьма преувеличено. Стелла выстрелила в него, когда они вместе лежали в постели, но ей только показалось, что она его убила.

В своем простом кабинете с мебелью из серого металла и развешанными на стене грамотами Национальной стрелковой ассоциации шериф Дж. Бафорд Хикс объяснил, что она сделала это импульсивно, когда постельный разговор принял скверный оборот.

Как завязалась ссора, он не знал. Обычно в Гэпе отходят ко сну рано, вот они и уложили детей и уединились, по его предположению, чтобы предаться любовным утехам. Но в какой-то момент Мило вместо нежностей откровенно сказал ей, что она хорошая кухарка, милая женщина, но также и лживая сука.

Мило знал, что не он отец близнецов, и ему было известно, кто настоящий отец. Это еще ладно, добавил он, и такое случается, но поскольку они женаты, ей следовало бы перестать вести себя как «шлюха, которая торгует собой у московского метро». Вот тогда-то она и вытащила из-под подушки пистолет, который ему продал Марвин Коукли, и выстрелила.

Браун кивнул, ничуть не удивленный. Привычка Мило копаться у людей в мозгах и потом разбалтывать, что он там нашел, едва не оказалась фатальной - и не в первый раз. Он спросил, можно ли поговорить со Стеллой, однако Хикс ответил,

что пока нет. Сначала у нее была истерика, и она все рыдала, что надеется: Иисус простит ее и тому подобное.

- Ну, вы ведь знаете этих верующих, - шепнул он, понизив голос на тот случай, если его подслушивает какой-нибудь набожный избиратель. - Они думают: стоит им покаяться - и все будет в порядке. Да вот хрен.

Он сказал, что миссис Стрейт сама же и спасла Мило жизнь. В свое время у нее была сестринская практика, и в такого рода случаях головы она не теряла, знала, как остановить кровотечение и оставить открытыми дыхательные пути. Когда из Бекли прибыла скорая помощь, врач вколол ей снотворное, и она наконец затихла. Теперь она после всех треволнений спит в женском отделении тюрьмы.

С немного самодовольным видом он добавил:

- Но у меня есть еще один заключенный, с которым вы можете поговорить. Думаю, он каким-то образом связан с этим.

Браун и Мерлин переглянулись, и сердца у обоих забились чаще. Его задержали, сказал Хикс, когда машина на большой скорости ворвалась в суматоху у лавки Мило - похоже, водитель спешил выскочить на шоссе.

- Он врезался в телегу, и я арестовал его за опасное вождение, - продолжал Хикс. - У него белорусский паспорт, и он проехал позади лавки Мило по Пойзн-Оук-Роуд. А какого черта этот иностранец делал в лесу в темноте?

Они захотели поговорить с задержанным. Хикс заставил их подождать и проверил мужское отделение, дабы убедиться, что заключенные благопристойно одеты и никто не сидит на толчке. Потом он провел их по коридору из выкрашенных в зеленый цвет шлакобетонных блоков и вверх по металлической лестнице: каждый шаг отдавался колокольным звоном. Отделение располагалось за раздвижными стальными дверями и состояло из двух камер, двух заключенных и едкого запаха скипидарного дезинфектанта. В свете единственной люминесцентной лампы под потолком Браун увидел, что один из заключенных пьян и погружен в шумный сон, и сосредоточился на втором.

Облаченный в слаксы и рубашку мужчина сидел на койке, сложив руки на коленях. С виду евразиец, бледное лицо - нельзя сказать, что неприятное - было совершенно заурядным, словно суп из консервов. Хороший агент, подумалось Брауну, такой может пройти незамеченным через любую толпу.

- Я требую адвоката, - заявил тот вместо приветствия. - Мне не зачитали права. - Он не казался рассерженным. Его голос звучал монотонно и даже успокаивающе. У него был небольшой акцент, но Браун не мог понять какой.

- Странно, - пробормотал он. - Я искал тебя на Кавказе, а нашел на Аппалачах.

- Не понимаю, что это значит. Я имею право на адвоката, дайте мне позвонить.

Браун повернулся к Хиксу:

- Слушайте, я знаю, что это ваша тюрьма и ваш заключенный. Но не могли бы вы в качестве одолжения Агентству оставить нас с ним наедине минут на десять?

Хикс нахмурился, однако затем резко кивнул и вышел. Мерлин внимательно посмотрела на Брауна, гадая, что он ожидает узнать за десять минут. Ее глаза расширились от удивления, когда Браун достал пачку и предложил заключенному:

- Сигарету?

- Нет, спасибо. Это вредно для здоровья.

Во флуоресцентном сиянии лицо его казалось мягким, как пирог, однако темные глазки выдавали острую тревогу. «Теперь, - подумал Браун, - я выясню, Мандрагора ты или нет». Он вытащил сигареты, высыпал их прямо на пол и вытряхнул на ладонь пластиковую коробочку. Он ожидал какой-то реакции, однако к произошедшему в следующий миг оказался не готов.

Сначала голубоватый свет вдруг стал бронзовым, словно аура, предшествующая эпилептическому припадку. Затем, вспыхнув за левым глазом, голову пронзила боль - как будто ему делали лоботомию без всякой анестезии. Дезориентированный, он покачнулся, выронил коробочку и наклонился, чтобы поднять ее. Схватил и выпрямился, и тут боль исчезла.

Вместо нее он ощущал неожиданное, почти непреодолимое побуждение убить эту холодную суку, фрау Геббельс - прикончить за то, что она убила всех этих детей. Он взглянул на нее, и то, что она увидела в его лице, заставило ее отпрянуть и непроизвольно прикрыться руками.

Сознание Брауна расколосось, словно разорвалась связь между полушариями мозга. Это фрау Геббельс... нет, это Мерлин Хорн. Это Мерлин... нет, это та проклятая женщина, чье имя вдруг совершенно вылетело у него из памяти. Пока он боролся за восстановление контроля над собственным разумом, в его голове вспыхивали маленькие молнии, словно при приступе менингита. Вопреки зловещей магии Мандрагоры, ему, должно быть, это все-таки удалось, ибо, когда он вытянул руку с оружием и положил большой палец на кнопку, оно оказалось направленным не на нее, но меж прутьев камеры.

Теперь был напуган и чародей. Он вскочил, сорвал с койки одеяло и закутался в него, чтобы остановить капсулу. Это позволило Брауну уловить миг просветления в мыслях, он прицелился и выстрелил в нижнюю часть левого бедра.

Когда шериф Хикс вернулся в шлакобетонный коридор, Браун сидел на самой нижней металлической ступеньке, и вид его был ужасен. Мэрлин придерживала ему голову, хотя он заблевал всю свою одежду и источал чудовищную вонь. Она сказала Хиксу:

- Мы опознали арестованного. Это профессиональный убийца. В данный момент у него тяжелый сердечный приступ. Не особенно торопитесь вызывать скорую. Если они появятся здесь через час, будет хорошо. Через два - еще лучше.

Хикс снова резко кивнул. Может, всего он и не знал, но одно ему было известно точно: ради благополучия других кое-кто иногда должен умереть.

- Пожалуй, я позвоню в Чарлз-Таун, - буркнул он. - Это будет подальше, чем Бекли.

Он неспешно вышел. Совершенно не заботясь о своем праздничном наряде, Мерлин держала Брауну голову, пока его снова рвало, на этот раз на них обоих. Она потерла его ледяные руки и прошептала:

- Я думала, ты отдал эту штуку в лабораторию.

- Я отдал, - прохрипел он. - Я использовал другую. Одну из наших.

* * *

- Так как же Мандрагора убивал всех этих людей, Эдвард? - спросила она его месяц спустя, когда они - здоровые и невредимые - сидели вечером за бутылкой вина в его квартире.

То, что он сообщил ей свое имя, было симптомом их возрастающей близости. Он даже назвал ей свою фамилию - которая, конечно же, не была Браун.

- Он и не убивал. Он тоже владел ментальными способностями, но не как Мило. Мило только читает мысли, Мандрагора же мог ими управлять.

- Вот этого я и не понимаю. Ведь гипнотизер не может заставить людей, даже находящихся в глубоком трансе, делать то, что они считают неправильным.

- Не может, но Мандрагора был способен внедриться в разум человека и подтолкнуть его к поступку, который тот сам тайно хотел совершить. У полицейских есть стандартный подход: при расследовании убийства в первую очередь подозревать ближайшее окружение жертвы. По крайней мере у одного наверняка найдется мотив. Мандрагора изучал близких и находил что-нибудь пригодное - сыновью ненависть, жадность телохранителя, гнев или ревность жены - и усиливал, это до смертельной жажды. Совсем ненадолго. Но достаточно.

- А когда дело было сделано, он стирал воспоминания? - скептически спросила она.

- Да, он снова принимался за желания убийцы. Но теперь помогал уничтожить память о поступке, который сознание отрицало и желало забыть... У нас уходит уйма времени, чтобы очистить свою память. Хотя прошлое бесконечно податливо, -

сказал он, надеясь, что это так.

Она кивнула и глотнула вина.

- Что стало с мистером Рубриком и этими шестью детьми?

- Теперь он уже кто-то другой. Поскольку благодаря ему мы смогли обезвредить Мандрагору, шеф пошарил в карманах Агентства и переправил его в другое место под новым именем.

- А Стелла - она еще за решеткой?

- Нет, на свободе. Мило показал под присягой, что пистолет выстрелил случайно, поэтому обошлось без обвинения. Они где-то на Западе, со всеми шестью ребятами. Некоторые так и напрашиваются на наказания.

Она допила вино и улыбнулась со значением. Они медленно начинали постигать тайный язык улыбок, взглядов и произвольных движений друг друга. И Браун понял, что она собирается провести ночь здесь, - и надеялся, первую из многих.

И ей не надо было это говорить. Он уже знал.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Albert E. Cowdrey. Mindbender. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 2012 году.

МЭТЬЮ ХЬЮЗ

РАДОСТНОЕ ИЗНУРЕНИЕ И НИСХОДЯЩЕЕ ФПАМБЁ

М Э Т Ь Ю   К Ъ Ю З

РАДОСТНОЕ ИЗНУРЕНИЕ

Иллюстрация Людмилы Одинцовой

И НИСХОДЯЩЕЕ ФЛАМБЁ

Иллюстрация Людмилы ОДИНЦОВОЙ

Рафаллон припал к стене башни Хердеванта, липкий клей на ладонях надежно удерживал его на сером камне. Над его головой не более чем на расстоянии протянутой руки вновь скрипнули петли небольшого окошка. Мгновение назад кто-то там открыл левую панель; теперь наступала пора правой. Логически рассуждая, в качестве следующего шага должна была появиться голова. После чего Рафаллона обнаружат, если это еще не произошло, и последствия отнюдь не прибавят ему чести.

Профессия Рафаллона состояла в присвоении различных ценностей, правда, без согласия владельцев. Он практиковался еще с мальчишеских лет и приобрел достаточно высокую квалификацию в таких ремеслах, как преодоление стен, борьба со всякого рода замками и сторожами. Особого совершенства он достиг в умении вовремя смыться, когда обстоятельства оборачивались против него.

Чтобы избегать неприятных ситуаций, он предпочитал самостоятельно избирать объект приложения своих усилий; однако охотно предоставлял свои услуги тем, кто находил его условия приемлемыми. Конечно же, лишь в том случае, если считал приемлемым и уровень риска.

Впрочем, обе кондиции начисто не соответствовали его нынешнему положению. Возможность того, что хотя бы один эпизод сложится не в его пользу, он вычислил сразу, как только получил информацию о природе своего нынешнего задания, и теперь она на практике превращалась в уверенность. Хуже того, ему предстояло принять на себя гнев волшебника Хердеванта, чья известная всем суровость заставила собратьев по ремеслу дать ему прозвище Железнуюрукий.

Зацепка на левой руке Рафаллона начинала ослабевать. Он оторвал руку от стены, поплевал на нее, чтобы вернуть липучесть, а затем снова прижал к стене. Через несколько мгновений ему придется проделать аналогичную операцию и с правой рукой, - если только к этому времени его не охватит огонь, извергнутый палочкой волшебника, либо же вызванный чародем демон уволочет его в свое дымное логово, где надругается над ним многочисленными и не поддающимися описанию способами.

Первое правило вора требует избегать поимки и наказания любыми путями. Однако Рафаллон дополнил его следующим соображением: когда все потеряно, сумей хотя бы сохранить лицо. И потому, придав своей физиономии самое невозмутимое выражение, на каковое оказался способным в данной ситуации, он посмотрел вверх. И обнаружил, что вопреки собственным надеждам, но в полном согласии с предчувствием, смотрит прямо в холодные глаза Хердеванта.

- Значит, явился, - проговорил волшебник, словно бы продолжая начатый разговор.

- Явился, - согласился Рафаллон, не усматривая никаких положительных перспектив в немедленном отсоединении от стенки.

- Тогда заканчивай подъем и влезай в окно. Я снял с него защитное заклинание.

Рафаллон снова поплевал на ладонь и с помощью зацепки подтянулся еще на длину руки.

- Надеюсь, это был не Расчленяющий портал Буллимара?

Хердевант фыркнул:

- Ставить его на маленькое окошко наверху башни? Конечно же, нет. Это был Защеп Пиласкуо.

- Не слыхал о таком, - пробормотал вор, добираясь до подоконника.

Маг пояснил действие Защепа: в тот самый миг, когда Рафаллон уже наполовину пролез бы через окно, обе створки должны были сомкнуться на его теле, стиснув так, что вор превратился бы в подобие осы, чью головогрудь и брюшко соединяет лишь тонкая полоска хитина.

- Точно это заклятие снято? - переспросил вор, занося ногу на подоконник.

- Точно. Спускайся сюда.

Рафаллон опустился на каменный пол башни. Он нахмурился, когда заметил, что в небольшой округлой комнатке ничего нет - еще один элемент операции, проваленный тем, кто послал его.

- И кто заставил тебя думать, что я воспользуюсь Буллимаром? - заговорил Хердевант. - Он предназначен для дверей, особенно для потайных люков.

Вор был слишком разочарован, чтобы отвечать. Мгновение спустя он понял, что Хердевант не привык ждать ответа на свои вопросы. Пятки ног Рафаллона вдруг ощутили, что находятся в контакте с раскаленными углями. Инстинктивные прыжки на месте облегчения не принесли.

- Глабро! - сумел выкрикнуть он.

Маг чуть повел рукой, и угли остыли.

- Глабро Растяпа? - переспросил он, и суровые губы сложились в усмешку. - Ты один из его людей?

- Не по собственной воле, уверяю вас! - Рафаллон потер подошвами своих особых туфель о каменный пол, чтобы как-то охладить ноги. Действие это эффекта не произвело, однако ощущение жара потихоньку уменьшилось само собой.

- Но Глабро послал тебя? И сказал, что окно будет защищено Буллимаром?

Волшебник снова фыркнул; Рафаллон уже начинал подозревать, что подобная реакция характерна для него.

- Беспомощный глупец, - закончил Хердевант. - И что же заставило тебя довериться ему?..

Тут суровое лицо затуманилось подозрением. Маг начертил в воздухе незримую фигуру, и Рафаллон увидел рисунок из прямых и кривых зеленых и светящихся линий, соткавшийся перед глазами. Спустя мгновение вор понял, что видит план поместья Хердеванта. Пленивший его маг некоторое время рассматривал рисунок, а потом стер его мановением пальца, заканчивавшегося длинным ногтем.

- Мне пришло в голову, - заметил волшебник, - что тебя могли использовать в качестве отвлекающего маневра. Но нет, Глабро не способен возвыситься даже до нижней ступени на лестнице хитроумия.

Он погладил свой нос и чуть потянул его, словно бы помогая памяти.

- Должно быть, ты снова явился за Сферой Разнообразной Пользы?

- Мне еще не приходилось бывать здесь, - заметил Рафаллон.

- Я ставлю тебя в общую очередь со всеми прочими тупицами и ослами, - продолжил маг, - которых Глабро подсылал ко мне, с тех пор как я выиграл у него эту Сферу в честном состязании, притом вполне беспорочным и законным образом.

- Он, похоже, думает, что вы слукавили, - возразил Рафаллон.

- Ну что ж, именно эта проблема портит жизнь дураку: ему кажется, что он думает. - Маг хлопнул в ладоши в знак того, что действие переходит к новой стадии. - Итак, что мне с тобой сделать?

- Могу ли я предложить...

- Не можешь. - Хердевант произнес какой-то слог и особым образом шевельнул пальцами. Дар речи немедленно оставил Рафаллона. - Последнего из посланцев я вернул ему вывернутым наизнанку: кожей внутрь, кишками наружу. Однако жест мой должного впечатления, видимо, не произвел.

Пленник зашевелил бровями и указал пальцем на рот, давая понять, что у него есть предложение. Маг вернул ему власть над языком, и Рафаллон произнес:

- Я мог бы передать ему устное предупреждение... Суровую отповедь и недвусмысленное требование более не испытывать ваше терпение!

- Терпения у меня нет, - возразил волшебник. - А если бы имелось, я не стал бы расходовать даже крупички на Глабро.

Он снова задумался, а потом поднял сразу и брови, и указательный палец:

- Знаешь, есть одна возможность. Я как раз экспериментировал с синтезом Радостного Изнурения Икстликса и Нисходящего Фламбё Чанта.

- Не знаком ни с тем, ни с другим, - отозвался Рафаллон. - И с восторгом услышу о них, особенно от человека, обладающего столь прекрасно поставленным голосом.

Хердевант бросил на вора сухой взгляд:

- Ты стремишься отсрочить мгновение. И пытаешься льстить мне, хотя тратишь силы впустую.

Подобрав подол своего одеяния, он проговорил:

- Мне необходимо освежить кое-что в памяти. Перейдем в библиотеку.

Хердевант согнул палец, произнес неразборчивый слог, и ноги сами собой понесли Рафаллона следом за магом. Они спустились по спиральной каменной лестнице на нижний этаж, а затем по лабиринту коридоров добрались до заложённой на прочные засовы двери, на которой была вырезана физиономия какого-то страшного создания, украшенная накладными клыками из слоновой кости. И только когда волшебник поднес руку к задвижке портала, отчего нос твари шевельнулся, Рафаллон понял, что это не резной, а реальный болдрук, призванный сюда со второй плоскости, поработанный и втиснутый в размеры двери. Если бы человек явился без согласия Хердеванта, демон в данный момент уже пережевывал бы его кости.

За болдруком открылась высокая комната, на стенах которой теснились друг к другу расставленные на полках книги всяких очертаний и размеров, переплетенные в разнообразные материалы - от золотой парчи до драконьей шкуры. Надписи на некоторых корешках были сделаны знаками, которые Рафаллон мог назвать разве что древними.

Хердевант подошел к одной из высоких полок и снял с нее небольшую книжицу, переплетенную в желтую замшу, после чего нагнулся, чтобы поднять фолиант, составленный из зажатых между двумя деревянными досками пергаментных листов. Он отнес обе книги на освещенный лампой стол, раскрыл их и принялся перелистывать страницы, пока не нашел искомое. Как только маг освежил в памяти слова и жесты силы, лампа померкла, сгустились тени. Рафаллон уловил резкий запах озона, волосы на голове колдуна зашевелились, а глаза несколько раз изменили цвет.

- Вот что, - молвил Хердевант, закрывая книги. Он посмотрел на пленника и потер руки. - Как только оба заклинания начнут свое действие, я отошлю тебя к Глабро. Это подразумевает наложение третьих чар, но я воспользуюсь простым посылочным наговором. Флюксии уравновесятся сами собой.

Чародей повернулся к зеркалу, повешенному между двумя шкафами, и прикоснулся к нему - тут, там и еще в третьем месте.

- Теперь нужно отыскать Глабро.

И мгновение спустя произнес:

- Ага, вот и он.

- И что будет со мной? - спросил Рафаллон.

- Радостное Изнурение Икстликса заставит тебя плясать смешную джигу до тех пор, пока ты не испустишь дух от усталости. Нисходящее Фламбё Чанта будет жечь тебя ярим огнем с головы до ног. Совместное действие произведет в известном смысле впечатляющую картину и одновременно напомнит Глабро, что для ему подобных я не пара.

Он приказал Рафаллону отступить на шаг от кресла, обитого бледной кожей.

- Отцовская... на самом деле. Не хочу, чтобы он получил ожег, - заботливым тоном пояснил маг и принялся рассуждать о том, какую любезность оказал ему вор, явившись именно в тот самый момент, когда он как раз приготовился проверить действие соединенных заклинаний на практике. Он-то намеревался воспользоваться оживленным трупом, однако отсутствие должной *ardor vita*^{*46} в подобных экземплярах подразумевало то, что они просто не могли гореть так ярко, как живой человек. Ну, и в качестве бонуса ситуация позволяла ему подпустить шпильку Глабро - чему можно только порадоваться.

Рафаллон предпринял последнюю попытку:

- Быть может, в знак благодарности за все эти оказанные мной вам услуги мы сможем обойтись без этих плясок и пламени?

Хердевант воззрел на него полным осуждения оком:

- Подобное решение как раз уменьшит твой вклад в общий процесс. Разве моя логика так сложна?

Вновь потеряв ладони друг о друга, он сказал:

- Итак, сперва Радостное Изнурение, потом Нисходящее Фламбё и, наконец, отсылка. Так что прощай.

Рафаллон попытался было протестовать, однако волшебник вновь заткнул ему рот. Заняв в точности нужную позу, Хердевант произнес мантру бросающего в пляс заклинания, подняв при этом руку лишь для того, чтобы с последними звуками плавно опустить ее и указать двумя перстами на объект заклęcia.

Вору показалось, что плоть его как бы вскипела крошечными пузырьками, производившими непереносимый внутренний зуд. Колени его согнулись, он подпрыгнул в воздух. И как только ступни его вновь соприкоснулись с ковром, Рафаллон начал скакать влево, вправо, влево и снова вправо, в то время как руки его то взлетали над головой, то падали вниз так, что он мог смачно шлепнуть себя по ягодицам.

Маг объявил достигнутый результат великолепным. Потом посерьезнел, занял новую позу и начал вызывать Нисходящее Фламбё - то есть Пламя - Чанта. Слов заклинания Рафаллон разобрать не мог за собственным тяжелым дыханием и

---

⁴⁶ * *Жизненной силы (лат.).*

увесистыми шлепками по заду, однако жестикуляционная компонента впечатляла. Завершилась она быстрым соприкосновением обеих чародейственных ладоней и двойным прищелкиванием большим и средним пальцами. Волосы вора немедленно занялись пламенем.

Хердевант мгновенно промолвил два коротких слова и стукнул кулаками друг о друга. И Рафаллон столь же мгновенно покинул библиотеку мага. Однако оказался при этом вовсе не в саду Глабро, в окружении стриженных в развратной манере деревьев. В сущности, он находился... нигде.

Вокруг него, наверху и внизу, пребывала безликая серая пустота. Он попытался обернуться и оглядеться или, по крайней мере, решил, что ему это удалось (все-таки без визуальных ориентиров полной уверенности в этом испытывать было невозможно), однако видеть было совершенно нечего.

И через мгновение вор осознал, что уже не пляшет и не машет руками. Более того, прикоснувшись к волосам, он обнаружил, что пламя оставило их. Ну, это хорошая новость, подумал Рафаллон, хотя вынесение решения о ситуации следовало оставить до тех пор, пока он не получит больше фактов.

Он вновь огляделся по сторонам, после чего сообразил, что в данном месте слово «сторона» не имеет никакого смысла. Вор попытался прислушаться, но ничего не услышал. Запахов тоже не было, и высунутый язык не ощутил в воздухе никакого вкуса.

В этот самый миг его осенило другое откровение: ни запаха, ни вкуса нет, оттого что вокруг его тела нет и воздуха. Поводив ладонью из стороны в сторону, он понял, что волоски на ее тыльной стороне не ощущают никакого сопротивления. После этого он заметил, что не дышит.

А не умер ли я, подумал он. Однако теперешнее место его пребывания не соответствовало описаниям нескольких преисподних и четырех обликов рая, века назад открытых путешественниками по астралу. Знания Рафаллона о девяти плоскостях - двух ниже его собственной и шести над нею - обильными не были, однако позволяли испытывать полную уверенность в том, что ни одна из них не состоит из недифференцированной пустоты.

Впрочем, где бы он ни находился, положение его все равно было лучше, чем в том случае, если бы Хердевант действительно отослал его, дергающегося в пляске и окутанного пламенем, в искусно подстриженный сад Глабро - быть может, чтобы спалить до своей кончины несколько деревьев и кустов. И все же, признав этот факт, он не собирался останавливаться на нем.

Необходимо, сказал он себе, выбраться из этого места туда, где хоть что-нибудь есть. И с этой мыслью в голове он постарался представить себе таверну, в которой

предпочитал пировать, находясь при деньгах... Называлась она «Бляха и Пряжка», эль в ней приличный, а служанки не возражали против любых вольностей.

И представляя себе это заведение, он ощутил, что представшее перед его умственным взором изображение оказывается много более четким и подробным, чем то, которое обыкновенно могло предоставить воображение.

«Итак, я не представляю его, а вижу», - понял он. Любые «как» и «почему» в данный момент его не касались, ибо Рафаллон всегда отдавал предпочтение практическим соображениям перед теоретическими конструкциями. Раз уж он может видеть свою таверну, то не попробовать ли приблизиться к ней.

Он потянулся к картинке, но она - если это и впрямь была картинка - находилась за пределами его досягаемости. Он попытался подойти к ней, однако ноги его хоть и зашевелились, но не двинулись с места. Он сделал пару замахов пловца, однако оттолкнуться было не от чего, и с места сдвинуться не удалось.

Разочарованный, он безвольно повис в пустоте. Тем не менее ум вора, пусть и не столь утонченный и емкий, как разум волшебника, не лишен способности прийти к верному заключению. «Я подумал о таверне «Бляха и Пряжка», и она появилась передо мной. Что если мысленно приблизиться к ней?»

Он подумал. И приблизился.

Теперь он как бы находился возле пивного зала, в этот миг почти пустого. Для вторжения в башню Хердеванта Рафаллон выбрал середину дня, рассчитывая на то, что волшебник окажется в рабочем кабинете, занимаясь своими чародейскими трудами. Это произошло всего лишь какой-то час назад, и в таверне еще не успела собраться обыкновенная вечерняя толпа; многие останутся здесь кутить на всю ночь.

Он обозрел сцену: пара мрачных, погруженных в горькую думу пьяниц, целыми днями нянчивших свои пивные кружки; путешественник в пропыленной одежде, истреблявший все, что осталось от полуденного меню; целовальник Будин за своим прилавком; Ундула, старшая из двух служанок, убиравшая со стола в дальнем углу.

Он протянул вперед руку, и пальцы его обнаружили некое сопротивление - впервые после того, как он угодил в это место. Ощущение говорило о какой-то стене, но когда он нажал сильнее, преграда чуть подалась - словно стенка шатра, растянутого кольями и шестами.

«Я подумал о «Бляхе и Пряжке» - и оказался здесь, - напомнил себе Рафаллон. - Захотел оказаться вблизи таверны - и сделал это. Не пожелать ли теперь очутиться внутри?»

Первым делом он решил, что надо разорвать преграждавшую его путь мембрану.

Однако прежде чем Рафаллон успел сосредоточиться на поставленной цели, некая часть разума предупредила вора о том, что, разрушив эту преграду, он не сумеет восстановить ее. И кто знает, что может последовать после этого? Что если таверна, город, весь край и миры за ними провалятся в пустоту?

И вместо этого он сфокусировал все свои мысли на пивном зале, представив себя внутри. Когда мысль выкристаллизовалась, вор ощутил легкое покалывание, направившееся в глубь плоти и исшедшее вон через спину и ягодицы. А когда оно миновало, обнаружил, что стоит в «Бляхе и Пряжке».

Внезапное появление его заметил только путник и торопливо отвел глаза, как делает разумный чужестранец перед лицом чуждых ему событий. Оторвав взгляд от стопки кружек, Будин спросил:

- Рафаллон, что будешь пить?

- Чего-нибудь крепкого, - проговорил вор, опускаясь за пустой столик, как всегда спиной к стене. - Мне надо кое-что обдумать.

Рафаллон был весьма образованным воров, прошедшим полный ученический курс у Гронна Ловкача и законным образом принятым в древнюю и почтенную Гильдию воров и похитителей. С тех пор он добавил двенадцать лет практики к своей подготовке и таким образом сделался весьма искусным специалистом в своем ремесле. Однако, когда представлялась соответствующая возможность, он не брезговал простейшими операциями в стиле вошел-вышел-унес-сделал-ноги. Подобная практика заставила его оказаться против воли слугой волшебника невысокого ранга, называвшего себя Глабро Превосходным, однако более известного по прозвищу, которое употребил Хердевант: Глабро Растяпа.

Высматривая возможности, вор слонялся по задним переулкам, когда оказался возле дома Глабро и увидел, что ведущая на задний двор дверь чуть приоткрыта. За нею на каменных плитах лежал пухлый мешок. Возле него - прислоненный к дверной раме посох, из тех, что используют добрые пешеходы, отправляясь в дальнее путешествие. Картина была очевидна: некто собрался отправиться в путь, но, вспомнив в последний момент о чем-то, забытом в доме, оставил посох и дорожный мешок возле двери.

Рафаллон остановился, огляделся по сторонам, заглянул во двор. Нигде никого. Он нагнулся и запустил руку в суму. Пальцы его прикоснулись к плотному и гладкому предмету, глаза уловили золотой блеск. Вцепившись в находку, он встал.

Точнее, проявил такое намерение. На самом деле золотой предмет начисто отказался вылезать из своего укрытия. Предположив, что предмет может оказаться куда более тяжелым и, таким образом, еще более ценным, вор попытался

использовать обе руки. И тем не менее не смог поднять его.

Нахмурившись, он согнул ноги в коленях - Гронн всегда учил его тому, что домушник должен иметь крепкую спину, - и попытался ухватиться попрочнее. И тут обнаружил, что не в состоянии отнять рук от добычи. Опустившись на корточки, он все еще безрезультатно тянул и тянул, и тут Глабро высунулся из задней двери своего дома, ткнул в сторону вора черным жезлом и произнес нечто такое, отчего мир вокруг Рафаллона потемнел.

Очнувшись он уже в кабинете волшебника; руки вора более не липли к приманке, но вместе с ногами были прикованы к каменной стенке железными кандалами. Брюки его были спущены до колен, и чародей пристраивал нечто к той части его тела, которую Рафаллон - да и всякий разумный мужчина - самым старательным образом оберегает от неприятностей.

Заметив, что пленник его полностью пришел в себя, Глабро выпрямился и произнес:

- Джхеззик, короткий полунажим.

И Рафаллон немедленно ощутил приступ такой боли, какой ему никогда еще не приходилось испытывать.

- Вижу, что внимание твое обращено ко мне, - заметил волшебник.

- Целиком и полностью, - заверил его вор.

- Великолепно. Тогда ты сделаешь для меня следующее. - И несколькими краткими предложениями маг объяснил, что вору надлежит отправиться в дом Хердеванта, проникнуть в самую высокую из башен, где в самой верхней комнате он найдет предмет, именуемый Сферой Разнообразной Пользы (он показал изображение таковой), которую Хердевант несправедливыми путями вырвал у законного владельца, то есть Глабро.

Ну, а чтобы Рафаллон немедленно приступил к делу, к нему был приставлен спайт, известный под именем Джхеззик, которому было назначено проследить за воров по дороге туда и обратно.

- Джхеззик не станет входить вместе с тобой, - пояснил Глабро. - Гриннет Хердеванта немедленно учует его и явится, чтобы схватить - что будет столь же неприятно для тебя, как и для Джхеззика. Поэтому он встретит тебя на выходе со Сферой. И, конечно же, проводит сюда.

Рафаллон начал протестовать, имея возражения по нескольким пунктам: оборона Хердеванта непреодолима; всем известна его неусыпная бдительность; Гильдия не нарушает договор о невмешательстве, заключенный с древним и достопочтенным Советом чародеев и тавматургов. Продолжать он не стал, ибо Глабро предположил, что можно пригласить Джхеззика высказать свое мнение.

- Что касается обороны: он пользуется Расчленяющим Порталом Буллимара. Я научу тебя слову, снимающему заклятие. Отправишься сразу после обеда, когда он возится у себя в кабинете. Знать об этом не будет никто, кроме нас. - Но поскольку Рафаллон попробовал вставить новый контраргумент, волшебник добавил: - И, конечно же, Джхеззик.

Вот таким-то образом Рафаллон и оказался припавшим к стене башни Хердеванта в тот самый миг, когда волшебник открыл окно. Что в дальнейшем привело его к неожиданному погружению в серую пустоту. И к последовавшему переходу в «Бляху и Пряжку», где он сейчас сидел за вторым кубком крепкого арака, завершив размышления и составив план.

Вор обратился к суетившемуся за стойкой Будину:

- Как насчет того мальчишки, который у тебя моет посуду? У меня есть поручение для него.

И за обещанную монетку мальчишка без особенного промедления отправился к дому Глабро с запечатанной запиской в кармане.

Второй кубок арака еще не кончился, когда Глабро появился в пивном зале. Волшебник обвел помещение подозрительным оком и, не усмотрев никакой опасности для себя, уселся за столик Рафаллона. Оглядевшись по сторонам, он спросил:

- А почему ты целый? И не вывернут наизнанку, как твой последний посланец?

- Хердевант рассказал тебе?

- Мы с ним поговорили об этом, - согласился вор.

- И что же?

Рафаллон отпил глоток арака:

- Как, по-твоему, можно ли соединить два серьезных заклятия?

Глабро наморщил сальный лоб:

- Едва ли... однако этот вопрос находится вне области моих интересов.

- А как насчет соединения двух фундаментальных заклятий с третьим, чтобы отправить предмет заклинания в твой кабинет?

Качнув бородой, волшебник откинул голову назад:

- Это невозможно!

- Речь идет о Радостном Изнурении Икстликса и Нисходящем Фламбё Чанта. Имени транспортного заклинания я не уловил, однако оно состоит из двух слогов и такого вот жеста, - он ударил костяшками пальцев друг о друга.

- Смешно даже думать! - воскликнул Глабро. - Флюкции дисгармоничны, и никакой синергизм...

- Он это сделал, - остановил его Рафаллон, описав свои прыжки, шлепки,

воспламенение волос и исчезновение.

- О, мой сад! - вскричал Глабро, прежде чем до него дошли все слова Рафаллона. - Но ведь ты не предстал предо мной!

- Именно!

Волшебник посмотрел на него с видом человека, осознавшего, что прозевал намек.

- Итак... - начал он.

- Скажи мне, - продолжил вор, - сколько плоскостей существует?

- Подожди, - возразил волшебник. - Мы говорим о том, что случилось с тобой.

- Говорим. Так сколько же их?

Глабро повел плечами:

- Девять.

- И присутствует ли в какой-нибудь из них бесформенная и безвидная пустота? Где нет верха, низа, переда, зада, право и лево?

На лице волшебника проступило раздражение:

- Нет. А теперь скажи, чего...

- Пустота, из которой видно любое место, куда можно попасть, просто пожелав того?

- Какая еру... - на сей раз Глабро остановил себя сам. - Минуточку, ты хочешь сказать, что побывал в подобном нигде?

Рафаллон приподнял кубок с ироническим тостом:

- Ну, наконец догадался.

Ближе к вечеру они находились в мастерской Глабро. Рафаллон нервно расхаживал по комнате, чародей стоял возле своего пюпитра, на котором находились книжица в желтом замшевом переплете - того же издания, каким располагал Хердевант, - и рукописный пергаментный свиток, отчасти развернутый и придавленный какой-то безделушкой.

Они сошлись на том, что следует провести испытание. И единственным объектом его должен был служить сам вор. Он ведь уже доказал, что может попасть туда и вернуться обратно, а среди них двоих лишь Глабро обладал соответствующей магической квалификацией, позволявшей совершить три заклятия. Но теперь, когда час испытания настал, Рафаллон ощутил, что энтузиазм оставляет его.

Глабро поднял взор от книги и объявил:

- Готово.

По комнате пополз запах озона, однако глаза волшебника не переменили свой цвет, как было с Хердевантом, но стали выпучиваться и опадать, следуя, должно

быть, ритму сердца. Вор подумал, что эффект нельзя назвать привлекательным.

Он стал на свободном месте, следуя указанию мага. Глабро на какое-то мгновение притих, собрался, произнес слова плясового заклятия - бессмысленные для Рафаллона - и описал рукой такую же широкую дугу, завершённую указующими перстами. Начались прыжки и шлепки по заду. Мгновение спустя вспыхнули остатки волос на голове вора.

Теперь должно было последовать заклинание, отправляющее Рафаллона в путь. На тот случай, если что-нибудь пойдет не так, они сошлись на том, что третий заговор отправит вора в свободное место на другой стороне комнаты. И тогда Глабро погасит пламя, прежде чем оно охватит вора.

Однако пламя успело дойти до корней волос объекта эксперимента, а волшебник побледнел и пошатнулся. Последовательное произнесение двух могущественных заклятий отобрало у него слишком много сил. Ему пришлось взяться рукой за спинку скамьи, глубоко вдохнуть и выдохнуть.

Вор тем временем горел синим пламенем. Кожа на его голове ощущала неприятный жар. Наконец Глабро собрался с силами. Он произнес два слога, стукнул костяшками пальцев друг о друга.

И Рафаллон повис в пустоте, более не выплясывая и не ощущая огня скальпом.

Он напряг свои способности и постарался представить кабинет волшебника. Как и прежде, четкое изображение этого места появилось перед его глазами. Он увидел, что Глабро, отойдя от пюпитра, рассматривает то место, где он только что находился, обследуя воздух и пол.

Рафаллон пожелал приблизиться к сцене. Изображение сделалось крупнее. На рабочем столе находились три предмета: простая деревянная чаша, золотой подсвечник и крупный, с кулак, кристалл. Вор сконцентрировал свое внимание на них, заставив себя приблизиться к ним на расстояние протянутой руки. Выставив вперед ладонь, он вновь ощутил сопротивление, как если бы плотная мембрана отделяла его от намеченной цели.

Он чуть отвел руку от барьера и пожелал, чтобы конечность прошла через него. Движения он не ощутил, только по руке забегали мурашки, начиная от кончиков пальцев, и покалывание с умеренной скоростью двинулось вверх по руке. К тому времени, когда оно добралось до локтя, пальцы его уже сомкнулись вокруг чаши. Теперь он пожелал, чтобы рука и ладонь покинули рабочий кабинет волшебника. Мгновение спустя, когда он снова висел в пустоте, пальцы его разжались, и деревянная чаша повисла рядом с ним.

Остававшийся в кабинете Глабро, выкатив глаза, взирал на место, где только что находилась чаша. Рафаллон вновь приготовился и повторил упражнение, на

сей раз утащив тяжелый металлический подсвечник, также в итоге повисший рядом с ним в серой пустоте. Прежде чем выпустить его из пальцев, он отметил, что предмет этот вовсе не имеет веса.

Потом он обратил внимание на граненый кристалл и аккуратно забрал его себе. Эта часть эксперимента считалась критической, поскольку кристалл служил емкостью для хранения потаенных сил; вмещая умеренное количество маны, он не был и чисто мирским, так что оба они, вор и маг, хотели знать, можно ли пронести его сквозь барьер.

Все прошло без сучка и задоринки; Глабро наблюдал за процессом перемещения кристалла через магическую трубку, а затем за процессом обратного перемещения всех трех предметов на стол, прежде чем, отправив на место чашу, подсвечник и кристалл, Рафаллон пожелал вернуться обратно.

Волшебник тщательно обследовал возвращенные предметы и вернувшего их вора. И, насколько это позволяли его возможности, не нашел в них каких-либо изменений. Кристалл при соответственном воздействии излил из себя радужный поток энергии, который волшебник, как жидкость, поместил в отдельную колбу.

- Идеально, - проговорил он, поднимая сосуд и приводя содержимое его во вращение. - Никаких изменений.

- Теперь я немного передохну, - произнес Рафаллон, - а потом ты опробуешь на мне заклинание для роста волос. После этого мы можем совершить первый набег.

Глабро поставил Сферу Разнообразной Пользы на постамент в своем кабинете. Сфера теперь не являлась самым ценным предметом, находящимся в его распоряжении, но по-прежнему заслуживала почетного места в собрании тавматургических предметов, украшавших полки и упрятанных в ящики шкафов и комодов. Его переполненная библиотека стала бы объектом зависти любого волшебника Трех Земель - если бы, конечно, он решился пригласить к себе коллегу ознакомиться с его собранием; однако Глабро не мог этого сделать, так как любой из них скоро обнаружил бы тома, пропавшие у него самого при обстоятельствах столь же таинственных, сколь и озадачивающих.

Вопрос о пропажах был вынесен на обсуждение конклава, собравшегося во владениях Иссаника Совершенного. Участвующие взирали друг на друга с подозрением и, поглядывая по сторонам, произносили завуалированные обвинения. Были призваны фамилиары и хранители врат и допрошены с особым пристрастием вплоть до поджаривания на решетке (в одном случае буквального), однако расспросы и допросы к четким выводам не приводили.

Глабро присутствовал на ассамблее, однако никто не интересовался его

мнением и не предлагал присоединиться к какой-либо из фракций. Домой он отправился, улыбаясь себе под нос.

Рафаллон, со своей стороны, копил сокровища более мирские. Волшебник расплачивался с ним монетами, увесистыми слитками, мешочками драгоценных камней. В этом отношении Глабро не скупился, сделанные с помощью вора приобретения позволяли ему сундуками таскать всякие драгоценности. Вор уже приобрел себе домик с прочными стенами и дверями и устроил в нем еще более прочный погреб, где хранил приобретенное вдали от лап своих соратников по Гильдии.

Вместе с волшебником они учредили «бессистемную систему» - в соответствии с формулировкой Рафаллона. Свои набеги они производили в различные времена дня и ночи, не допуская правильных интервалов. Жертвы и объекты краж определялись случайным образом, так что никакая закономерность не могла позволить ограбленным что-либо заподозрить.

Иногда вор замечал из пустоты, как на него расставляются ловушки и устраиваются засады, после чего желанием образовывал портал в другой части жилища своей жертвы и производил там шумную диверсию. И когда защитники состояния бросались на шум, возвращался в первоначальное место и деликатным образом извлекал нужный объект, прежде чем кто-либо успевал снова поднять тревогу.

Это было счастливое время для обоих партнеров. Глабро обнаружил, что подобное тайное торжество полностью отвечает его характеру. Рафаллон уже подумывал о ранней отставке, о том, что, быть может, стоит открыть академию и заняться обучением следующего поколения похитителей.

Они обговорили длинную паузу перед следующим предприятием, однако Рафаллон явился к волшебнику за неделю до срока, чтобы обсудить поставленную цель - собрание редкостей, находившееся в распоряжении Фиронделя Несравненного. Они расположились в кабинете Глабро, где волшебник спроворил из прошлого бутылку золотого вина, сделанного из винограда, перебродившего в солнечном Абризонте, прекрасной стране, ушедшей под воды Стигматического моря около десяти тысяч лет назад.

Маг сделал глоток из высокого бокала на тонкой ножке и указал на потрепанный том, лежавший открытым на его столе.

- Я занимался исследованиями обогащающего нас феномена, - проговорил он. - И обнаружил кое-что интересное.

- Прибавит ли это знание золота в мою крепкую кладовую? - спросил Рафаллон. И, получив отрицательный ответ, пожал плечами, осушил свой бокал и протянул

его волшебнику за повторением.

- Сперва, - продолжил волшебник, - я решил, что мы наткнулись на десятую плоскость... теоретически это возможно... которую Демиург оставил пустой, когда собирал Вселенную.

Беззаботно пробурчав что-то, Рафаллон уставился в окно.

- Но когда я обнаружил вот это, - маг указал на старинный фолиант, - книгу, которую мы взяли с самой верхней полки библиотеки Занзана...

- Это когда он бросился со всех ног смотреть, кто роется в его невероятном зверинце фантастических животных, -- напомнил вор с коротким сухим смешком.

- Чтобы перевести текст, мне пришлось призвать дух из Древнего Идевана.

- Древнего Идевана?

- Четырнадцатый Эон.

- Никогда не слыхал о таком.

Глабро обнаружил признаки раздражения. Рафаллон это заметил, но извиняться не стал.

- В любом случае, - продолжил волшебник, - это описание, каким образом нынешняя версия Вселенной была...

- А что... были другие? - Ответ Рафаллона не интересовал. Ему нравилось время от времени досаждать чародею: прикосновение Джхеззика не могло изгладиться из его памяти.

- Несколько штук. Но дай мне закончить. Это интересно.

Вор в царственной манере повел рукой:

- Можешь продолжать.

- Главное заключается в том, что своего удобства ради Демиург сперва соорудил себе мастерскую.

- Разумный поступок.

- Однако подобное действие усилило его и так огромное осевое стремление.

Рафаллон проглотил абризонское, которым полоскал зубы:

- А что это такое - осевое стремление?

- Технический термин, означающий то, что ты называешь волей. Именно желание управляет Вселенной. Если у тебя оно имеется в достаточном количестве, ты можешь стать волшебником. Если нет, твои заклинания всегда будут рассыпаться кучкой песка.

- Согласен, - проговорил Рафаллон, протягивая свой бокал. - А не повторить ли еще раз?

Глабро передал бутылку, и вор налил себе.

- И вот что получается, - продолжил волшебник с энтузиазмом, - оказывается,

закончив работу, он не стал закрывать мастерскую.

Вор пожал плечами:

- Быть может, он сохранил ее на случай новых изменений.

- Возможно, - согласился маг. - На тот случай, если решит подправить гравитационную постоянную или добавить к спектру новые цвета.

Он умолк, погрузившись в раздумье.

- Так что будем делать с редкостями Фиронделя? - спросил Рафаллон. Бутылка уже опустела, а через мгновение пустым оказался и его бокал.

- Если я все правильно понял, - проговорил Глабро, - та штука, которую ты называешь серой пустотой, на самом деле представляет собой первичный хаос, из которого было сотворено все остальное.

Рафаллон покачал головой:

- Хаос - вещь деловая: все шевелится, крутится, двигается. А пустота... в ней ничего нет.

- Не так, - возразил волшебник. - Хаос - это кажущаяся пустота, из которой возникают четыре основных элемента творения: материя, энергия, дух и сущность.

- Что-то из ничего... - проговорил вор. - И все посредством осевого... как его там?

- Именно. - Глабро заглянул в том. - И мастерская может по сию пору оставаться работоспособной.

Рафаллон распрямился в кресле. Включаясь по-настоящему, его мозг был способен рассеять любой туман, прокладывая путь к выгоде.

- Ты хочешь сказать, что там, в пустоте, желание создает что-то из ничего?

- Ну... примерно.

- И какого рода что-то?

- Любого.

- А сколько?

- Это будет зависеть от силы осевого устремления. Демиург обладал могуществом, позволившим ему создать всю Вселенную.

Рафаллон думал. Силы его воли и желания хватало, чтобы показать любое замысленное место, чтобы перейти барьер между творением и хаосом.

- Гм-м, - молвил он самому себе.

- Конечно же, - говорил Глабро, - могут существовать и последствия...

Однако вор более не слушал его, хотя «гм-м» сошло с его губ еще раз.

Рафаллон висел в пустоте. Перед ним, словно в окошке, находилась крышка стола, на котором Фирондель Несравненный выставил свою удивительную коллекцию: небольшой кубик бессмертной плоти, предположительно вырезанной

из сердца воплощенного божка; набор из шести фигурок слоновой кости, которые, если поставить их рядом, исполняли упрощенные версии ста классических драм; изогнутый рог зверя, давно уже считающегося мифическим; подзорная труба, позволявшая воспринимать виды пятой плоскости бытия в адаптации к зрению, присущему плоскости третьей; громовой камень, извлеченный из чрева огромной рыбы; и еще несколько столь же замечательных предметов.

Вор обозревал обстановку, разыскивая преграды и ловушки. И нашел таковую: над столом под покровом маскирующего заклинания висел механический паук, снабженный заряженными сильным снотворным клыками-шприцами, готовыми упасть на любую руку, собравшуюся посягнуть на одно из малых сокровищ. Рафаллон уже привык к тому, что из нынешнего положения он способен видеть скрытых магическими средствами людей и предметы.

Тщательно исследовав ситуацию, как и подобает настоящему вору, Рафаллон решил сделать паузу перед переходом к действию. После разговора с Глабро он постоянно думал о возможных результатах проявления собственной воли в мастерской Демиурга. И теперь вор выставил вперед в пустоте руку и пожелал, чтобы в его ладони что-нибудь очутилось. Но ничего не произошло.

Он сконцентрировал внимание. Сперва вроде бы ничего не изменилось. А потом по окружавшей его пустоте и его собственному телу словно бы пробежала волна. Ощущение прокатилось по его руке и вышло через сложенную чашечкой ладонь. И когда оно завершилось, пальцы ощутили шарик чистого золота размером с фасолину.

Ах так, сказал самому себе вор. Убрав безделицу во внутренний карман своего верхнего наряда, он повторил упражнение, на сей раз пожелав себе драгоценный камень. Снова по телу вора пробежала волна, и когда она вышла через его пальцы, Рафаллон увидел то, что поэты именуют камнем чистой воды, а воры-отменной стекляшкой.

Он отправил самоцвет разделять общество золотой фасолины. Эксперимент был завершен. В следующий раз он произведет особые приготовления: сперва придется в несколько раз увеличить размеры его потайного хранилища, так, чтобы оно могло вместить все обилие, которое следует вызвать к жизни в пустоте и перенести через мембрану. Нет, лучше будет купить себе приличный особняк.

Однако сначала следовало завершить изъятие редкостей Фиронделя. Вор изменил точку обзора так, чтобы видеть механического паука сверху. Он заметил узор, выгравированный на золоченой спине устройства, потом протянул сквозь барьер руку и поставил переключатель в положение «выключено». Устранив таким образом представляемую пауком угрозу, он вновь переместился так, чтобы

мембрана оставалась как раз над самым высоким предметом из стоящих на столе.

Вор уже настолько искусно овладел работой из пустоты, что мог пожелать мембране расположиться в считанных дюймах от предмета, который собирался выкрасть. Всякий наблюдатель, находящийся на третьей плоскости, мог заметить только пальцы Рафаллона и тыльную сторону его руки - и то лишь на то краткое мгновение, когда, появившись из ниоткуда, они забирали предмет.

Он потянулся к громовому камню, увлек его в пустоту и опустил в мешок, висевший на лямке, переброшенной через плечо. Далее он забрал серебряную флейту, на которой играла сирена Иллисандра. За ней в мешок одна за другой проследовали шесть теспианских фигурок.

Рафаллон методично избавлял Фиронделя от сокровищ. Предпоследним был кубик, вырезанный из бедра бессмертного бога. Однако когда вор потянулся к нему, кусок мяса сам собой двинулся прочь и остановился на дальней стороне стола. Убаюканный рутиной Рафаллон не стал убирать пальцы, перемещать мембрану, подводить ее поближе к предмету и предпринимать новую попытку. Вместо этого он поглубже запустил руку в барьер, и пальцы его коснулись решившей погулять частицы плоти.

Однако когда они обхватили комок, Рафаллон почувствовал сопротивление. К кубику была присоединена веревочка. Вор без промедления выпустил его, однако в тот самый момент, когда кубик шмякнулся на стол, стальное кольцо с многозначительным щелчком сомкнулось на запястье Рафаллона.

Он дернул рукой, однако своим движением только натянул прочную цепь, соединявшую кольцо на его запястье с другим кольцом, находившимся на запястье человека, как раз выбравшегося из-под стола. Это был Хердевант Железнодорожник, на чьем суровом лице уже складывалась гримаса победы и сладостной мести.

Теперь потянул чародей, однако вся его сила не могла произвести никакого воздействия на человека, прочно заякоренного в мастерской Демиурга, хотя стальное кольцо сползло на выставленную ладонь Рафаллона, сдавливая кости и жилы, причиняя ему боль. Хердевант водил свободной рукой, вычерчивая какую-то сложную фигуру и сопровождая ее вереницей слогов, но безрезультатно: магия не могла произвести никакого воздействия на мембрану.

Оставался только один вариант. Раз грабителя нельзя втянуть в свой мир, значит, маг должен последовать за ним в его укрытие. Хердевант схватил Рафаллона за руку и толкнул назад, к преграде.

Это вполне устраивало хитроумного вора, уже успевшего оценить ситуацию. Хердевант, вне сомнения, полагал, что тавматургическое искусство поможет ему, как только он загонит своего противника в угол. Однако магия была в пустоте

бессильна. В этом месте имела значение только воля.

Воля Хердеванта, чародея, находящегося в расцвете сил, внушала уважение. Рафаллон не имел иллюзий в отношении того, что может пересилить противника. Но вор - в отличие от мага - знал место сражения. Пока Хердевант сумеет понять, что магия здесь бесполезна, Рафаллон придумает последний и неприятный сюрприз для человека на другом конце цепи.

Он сфокусировал волю, и волшебник прошел сквозь барьер. Вор сразу заметил печать удивления на лице оппонента, вызванного сначала природой окрестностей, а потом лицом Рафаллона.

- Так это ты, - выдохнул он. И радость долгожданной мести снова появилась на его лице. Чародей поднял руку, особенным образом согнул на ней пальцы и приступил к заклинанию.

Но и Рафаллон не бездействовал. Он пожелал, чтобы в его свободной руке появилась пара алмазных ножниц. Буквально через мгновение они очутились в его ладони («Овладеваю мастерством», - отметил он), и через второе мгновение цепь оказалась перерезанной.

Он выпустил ножницы из рук в пространство и заметил, что Хердевант уже осознал причину неудачи своего заклинания. Теперь волшебник запустил руку внутрь одеяния, вытащил метательный пистолет и взвел его. Рафаллон не имел ни малейших сомнений в том, что зазубренное острие стрелки оружия смазано ядом.

Бежать некуда, времени создавать выход тоже нет; для того чтобы пройти сквозь мембрану, всегда требовалось несколько мгновений, одно из которых посланная оружием Хердеванта игла может сделать последним. Вору следовало привести мысль в бытие нечто, способное изменить динамику предстоящих событий. И сделать это прямо сейчас, пока игломет Хердеванта не выстрелил.

Мальчишкой Рафаллон до одури читал книжки о приключениях и отчаянных храбрецах: отважные парни бросали вызов ужасам и добивались великой славы. В одной из этих историй фигурировал монстр, настолько перепугавший его, что будущий вор потом несколько раз видел это чудище в кошмарном сне. Лохматое и жестокое создание, созданное воображением удалого рассказчика, осталось в памяти Рафаллона как самое худшее из того, что может появиться на свет.

Повинуясь порыву, он приказал этому монстру возникнуть как раз позади Хердеванта. Таким образом, в тот миг, когда палец волшебника был готов нажать спусковой крючок, толстая и мускулистая конечность, покрытая лохматой серой шерстью и заканчивающаяся лапой с двумя когтями, похожими на черные полумесяцы, обхватила его за пояс. Оружие выпало из руки волшебника, притянутого назад, поднятого вверх и угодившего прямо в зазубренные клыки.

Тварь употребила волшебника в два глотка. Затем ее желтые глаза обратились к Рафаллону, и вор вспомнил, что, согласно тексту повествования, она отличалась особой ненасытностью, а в худших вариантах видения она преследовала его, куда бы он не направил свои стопы.

Рафаллон пожелал ей исчезнуть, но без успеха; быть может, у Демиурга имелась другая лаборатория, предназначенная для уничтожения. Он пожелал, чтобы образовался портал, через который может выйти из пустоты и найти помощь.

Лишь одно подобное место могло прийти ему в голову: мастерская Глабро. Едва Рафаллон появился из воздуха, волшебник оторвался от книги, которой был занят, и произнес:

- Как это...

- Он гонится за мной! - выпалил вор. - Уничтожь его!

Тут его ноги коснулись пола, он бросился к двери, вцепился в задвижку и со всей силы щелкнул ею. За спиной прозвучал голос Глабро, произнесший только: «Что...» - а затем хриплый вздох, когда кошмарное создание пожелало пройти через мембрану в поисках следующей трапезы.

К несчастью для Глабро, он не имел особых дарований в части магической импровизации. И пока растерянный волшебник пытался сформулировать заклинание, чудище отбросило в сторону стол и вонзило кошмарные клыки прямо в чародея. Рафаллон, уже добежавший до лестницы в конце коридора и перепрыгивавший через ступеньки со всей возможной скоростью, услышал только вопль и хруст разгрызаемых костей.

Сбежав вниз и уже открывая дверь в задний двор дома, он услышал за спиной хлюпающее урчание монстра, появившегося наверху. Он распахнул настежь дверь и бросился наутек по переулку, не забыв захлопнуть за собой створку. Несколько мгновений спустя за спиной послышался скрежет петель, вырванных из гнезд. Рафаллон прибавил скорость - вору бегать не привыкать. Его часто преследовали, и отчаянные погони являлись частью карьеры похитителя чужого имущества, но с таким чувством он бежал впервые.

Особняк Глабро находился на вершине холма, спускавшегося к городским воротам и к дороге на Карбингдон. Вор летел над мостовой, изредка перепрыгивая попадавшие мраморные ступеньки, пока не выскочил к месту, где дорога выходила на небольшую площадь. Здесь таможенники досматривали приезжавшие фургоны, а стражники задерживали нищевродов.

Выскочив на площадь, он не стал оглядываться: когти людоеда лязгали по брусчатке прямо за его спиной; тварь уже догоняла его. Он увидел, как сгрудившиеся возле ворот воины поворачивают головы к человеку, мчавшемуся к

ним с воплем: «Чудовище! Чудовище!».

Выражения на их лицах мгновенно переменялись, когда они заметили тварь. Рафаллон никогда не питал особой симпатии к разного рода страже - интересы ее и вора почти всегда противоположны, - однако поклялся хотя бы раз тепло подумать об этих людях, которые выставили вперед оружие и образовали надежную линию, сквозь которую он прополз между их ног.

Алебарды замедлили продвижение кошмара. Чудище вздыбилось на задние лапы и с ревом и рыком бросилось на острия копий. Пробежав через ворота, Рафаллон позволил себе остановиться на достаточно долгое мгновение, чтобы оглядеться. Пушкари разворачивали одно из орудий, стоявших за зубцами парапета, и обращали его ствол вниз, к площади.

Не успел он сделать еще десяток шагов, как за спиной его грохнула пушка, почти сразу же раздался взрыв. После этого рык и рев смолкли, оставив лишь ропот голосов на площади. Рафаллон не стал останавливаться; случай с этим вурдалаком повлечет за собой неудобные вопросы. Он преодолел еще несколько миль до перекрестка дорог, возле которого находилась знакомая ему гостиничка, и потратил там золотую фасолину на ужин и ночлег.

Утром он вернулся в город, однако постарался обойти ворота стороной. Избрав особый маршрут и воспользовавшись принятыми в Гильдии методиками, он направился прямо к дому, в котором находилась его кладовая. Он залег в своем логове на все утро, однако не увидел никаких признаков, что его дом представляет собой объект интереса для кого бы то ни было, кроме него самого.

Наконец он отправился на прогулку. И возвращаясь обратно, отметил, что почти незаметный волосок, который он приклеил между дверью и притолокой, остался на месте. Войдя внутрь, он также не заметил даже следа вторжения на свою территорию.

Посвистывая, он подхватил мешок с отобранными у Фиронделя редкостями и по тайному коридору спустился в свое хранилище. Открыв большую дверь, он обнаружил, что в помещении ничего нет. Хуже того, его вдруг бросило в полный мрак, в котором бушевал ревуший ветер. Когда шум прекратился и вокруг вновь воссиял свет, он обнаружил, что оказался в месте, которое прежде видел только снаружи: в штаб-квартире древнего и достопочтенного Совета волшебников и тавматургов.

Он осмотрелся по сторонам, но среди занимавших ряды фигур не оказалось тех, кто был бы настроен дружелюбно. Начались расспросы и средства побуждения к подробным и точным ответам.

Рафаллон придерживался достоверной версии: всю операцию спланировал

Глабро, завидовавший и Хердеванту, и всем своим более удачливым коллегам. Сам же он в качестве вора был простым наемным работником и не имел никакого представления о тех заклинаниях, которыми волшебник превосходил защитные меры. Он не стал упоминать про Демиурга и его мастерскую.

В итоге, если ему и не удалось добиться полного доверия, то и полного недоверия удалось избежать.

- Что же нам с ним теперь делать? - проговорил Жаж Оптимальный, нынешний глава Совета. Последовало несколько предложений, каждый раз повергавших Рафаллона в трепет. И через какое-то время он прервал обсуждение.

- Делайте со мной все, что угодно, - смиренно попросил он, - только не то, чем грозил мне Глабро в случае плохой работы.

Жаж посмотрел на вора, как птица, углядевшая червяка.

- И чем же он тебе грозил?

Рафаллон заученным тоном воспроизвел:

- Радостное Изнурение Икстликса, Нисходящее Фламбё Чанта плюс заклинание, отсылающее меня в пустыню.

- Все три сразу? - переспросил тощий, как призрак, тавматург. - Ничего не получится. Флюксии не гармонируют.

Вор недоуменно пожал плечами, демонстрируя свою неспособность быть арбитром в этом вопросе.

- Знаю только, что он рассказывал мне, как у него однажды это получилось... с жуткими такими подробностями. До сих пор мороз по коже.

- Гм-м, - задумался Жаж. Подойдя к одному из книжных шкафов, стоявших в палате Совета, он принялся водить пальцем по плотным рядам корешков, выискивая нужный том, - У Хердеванта были собственные соображения относительно синтеза...

Нащупав понадобившуюся книгу, он раскрыл ее:

- Ну, если это мог сделать Глабро... - Он умолк, провел пальцем по странице, улыбнулся жесткой, подобающей магу улыбкой. - Так как ты говоришь: Радостное Изнурение Икстликса, Нисходящее Фламбё Чанта и отсылающее заклятие?

- Нет-нет! - возопил Рафаллон. - Что угодно, только не это!

Перевел с английского Юрий СОКОЛОВ

© Matthew Hughes. Wearaway and Flambeau. 2012. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Fantasy and Science Fiction» в 2012 году.

ФРЕД ЧАППЕЛЛ

ЛАБИРИНТ ТЕНЕЙ

ФРЕД ЧАППЕЛЛ

ЛАБИРИНТ ТЕНЕЙ

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

I.

- Так ты говоришь, - медленно произнес маэстро Астольфо, - что вы с Мутано побывали в замке барона Рендига и разместили в коридорах, холлах, на лестничных пролетах, в погребах и кладовых десятки охранных теней-иллюзий. Ты уверен, что теперь ни один вор не сможет пробраться в секретную комнату в глубине замка и забрать предмет, который вы там оставили. Ты даже готов был поставить золотой, что это никому не удастся. Я ничего не перепутал?

- Нет, маэстро, - сказал я.

- И ты, конечно, хорошо помнишь, как выглядела драгоценность, которую ты своей рукой положил на столик в самом центре этой темной маленькой комнаты?

- Да, господин. - Я на мгновение прикрыл глаза. - Это было серебряное кольцо с ониксом, ограненным в виде овальной таблички и вставленным в оправу из серебряной скани.

Астольфо шагнул к двери малой библиотеки, где мы с ним находились, и широко ее распахнул. На пороге стоял высокий, невероятно худой старик с длинным узким лицом и редкой седой бородой. В правой руке он держал достававший ему до плеча посох из гладкого, посеревшего от старости дерева, левая лежала на плече совсем юной бледной, как луна зимой, девушки или даже девочки. На вид ей нельзя было дать больше четырнадцати. Оба были одеты в поношенные, просвечивающие от ветхости накидки, в которых ходят нищие. Девочка явно мерзла и переступала с ноги на ногу. Выражение ее лица показалось мне каким-то странным - отсутствующим и тоскливым одновременно. Это ощущение усиливалось благодаря большим, темным глазам, которые на ее бледном лице казались огромными. Взгляд девочки тоже был странным и малоподвижным, он подолгу задерживался на окружающих предметах, словно она изо всех сил пыталась постичь их предназначение.

- Ты уже слышал от меня о моем старинном друге синьоре Вельо, который обладает замечательным даром исцелять умственные и душевные недуги и не отказывает ни богачам, ни беднякам, - сказал Астольфо. - Я уже рассказывал тебе о множестве добрых дел, которые он совершил в нашем городе, не требуя за это никакого вознаграждения. Не сочти за труд, друг Вельо, покажи моему работнику Фалько свой маленький трофей.

При этих словах девочка стряхнула с плеча руку старика и, шагнув вперед, остановилась передо мной, глядя мне прямо в лицо своими огромными глазами. Вельо тем временем полез в рукав накидки и извлек оттуда какой-то небольшой

предмет, который и протянул мне на раскрытой ладони. Бросив мимолетный взгляд на его лицо, я с удивлением заметил, что его глаза устремлены куда-то мимо меня. Глаза у него были серыми и ясными, но они ровным счетом ничего не выражали. Старик был слеп.

- Скажи, Фалько, - осведомился маэстро вкрадчивым тоном, - не это ли кольцо вы с Мутано спрятали в замке барона Рендига?

Заранее зная ответ, я перевел взгляд на предмет, лежащий на ладони слепца.

- Во всяком случае, это кольцо очень похоже на то, маэстро, - пробормотал я.

- Посмотри внимательнее. Возьми его в руки, не бойся... Я хочу, чтобы ты сказал мне точно.

Я вздохнул и взял кольцо с ладони старика, прекрасно понимая, что весь этот спектакль Астольфо разыграл с одной единственной целью - ткнуть меня носом в мои ошибки. Если бы кольцо было другим, в подобном вступлении не было бы никакого смысла.

- Да, кольцо то же самое, - подтвердил я. - Я уверен.

- Но как это может быть?! Ведь вы с Мутано заверили меня, что сплетенный вами лабиринт не сможет преодолеть ни один злоумышленник. И тем не менее синьор Вельо говорит, что вошел в замок, проник в потайную комнату, взял кольцо и вернулся обратно... Разве не так, друг мой? - Астольфо повернулся к слепцу.

- Все так и было. -- Голос синьора Вельо оказался твердым и сильным.

- Ну, Фалько? Как ты это объяснишь?

Тени могут ввести в заблуждение человеческие глаза. Должно быть, синьор Вельо, будучи слеп, сумел развить в себе способности, которые помогли ему избежать наших ловушек. Обычные воры...

- Обычные воры означает зрячие?

- Ну да, - кивнул я.

- Но разве не может человек с нормальным зрением натренировать себя так, чтобы овладеть теми же способностями, что и наши гости? В этом случае он тоже сумеет пробраться сквозь ваш лабиринт.

- Это возможно, - признал я после небольшой паузы. - Но это будет очень нелегким делом, которое потребует долгих и упорных тренировок. Вору понадобится огромное терпение, чтобы добраться до вожаемого сокровища.

- А как тебе кажется, ты и твой друг Мутано смогли бы развить в себе такие способности?

- Мутано не появляется на вилле уже второй день, - напомнил я. - Что касается меня, то будь достаточно времени и точные указания, я, пожалуй, смог бы овладеть этим искусством, хотя, разумеется, и не в такой степени, как почтенный

синьор Вельо. Он, как мне кажется, лишился зрения много лет назад, и поэтому...

- Всего три года, - перебил старик. - Но я думаю, подобный опыт вряд ли придется тебе по вкусу.

- Давайте проведем испытание, - сказал Астольфо. - Подойди поближе к синьору, Фалько, чтобы он мог тебя, гм-м... обследовать.

Я шагнул к слепцу, и он быстро провел своими сухими, легкими пальцами по моему лицу и по рукаву серо-коричневого камзола. Наконец его рука коснулась моей правой кисти и тут же отдернулась. На все это у старика ушло не больше десятка секунд.

- Расскажи, что ты узнал о Фалько, - попросил его Астольфо.

- Твой работник - взрослый и сильный мужчина, - сказал Вельо, - хотя он уже не так молод, как ему представляется. Он коротко стрижет бороду, чтобы не была заметна седина. У него крепкие мускулы, что свидетельствует о регулярном участии в полевых работах, да и некоторые слова он до сих пор выговаривает на деревенский манер. Еще твой работник любит наряжаться в дорогое платье - только Гамбе Гассерта, лучший городской портной, шьет камзолы из ткани с таким плотным переплетением нитей. Впрочем, несмотря на привычку роскошно одеваться, Фалько предпочитает проводить время в дешевых тавернах и пивных, о чем свидетельствуют въевшиеся в ткань запахи. Держится он свободно и уверенно - я не слышу, чтобы твой работник шаркал ногами или щелкал пальцами. Из этого я делаю вывод, что он хороший фехтовальщик...

- Что скажешь, Фалько? - обратился ко мне Астольфо.

- Все сказанное вашим другом справедливо, - признался я.

- Можешь рассказать о нем что-нибудь еще? - Маэстро снова повернулся к своему слепому приятелю.

- В том, как звучит его голос, мне чудится некое противоречие. На первый взгляд, Фалько разговаривает уважительно и любезно, но в его интонациях слышится насмешка. Можно подумать, что, с одной стороны, этот человек страстно желает овладеть знаниями и умениями, которыми владеет его господин Астольфо, а с другой - все еще сомневается в их ценности.

- Фалько?..

- Мне неоткуда знать, насколько прав уважаемый синьор, - ответил я. - Но я не стану опровергать его слова. Кое-что из сказанного им повергло меня в смущение. Вероятно, синьор в чем-то прав, просто я еще не готов это признать.

- Очень хорошо. - Астольфо кивнул. - А теперь верни мне кольцо, парень, пока снова его не потерял.

Я молча отдал ему украшение, гадая, зачем Астольфо понадобилось рисковать

столь ценной вещью просто для того, чтобы указать мне на промах.

Тем временем маэстро сделал несколько шагов по комнате и остановился у большого кожаного кресла, стоявшего возле камина. Слегка приподняв плечи, он несколько раз сжал кисти рук, потом спрятал кольцо во внутренний карман камзола.

- Наши гости любезно согласились отужинать с нами, - сказал Астольфо, - так что вам, пожалуй, стоит познакомиться поближе. Вельо я знаю много лет. Мы вместе участвовали в нескольких приключениях, и я многому у него научился. Мой друг - человек безукоризненно честный и в высшей степени талантливый, в чем, я думаю, ты уже убедился. Что касается помощницы синьора Вельо, то мы зовем ее Сибиллой - по имени его дочери.

Старик коротко, с достоинством поклонился. Сибилла, по-прежнему не отводя взгляда от моего лица, чуть присела в неловком реверансе. Я тоже поклонился, но потом вспомнил, что старик все равно не сможет этого увидеть, и пробормотал несколько подходящих случаю вежливых фраз.

- Было бы неплохо, если бы Мутано тоже присоединился к нам, - сказал мне Астольфо. - Я уверен, что вы оба могли бы многому научиться у наших гостей.

- С сожалением, я не знаю, где он сейчас, - ответил я. - Мутано отсутствует уже второй день. По всей вероятности, занят какими-то делами личного свойства, и...

- До ужина еще целых шесть часов, - возразил Астольфо. - Попробуй разыскать своего друга, а я распорядюсь, чтобы слуги проводили наших гостей в их комнаты, и попытаюсь договориться с этим вздорным ворчуном, нашим поваром, насчет ужина. Как я понимаю, друг Вельо, ты по-прежнему воздерживаешься от мяса?

- Я действительно ем мало и вкушаю только растительную пищу, - кивнул старик, - но Сибилла, мне кажется, устала от трав, корней и бобов, ей не повредит что-нибудь более питательное.

Сама Сибилла никак не отреагировала на эти слова. Все время, пока мы беседовали, она неотрывно смотрела на меня и на Астольфо. Ее взгляд не дрогнул, даже когда старик назвал ее по имени.

- Ну а сейчас меня ждут кое-какие неотложные дела, - сказал Астольфо. - Встретимся за ужином.

С этими словами он быстро вышел из библиотеки. Мгновение спустя в комнате появилась служанка, которая должна была отвести слепца и девчонку в восточное крыло виллы, а я отправился бродить по городу.

* * *

На плане город Тардокко несколько напоминает древесный лист, повернутый черенком вверх. В реальности роль черенка исполняет река Дайа, которую питают несколько источников, расположенных далеко на севере, в Мальворианских горах. Дайа течет через центр города. Самые толстые прожилки, которые отходят от главного черенка, - это городские улицы и проспекты, а прожилки поменьше - аллеи, узкие переулки и переходы, по которым запряженные осликами тележки, конные повозки и ручные тачки везут товары, выгруженные в портовых доках, где стоят корабли со всех концов света.

Вдоль верхнего края этого воображаемого листа тянутся ухоженные, обрамленные деревьями тенистые авеню и бульвары. Там на некрутых зеленых холмах стоят виллы и особняки аристократов и городской знати. Они как будто царят над городом, высокомерно поглядывая сверху вниз на кварталы, где живут люди не столь состоятельные.

В районе городского центра оживленные торговые улицы ведут на просторные площади и пьядцо. Почти на каждой из них разбит небольшой парк, где любят гулять влюбленные и гувернантки с детьми. Парки считаются украшением нашего города, за ними тщательно ухаживают и берегут.

Южная часть города примыкает к изогнутой дугой гавани. Это район подозрительных забегаловок и пивных, рай для моряков и наемных солдат. Здесь сосредоточены площадки для петушиных и собачьих боев, арены для боя быков, публичные дома, блошинные рынки, склады, пакгаузы и винные погреба. Узкие, кривые улочки кишат карманниками, мошенниками, проститутками, попрошайками, фокусниками, ворами, бандитами, пьяными солдатами и их девками.

К западу от городского центра расположен еще один утопающий в зелени обширный квартал, где селятся преуспевающие купцы, ростовщики и богатые ремесленники. Именно там и находится вилла маэстро Астольфо, которая ничем не уступает особнякам винных торговцев, ювелиров и военачальников. Порой я не без удовольствия думаю о том, что вилла моего хозяина построена на доходы от торговли тенями. Просто поразительно, как столь осязаемое материальное богатство может вырасти из столь тонкой субстанции. Между тем истина заключается в том, что именно благодаря людям, громогласно заявляющим, будто тень является чем-то неосязаемым, не стоящим внимания, наши сундуки наполняются золотыми и серебряными орлеными империалами.

О том, куда мог запропасться Мутано, я имел весьма слабое представление. В последнее время он выглядел подавленным, то и дело впадал в мрачное уныние, хотя когда-то был человеком жизнерадостным и веселым. Я подозревал, что в его

подавленности отчасти повинно наше предприятие по выращиванию теней в Сумеречной Долине, которое отнюдь не процветало, несмотря на все наши усилия. Кроме того, сравнительно недавно у Мутано появились серьезные проблемы с голосом. У нас в силу характера работы хватало врагов и недоброжелателей, которые постоянно интриговали, пытаясь причинить нам вред. В результате одной из их злокозненных комбинаций Мутано и лишился своего человеческого голоса, который врагам удалось подменить кошачьим мяуканьем.

Впрочем, буквально вчера вечером, когда мне пришла в голову фантазия посетить таверну, куда мы с Мутано частенько заглядывали, чтобы посидеть за кружечкой-другой отличного пшеничного пива, я подумал о том, что мой приятель, возможно, вознамерился вернуть себе голос, и этим объясняется его загадочное отсутствие. Когда-то Мутано обладал очень неплохим тенором - музыкальным и чистым, как звук трубы.

По последним сведениям, голос Мутано достался крупному рыжему коту по кличке Санболът. В кошачьем мире он был эталоном хороших манер и безукоризненного воспитания, однако к человечеству в целом Санболът относился с холодным презрением, ставя людей не слишком высоко. Было бы неверным утверждать, будто Санболът имел хозяина, однако мы знали, что этот кот довольно продолжительное время водил компанию с неким хвастливым щеголем, который после столкновения с Мутано потерпел унижительное поражение и был вынужден сделаться отшельником, чтобы вести абсолютно целомудренную жизнь. С тех пор Санболът нам не встречался; мы даже не знали, остался ли при нем чарующий тенор моего приятеля.

Тем не менее, подумал я, Мутано вполне мог отправиться на поиски рыжего кота. Это, однако, было весьма трудновыполнимой задачей, ибо Тардокко изобиловал кошками. Местные жители любили и привечали представителей кошачьего племени, к тому же изобиловавшие укромными уголками улочки и аллеи близ порта буквально кишели крысами, мышами и воробьями. Искать там одного вполне конкретного кота можно было всю жизнь, и все равно шансов найти его не больше, чем обнаружить сапфир чистой воды на лотке уличного старьевщика. С другой стороны, отчаяние часто стимулирует упорство и изобретательность, а я уже заметил, что в последние дни Мутано был как никогда близок к отчаянию. Он буквально не находил себе места, время от времени хрипло мяуча себе под нос, и мог вспылить из-за сущего пустяка.

Кроме того, я знал, что Мутано отнюдь не дурак и не станет бродить по улицам, полагаясь на одно лишь везение. В Тардокко было двое процветающих кошатников, и я не сомневался, что Мутано начнет свои поиски именно с них, а

затем станет расспрашивать других известных любителей и заводчиков.

Предприятие Бротеро находилось неподалеку от Чандлерз-лейн. Коты Бротеро были замечательными крысоловами, специально выведенными и обученными для выполнения возложенной на них непростой задачи. Портовые крысы зачастую вырастают размером с крупного терьера; стая таких существ способна всего за пару ночей уничтожить половину находящегося в трюме корабля груза пшеницы или испортить тюки с драгоценным шелком, а уж во что крысы превращают ларь со сладкими грушами, лучше вообще не думать.

Собаки, конечно, сильнее кошек, но им недостает проворства и ловкости. Ни один пес не в состоянии преследовать крысу, если она заберется на стропила или юркнет в какую-нибудь узкую щель. Какого бы размера ни была крыса, она способна протиснуться в любое отверстие чуть больше замочной скважины, но когда ее загоняют в угол, грызун разбухает, как тесто в квашне. Некоторые особо свирепые крысы не боятся нападать даже на людей. Я слышал: прежде чем броситься в атаку, они скалят зубы и утробно рычат, пытаясь напугать противника.

Но котам Бротеро не может противостоять ни одна крыса, какой бы большой и сильной она ни была, поскольку изобретательный заводчик специально обучает своих питомцев работать в паре или даже действовать стаями, когда крыс оказывается слишком много. Подготовленная кошачья пара состоит, как правило, из крупного, сильного желтоглазого лидера и более легкого и проворного «второго номера», который в ловкости и быстроте может соперничать с горностаем или куницей. Лидеров пары Бротеро именует Воинами, более мелких - Кусаками. Могучий Воин атакует крысу в лоб, более проворный Кусака заходит с флангов и с тыла, так что в конце концов либо тот, либо другой наносят врагу смертельный укус.

В случае, если чей-то амбар, зернохранилище или склад подвергается нашествию крыс или мышей, владелец обращается к Бротеро, и тот устраивает настоящую войну, выпуская в зараженном грызунами здании до дюжины кошачьих охотничьих пар. Спустя какое-то время в здании, включая чердаки и подвалы, не остается ни единого грызуна. Эти почти эпического размаха битвы, сопровождающиеся визгом, рычанием и потоками крови, представляют собой захватывающее зрелище, и Бротеро взимает дополнительную плату с многочисленных зевак, желающих поглядеть на представление, а также держит тотализатор, если кто-то делает ставки.

Впрочем, Санболът, которого разыскивал Мутано, не был достаточно крупным, чтобы Бротеро мог использовать его в качестве лидера пары. Не обладал он также быстротой и проворством, необходимыми для Кусаки. Вряд ли поэтому его

следовало разыскивать среди кошачьего воинства Бротеро, и тем не менее пронырливый заводчик мог что-то о нем слышать. В городе поговаривали, что он знает в Тардокко каждого кота, его родословную и на что тот способен. Некоторые утверждали, будто Бротеро известны даже тайные имена большинства городских котов - те самые имена, которые, будучи придуманы в незапамятные времена какими-то забытыми богами, из поколения в поколение сохранялись в каждом кошачьем роду.

Увы, каковы бы ни были познания Бротеро в этой области, о Санбольте он смог рассказать очень мало и только потирал пальцем свои всклокоченные седые усы, с любопытством заглядывая мне в глаза. Сам котозаводчик был сухим, беспокойным, узкоплечим мужчиной самого хитрованского вида; его характерной особенностью были многочисленные нервные тики, которые заставляли его то подергивать щекой, то поднимать плечи, то притопывать ногой.

- В этом Санбольте, должно быть, все же есть что-то необычное, - поведал хитрый заводчик самым доверительным тоном. - За последнее время меня расспрашивали о нем уже двое. Один из них Мутано, ваш приятель.

- А кто был вторым? - осведомился я. Бротеро дернул плечом.

- Он сказал, что является слугой благородного господина, барона какого-то... Имя я запомнил.

- О чем ты говорил с Мутано? - спросил я.

- Говорил в основном он, и я, признаться честно, едва его понял. Думаю, что человек, который знает котов хуже, чем я, вообще ничего бы не разобрал... Вероятно, этот Санбольт, которого он разыскивал, похитил голос вашего приятеля. Такие вещи иногда случаются с маленькими детьми, но я никогда не слышал, чтобы подобное произошло со зрелым мужчиной. На мой взгляд, вашему другу Мутано сейчас около сорока, не так ли?

- Он разыскивает кота по кличке Санбольт, а я ищу человека, который говорит по-кошачьи. Кроме этого, я о нем почти ничего не знаю и не стремлюсь узнать.

Бротеро хитро усмехнулся.

- Когда ваш друг, о котором вы ничего не знаете, уходил, мне показалось, что он направился к дому Насилии - это через три улицы отсюда. Быть может, там синьору Мутано повезет больше, хотя... Мое ремесло считается почтенным, а то, чем занимается Насилия, больше похоже на вашу профессию... - Бротеро вновь усмехнулся, а может, уголки его губ просто задержались в очередном тике. - Да-да, я отлично знаю, что вы и ваш друг Мутано работаете на этого похитителя теней Астольфо...

- В таком случае, желаю всяческих успехов и дальнейшего процветания, - сказал

я. - И спасибо за сведения.

Но, шагая к дому Насилии, я подумал, что внешность и манеры синьора Бротеро вряд ли подходят человеку, который занимается честным ремеслом. И лицом, и повадками он, скорее, напоминал человека, который срежет у вас кошелек, как только вы отвернетесь.

* * *

Предприятие Насилии представляло собой одноэтажное строение с желтыми, цвета обожженной глины, стенами и крышей, крытой красной черепицей, однако, несмотря на яркие краски, от него веяло чем-то грустным, словно в этом веселеньком домике давно и прочно поселилось горе. Мне, впрочем, приходилось бывать здесь раньше, поэтому я хорошо знал, в чем тут секрет. В этом доме кошек и котов забивали, чтобы добраться до их мускусных желез. Надо сказать, что наше ремесло достаточно тесно связано с парфюмерией, так как именно тени способны придавать различным запахам тончайшие оттенки. Насилия специализировалась на духах с густым, сладким ароматом, для изготовления которых используется природный мускус, и была основным покупателем наших самых плотных теней - от розовато-лиловых до темно-вишневых или черных, как мрак разверстой могилы.

Мне потребовалось немало времени и усилий, чтобы научиться различать тончайшие обертоны запаха. Поначалу я вообще мог определять только основные парфюмерные ароматы и был вынужден часами просиживать в затемненной комнате, приюхиваясь к разлитым в склянки образцам, направляя их запах к своим ноздрям с помощью веера из эвкалиптовых листьев. Прошло несколько недель, прежде чем я узнал, что резкий аромат гвоздики можно облегчить и сделать более тонким, смешав с тенью, взятой из-под расцветающей яблони, и что едва уловимый аромат первой весенней розы можно сделать сильнее, если две недели выдерживать его в густо-лиловой тени, по контрасту с которой духи становятся заметнее.

За эти недели я также многое узнал и о женском характере, лишившись попутно кое-каких иллюзий и заблуждений. К примеру, я убедился, что женщины в возрасте отнюдь не всегда предпочитают сильные и сладкие запахи. Если такая женщина наденет темно-синее платье, она сможет воздействовать на мужчин при помощи легчайших ароматов наподобие запаха белой кашки. И наоборот, если юная дева надевает на себя веселое белое платье с легкомысленными кружевными оборками, для достижения пущего эффекта она может душиться резко

контрастирующим с ее внешним видом парфюмом с выдержанным в пурпурной тени запахом темно-красной розы.

Не исключено, что подобные комбинации теней и запахов сделались предметом самых тщательных исследований в области моды с тех самых пор, когда первая женщина завернулась в первую ткань. Во всяком случае, в библиотеке Астольфо толстые каталоги запахов и теней, различных трав и телесных жидкостей стоят на самых удобных полках, и заглядывать в них приходится достаточно часто. Пожалуй, любой мужчина или женщина, вознамерившиеся посвятить себя работе с тенями, довольно скоро обнаружат, что это ремесло включает не только умение отделять и кроить (точнее, перекраивать), но и правильно сочетать форму и цвет, оттенки и запах.

Дверной молоток в доме Насилии был выполнен в форме бронзового кошачьего хвоста, закрученного кольцом. Я стучал довольно долго, не менее семи раз, прежде чем дверь отворилась. На пороге я увидел высокую, широкоплечую женщину в кожаном фартуке поверх свободного рабочего платья из крахмаленного полотна. Вслед за ней из темноты коридора вырвалось облако запаха - настолько плотного, что, казалось, еще немного, и его можно будет увидеть.

- Ты Фалько? - произнесла женщина полуутвердительно-мелким тоном. Голос у нее был гулким, словно она говорила в пустую бочку для сбора дождевой воды. Когда я признался, что это я и есть, она сообщила, что мой странноватый приятель Мутано уже побывал здесь и, не узнав ничего для себя полезного, отправился восвояси.

- А он случайно не говорил... - начал я.

- Он не говорил, - сурово отрезала женщина, - а я не стала расспрашивать. У меня нет никакого желания иметь дело с похитителями теней. Такие, как вы, - весьма неподходящее знакомство для честной женщины.

- Как вас зовут, честная женщина? - спросил я.

- Маронда, главная помощница госпожи Насилии, известной в Тардокко и далеко за его пределами благодаря своим изысканным духам и благовониям.

- Вот что я скажу вам, честная женщина Маронда, убийца беззащитных кошек... - усмехнулся я. - Негоже закопченному котелку хаять начищенный медный чайник.

- Снаружи-то вы, и верно, начищены да отполированы до блеска, но вот внутри у вас хватает грязи. Знай же, Фалько, что мой младший брат лишился своей тени благодаря такому ловкому вору, как ты. Бедняжка совершенно высох и ослабел, прежде чем я сумела скопить достаточно, чтобы приобрести новую тень взамен украденной.

- А как зовут вашего братца?

- Филеас, но в семье его с самого детства звали просто Филли.
- Он знает, кто украл у него тень, или, может быть, подозревает кого-то?
- Филли считает, что тень у него похитили, когда он сидел в таверне «Двойной ад».
- Если бы вы обратились к маэстро Астольфо, мы помогли бы вашему брату вернуть его тень. Мы частенько оказываем подобные услуги жителям города, и никто пока не жаловался.

Маронда фыркнула.

- Мой брат уже здоров, и все благодаря Асклепию, а не этому твоему прохиндею Астольфо. А теперь проваливай! - С этими словами она захлопнула тяжелую дверь, отрезая поток удушливого мускусного пара, который обволакивал нас на протяжении всего разговора.

Шагая прочь, я мечтал о реке, в которую мог бы погрузиться с головой и смыть с себя запах, который, казалось, повис на моих плечах, словно тяжелый шерстяной плащ. Но поскольку никакой реки в пределах досягаемости не оказалось, я решил заглянуть в находящийся поблизости «Красный жеребец», где знакомый буфетчик по имени Джорджио приготовил бы мне лохань чистой воды и кружку белого вина.

* * *

Джорджио не обманул моих ожиданий. Вернув лохань в кухню, я наконец-то занял место за столиком, с наслаждением вдыхая свежий виноградный букет вина, которое пил крошечными глотками. Я наполовину опорожнил поданную мне большую кружку, прежде чем до меня дошло, что крупный мужчина, сидевший в темном уголке зала, и есть тот самый человек, которого я столько времени искал.

Он, в свою очередь, вовсе меня не замечал. Казалось, Мутано совершенно оторвался от окружающего. Он сидел, погруженный в черную меланхолию, а его разум блуждал где-то в далеких, туманных далях. Когда я поднялся, чтобы подойти к приятелю, он даже не проследил за мной взглядом; его лицо оставалось абсолютно безучастным. А когда я с ним заговорил, он слегка вздрогнул от неожиданности.

- Ах, это ты, Фалько... - пробормотал он на кошачьем языке.
- О чем грустишь, дружище? - спросил я.
- Я устал от этого мира и его извилистых путей. Порой мне кажется, что ничто не сможет пробудить интерес к скучной, однообразной череде будней, которые ведут всех нас к могиле.

- Да, я слышал, - заметил я небрежно. - Все, кого я о тебе расспрашивал, говорили, что ты в печали.

- Ты расспрашивал обо мне?

- Нам с тобой предстоит нелегкая работенка, - кивнул я и вкратце рассказал Мутано о появлении Вельо и Сибиллы. - Похоже, слепой старик действительно давний друг нашего хозяина. Насчет девчонки ничего сказать не могу: раньше я никогда о ней не слышал. Как бы там ни было, сегодня эта парочка будет ужинать с нами.

- У меня есть собственное важное дело, которое я твердо решил довести до конца.

Я кивнул:

- Ты разыскиваешь кота, который завладел твоим голосом. Я расспрашивал о нем в тех же местах, где и ты, и получил тот же результат. Ничего. Никаких следов.

- И все равно я не отступлюсь, - упрямо тряхнул головой Мутано. - От одного звука собственного пронзительного мява у меня кишки в узел сворачиваются. В моих устах это звучит даже хуже, чем когда ты пытаешься разговаривать со мной по-кошачьи.

Я пожал плечами.

- Я уже почти привык к этому языку. В нем есть своеобразная мелодичность, даже музыкальность... Как бы там ни было, нам пора возвращаться на виллу. Полдень давно миновал, еще немного - и начнет темнеть.

- Ты иди, а я не хочу. Передай маэстро мои извинения.

- Один я не пойду, - решительно возразил я. - Маэстро Астольфо и без того сердится на нас за то, что мы не сделали нашу работу в замке как следует.

- Ты имеешь в виду замок барона? - Кажется, Мутано всерьез удивился. - Но как это может быть? Мы все так хорошо спланировали... Когда мы уходили, там все было в порядке.

- И тем не менее этот Вельо прошел через наши лабиринты, тупики и ловушки с такой легкостью, словно это была всего лишь паутина, которая рвется от легкого прикосновения.

- Ладно, - сказал Мутано и тяжело поднялся. - Я обязательно должен посмотреть на этого слепого синьора.

* * *

За ужином Мутано выглядел намного бодрее, чем в «Красном жеребце». Когда я

встретил приятеля в таверне, его неряшливая одежда вполне соответствовала раздерганным мыслям и чувствам, но сейчас он был умыт, тщательно причесан и одет в новенький темно-зеленый камзол, которого я раньше на нем не видел. Я, впрочем, тоже потратил немало времени, чтобы привести себя в порядок и смыть с кожи и волос привязчивый мускусный запах, которым буквально пропитался за несколько минут разговора с Марондой.

На еду я обращал минимум внимания, поскольку на столе сегодня не было ни мяса, ни рыбы, ни птицы. Совершенно машинально, не чувствуя вкуса, я отправлял в рот овсянку, бобы, три вида каш, какие-то салаты и ломтики безвкусного сыра: В вине, впрочем, недостатка не было, и мы с Мутано отдали ему должное, то и дело подливая себе в кубки из фляг и графинов. Вельо и Сибилла пили только воду. Ели они тоже мало, причем их манера держаться за столом напомнила мне цаплю, которая охотится за рыбой: в течение какого-то времени оба сидели неподвижно, потом вдруг протягивали руку к той или иной миске или блюду, хватая угощение пальцами. Я понимал, что для слепца подобный способ брать пищу был, наверное, самым удобным, но Сибилла отчего-то действовала точно так же.

Поначалу мы почти не разговаривали, и если бы Астольфо не вздумалось развлечь нас длинной историей о принцессе, которая одолжила свою прекрасную тень некрасивой фрейлине, в просторной обеденной зале, украшенной карминными драпировками и свечами в затейливых серебряных канделябрах, могла бы установиться неловкая тишина. Но и маэстро в конце концов замолчал. Словно стремясь заполнить возникшую паузу, Мутано с удвоенной энергией атаковал винные запасы, и тут Сибилла вдруг сказала:

- Бесполезно. Вино не смоет из памяти лицо возлюбленной.

Эти слова, несомненно, относились к моему приятелю. Он, однако, ничего не ответил, только взглянул на эту худую девочку так, словно она вдруг швырнула в него один из стоявших на столе подсвечников. Сибилла не отвела глаз и лишь пристально смотрела на него исполненным печали взглядом.

Я насторожился. Девчонка была права. И как я сам не подумал, что уныние Мутано может происходить от того, что он влюбился в очередную красавицу, не имея возможности поведать ей о своей страсти, не говоря уже о том, чтобы живописать свои чувства при помощи стихов и серенад, как это было у него в обычае. Мой приятель часто влюблялся в женщин прекрасного облика и безупречного воспитания, наделенных к тому же тонким вкусом и склонностью к различным искусствам. Каждой новой возлюбленной он поклонялся с той же самоотверженной страстью, с какой поклоняются Луне или Весенней Богине последователи их культов, но проходило какое-то время, и Мутано обнаруживал,

что его кумир - обычная земная женщина, мало чем отличающаяся от прочих. Тогда его пламенная страсть сменялась безразличием, а сладостные мечты, которым он самозабвенно предавался днями и неделями, обращались в горький пепел разочарования. На моей памяти Мутано переживал нечто подобное раз семь или восемь - с незначительными вариациями, но наверняка были и другие случаи, о которых он мне не рассказывал.

Сибилла с легкостью проникла в его очередной секрет, и теперь мне стали понятны причины нынешней подавленности Мутано. Я, однако, знал, что мой приятель не остановится, хотя все шансы были против него. Он будет и дальше пытаться вернуть себе похищенный голос, и если ему удастся, Мутано станет, как прежде, преданно и горячо ухаживать за очередной избранницей, обрушивая на ее прелестную головку баллады и сонеты. Он будет посылать ей фиалки и засыпать розами до тех пор, пока какое-нибудь сорвавшееся с ее уст вульгарное замечание или коварный поступок не обнажат перед ним подлинный характер любимой. Тогда мой приятель-здоровяк снова будет сидеть по вечерам один и предаваться унынию, его любовные баллады приобретут саркастическое звучание, а сладостные сонеты превратятся в едкую сатиру.

Я, разумеется, от души сочувствовал Мутано, но, откровенно говоря, каждый раз ожидал наступления этой последней стадии с тайным удовольствием, ибо в сатирических упражнениях приятеля было вчетверо больше остроумия, чем в предшествующей им слащавой любовной белиберде.

- Не беспокойтесь, - ответил я девочке, - мой друг умеет пить. Однажды я сам видел, как он выпил больше дюжины бутылок вина и при этом выглядел совершенно трезвым.

- То, что не проявляется внешне, особенно сильно вредит нам внутренне, - сказал слепец. - Расскажите лучше, как вы с Мутано пытались защитить замок барона с помощью теней.

Я бросил быстрый взгляд в сторону Астольфо, не желая без его разрешения делиться с посторонними секретами нашего ремесла. Маэстро, однако, не подал мне никакого знака.

- Это довольно сложно объяснить, - начал я осторожно. - Гораздо проще показать, но...

С этими словами я поднялся со стула и, взяв в руки подсвечник, поставил его на конце стола, а сам встал между ним и стеной.

- Если человек идет по коридору, имея источник света позади себя, он наверняка постарается свернуть, когда увидит перед собой тень опасного хищника, готового вцепиться ему в горло... - Говоря так, я поднес руки к пламени свечи, сложив их

таким образом, чтобы тень от них падала на стену. Пальцами левой руки я изобразил подобие косматой гривы, а сжатую в кулак правую уткнул в раскрытую ладонь, изогнув запястье таким образом, чтобы тень на стене напоминала оскаленную львиную морду. Одновременно я издал негромкое, но грозное рычание.

Сибилла хихикнула, но Вельо нахмурился.

- Детские игрушки, - сказал он презрительно. - Я, конечно, ничего не вижу, но не сомневаюсь: вы использовали собственные руки, чтобы устроить нам небольшое представление. Но ведь подобная игра теней не способна напугать даже ребенка! Насколько я знаю, матери часто показывают детям что-то в этом роде просто для забавы.

- Не забудьте, синьор, какую важную роль при этом играют обстоятельства, - возразили. - Представьте себе, что вы вор, который крадется по коридору и вздрагивает от каждого шороха, опасаясь, как бы его не поймали. Кроме того, вы находитесь в совершенно незнакомом месте: вряд ли вы когда-нибудь видели этот коридор при свете, не говоря уже о том, что отсутствие освещения многое меняет. Ваши нервы напряжены, чувства обострены до предела: вы до боли в глазах всматриваетесь в темноту и прислушиваетесь к каждому подозрительному шороху. И вдруг на стене перед вами возникает тень льва!.. В вашем состоянии очень легко обмануться.

Я согнул запястье так, что львиная голова на стене слегка приподнялась, потом повернул - и тень опала. Раздался глухой стук - словно по дереву колотили каким-то тяжелым предметом, и лицо девочки удивленно вытянулось.

- То, что вы приняли за тень зверя, в действительности может быть тенью любого неодушевленного предмета, например резного дверного молотка, - пояснил я.

- Это ваш друг Мутано стучал по столешнице? - догадался Вельо.

- Верно, - согласился я. - И все же на вашу спутницу нам удалось произвести впечатление, пусть и не очень глубокое, - ответил я.

- Способность Сибиллы видеть ставит ее порой в невыгодное положение, - заметил старик. - Зрение уже не раз ее подводило.

- Если бы все люди в мире были такими, как ты, друг Вельо, - подал голос Астольфо, - мы сейчас не сидели бы за этим столом. Никто не покупал бы мои товары и услуги.

- Разве древние философы не утверждают, что большинство людей на самом деле слепы и бессмысленны? - проговорил Вельо.

- Мудрецы склонны указывать окружающим на их недостатки, - возразил

Астольфо. - И чаще всего они обвиняют в слепоте и глупости именно тех, кто не разделяет их взгляды.

Тут мне на ум пришла одна мысль, которая показалась интересной.

- Быть может, - предложил я, - синьор Вельо соблаговолит отправиться с нами в замок Тила Рендига? Там он сможет указать нам на ошибки, которые мы допустили, пытаясь обезопасить сокровище барона. Кстати сказать, мы с Мутано не видели в замке ничего достаточно ценного, если не считать кольца, которое мы сами же и оставили... А сейчас поговорим о чем-нибудь другом.

- Я думаю, мы могли бы насладиться музыкой, - согласился Вельо. - У Сибиллы исключительный голос, и слух тоже.

- Что ж, давайте послушаем, - кивнул я. - Какие песни ты знаешь, дитя? - спросил я у Сибиллы.

- Мне известны пять баллад, - ответила она. - «Страдание верного рыцаря», «Баллада о несправедливо повешенном», «Королева, которая хотела, но не могла» и «Песнь о том, как Джейсон вернулся из Выжженной земли».

- А пятая? - спросил я.

- Пятую я никогда не пою и надеюсь, что мне никогда не придется этого делать.

- В таком случае, спой нам что-нибудь на твой выбор.

И она запела очень красивым, высоким голосом, похожим на звучание серебряной струны:

- О Джейсон, прекрасный скиталец морей, красивей тебя в мире нет...

Далее последовали все сорок с лишним куплетов, которых вполне хватило, чтобы мы успели закончить ужин и разойтись по своим спальням.

II.

Задание, которое мы с Мутано выполняли в замке барона, отличалось от нашей повседневной работы и масштабами, и значительно большей сложностью. Одно дело - украшать тенями внушительный бюст синьорины Миллифьоре, делая его еще более соблазнительным и пышным, и совсем другое работать с обширными пространствами залов и коридоров, со стенами и потолками, а также с полами, которые, к слову сказать, доставили нам наибольшие хлопоты. Мы скрупулезно обследовали все лестничные пролеты, дренажные канавы внутреннего двора, просторные кухни и пустующие конюшни и даже оба колодца, куда Мутано спускал меня на веревках. Столь же внимательно мы осмотрели и мрачные залы верхних

этажей, а потом поднялись на пыльный и пустой чердак, где гнездилась пара красных сов. Мы побывали во всех подвалах и кладовых, во всех закоулках и тупиках и везде делали подробные заметки, даже рисовали планы наиболее сложных для работы помещений.

В замке барона были три потайные комнаты. Тесные, темные, неприбранные помещения без окон, почти совершенно лишенные какой бы то ни было обстановки. Одна из них находилась в сыром подвальном коридоре; ее ветхая дубовая дверца выглядела так, словно она ведет в крошечную кладовку, которой давно не пользуются, однако изнутри дверь была укреплена проклепаным стальным листом.

Сама потайная комната была едва ли больше, чем камин в библиотеке Астольфо. В центре обретался небольшой, но крепкий стол, а рядом - прочный табурет. На столе ничего не было, но в стенной нише напротив стоял простой оловянный подсвечник. Его чашечки были пусты, но рядом валялись три грязных свечных огарка, кремень, огниво и трутница.

На втором этаже находилась еще одна потайная комната, мало чем отличавшаяся от первой. То же было и на третьем. Двери, ведущие в эти комнаты, также выглядели вполне обычно, но изнутри были укреплены железом, словно старые столы и свечные огарки являлись невесть какой ценностью.

Да, чуть не забыл... В каждой из трех потайных комнат в самом темном углу стояло по глиняному блюдечку. Мутано поднес одно из них к носу и понюхал.

- Сливки, - сказал он.

Таков был замок, который нам предстояло защитить от воров и других нежелательных гостей, превратив его с помощью размещенных в ключевых местах теней в недоступный для непосвященных лабиринт. По какой-то причине барон Рендиг не захотел поставить здесь стражу. Вероятно, он ценил неведомое сокровище столь высоко, что не доверял ни единой живой душе и не хотел, чтобы какой-то человек постоянно находился вблизи него. Однако все хитроумные охранные приспособления - люки-ловушки, натянутая поперек коридоров проволока, подвешенные в арках и проемах секиры - оказались столь же неэффективными, как и созданный нами лабиринт.

- Что ж, давайте начинать, - сказал слепец и направился напрямиком к крутым каменным ступенькам, которые вели в один из подвальных коридоров. Он двигался так быстро, что мне пришлось почти бежать, чтобы не отстать от старика.

Я, кажется, уже упоминал, что мы с Мутано проделали большую и сложную работу, способную запутать и сбить с толку кого угодно, и изрядно гордились делом своих рук. Мы сплетали из теней хитрый узор, а сверху накладывали еще тени, так

что любой вор - разумеется, если он зрячий и привык доверять собственным глазам - непременно попался бы в одну из замаскированных ловушек. Их в замке хватало, и все они были опасными. Так, вытянутая тень, которая для любого зрячего человека выглядела как арка, вход в очередной коридор, могла обернуться провалом, ведущим в глубокий каменный мешок. Переход на внутреннюю галерею в действительности не существовал, а любой шаг в ее направлении вел в неогражденную перилами пустоту атриума. Светлый прямоугольник на полу перед дверью главной опочивальни на самом деле представлял собой замаскированное тенями наклонное зеркало, поэтому любая попытка войти в «спальню», закончилась бы падением с крутой лестницы, на каменных ступенях которой легко можно было свернуть себе шею.

Но, пожалуй, больше всего мы гордились ловушкой, которая выглядела как легкая, слегка колышущаяся от легкого сквозняка газовая занавеска на стыке двух коридоров. В действительности это была чуть волнующаяся тень, которую мы взяли с поверхности потока под одним из городских мостов и укрепили рядом с трубой водостока, заканчивавшейся в каменистой дренажной канаве двумя этажами ниже. Любой шаг через эту воображаемую арку означал падение с большой высоты и неминуемую, весьма болезненную смерть.

В темных углах и в коридорах, в кладовых и на галереях замка мы разместили немало других смертоносных иллюзий, но Вельо и Сибилла преодолели все препятствия целыми и невредимыми и, кажется, даже ни разу не замедлили шага. На наших глазах слепец отыскивал потайные комнаты одну за другой и, подойдя к стоящему в центре столу, на ощупь находил табурет и сел.

- Я чувствую запах свечного сала, но на этом столе нет подсвечника, - сообщил он.

- Подсвечник с четырьмя огарками находится позади вас в стенной нише, синьор, - сказал я.

- Ну да, ну да...

- Пожалуй, на этом наш эксперимент закончен, - подвел я неутешительный для нас с Мутано итог. - Не желаете ли вернуться на виллу, синьор?

- Пожалуй, - согласился Вельо. - Откровенно говоря, я немного устал.

Я действительно думал, что нам больше нечего здесь делать, однако когда мы покидали внутренний двор замка, Мутано вдруг издал коротенькое «мур-р-р» и, круто обернувшись, поднял голову, чтобы посмотреть на одну из ограждавших его стен. Проследив за его взглядом, я увидел на каменном ограждении стены крупного рыжего кота, который внимательно смотрел нам вслед. Мой приятель ответил столь же твердым и пристальным взглядом, потом быстро отвернулся и, шагнув

вперед, поспешно закрыл широкие въездные ворота замка. Должно быть, сказал я себе, эта огромная рыжая тварь и есть тот самый Санбольт - кот, который по прихоти случая сделался обладателем истинного голоса Мутано.

О своем открытии я, впрочем, предпочел помалкивать. Мне хотелось, чтобы приятель сам заговорил об этом - если, разумеется, он сочтет нужным. Момент был подходящим: мы сидели в восточном саду виллы под раскидистым падубом и задумчиво жевали стебельки травы, поскольку наш упрямый повар Ират отказался открыть нам кладовую, где хранились запасы молодого пива. Вельо и Сибилла удалились в свои комнаты, как только мы вернулись на виллу: старик сказал, что нуждается в отдыхе, и девочка повела его в гостиные покои.

- Наш лабиринт все еще остается эффективным, несмотря ни на что, - сказал я Мутано на кошачьем языке. - И доказательство этому я вижу в том, что в замке до сих пор нет слуг. Астольфо еще не передал Рендигу план ловушек, а без плана камердинеры, повара и лакеи барона будут проваливаться в каменные мешки и сыпаться с лестниц, словно перезрелые каштаны.

- Может быть, он намерен жить в замке один, - возразил Мутано. - Барон утверждает, что у него нет близких родственников. Кроме того, мне показалось: он до того боится потерять свое сокровище, что не потерпит присутствия рядом еще какого-то человека, будь это хоть родственник, хоть самый доверенный слуга.

- Довольно необычная ситуация, ты не находишь? - спросил я. - Честно говоря, мне ужасно любопытно, что это может быть за сокровище. Что может оказаться для барона настолько ценным, чтобы он готов был пожертвовать целым замком, лишь бы сохранить свой секрет?

Мутано слегка пожал плечами.

- Вероятно, это затрагивает его жизнь.

- Надо бы разузнать об этом бароне побольше. Ты ничего о нем не слышал?..

- Очень мало, - сказал Мутано. - Каждый раз, когда речь заходит о бароне, разговор сразу становится сдержаннее, а многие рты и вовсе закрываются... В темных переулках и аллеях о нем, разумеется, кое-что знают, но люди явно боятся... Говорят, у барона есть своя собственная дружина, которая подчиняется только его приказам. Никто из них не веселится в городе в одиночку, к тому же солдаты барона никогда не разговаривают с посторонними.

- Что ж, придется копнуть поглубже. Я, кстати, не прочь узнать, является ли синьор Вельо единственным человеком, способным обойти наши ловушки.

- Кое-что мы можем предположить уже сейчас, - заметил Мутано. - Будучи слепым, он наверняка научился различать разницу в температуре окружающего воздуха, стен и пола. Несомненно, синьор Вельо способен ощущать легчайшее

дуновение сквозняка, которое мы с тобой вряд ли заметим. И конечно, он прекрасно слышит и обладает острым обонянием, а ведь, как мы с тобой знаем, каждая тень обладает собственным запахом.

- Это верно, - кивнул я. - Но и все эти качества вместе взятые вряд ли объясняют, как ему и девчонке удалось пройти сквозь наши лабиринты и ловчие ямы с такой легкостью, будто кто-то держал их за руку и подсказывал, когда и куда нужно свернуть.

Мутано кивнул:

- В замке ты был рядом с девчонкой и не видел того, что видел я. Я шел сзади, и мне было очень удобно наблюдать за этой парочкой. У меня сложилось впечатление, будто именно тень девчонки предупреждала их об опасности. Я отчетливо видел, что каждый раз, когда девчонка приближалась к подозрительному месту, ее тень как бы съеживалась, прижимаясь почти к самым ногам. И каждый раз, когда это происходило, Сибилла сворачивала, причем проделывала это так быстро, что со стороны можно было и не заметить. После этого ее тень снова вытягивалась так, словно источник света находился довольно низко позади девчонки. Я бы сказал, что ее тень вела себя почти как охотничья собака, которая вынюхивает кабаньих след.

- То есть старик получает информацию о правильном маршруте от тени Сибиллы?

- Так я думаю. Поначалу я, правда, решил, что это мне почудилось, но, понаблюдав немного, понял, что не ошибся. Во всяком случае, я не заметил, чтобы эти двое колебались или медлили, прежде чем обойти опасное место. Вот почему заметить их маневры было почти невозможно.

- Что ж, вероятно, ты прав. Насколько я знаю, Тодоу - слепой жонглер с площади Дайя - способен на ощупь отличить одну серебряную монету от другой, даже если они были отчеканены с разницей в час.

- Пока мы шли через замок, я подумал о том, что у поводырей тени выполняют ту же роль, что усы у кота, то есть помогают своим обладателям находить дорогу и огибать препятствия даже в полной темноте. Но и это еще не все. Я не сомневаюсь, что имела место передача сведений...

- Если такая передача действительно происходила, и мы сумеем выяснить ее природу...

Мы немного помолчали, обдумывая наше небольшое открытие.

- В последнее время Астольфо много занимался именно этими проблемами, - сказал Мутано пару минут спустя. - Сдается, у него на уме что-то важное, о чем он пока ничего не рассказывал.

- Если тени способны двигаться независимо от хозяина и источника света и если они обладают начатками разума, значит, их можно заставить подчиняться определенным командам. Только представь, как мы с тобой под руководством Астольфо повелеваем целой армией теней!.. Возможно, маэстро именно затем и отправил нас в замок!

Вместо ответа Мутано вдруг поднялся и медленно двинулся в обход сада. Мне не оставалось ничего другого, как последовать за ним. Я, впрочем, помалкивал, не желая нарушать ход мыслей приятеля. Наконец Мутано снова заговорил - очень тихо, будто обращаясь к самому себе. Срывавшиеся с его губ слова кошачьего языка напоминали негромкое мурлыканье.

- Я абсолютно убежден: если мы сумеем овладеть языком, на котором разговаривают тени, и познаем их образ жизни, мы больше не сможем их продавать и покупать, равно как и изменять по своему произволу их форму и внутреннюю сущность. Подобная жестокость недопустима по отношению к существам, обладающим волей.

- Но своей волей обладают и животные, - возразил я. - И тем не менее мы способны подчинить их себе.

- Не всех, - покачал головой Мутано. - Например, как бы я ни старался, ни лев, ни леопард, ни питон не станут меня слушаться.

- Должно быть, это потому, что ты потерял свой голос, которым теперь владеет этот рыжий Санболът, - сказал я. - Почти два года ты говоришь только на кошачьем языке - вероятно, именно это и заставило тебя внимательнее относиться к братья нашим меньшим.

Мутано остановился и некоторое время молчал, потом произнес на редкость мрачным тоном:

- Ты прав, так оно и есть.

- Кстати, - добавил я, - если я не ошибаюсь, в замке ты видел именно Санболъта.

- Да, это был он, Санболът, - признался Мутано. - Но мне пока неизвестно, остался ли при нем мой голос. Признаться, я очень удивился, когда увидел его в замке. Как-то странно думать, что он бродит по коридорам и пустым комнатам замка, включая кухни и кладовые, где хранится всего лишь кувшин-другой сливок, в полном одиночестве. И тем не менее это, по-видимому, так.

- Но, быть может, его иногда навещает сам барон или кто-то из доверенных слуг? - вставил я.

- Это тоже представляется странным, - признался Мутано. - То есть я хочу сказать: мы ведь знаем случаи, когда целые дома, замки и даже настоящие крепости возводились исключительно для того, чтобы сохранить целым и

невредимым некое сокровище. Принцы, герцоги и прочие представители знати строят их для того, чтобы держать там свое золото, драгоценные камни и другие побрякушки. Вот только я никак не могу себе представить, что же такое прячет здесь барон, тем более что самые защищенные комнаты замка - просто грязные, маленькие каморки, к тому же совершенно пустые. В таких комнатках не сокровища хранить, а крысиное дерьмо!

- Надо будет побывать в замке еще раз, - сказал я. - Только на этот раз мы должны проникнуть в него так, чтобы об этом никто не знал. Заодно можно попытаться забрать у Санболта твой голос, который ему все равно ни к чему.

- Быть может, он действительно ему не нужен, но я сомневаюсь, что Санболт согласится его вернуть, - ответил Мутано и нахмурился.

- Не расстраивайся, - сказал я. - У меня, кажется, появилась идея. Когда придет время, я тебе о ней расскажу.

* * *

Откровенно говоря, у меня возникла не одна идея, а сразу несколько. Они, однако, были довольно тесно связаны между собой, поэтому, чтобы добиться успеха, осуществлять их следовало практически одновременно. Пока я посвящал Мутано в подробности, мой приятель медленно качал головой, а его лицо выражало сомнение:

- Твой план напоминает мне лабиринт, который мы устроили в замке барона.

- Не забывай, что через этот лабиринт с легкостью прошел слепой старик, - напомнил я. - И если мы будем действовать методично и не торопясь, у нас тоже все получится. Для начала ответь мне на один вопрос: если человек утверждает, что в таверне «Двойной ад» у него украли тень, кто может быть похитителем?

- Вообще-то, «Двойной ад» - заведение respectable и добропорядочное, - сказал Мутано. - Правда, иногда туда захаживает Меркурий... Он довольно ловкий парень... если уж Меркурий на кого нацелится, его жертве не позавидуешь... и все-таки это маловероятно. Другое дело, что там идет крупная игра в кости. Новички регулярно просаживают свои состояния, так что шарить по карманам клиентов вовсе не обязательно.

- Я намерен еще раз побывать на котобойне Насилии и поговорить с женщиной, которая охраняет вход, - с Марондой, кажется. Если я скажу, что нашел негодяя, укравшего тень ее брата, и готов назвать ей вора в обмен на склянку наиболее привлекательного запаха, добытого от охотящейся кошки, она, я думаю, пойдет на

значительные уступки. В этом случае склянка с запахом обойдется нам в один серебряный империал или даже в несколько медяков.

- Нет, это не пойдет! - возмутился Мутано.

- Не жадничай. Иначе мы просто не сможем вернуть твой голос. Маронда ни за что не поверит, если мы не продемонстрируем готовность расстаться с небольшой суммой.

- А зачем тебе понадобился кошачий мускус?

- Всему свое время, дружище, - сказал я. - Ну, а пока я договариваюсь с Марондой, ты должен взять самый большой фонарь из нашей ботанической лаборатории, начистить и отполировать внутреннее зеркало и как следует смазать шторы, чтобы они работали без задержек. Мне нужно, чтобы фонарь давал очень яркий и узкий луч, который мы в любой момент сможем включить и выключить, понятно?

- Я сделаю все, как ты сказал, - с сомнением проговорил Мутано. - Но если твой хитрый план, который ты тут плетешь, даст осечку, тебе придется вернуть мне деньги.

- Не сомневайся, верну, - пообещал я.

III.

Большой, совершенно пустой дом всегда выглядит немного странно, и замок барона не был исключением. Пустота и тишина неизменно сообщают чувствам легкую печаль - сродни той, что испытывает молодая жена, чей муж-моряк надолго ушел в плавание. Гулкий мрак просторных комнат и коридоров заставил меня подумать о том, что если кто-то ударит дубинкой по дальней стене, весь замок зазвенит.

Впрочем, заходить в само здание нам было вовсе не обязательно - достаточно пробраться во внутренний двор. Прежде чем мы отправились в путь, я наскоро набросал небольшой план, на котором обозначил место, где надлежало оставить склянку с кошачьим запахом, - под стеной напротив главного входа. Склянку я предварительно завернул в несколько слоев бархата. А мы собирались спрятаться за углом, чтобы кот нас не увидел. Правда, он мог нас почуять, но я надеялся, что запах мускуса помешает ему обнаружить наше присутствие.

Все сработало именно так, как я и рассчитывал. Открыв притертую пробку склянки, мы снова завернули ее в ткань и стали терпеливо ждать. Пролетело

несколько часов, прежде чем в одном из окон замка промелькнуло крупное рыжее тело. Почти сразу мы услышали, как кот мягко спрыгнул с подоконника на плиты двора. Мы не столько видели, сколько чувствовали, как Санбольт подкрадывается к склянке. Как только кот остановился перед свертком, я быстрым движением поднял шторы фонаря. Луч света ударил прямо в Санбольта, и на стене четко отпечаталась его тень. В следующее мгновение Мутано выскочил из-за угла и, сорвав тень кота со стены, спрятал ее в специальный плотный футляр.

Санбольт издал короткий яростный вопль, мало походивший на человеческий, и метнулся обратно в замок. Его тень, однако, осталась у нас, и мы могли вернуться на виллу.

Наша задача была выполнена.

* * *

Плотно перекусив, мы легли спать. На следующий день мы встали довольно поздно и бездельничали почти до полудня. Только после этого вернулись в замок барона и, сев на скамью перед главным входом, стали ждать, пока появится Санбольт.

- Как мы произведем этот обмен? - спросил Мутано.

- Для начала нужно просто поговорить с Санбольтом, - сказал я. - Надо же нам убедиться, что твой голос все еще при нем и не испортился за столько времени. Если все в порядке, мы пообещаем коту, что вернем ему тень, как только он произнесет несколько простых фраз перед раструбом устройства, предназначенного для улавливания голоса.

Устройство это, представлявшее собой небольшой ящик с заключенной внутри спиральной трубкой со множеством мембран, стояло на камнях рядом с нашей скамейкой.

- Никогда не умел торговаться, - признался Мутано.

- Это не торговля, а простой обмен, - сказал я. - Когда-то твой голос уже был заключен в этом устройстве. Убеди кота сказать в него несколько слов, и твой голос снова окажется внутри. Я совершенно уверен, что уже через пару недель ты снова сможешь распевать оды и пылкие серенады под балконами городских красавиц.

- Надеюсь, все будет именно так, как ты говоришь, - вздохнул Мутано.

- Только одно... - сказал я. - Если мы будем здесь вдвоем, кот может испугаться и не подойти, поэтому я пересяду на скамью подальше, а ты попробуй с ним

договориться.

Не успел я закончить фразу, как на противоположной стороне двора появился Санбольт. Он медленно двигался в нашу сторону, то и дело останавливаясь или вовсе присаживаясь и начиная умываться с самым небрежным и независимым видом. Это представление было призвано продемонстрировать, что кот знает себе цену и считает ее высокой.

Я вежливо кивнул Санболту и, отойдя к дальней скамейке, опустил на нее.

Несмотря на то что день выдался солнечным и теплым, а на ясном голубом небе лишь кое-где белели легкие, похожие на обрывки кружев, облачка, атмосфера в просторном внутреннем дворе замка - с резным мраморным колодцем в центре и обещающей прохладу крытой галереей вдоль одной из стен - оставалась унылой и гнетущей, полностью соответствуя мрачному облику замка. Яркие солнечные лучи освещали занятых разговором Мутано и Санболта, так что я отчетливо видел обоих, и все же мне казалось, что я наблюдаю за ними с довольно значительного расстояния, которое к тому же невозможно измерить в шагах или других привычных единицах. Ощущение было таким, словно я наблюдал не за реальными существами, а за героями древней романтической поэмы.

Мой приятель сидел на скамье, слегка подавшись вперед и упираясь локтями в колени. Он смотрел в пространство перед собой и, по-видимому, заметил кота, только когда тот оказался в его поле зрения. Санбольт не делал никаких попыток первым завязать разговор и только не спеша прохаживался из стороны в сторону, то приюхиваясь к каменным плитам, то заглядывая в щели решетки, прикрывавшей дренажную трубу. Эти маневры продолжались довольно долго, но в конце концов кот все же присел перед Мутано и, обвив хвостом передние лапы, посмотрел моему приятелю в лицо.

Я не слышал, чтобы они разговаривали на кошачьем или человеческом языке, однако какой-то обмен мнениями, несомненно, произошел, поскольку спустя какое-то время Мутано согласно кивнул, потом поставил перед котом ящичек с раструбом и, поднявшись, медленно двинулся в мою сторону.

- Ну, договорились? - спросил я, когда он подошел.

- Сейчас нам необходимо уйти, но через час я должен вернуться, - объяснил Мутано. - За это время Санбольт поместит мой голос в наше устройство - или не поместит. С собой я должен принести его тень, тогда и состоится обмен. Или не состоится.

Мы подошли к коновязи и сели в седла. Мутано собирался еще осмотреть прилегающие к замку сады; что до меня, то я отправился прямо на виллу, чтобы как следует поразмыслить о природе и сущности теней - о предмете столь же важном,

сколь запутанном и сложном.

IV.

Мутано утверждал, что именно тень Сибиллы сообщала Велью о том, где на его пути располагаются различные предметы и препятствия и как их можно обойти. Приятель сравнил ее тень с кошачьими вибриссами, которые, прикасаясь к различным объектам, помогают зверьку определить свое положение даже в полной темноте. И все же тень Сибиллы вела себя совсем не так пассивно. В отличие от усов кошки или кота, она как будто постоянно ощупывала пространство вокруг, выискивая опасности, которые могли грозить слепому.

Общеизвестно, что у незрячих людей развиваются отменный слух и обоняние, тончайшие осязание и вкус. Все эти чувства как бы стараются компенсировать своему обладателю неспособность видеть. Возможно, человеческая тень тоже является своеобразным инструментом, с помощью которого слепой способен отыскивать дорогу, но может ли это служить доказательством того, что тень наделена собственным разумом? И если да, то служит ли, скажем, разум моей тени продолжением моих мыслительных способностей или же он принадлежит только ей, не имея никакого отношения ко мне?

Примерно с полгода назад мне в руки попало сочинение одного древнего философа, где тот высказывал странную гипотезу, согласно которой тени действительно обладают разумом. Тогда это предположение настолько меня озадачило, что я решился поговорить о нем с Астольфо.

- Этот старый дурак, должно быть, что-то напутал, - сказал я маэстро. - Ведь если тени наделены свободной волей и способностью мыслить, они вряд ли довольствуются механическим повторением движений и жестов тех, кто их отбрасывает. Несомненно, они попытались бы двигаться самостоятельно и совершать собственные поступки!

- Если тени в самом деле мыслят, - ответил мне тогда Астольфо, - то они, скорее всего, убеждены, будто это наши громоздкие и неуклюжие тела копируют каждое их движение.

- Но как это может быть? - удивился я. - Разве не материя управляет духом?
Астольфо рассмеялся.

- В данный момент тебя терзает нематериальная мысль о том, как хорошо было промочить горло кружечкой эля. И вот уже твое вполне материальное тело

подносит кружку к губам и выливает эль в глотку. По-моему, это как раз тот самый случай, когда тонкое духовное начало управляет грубой плотью.

- Да, но ведь мысль зарождается в мозгу, стало быть она с самого начала соединена с телом. С этой точки зрения, мысль тоже является материальным объектом.

- В таком случае, где же она? Покажи мне этот объект.

- Пустая кружка - вот признак его материальности.

- Если бы все пустые кружки означали мысли, наш мир был бы переполнен мудрецами и философами, - ответил Астольфо. - Твой пример неудачен, Фалько. В данном случае ошибка заключается в том, что ты пытаешься доказать существование духа, указывая на отсутствие материи.

- Эль вовсе не отсутствует, - сказал я. - Просто я его выпил, и теперь он находится в том месте, где может наиболее благотворно подействовать на состояние моего духа.

- Хорошо. Я вижу, что эль не помутил твой разум. Так вот, Фалько, известно довольно много случаев, когда тень действовала по собственному произволу. Говорят, что если тень принадлежит человеку в высшей степени испорченному и злему, то она стремится покинуть своего хозяина. Рассказывают также о тени, которая пыталась прикончить своего обладателя, так как испытывала глубочайшее отвращение к его неправедным делам и поступкам. Одна женщина, жившая в нашем городе, приобрела и несколько лет носила тень, принадлежавшую храмовой жрице, давшей обет целомудрия. В результате - несомненно, под влиянием тени - эта женщина стала вести скромную и беспорочную жизнь. А в одной древней хронике упоминается о воине, чья тень старела быстрее, чем тело; с каждым днем она все больше увядала и в конце концов стала высасывать жизненную силу из своего обладателя.

- Все это просто сказки, - заявил я. - Не станете же вы утверждать, будто в вашей практике тоже бывали подобные случаи?

- Почему же? - спокойно возразил Астольфо. - Однажды меня пригласили в дом, где жила девочка, которую, как считали родные, покинула ее тень. Девочке двенадцать лет; с самого рождения она была хрупкой и болезненной, и на этом основании врач, который пользовал все семейство, пришел к выводу, что тень покинула ребенка, опасаясь за собственное существование, если девочка внезапно умрет. Согласно его гипотезе, тень отделилась от больной, чтобы отправиться на поиски более жизнеспособного хозяина.

- Такого не может быть!

- Совершенно верно. Как мне удалось установить, тень девочки все еще была

при ней, просто она стала столь тонкой и прозрачной, что сделалась почти неразличимой. Сама девочка к этому времени впала в состояние, подобное зимней спячке животных. Я порекомендовал, чтобы ее принудительно кормили и в комнате вместо полутьмы постоянно горел не слишком яркий свет. Вскоре больная пошла на поправку, и ее тень тоже воспрянула.

- Я слышал, в городе есть ученый целитель, который якобы лечит подобные состояния и другие болезни духа.

- Такой целитель есть, - спокойно согласился Астольфо. - И его зовут Вельо. Я его знаю, он честный человек. Быть может, когда-нибудь ты с ним познакомишься. Впрочем, я в любом случае ожидаю, что твой интерес к проявлениям собственной воли теней будет только расти, - добавил маэстро.

И он не ошибся.

* * *

Я думал, что Мутано вернется на виллу, как только подготовленный нами обмен состоится, и он получит назад свой голос, но день почти прошел, наступили прохладные вечерние сумерки, а он все не появлялся. Мне, однако, не пришлось жаловаться на одиночество. Вельо и Сибилла вышли из своих комнат, чтобы насладиться великолепным вечером в саду, где я смазывал шторы полудюжины фонарей.

Высокий и худой старик шествовал по траве лужайки в сопровождении девочки, которая что-то ему нашептывала. Слов я не слышал, но предположил, что Сибилла описывает слепцу сад, пышную листву деревьев и таинственную красоту цветов, мерцавших в последних отсветах уходящего дня. Я предложил обоим присесть рядом со мной на удобной скамье под деревом. Отказываться они не стали. Откровенно говоря, мне не терпелось расспросить старика о странных свойствах Сибиллиной тени - эта мысль пришла мне в голову, как только я увидел их в саду, но в ответ на мой вопрос Вельо только нахмурился и заявил: мол, он понятия не имеет ни о чем подобном.

Тогда я пересказал ему все, что Мутано говорил о сделанных им в замке наблюдениях, но Вельо лишь покачал головой.

- Мне кажется, ваш товарищ ввел вас в заблуждение, - сказала Сибилла.

- Но зачем ему это?

- Возможно, синьор Мутано слишком расстроился, когда мой господин с легкостью преодолел сплетенный вами лабиринт теней. Вот он и выдумал

подходящее объяснение.

- Вряд ли Мутано стал бы что-то выдумывать, - возразил я. - Ведь лабиринт мы создавали вместе, стало быть, и вина за то, что ни одна ловушка не сработала, ложится на нас обоих в равной степени.

- Тогда, быть может, синьора Мутано подвело зрение.

- Зрение у Мутано отличное, - сказал я. - Как и у всех, кто занимается нашим ремеслом.

Синьор Вельо нетерпеливо постучал по земле своим посохом, словно требуя, чтобы мы прекратили пререкаться попусту.

- Меня весьма интересует, - сказал он, - каким способом вы с Мутано сумели доставить в замок такое количество теней.

Тут я подумал, что раз он не захотел открыть мне своих секретов, значит, и я имею полное право не делиться с ним своими знаниями. Не сходя с места, я изобрел сразу несколько совершенно фантастических способов транспортировки теней, поверить в практическую ценность которых мог только полный идиот.

Было уже совсем темно, когда появившийся в саду слуга позвал нас к столу. Ужин прошел в напряженном молчании. Мутано так и не вернулся, и я не торопясь потягивал вино, время от времени поглядывая на слепца и его спутницу, которая была так бледна и тиха, что напоминала привидение. Астольфо также отсутствовал и появился, только когда трапеза была почти закончена. Он буквально ворвался в зал и, упав на кресло во главе стола, потребовал подать бокал сливового ликера, который и осушил одним глотком. Маэстро был чем-то очень рассержен.

- У меня неприятное известие! - объявил Астольфо, слегка отдышавшись. - Я еще не знаю, кто из нас ошибся, однако вариантов немного.

- Что стряслось? - поинтересовался я.

- Кто-то потревожил сокровище, для охраны которого мы создавали наш лабиринт.

Я бросил быстрый взгляд на Вельо и девчонку, но их лица ровным счетом ничего не выражали.

- Я ничего не трогал, - сказал я. - Это правда, и вы об этом знаете. И кстати, что собой представляет это замечательное сокровище? Я, например, ничего ценного в замке не заметил и не представляю, что это может быть.

- Тебе не нужно ничего представлять, потому что ты видел сокровище собственными глазами, - сказал Вельо с мрачной торжественностью, но я уперся.

- Я не видел там ничего ценного, - повторил я. - Проклятый замок практически пуст! В залах почти нет мебели; что же касается потайных комнат, на защиту

которых мы потратили столько сил, . то и в них ничего нет.

- Потайные комнаты не пусты, - все так же серьезно возразил слепец. - Подумай как следует...

- Нечего тут думать, - огрызнулся я. - Стол, табурет, пара подсвечников да несколько свечных огарков - вот все, что там было.

- Свечные огарки... - сказал Астольфо.

- Вы что, смеетесь? - Я разозлился не на шутку.

- Разве в этих комнатах больше ничего не было? - спросил Вельо.

- Ничего, если не считать крысиных какашек, - сказал я. - Кроме того, в углу Мутано нашел пустые блюдечки, в которые наливали молоко или сливки для кота.

- Они тоже играют важную роль, - кивнул старик.

- Важную роль в чем?

- Барон опасается за свою жизнь. Этот страх стал для него навязчивой идеей. Рендиг вообразил, что его жизнь, само его существование прямо и непосредственно связано с одним или несколькими из этих свечных огарков.

- Значит, он считает, что свечу его жизни сжигает кто-то другой? Что ее точат крысы? - Я покачал головой. - По-моему, это очевидные признаки мозговой горячки - болезни, лечением которой как раз и занимается ваш друг Вельо. Если барон сумеет справиться со своими страхами, его мучения прекратятся. Быть может, вам стоит предложить ему свои услуги, синьор? - Я повернулся к слепцу.

- Я не могу его исцелить, - сказал тот. - И не хочу.

В его тоне я различил напряженные, гневные нотки - глубокой личной неприязни, почти ненависти. Вельо старался не выдавать своих чувств, но его подвел голос, внезапно зазвеневший на последних словах. Любопытно было бы узнать, в чем тут дело... Я бросил взгляд в направлении Астольфо, но маэстро сидел неподвижно, и я ничего не смог прочесть по его лицу.

- В таком случае, почему бы нам не собрать эти драгоценные свечные огарки и не отдать барону, чтобы он держал их при себе? - предложил я.

- Тил Рендиг не доверяет никому, - сказал Астольфо. - И меньше всего он доверяет своим слугам и помощникам. Именно поэтому он пожелал защитить замок лабиринтом.

- Барон, похоже, все продумал, - сказал я. - Лабиринт не может защитить свечные огарки от крыс, поэтому он поселил в замке кота по кличке Санболът. Так вот для чего в комнатах стоят блюдечки для молока!

- Объяснить поступки и понять ход мыслей такого человека довольно трудно, - заметил Астольфо.

- Однако необходимо, - добавил Вельо негромко, но твердо.

- Раз вы с Мутано хорошо знакомы с лабиринтом, - сказал, обращаясь ко мне, Астольфо, - вам придется снова отправиться в замок, чтоб собрать все свечные огарки и разыскать любые другие предметы, которые могут иметь сходное значение... и предназначение. Мы станем хранить их у себя, пока не решим, что можно предпринять. Заодно убедитесь, что структура лабиринта осталась прежней - такой, как вы ее задумывали, и что с тех пор ее никто не менял.

- Хорошо, маэстро, - кивнул я, - но сперва мне необходимо отыскать самого Мутано. Возможно, впрочем, что он все еще находится в замке - ведет переговоры насчет своего голоса.

- Это может и подождать, - сказал Астольфо. - Сейчас главное для нас - как можно скорее поместить свечи в безопасное место.

Я снова кивнул.

- Как скажете, маэстро. Мы отправимся в замок завтра же утром. Я все передам Мутано, как только он вернется.

V.

Но Мутано так и не вернулся. В конце концов я все же лег в постель, но на душе у меня было беспокойно. Непродолжительный сон также не принес мне желанного отдохновения: я слегка взбодрился только после того, как тщательно умылся холодной водой и опрокинул кружку светлого пива, заменившего мне завтрак. Отправившись в конюшню, я оседлал коня Мутано и пустился в путь.

Всю ночь мне снились темные коридоры замка и бесшумно скользящий в темноте крупный рыжий кот. Насторожив уши и пригнувшись, он заходил то в одну, то в другую комнату, изредка лакая воду или сливки из глиняных блюдечек. К сожалению, мой сон не давал ответа на вопрос, как кот реагирует на тени, которые мы разместили в замке вместе с Мутано. Во сне я лишь следовал за Санбольтом, словно он был проводником, ведущим меня по незнакомым, опасным местам.

В какой-то момент мне, однако, стало казаться, будто за котом следую вовсе не я, а сам барон. Его черт я не различал, поскольку никогда не видел Рендига наяву, однако был почему-то совершенно уверен, что эта худая, темная фигура принадлежит именно ему. Санбольт двигался в темноте уверенно и совершенно бесшумно, а барон часто, со всхлипом дышал и на каждом шагу спотыкался, хотя в руках у него был оловянный подсвечник с короткой свечой, которую он бережно прижимал к груди. В коридорах замка гуляли сквозняки, и барон прикрывал огонек

ладонью. Я понимал, в чем дело: он не мог позволить пламени погаснуть, но и не желал, чтобы свеча - вернее, оставшийся от нее жалкий огарок - продолжала гореть. Барону отчаянно хотелось жить, и в то же время он стремился к смерти.

Именно этот сон пробудил во мне желание заново осмотреть замок. Привязав гнедого во внутреннем дворе, я беспрепятственно вошел через главные двери и двинулся по длинной, сводчатой галерее.

Замок казался покинутым и пустым. Барон не озаботился поставить здесь охрану, и в залах и коридорах царил гулкая тишина. Пустой и темный замок напоминал огромную гробницу или мавзолей, поэтому я помимо собственной воли старался двигаться как можно тише, ибо даже эхо собственных шагов действовало мне на нервы, вызывая необъяснимый страх.

Но никаких перемен я не заметил. В комнатах и залах все так же теснились странные, угловатые тени, которые мы навели вместе с Мутано, и все так же бежали по коридору иллюзорные световые полосы и пятна, искажавшие истинную планировку коридоров и способные заманить неосторожного вора в яму или другую опасную ловушку.

Однако в двух потайных комнатах, где барон прятал свои сокровища, кое-что изменилось. В пыли по углам и на полках, на которых лежали свечные огарки, я обнаружил крысиные следы - отпечатки крошечных лап и валяющееся рядом дерьмо. По-видимому, Санболът отлучился - быть может, ушел с Мутано по каким-то делам, - и отвратительные грызуны тотчас повыползали из нор и щелей. Оставалось только подивиться тому, какого страха сумел нагнать на крысиное племя Санболът, охранявший целый замок в одиночку. Должно быть, он замечательный крысолов, подумал я, вспоминая свой сон, в котором кот обходил дозором покинутые, темные помещения замка.

Но вторую часть своего сна я пока никак истолковать не мог. Мне снилось, как барон шагает по коридорам вслед за котом, тщательно оберегая от сквозняков пламя, сжигавшее его самого. На одном из перекрестков метнувшаяся из темноты бесформенная тень попыталась было вцепиться в тень вельможи, но та с тонким мышинным писком отпрянула.

Вот тень, обладающая собственной волей! - подумал я, но, увы, все это происходило во сне, а я никогда не верил в истинность сновидений. Я хорошо знал, что иметь дело с тенями - сущностями почти неосязаемыми - очень и очень непросто, и все же в этом не было ничего невозможного. Но чтобы разобраться в снах, считал я, способностей человека недостаточно. Того же мнения, насколько я знал, придерживался и Астольфо, хотя маэстро однажды обмолвился, что сны, мол, часто содержат неявные намеки и подсказки, к которым стоит прислушаться.

Но сейчас я решил в первую очередь разобраться с материями, которые были знакомы мне куда лучше, чем туманные миры грез и видений. Предположим, рассуждал я, тени не обязательно обладать собственной волей, чтобы совершить то или иное действие. Разве не может она находиться под контролем какого-то другого лица - человека, который сумел обучить ее, как охотник натаскивает своих гончих или как Бротеро дрессирует котов? Если тенью Сибиллы на самом деле управлял Вельо, эта тень, конечно, могла бы служить для него удобным поводырем. Но коли подобное возможно, тогда что могло заставить девчонку отказаться от контроля над собственной тенью? Каковы вообще отношения между слепым стариком и его юной проводницей?

Внезапно мне пришло на ум, что говорил о них Астольфо еще до того, как эта странная парочка прибыла на виллу. Он тогда выразился несколько странно: маэстро не сказал «она его дочь» или «ее зовут так же, как его дочь», но «мы зовем ее по имени его дочери». Кроме того, я помнил, как синьор Вельо заявил, что не хочет лечить барона от той тяжелой болезни, которая им, по-видимому, владеет. Интересно, что бы это значило, задумался я. Похоже, именно здесь крылась разгадка, но как до нее добраться, я пока не представлял.

За стеной слышались громкий писк и возня, и я покачал головой.

- Крыс становится все больше, - сказал я себе. - Может, стоит обратиться к Бротеро?

Можно было подумать, что крысы заметили отсутствие Санбольта и поспешили воспользоваться представившейся им возможностью, наводнив замок.

Вернувшись во двор, я взобрался на спину терпеливо дожидавшегося гнедого и не торопясь поехал обратно на виллу, продолжая негромко рассуждать вслух.

VI.

На вилле все только и говорили, что о длительном отсутствии Мутано, но я пока не видел причин волноваться. Мне казалось, что если обмен состоялся и он вернул себе свой замечательный голос, ему наверняка захочется провести некоторое время в одиночестве. Я был уверен, что приятель отправился куда-то в безлюдные загородные рощи или в поля, чтобы попрактиковаться в человеческом языке и, возможно, исполнить на пробу несколько арий. Как только Мутано убедится, что владеет своим великолепным голосом не хуже, чем раньше, он тотчас вернется, чтобы порадовать обитателей виллы своей любимой застольной песней.

Вот почему я очень удивился, когда, шагая по коридору виллы в направлении собственных комнат, услышал знакомое «мр-яяу». Прежде чем я успел отреагировать, Мутано схватил меня за рукав и втащил в пустую гостевую спальню.

- Что это значит?!.. - начал было я, но Мутано прижал палец к губам и плотнее прикрыл входную дверь.

- Мр-яя-уу-ы!

Он по-прежнему говорил на кошачьем языке, и я почувствовал себя разочарованным.

- Значит, ты так и не смог договориться с этим рыжим плутом. Надеюсь, хотя бы тень Санбольта все еще у нас?

Мутано заверил меня, что тень все еще находится у него и что переговоры продолжаются, однако в деле наметился новый поворот. Во время беседы с Санбольтом они коснулись множества разнообразных проблем и обменялись откровенными мнениями, которые ни один из них не решился бы высказать в беседе с представителем собственного вида. Как сказал Мутано, подобная открытость проистекала, по-видимому, от того, что ни он, ни Санбольт не склонны критиковать друг друга, ибо человеческая и кошачья шкала моральных ценностей - равно как и правила поведения в обществе - совершенно не совпадают. Кроме того, кошки о людях не слишком высокого мнения.

Из этого многословного и несколько путаного монолога я понял: мой приятель и кот довольно долго болтали обо всяких пустяках. В конце концов, однако, разговор коснулся и барона Рендига: Мутано удивился, что барон предпочитает строгое уединение. Санбольт приписывал подобное поведение страху, но считал, что главная причина в женщинах. Далее содержание разговора сделалось еще более расплывчатым, так как Санбольт никак не мог взять в толк, почему у людей в основе существования любовной пары лежит право собственности одного человека на репродуктивные органы другого. Не удивительно, заметил по этому поводу кот, что люди размножаются так медленно и плохо - ведь на подбор пары уходит немало времени, да и помет у человеческих самок редко бывает многочисленным.

Кое-что полезное Мутано, впрочем, выяснить удалось. По слухам, циркулирующим в Тардокко как среди людей, так и среди котов, барон был человеком жестоким, а его вкусы и пристрастия отдавали извращением. Говорили, будто по его приказу в городе были похищены несколько девушек и юношей. Свои жертвы он неизменно умерщвлял. По чистой случайности одной из его жертв стал кто-то из родственников Бротеро - то ли его двоюродная племянница, то ли ее жених, то ли еще кто-то. Сам Рендиг об этом даже не подозревал, в противном

случае он вряд ли обратился бы к Бротеро с просьбой продать ему специально обученного кота для охраны замка от крыс. Котозаводчик предложил барону Санбольта, заявив, что этот кот, вероятно, является самым известным и ловким крысоловом не только в Тардокко, но и во всей провинции. Рендиг не стал торговаться, хотя запрошенная Бротеро цена была довольно высокой: барон очень боялся крыс - точнее, боялся, что они могут повредить сокровище, которое он спрятал в замке. Самому Санбольту заводчик велел быть его глазами и ушами; с его помощью Бротеро надеялся узнать, что это за сокровище, но выяснить это коту пока не удалось. Свою работу он, однако, выполнял великолепно. После нескольких жарких стычек крысы старались не попадаться ему на глаза.

- Этот Санболът, по-видимому, считает себя непревзойденным охотником, - сказал я.

- Да, живет он долго, и мой голос вместе с ним, - мрачно отозвался Мутано.

- Но, быть может, у него все-таки есть какие-то соображения относительно того, что представляет собой сокровище барона?

Мутано объяснил, что однажды Санболът видел барона в одной из потайных комнат, где тот возился со старыми и грязными свечными огарками - брал их один за другим и подолгу рассматривал, потом выкладывал перед собой на столе и о чем-то думал, теребя огненно-рыжую бороду. Подобное поведение ничего не говорило коту, несмотря на весь его незаурядный ум, так что Санболът так и остался в недоумении.

- Зато мне кажется, что кое-какие элементы головоломки начинают вставать на место, - проговорил я и, в свою очередь, рассказал Мутано о том, что слышал от Астольфо и Вельо о странной уверенности барона, будто продолжительность его жизни каким-то образом связана с длиной упомянутых свечных огарков. - Хотел бы я знать, каким образом эти огарки попали к нему в руки, - закончил я.

- Я слышал, кто-то прислал их ему в качестве подарка, - сказал Мутано. - И приложил письмо, в котором написал, что жизнь и душа барона зависят от свечей - этих и других, которые по-прежнему находятся в руках отправителя.

- Но с чего бы барон поверил подобному письму? - спросил я.

- Нечистая совесть, - пояснил Мутано, пожимая плечами. - У барона хватает недоброжелателей, и он, конечно, осведомлен об этом лучше, чем кто бы то ни было. Кроме того, не исключено, что отправитель сам упомянул о каких-то черных делах, в которых повинен Рендиг и о которых ему стало известно.

- Все это пока только слухи и предположения, - проговорил я. - Придется нам самим навести справки. Хотел бы я знать, кто может желать барону смерти? У тебя есть идеи?

Мутано развел руками и широко зевнул.

- Врагов у барона хватает, - ответил он, - но прежде чем начать разбираться в этой истории, нам следует уяснить три вещи. Во-первых, мы ничего не знаем об отношениях между маэстро Астольфо и Тилом Рендигом. Во-вторых, нам практически ничего не известно ни о Вельо, ни о Сибилле. Наконец, мы не в курсе, кто мог послать барону такие непростые свечи.

- Узнать можно, - сказал я. - И проще всего прямо спросить маэстро о том, что нас интересует. Как насчет того, чтобы поговорить с ним сегодня за ужином?

Мутано моя идея не слишком понравилась; он сказал, что, задавая такие вопросы, мы только выдадим себя, но ничего толком не выясним.

- В конце концов, - добавил он, - мы же не знаем, насколько хорошо Астольфо и старик осведомлены о происходящем, а также каков может быть характер их причастности к происходящему. Лучше соблюдать осторожность и для начала собрать как можно больше сведений о прошлом и настоящем барона.

- Что ж, - ответил я, - будь по-твоему.

* * *

Я заранее заготовил какую-то ложь, чтобы объяснить отсутствие Мутано за столом, однако зал, где мы обычно ужинали, оказался пуст. Кресла были придвинуты к столу, свечи не горели, а на буфете в углу не громоздились блюда и закуски. В кухне, куда я тоже заглянул, не было даже слуг, а продукты оказались аккуратно убраны в лари и кладовки.

Я решил поужинать в городе, но когда шел по коридору мимо распахнутых дверей большой библиотеки, до моего слуха донесся скрип пера по бумаге. Заглянув в комнату, я увидел Астольфо, который, стоя за конторкой спиной ко мне, что-то писал в толстой книге. Большое петушиное перо в его руке так и бегало по странице. Меня одолело любопытство: я еще никогда не видел, чтобы маэстро что-то писал.

- Подходи ближе, Фалько, - сказал Астольфо, не оборачиваясь. - Садись и выкладывай.

Я взял у стены стул. На конторке перед Астольфо стояли сразу две масляные лампы, но ни одна из них не горела, и в библиотеке в этот ранний вечерний час было полутемно и даже как-то мрачно.

- Говори же, - поторопил меня маэстро. - Ведь ты все равно не успокоишься, пока не узнаешь правду.

- У меня действительно появилось несколько вопросов, - признался я. - Но я не уверен, позволено ли нам обсуждать дела, которые касаются нашего клиента - барона Рендига.

- Между собой мы можем обсуждать все, что угодно.

- В таком случае я с вашего позволения осмелюсь предположить, что именно вы послали барону в подарок необычные свечные огарки.

- Почему ты так решил?

- Потому что, кроме вас, существует только один человек, способный на подобное, но я почти уверен, что он не мог этого сделать.

- Твоя уверенность - еще не доказательство.

- Я не прокурор и не судья, и доказательства меня не волнуют. Вы многое скрыли от нас с Мутано, хотя нам пришлось отправиться в замок барона и выполнять там ваши распоряжения.

Маэстро вытер кончик пера кусочком шерстяной ткани и, положив его рядом с чернильницей, оперся локтями на конторку.

- Что же, по-твоему, я от вас скрыл?

- Вы не сказали, кто на самом деле ваши гости - старик и девчонка. Ведь Сибилла вовсе не дочь Вельо!

- Я этого и не утверждал.

- Мне необходимо с ними поговорить.

- Сейчас их нет на вилле. Синьор Вельо пожелал навестить старых друзей, живущих в нашем городе.

- А я думаю, что разгадал часть вашей головоломки, и вы специально услали обоих, чтобы обезопасить старинного друга от неудобных вопросов.

- Допустим, ты прав. И что с того?

- Вам известно, чего боится барон. И узнать это у вас был только один способ. Должно быть, вы стали свидетелем какого-то его преступления или неблагоприятного поступка...

- Не совсем так, Фалько.

- И я подозреваю, что к свечным огаркам, которыми барон так дорожит, вы каким-то образом подмешали тень, обладающую особыми свойствами.

- Особыми свойствами?

- Я не могу сказать, какие они, но не сомневаюсь, что именно тень оказала сильнейшее воздействие на душу и разум барона, а возможно, и на его тело.

- Какого рода воздействие ты имеешь в виду?

- Она обострила естественную подозрительность и беспокойную совесть барона, превратив их в острый, навязчивый страх.

- И зачем, по-твоему, мне это понадобилось?
- Я не знаю ваших мотивов, маэстро, но мне кажется, вы единственный человек, который способен проделать нечто подобное.
- То есть ты считаешь, что я замыслил причинить барону вред?
- Да, маэстро. И должен сказать, что эта произошедшая с вами перемена кажется мне весьма странной. До сих пор вы были благорасположены к окружающим, но барон... Должно быть, он совершил что-то такое, что вам очень и очень не понравилось.
- Но если я, как ты утверждаешь, желаю барону зла, зачем тогда я отправил вас с Мутано сооружать у него в замке охранный лабиринт?
- Понятия не имею, - честно признался я.
- И тем не менее ты продолжаешь считать, будто я решил отомстить Рендигу за какое-то совершенное им зло, о котором мне стало известно? Не кажется ли тебе, что подобное утверждение не слишком согласуется с моим благожелательным характером, о котором ты только что упоминал?
- Вы богаты, маэстро, и можете позволить себе самые разные прихоти. Почему бы не отомстить негодяю, если вам вдруг пришел на ум подобный каприз?
Астольфо помрачнел.
- В нашем мире хватает скверны. Неужто ты считаешь, что я способен выбирать, за которое из злых дел мне хочется отомстить, словно я бабочка, которая беспечно порхает над лугом, выбирая цветок покрасивее?
- Я наклонился вперед и медленно проговорил:
- Мне кажется, что по складу характера вы игрок. Это в полной мере свойственно и вашей... гм-м... лучшей половине. И мы с Мутано просто шахматные фигурки в игре, которую вы затеяли. Больше того, я почти уверен, что вы разыгрываете не одну, а сразу несколько партий, и каждая из них связана с остальными настолько тесно, что я вряд ли когда-нибудь сумею в них разобраться. Я не исключаю, что вы и сами, быть может, не до конца представляете себе план и конечную цель этой большой игры, поэтому на отдельных этапах допускаете импровизацию... Это, конечно, только мои догадки, но они выглядят гораздо правдоподобнее и логичнее, чем любая философская заумь.
Астольфо мягко рассмеялся.
- Если ты считаешь, будто для меня это игра, развлечение, то... Трудно представить себе занятие более бесплодное.
- Даже самые бессмысленные на вид игры могут иметь серьезную цель. Вы увлечены процессом, и я не исключаю, что он приносит вам такое же удовлетворение, какое доставляет истинному мастеру сложная шахматная партия,

однако ваша цель весьма и весьма серьезна.

- К чему же, по-твоему, я стремлюсь, Фалько?

- Вы, по-моему, ищете нечто такое, что находится за пределами видимого - то, что лежит в самом сердце нашего мира, а может быть, даже вне его.

- Ты правда думаешь, что у того хаоса, в котором мы живем, есть сердце или, по крайней мере, геометрический центр?

- Я думаю, что вы намерены это выяснить.

- Ты слишком высокого мнения обо мне... и о моих возможностях, - покачал головой Астольфо. - Ведь я не ученый и не философ, я простой ремесленник.

- Это так, конечно, но далеко не все. Я занимаюсь тенями достаточно давно, чтобы понять: работа с таким материалом способна изменить душу и характер человека.

- И ты можешь сказать, каким именно образом она их меняет?

- У меня есть некоторые соображения, но поскольку вы разбираетесь в предмете куда лучше, чем я, мне, пожалуй, не стоит тратить ваше и свое время на болтовню. Тем не менее я твердо решил выяснить, что вы затеваете.

- Ты честный парень, Фалько.

- Стараюсь, маэстро.

- Но даже честному человеку необходимо порой подкрепить свою добродетель стаканчиком винца. Давай-ка спустимся в кухню и отведаем канарского из бочонка, который Ират привез вчера.

- С удовольствием, - сказал я. - Благодарю вас, маэстро, но...

- И давай больше не будем говорить на эту тему, хорошо?

Астольфо решительно шагнул к двери, и я был вынужден последовать за ним.

VII.

- Ну, как твои дела? - спросил я Мутано. - Ты все еще говоришь только по-кошачьи?

В ответ приятель промяукал, что в его переговорах с Санбольтом наметился совершенно новый поворот. Мутано стало известно: часть сокровища, с которым Тил Рендиг связывал продолжительность своей жизни, находилась у Бротеро. Когда я поинтересовался, как драгоценности барона попали к котозаводчику, Мутано объяснил, что их похитила для него большая черная крыса, которую Бротеро специально обучил скрытно проникать в дома своих врагов, чтобы

воровать и портить их самые дорогие вещи,

- Мне казалось, Бротеро специализируется на борьбе с крысами и мышами, - удивился я. - Никогда не думал, что он их и разводит.

- Тпр-ру, Дефендер! Стоять! - прикрикнул приятель, осаживая коня, который всегда нервничал, слыша кошачью речь. Наш разговор происходил в конюшне, куда мы отправились, чтобы проведать лошадей.

После того как Мутано несколько дней отсутствовал, гнедой успел соскучиться по хозяину и теперь так радостно тыкался в него мордой, что приятель с трудом удержался на ногах. Ласково почесывая Дефендеру гриву, Мутано сказал:

- Бротеро действительно занимается очисткой домов и складов от вредителей, но это не мешает ему держать с десятков отборных крыс, которых он обучает всяким грязным трюкам.

- Ты уже знаешь, что это за сокровище?

- Пока нет, но скоро узнаю.

- Каким же образом?

- Я побился с Бротеро об заклад, что Санбольт одолеет в поединке его лучшего кота-крысолова. Если Санбольт выигрывает, Бротеро отдаст мне сокровище барона.

- Не слишком ли это рискованный шаг? И кстати, как относится к этому сам Санбольт? Он согласен?

- Не только согласен, но ждет этой возможности с нетерпением.

- Он-то что от этого выигрывает?

- А я поспорил и с ним. Если Санбольт проиграет, я должен буду вернуть ему его тень. Если он победит, мы заключим нашу сделку на новых условиях.

- А ты видел кота, которого намерен выставить Бротеро? Вдруг он окажется настолько большим и сильным, что в два счета разделается с Санбольтом?

- Нет, я его не видел, - покачал головой Мутано. - Риск, конечно, есть, но ведь именно риск и делает возможным наше с Бротеро пари, не так ли? Я как раз хотел попросить тебя, чтобы ты проследил за схваткой. Если заметишь обман, дай мне знак. Я проткну этого жулика своей шпагой, а его предприятие возьму себе.

- Уверен, что справишься с делом не хуже него, - серьезно сказал я. - Ведь ты уже говоришь по-кошачьи.

- В общем, готовься, - сказал Мутано. - Бой состоится послезавтра поздно вечером. Постарайся перенести все дела, чтобы развязать себе руки.

* * *

Место, где Санболту предстояло сойтись в бою с лучшим котом Бротеро, представляло собой пустующий склад на Пиратской пристани. Это было крытое дранкой ветхое приземистое строение из рассыпающегося черного кирпича, которое частично стояло на самом причале, а частично нависало над водой, опираясь на подгнившие, густо облепленные ракушками и водорослями сваи.

Я нарочно приехал на пристань пораньше, но, осмотрев склад снаружи, не обнаружил ничего подозрительного. Замок на узкой боковой дверце оказался совсем несложным; я легко с ним справился и проник внутрь.

Склад походил на большую пещеру. В середине находилась импровизированная арена, где проводились бои, и стояли ряды грубо сколоченных деревянных скамей. На стенах были укреплены факелы в металлических держателях; они не горели, но сквозь дыры в крыше проникало достаточно света, чтобы я мог как следует осмотреть пустое, пыльное пространство.

И снова я не увидел ничего, что могло бы внушить опасения. Единственной странностью, бросившейся в глаза, было обилие крысиных нор в основании выходящей на причал стены. В этом, строго говоря, нет ничего необычного, если не считать того, что ни одной крысы я так и не увидел. Казалось, они не живут здесь уже довольно давно, но почему - этого я сказать не мог.

Покидая склад, я тщательно запер замок на входной дверце. Никаких других следов своего появления я также не оставил.

На противоположной стороне улицы, наискосок от склада, стоял публичный дом с балконом, с которого было очень удобно следить за окрестностями. Там я и расположился с намерением понаблюдать за теми, кто явится на представление.

Незадолго до назначенного часа у склада стала собираться публика: моряки, грузчики, ломовые извозчики, сапожники, каменщики, сводники, проститутки, конюхи и прочий портовый сброд. Как и следовало ожидать, народу собралось немало - я насчитал больше сорока человек. Они возбужденно галдели, ссорились и делали ставки.

Наконец появился Мутано. На плече он нес большой кожаный чемодан, в боковинах которого были просверлены многочисленные отверстия. Увидев, что приятель прошел на склад, я покинул свой наблюдательный пункт и, протолкавшись сквозь замешкавшуюся у двери группу зрителей, последовал за ним.

Бротеро, одетый, как обычно, в серый кафтан и такие же бриджи, был уже на месте; на красном кожаном поводке он держал крупного черного кота. Выведя животное на середину арены, Бротеро громко объявил его кличку:

- Учиссоре, что значит убийца! - И, отцепив поводок с ошейником, он отступил

назад и встал в первом ряду зрителей.

Мутано тоже шагнул к арене. Он двигался медленно, и это позволило мне еще раз оглядеться. Особое внимание я уделил стропилам, которые скрывались в густой тени, и снова не заметил ничего подозрительного.

Мутано не произнес ни слова. Сняв с плеча чемодан, он поставил его шагах в восьми от черного кота, который сидел на полу и внимательно следил за каждым его движением. Чемодан Мутано имел отделяющееся дно, вдоль которого располагались застежки. Вот он отстегнул их одну за другой, потом поднял верхнюю крышку, и глазам зрителей предстал огненно-рыжий Санбольт. Во всем помещении это было, пожалуй, самое яркое цветовое пятно.

Санбольт лежал, аккуратно подобрав лапы, на малиново-алой шелковой подушке с золотой окантовкой. На первый взгляд могло показаться, будто он дремлет, но это было не так. Я увидел, как кот лениво приоткрыл глаза, сначала один, потом другой, и неторопливо зевнул. Этот зевок длился очень долго, почти вечность, но вот Санбольт поднялся на все четыре лапы и не спеша потянулся: сперва он прижал уши и выгнул спину дугой, потом припал на передние лапы и, впившись в подушку когтями, высоко поднял зад с отставленным хвостом.

Все эти действия, носившие тщательно рассчитанный оскорбительный характер, вызвали в публике неуверенные смешки.

Не обращая внимания на шум, Санбольт величественно сошел с подушки, с осторожностью ставя лапы на грязные, расшатанные доски пола, в щелях между которыми поблескивала темная вода бухты. Он даже не обернулся, когда Мутано, подобрав подушку и демонстративно ее поцеловав (что вызвало в публике новый взрыв пьяного смеха), отступил в толпу.

* * *

Из всех кошачьих боев, которые когда-либо видели люди, схватка Санбольта и Учиссоре могла бы стать одной из самых волнующих. Когда прозвучал гонг, возвещавший о начале поединка, противники вовсе не бросились друг на друга, прижимая уши и завывая от ярости. Вместо этого они принялись кружить по арене, внимательно следя за каждым движением друг друга, точь-в-точь как кулачные бойцы, которые стараются оценить силы и возможности соперника и угадать его слабое место еще до того, как сойтись с ним вплотную. Внешне оба кота выглядели спокойными, и только их слегка подергивающиеся хвосты свидетельствовали о готовности в любое мгновение нанести удар.

Учиссоре первым решился на активные действия. Он совершил стремительный пробный выпад в направлении левого бока Санбольта, но тот, похоже, разгадал маневр и никак на него не отреагировал, продолжая медленно двигаться по кругу и гипнотизировать противника взглядом. Какое-то время спустя черный повторил бросок; на этот раз он каким-то невероятным образом извернулся в воздухе и оказался прямо перед мордой нашего фаворита. Выгнув спину и распушив шерсть, он на мгновение замер в угрожающей позе, сделавшись похожим на грозовую тучу, готовую разразиться молниями и градом. Санбольт ответил тем же, на миг превратившись в косматый огненный шар такого же или даже большего размера.

Все это продолжалось считанные мгновения, после чего бойцы слегка попятились и, словно утратив друг к другу всякий интерес, принялись осматриваться и принюхиваться к исходящим из толпы зрителей разнообразным запахам. Разгоряченная публика тотчас принялась свистеть, орать, хохотать, улюлюкать и завывать на все лады, но когда Санбольт, присев на хвост, принялся, как ни в чем не бывало, вылизывать согнутую переднюю лапу, наступила такая тишина, что стал отчетливо слышен тихий плеск волн под полом склада.

Черный, похоже, воспринял это наглое умывание как серьезное оскорбление. Слово метеор, он метнулся вперед. Санбольт ловко уклонился, но, похоже, недооценил быстроту врага. Черная лапа скользнула по его задней ляжке, выдрав из пушистых «штанов» кусок рыжей шерсти, который на мгновение повис в воздухе. Санбольт, впрочем, не растерялся. Круто развернувшись, он цапнул Учиссоре зубами за хвост - довольно сильно, если судить по раздавшемуся в ответ яростному вою.

На этом вступительная часть завершилась, и противники взялись за дело всерьез. Черный атаковал свирепо и мощно, словно вырвавшийся из ада демон. Он был сильнее и тяжелее, поэтому, когда запрыгнул Санбольту на плечи, намереваясь впиться зубами в загривок, рыжий не устоял на ногах и покатился по полу. Он, впрочем, не струсил - на укус Санбольт отвечал укусом и при каждом удобном случае пускал в ход когти. Его действия, однако, выглядели более продуманными; казалось, он нарочно дает черному атаковать, изучая его манеру и экономя силы в расчете на то, что противник скоро выдохнется. Из-за этого Санбольт больше оборонялся, чем нападал; не раз и не два он давал повалить себя на спину, а когда Учиссоре оказывался на нем - пускал в ход задние лапы, пытаясь расплосковать брюхо противника острыми, кривыми когтями. Этот маневр неизменно заканчивался тем, что черный отступал, но и Санбольту никак не удавалось добиться сколько-нибудь ощутимого преимущества.

Зрители - по крайней мере те, кто сделал ставку на победу черного, - теперь еще

больше уверовали в его победу и начали шуметь, подбадривая своего фаворита громкими воплями. Между тем яростная схватка продолжалась уже довольно продолжительное время, и кое-кто из публики, главным образом внимательные и опытные завсегдатаи кошачьих боев, начал замечать, что Санболът не атакует всерьез, а только изображает атаку, тогда как Учиссоре, вынужденный реагировать на каждый ложный выпад, понапрасну расходует силы, но не наносит врагу сколько-нибудь серьезного урона. И действительно, довольно скоро черный перестал сломя голову кидаться в атаки, стараясь продумывать каждое свое действие.

Это, однако, означало, что теперь Учиссоре дрался в той самой манере, которую предпочитал его противник. Сил он тоже потратил довольно много, поэтому с запозданием реагировал на стремительные прыжки рыжего, который норовил зайти ему с фланга или с тыла! Теперь уже подавляющему большинству зрителей стало ясно, что Санболът получил преимущество и не собирается его упускать. Черный основательно запыхался; его натиск раз от разу слабел, а рыжий по-прежнему двигался грациозно и легко. Можно было подумать - он просто играет с противником, однако теперь его атаки, кажущиеся почти небрежными, неизменно заканчивались чувствительным ударом когтями по ребрам или плечу.

Шум, который издавали зрители, постепенно затих, сменившись недоуменным ропотом. Похоже, даже профессиональные игроки, побывавшие на десятках боев, которые частенько устраивал Бротеро, были озадачены: ничего подобного никто из них наверняка не видел и не мог сказать, чем закончится схватка, в которой один из противников был сильным, опытным, закаленным бойцом, тогда как другой, совсем как умелый фехтовальщик или борец, полагался на скорость и точный расчет. Теперь это был даже не бой, а настоящая дуэль, которая могла длиться намного дольше обычного.

Именно продолжительность схватки и давала Санболъту преимущество. Чаша весов начинала склоняться в его пользу, победа рыжего была не за горами, и я подумал, что если Бротеро намеревался использовать какой-нибудь нечестный прием, сейчас для него самое время. Стараясь не привлекать к себе внимания, я протиснулся поближе к тому месту, где стоял Мутано. Я еще не знал, что мне это даст, когда краем глаза вдруг заметил, что одна доска в полу арены слегка приподнялась.

Я мгновенно понял свою ошибку. Опасность пришла не сверху или сбоку, как я думал, когда осматривал склад, а снизу. Как я уже упоминал, склад стоял на сваях, поэтому во время отлива под ним появлялось свободное пространство, куда могла протиснуться небольшая лодка. Несомненно, подручные Бротеро воспользовались

этим, чтобы в решающий момент подпустить на арену второго кота - Кусаку. А главное, я оказался чуть не единственным, кто заметил неладное, да и то только потому, что ожидал чего-то в этом роде. Все остальные были слишком увлечены разворачивавшимся на их глазах зрелищем и не обращали внимания ни на что другое.

Новый участник схватки - худой и жилистый серебристо-серый кот - был чуть не вдвое меньше Санбольты, но я сразу увидел, что он гибок и быстр, как горноста́й. Не знаю, заметил ли Санбольт появление нового врага - он, казалось, был слишком занят, пытаюсь разозлить и запутать Учиссоре ложными выпадами, отвлекающими маневрами и редкими, но точными ударами когтистой лапы, каждый из которых оставлял на шкуре черного глубокие, кровоточащие царапины.

Серый на секунду замешкался, словно оценивая обстановку, а потом вступил в бой, используя привычную для себя тактику мгновенного удара и стремительного отступления. Он напал на Санбольту с тыла, наносил укус и тут же отскакивал, прежде чем рыжий успевал зацепить его когтем. Именно так серый был обучен действовать, когда в паре с Учиссоре сражался с многочисленными крысиными стаями. Сейчас их задача даже проще, так как противник у них был только один.

Продолжая вполглаза следить за происходящим на арене, я невольно напрягся, зная, что Мутано не преминет исполнить свое обещание выпустить Бротеро кишки, как только заметит нечестную игру. Мой приятель действительно схватился за эфес шпаги и решительно шагнул в сторону заводчика, который, нервно моргая, стоял неподалеку. Рядом с Мутано тотчас оказались двое слуг Бротеро, но я был к этому готов, поэтому как только один из них поравнялся со мной, я прижал острие кинжала к его шее чуть ниже уха и негромким, но очень серьезным голосом предупредил: если он приблизится к моему другу еще хотя бы на полшага, я нашпиую его мозг премудростями, которые вряд ли придутся ему по вкусу.

Слуга застыл на месте, и я без труда его разоружил.

Второй головорез попятился, как только в руках Мутано сверкнула шпага. Вероятно, он рассчитывал на численное преимущество и сражаться с моим опытным приятелем один на один в его планы не входило.

Между тем бой на арене продолжался. Появление третьего участника заметили почти все, и в толпе зрителей раздались недовольные свистки, однако вмешаться в ход поединка никто не решился: разгоряченные схваткой коты могли серьезно поранить любого, кто попытался бы их схватить. Публика лихорадочно делала новые ставки; что касалось Мутано, то ему оставалось только дожидаться конца боя и после этого поквитаться с Бротеро.

С появлением еще одного противника положение Санбольты резко ухудшилось.

Два кота-крысолова, натасканных работать в паре, обладали всеми преимуществами волчьей стаи, загоняющей одиночную добычу. Учиссоре продолжал мощно атаковать с фронта, его партнер наносил удары то с одного, то с другого фланга. Санбольт нападал и отступал с проворством и ловкостью змеи, но необходимость присматривать сразу за двумя противниками быстро его выматывала, и уже очень скоро контрвыпады рыжего сделались более редкими и не такими эффективными, как раньше. Да и бой больше не казался сколько-нибудь красивым или зрелищным - теперь это была обычная кошачья потасовка в подворотне.

В какой-то момент Санбольт вдруг резко отпрыгнул назад, разорвав таким образом непосредственный контакт с противником. Упершись передними лапами в пол, он гордо выпятил грудь, широко раскрыл пасть и вдруг повелительно рявкнул хорошо знакомым мне голосом:

- А НУ БРЫСЬ, ТРУСЛИВОЕ ОТРОДЬЕ!

И снова зрители затихли. Кажется, они даже затаили дыхание, глядя на Санбольта с благоговением и ужасом, словно он был каким-то сверхъестественным существом, спустившимся с небес в облаке пламени.

Еще более сильное действие этот боевой клич оказал на Учиссоре и серого. Оба как-то сразу съежились и попятились, испуганные и сбитые с толку. Черный жмурился, его партнер шипел и плевался, выгнув спину.

Издав еще один громкий, хотя и совершенно нечленораздельный вопль, Санбольт одним прыжком перемахнул разделяющее их пространство и вцепился Учиссоре зубами в шею. В следующее мгновение он резко выпрямился на прямых лапах и одним движением головы забросил отчаянно орущего противника во второй ряд зрителей.

При виде неожиданной и печальной участи черного его напарник утратил весь свой боевой задор. В панике серый метнулся с арены в угол склада и принялся отчаянно царапать доски в том месте, где его пропихнули внутрь, но, увы, этот выход больше не существовал. Санбольт медленно и грозно надвигался на него, и серый, прижав уши и опустив хвост, с жалобным мявом нырнул в толпу, сразу затерявшись между ног зрителей.

Бой был закончен. Мутано выиграл пари и получил от не скрывавшего своего огорчения Бротеро небольшой полотняный мешочек, в котором лежало четырнадцать коротких свечных огарков. Вместе с ним заводчик вернул моему приятелю и свою часть разорванного пополам бумажного листа, на котором был написан договор о ставке пари (другая половина была у Мутано).

- Не думаю, чтобы тебе вышла какая-то польза от этих огарков, - пробормотал

Бротеро. - Барон явно не в своем уме, так что...

- Но ты наверняка знаешь нищего, который связал с ними душу барона, - ответил я на это. - Скажи, как нам его найти.

Бротеро нервно переступил с ноги на ногу.

- Боюсь, я ничем не смогу вам помочь. Среди нищих этот человек, безусловно, хорошо известен, но я не вхожу в их профессиональное братство.

- Тогда опиши, как он выглядел, как говорил, - не отступал я.

- Невысокий, чуть толстоватый, с удивительно тонкими и гибкими пальцами... - Бротеро слегка сощурился, припоминая. - На нем были грязно-коричневые лохмотья, какие обычно носят нищие и бродяги, но говорил он как человек начитанный, я бы даже сказал - образованный.

- Он назвал тебе свое имя?

- Назвал, но... Что-то вроде Номио, или Нумио, или Румио... Сейчас уже не помню.

- А не было ли с ним девочки лет тринадцати-четырнадцати - худой, бледной, со светлыми волосами и неподвижным взглядом?

- Нет. Но когда он уходил, то окликнул высокого слепого старика, который, похоже, дожидался его на улице. Дальше они шли вместе, но, насколько я видел, ни о чем не разговаривали.

- Как получилось, что этот Номио предложил тебе сделку?

- Он сам явился ко мне, - ответил Бротеро. - Я как раз был расстроен болезнью одного из моих лучших котов... Нищий предложил сказать, где находится сокровище барона, чтобы мои дрессированные крысы могли доставить его мне.

- А что нищий за это хотел? Или, может, он предложил выкупить у тебя это сокровище за любую цену, какую ты назовешь? - догадался я.

- Ну да... Честно говоря, я рассчитывал получить с этого нищего хорошие деньги, но мои крысы притащили мне лишь полтора десятка обглоданных свечных огарков. Я оценил это «сокровище» всего в два империаля, да и то боялся, что он откажется.

- Но он заплатил без возражений?

- Заплатил, да... Да откуда ты вообще все это знаешь? Какое тебе до этого дело?!

- Я знаю очень мало, - ответил я, качая головой. - Похоже, даже твоим дрессированным котам известно больше, чем мне.

VIII.

Сразу после своей победы над черным Санбольт куда-то исчез, и мы с Мутано покидали склад, одолеваемые противоречивыми чувствами. С одной стороны, мой приятель радовался успеху, благодаря которому мы стали обладателями сокровищ барона Рендига, а с другой - был опечален, поскольку его надежды вернуть свой голос снова сделались весьма и весьма туманными и неопределенными.

- Теперь этот проклятый кот никогда его не отдаст, - ворчал он. - Кажется, он наконец-то понял, насколько действенным инструментом может быть человеческий голос.

- Может, и так, - согласился я. - Однако ведь ты владеешь его голосом, и, возможно, в этом тоже есть свои плюсы.

Но Мутано только головой покачал. Я знал, что он думает о женщинах, которых никогда больше не сможет очаровывать, распевая им серенады и канцонетты и произнося самые изысканные комплименты, способные растопить даже ледяное сердце.

- Если бы Санбольт сегодня погиб, - сказал я, пытаюсь отвлечь приятеля от мрачных мыслей, - твой голос пропал бы вместе с ним, так что все сложилось не так уж плохо.

- Для меня он и так все равно что пропал, - уныло возразил Мутано. - Если я не смогу вернуть его себе...

- Попробуем придумать что-нибудь еще, - сказал я. - Ты помнишь, как вела себя тень Сибиллы, пока она шла через лабиринт?

Он кивнул.

- И ты до сих пор уверен, что эта тень каким-то образом общалась и с девчонкой, и со слепцом?

- Да.

- А ты понимаешь, что тень, которая способна общаться с людьми и вдобавок обладает разумом и зачатками свободной воли, может оказаться весьма ценной для нашего ремесла?

Мутано снова кивнул. Он тоже задумывался об этом - правда, не слишком глубоко, так как был занят другими, более срочными делами.

- Как ты думаешь, сколько заплатил бы маэстро за обладание такой тенью?

- Много, - ответил Мутано, - поскольку тень, способная говорить или подавать знаки, может принести гораздо больше пользы, чем мы в состоянии вообразить. Если бы человек подчинил себе группу таких разумных теней, - добавил приятель, - он мог бы без труда нанять себе целую армию.

- А как их подчинить?
  - Думаю, угроза исчезновения - единственный способ. Ведь теням не нужны ни золото, ни еда; у них нет ни страстей, ни желаний.
  - Все это пока только наши предположения, - перебил я. - Ведь мы не знаем наверняка, могут ли тени быть разумными. Да и насколько они живые - тоже вопрос спорный. Давай не будем ломать над этим голову, тем более что у нас есть более неотложные дела. Нужно как-то разобраться в отношениях, которые связывают барона с Астольфо, а Астольфо - с Вельо и Сибиллой...
  - А еще нам необходимо вернуть мне голос, - добавил Мутано. - Мне почему-то кажется, что он годится на большее, чем просто пугать портовых котов.
  - В таком случае, давай разделим обязанности, - предложил я. - Я попытаюсь сделать все, чтобы вернуть тебе твой драгоценный голос, а ты займешься поисками информации о слепом.
  - И как, по-твоему, я это сделаю?
  - Почти не сомневаюсь, что он как-то связан с гильдией нищих Тардокко, - задумчиво проговорил я. - Попробуй порасспрашивать городских попрошайек. Быть может, кто-то и сообщит что-нибудь полезное.
  - Как же я буду их расспрашивать, если они не говорят по-кошачьи?
  - Ну, дружище, в каждом деле есть свои трудности. Нужно научиться их преодолевать. Как, по-твоему, я сумею уговорить Санболта вернуть твой голос, если мне нечего предложить ему взамен?
- Мутано криво усмехнулся.
- Это как раз и есть та самая трудность, которую тебе нужно преодолеть. И мне почему-то кажется, что у тебя уже есть план.
  - Вот как? И что это за план? Может, расскажешь?
- Он усмехнулся.
- Думаю, ты не из тех, кто заключает поспешные сделки.

IX.

В таверне «Двойной ад» я устроился за столиком, откуда можно было наблюдать за входной дверью, в которую вместе со светом начинавшегося клониться к закату солнца потоком вливались жаждущие. Я тоже заказал кружку легкого белого вина, однако на самом деле явился сюда вовсе не затем, чтобы промочить горло. Мне хотелось дождаться парня по имени Филеас или Филли - брата Маронды, которая

столь невежливо разговаривала со мной у дверей заведения Насилии. Я не сомневался, что сумею узнать Филли-Простофилли, как я называл его про себя, по тени. Его сестра говорила, что он сумел вернуть себе тень, которую у него якобы украли. Мне, однако, казалось, что парень, скорее всего, носит не свою, а чужую тень, а если так, то достал он ее где угодно, но только не у маэстро Астольфо, потому что иначе я бы об этом слышал.

Потеря тени - вещь, конечно, далеко не смертельная, но весьма и весьма неприятная. Если тень похищена или испорчена, человеку остается только обратиться к торговцу, чтобы подобрать подходящую, а это очень непросто, и не всякий торговец с этим справится. Человек, получивший другую тень взамен утраченной, кажется самому себе таким же, как прежде; он уверен, что его новая тень ничем не отличается от старой и что никто не заметит разницы, но это далеко не так. Чужая тень, как бы тщательно она ни была подогнана, всегда сидит не слишком аккуратно и доставляет владельцу мелкие неудобства - совсем как новый, не обмятый костюм. Расхождения между силуэтом владельца и очертаниями тени, ее не слишком четкие края и некоторые другие признаки заметить действительно нелегко, но наметанный глаз видит их практически сразу. А самое главное заключается в том, что человек не может сродниться со своей новой тенью и всю жизнь носит ее, как слишком большой плащ, доставшийся ему «по наследству» от старшего брата.

Чужую тень выдают не только несоответствия в размерах и контурах, но и перемены, которые неизбежно происходят в характере самого человека. Лишиться тени - все равно что утратить часть себя, а такое никогда не проходит даром, какой бы незначительной ни казалась потеря. Внимательный наблюдатель всегда может заметить излишнюю нервозность и снижение уверенности в себе, что проявляется то в более вялом рукопожатии, то в необъяснимом напряжении, с которым человек выполняет совершенно обычные дела - например, переходит улицу или спускается по лестнице.

Я такие вещи подмечать умею и даже немного горжусь этой своей способностью; вот почему я не сомневался, что узнаю Филли-Простофилли, как только он появится в зале. В том, что он появится, у меня также не было ни малейшего сомнения. В уме я уже составил представление о его характере и мог позволить себе спокойно дожидаться его прихода, попивая винцо и закусывая яйцами и маринованными овощами. Все дело в том, что в таверне «Двойной ад» любили собираться игроки, а это народ крайне суеверный, считающий, что тому, кто часто меняет столы, не видать удачи. Порой даже крошечный успех, испытанный бог весть когда, заставлял игрока снова и снова приходить в одно и то же заведение,

пусть даже с тех пор его подстерегали только проигрыши.

Я все рассчитал правильно. Филли я заметил в тот самый момент, когда он с усилием толкнул плечом тяжелую дубовую дверь и вошел в зал. Худой, сутулый юнец сел на скамью у дальней от меня стены и заказал кружку эля, которую принес ему чумазый мальчишка-половой. Он был чуть не вдвое моложе клиента, однако в его жестах не было и тени почтительности. Филли сунул мальчишке какую-то мелочь и, отослав прочь взмахом руки, огляделся по сторонам, очевидно, высматривая своих всегдашних партнеров по игре.

Когда он занялся элем, я поднялся и двинулся к нему, на ходу извлекая из ножен меньший из моих кинжалов. Подойдя к Филли, я с размаху вонзил клинок в стол перед ним.

- Мое имя Фалько.

Парень бросил быстрый оценивающий взгляд на кинжал, ушедший в столешницу почти на дюйм, и только потом поднял голову и посмотрел на меня.

- Очень приятно, - сказал он. Его тон был безупречно вежливым и мягким, но в глазах промелькнули неуверенность и страх. - Что вам угодно?

- Мне угодно сообщить, что я не выношу оскорблений.

- Никому не нравится, когда его оскорбляют. - Парень снова покосился на мой кинжал.

- Я работаю у маэстро Астольфо.

- А-а, торговец тенями...

- Только не вздумай назвать его «теневого торговец», парень, потому что это и будет то самое оскорбление, которых никто не любит.

- Я не имел в виду ничего такого, поверьте!

- Некоторые доходят до того, что утверждают, будто маэстро крадет тени, - продолжал я с угрозой. - Только посмей сказать что-то подобное, и я вырежу тебе глаз. Собственно говоря, я должен был сделать это уже давно, но сначала мне хотелось узнать, станешь ли ты настаивать на своей лжи. Мне тоже не нравится, когда меня называют вором.

- Я никогда не называл вас вором, друг Фалько, - возразил Филли. - Я ведь до сегодняшнего дня ни разу вас не видел.

- Еще одна ложь! - воскликнул я, удачно разыгрывая гнев. - Я вовсе не твой друг.

- Смею надеяться, что мы еще подружимся, когда я сумею разъяснить возникшее между нами недоразумение. Я не называл вас вором, др... синьор Фалько.

- А у меня другие сведения, - отрезал я. - Ты жаловался каждому встречному-поперечному, что у тебя украли тень. Ты утверждал, что это произошло здесь, в таверне «Двойной ад». Ты кланчил у сестры денег, чтобы приобрести новую тень, и

она над тобой сжалилась, однако с тех пор у нее сложилось превратное мнение о честном парне по имени Фалько. А между тем правда состоит в том, что ты проиграл свою тень в кости и, будучи слишком труслив, не посмел признаться в этом открыто. Если ты сейчас скажешь, что это не так, ты снова солжешь, а лжи я не терплю.

Парень поник головой.

- Так и было... Я действительно обманул Маронду. Она не одобряет мое увлечение игрой в кости и называет меня мотом и ничтожеством. И вот я оказался в безвыходном положении: своих денег у меня не было, оставалось только взять их в долг, но мне никто не давал. Сестра была моей последней надеждой.

- Я совершенно уверен, что ты прибежал к ее помощи не в первый раз.

- Она знает, что я ее люблю, и не сомневается, что в самом ближайшем будущем я верну ей долг.

- Хотел бы я дожить до этого «ближайшего будущего», - хмыкнул я. - Тогда, наверное, на всем свете не было бы человека старше меня!

- Ну вот, я сказал вам правду. Надеюсь, вы удовлетворены и не станете больше мне угрожать?

- Я буду удовлетворен, только когда ты признаешься в своем обмане сестре. И в моем присутствии.

Филли покачал головой и нахмурился.

- Вы требуете слишком многого.

Не переставая приятно улыбаться, я взялся за угол дубового стола и, приподняв, опустил ножкой на его туфлю, а потом навалился на столешницу всей тяжестью. Лицо парня сначала побелело, потом покраснело, но, к его чести, он так и не вскрикнул.

- Раз уж ты схватился за шпагу, Филли, - сказал я самым доверительным тоном, - будь так добр, передай ее мне.

Он подчинился.

Я взял у него из рук клинок и выпрямился, перестав налегать на стол. Филли сделал слабое движение в сторону, словно собираясь сбежать, но я крепко схватил его за локоть.

- Сейчас мы с тобой отправимся на котобойню Насилии. Там ты расскажешь сестре о своем жалком обмане и во всеуслышание объявишь меня честным человеком, который никогда не крал тени у незадачливого игрока в кости. Ты должен очистить доброе имя Фалько от грязи, пока оно не засияет, словно новенький золотой имперал. Вот каким я вижу твое ближайшее будущее, Филли. Ну что, в путь?

Он испустил горестный вздох, но кивнул.

- Ничего-ничего, потерпишь. Мне тоже не нравится бывать на котобойне, - сообщил я. - От этих кошачьих запахов у меня начинает болеть голова, из носа течет, а глаза слезятся, но я же не отказываюсь идти туда с тобой!..

* * *

Перечисленные мною симптомы проявились со всей силой, стоило мне только увидеть невысокое здание из желтого кирпича с толстой, обшарпанной дверью. Я махнул Филли рукой, и он, послушно взобравшись на крыльцо, несколько раз ударил в дверь бронзовой колотушкой в виде свернутого кольцом кошачьего хвоста. Маронда открыла довольно быстро, причем мне показалось, что недовольная гримаса не покидала ее лица с тех самых пор, когда мы разговаривали в последний раз.

- Добрый день, Маронда, - сказал я. - У твоего брата есть для тебя потрясающие новости, поэтому я взял на себя смелость проводить его.

Маронда сверху вниз посмотрела на брата, благо она была на добрых полпяди выше него ростом, и устало вздохнула.

- Ну, что еще случилось, горе ты мое?..

- Я пожалуй отойду немного, - вмешался я. - На случай, если вам захочется обсудить ваши семейные дела без свидетелей.

Я действительно отошел шагов на десять, поэтому не слышал, о чем они говорили, однако я отлично видел, что беседа брата с сестрой была породственному оживленной. Несмотря на высокий рост и недюжинную физическую силу, Маронда была стройной, прекрасно сложенной женщиной; вероятно, ее даже можно было назвать привлекательной, но сейчас ее лицо было искажено яростью. Как я уже сказал, слов я разобрать не мог, зато ясно слышал в ее голосе гневные интонации, заставлявшие никчемного братца Маронды трепетать и корчиться, как береста в огне. Беседа завершилась звонкой затрепачиной, от которой бедняга Филли попятился и едва не упал.

Тут я поспешил вернуться на сцену, боясь, что Маронда может уйти в дом и захлопнуть дверь перед самым моим носом.

- Синьорина Маронда, постойте!.. - окликнул я ее, и она, все еще пылая праведным гневом, повернулась ко мне.

Филли воспользовался моментом и поспешил исчезнуть. Вслед ему неслись отнюдь не сестринские проклятья.

- Синьорина, - повторил я, решив быть предельно вежливым, - не могли бы вы уделить мне несколько минут вашего драгоценного внимания? На днях вы обошлись со мной несправедливо, заявив, будто я причастен к похищению тени вашего брата, тогда как на самом деле я честный торговец. Вместе с тем с моей стороны было бы неправильно требовать извинений, поскольку вы - и это очевидно! - были введены в заблуждение...

- Никаких извинений ты не дождешься, - заявила Маронда. - Тоже мне святой выискался!

- Ну вот и прекрасно. Будем считать, что мы выяснили наши отношения, а значит, нам ничто не мешает поговорить о делах.

- Знаю я, какие у тебя дела!

- Мне нужна кошка, - сказал я. - Если вы сможете подобрать мне подходящий экземпляр, я заплачу, сколько вы попросите - в пределах разумного, естественно, и все равно это будет намного больше, чем госпожа Насилия когда-либо получала за одну кошачью голову.

Маронда прищурилась.

- Какая именно кошка тебе нужна?

- Если вы уделите мне немного времени, я постараюсь ее описать.

- Ну ладно, так и быть, послушаю, что ты скажешь. - Маронда кивнула, но взгляд ее был направлен куда-то мне за спину.

Обернувшись, я увидел, что Филли уже добрался до конца Чандлерз-лейн и юркнул за угол.

- Входи же, - добавила она.

- С вашего позволения, давайте лучше поговорим на свежем воздухе, - сказал я, с трудом сдерживаясь, чтобы не закашляться. Мускусные запахи котобойни доставали меня и здесь, поэтому я вынул из-за обшлага камзола зеленый шелковый платок и вытер выступившие на глазах слезы.

Потом я подробно описал, какую именно кошку мне хотелось бы получить.

* * *

Уже смеркалось, когда Мутано нашел меня в саду виллы. Я сидел на скамье и смотрел, как последние лучи солнца трепещут на высоких облаках и те постепенно меняют свою окраску и форму. Любопытно, размышлял я, насколько глубоко способен проникать в облако световой луч и сколько цветов и оттенков он при этом рождает?

Мутано подошел ко мне совершенно беззвучно, не желая - как я полагал - нарушить мое задумчивое уединение.

- Ты что-нибудь узнал? - проговорил он после довольно продолжительной паузы.

- Так, разные пустяки, - ответил я. - Ничего важного, но я думаю, у нас есть надежда. Как раз сейчас я размышлял о том, каким образом свет рассеивается в облаке, и сравнивал этот процесс с тем, как тень смешивается с веществом иной природы. Мы привыкли использовать тени, чтобы улучшать качество вин, тканей, стен и садов. Однако, например, серебро или неглазурованная керамика не поддаются дополнительному облагораживанию, очень плохо поддается подкраске сплав олова со свинцом, трудно работать и с воском, когда его привозят с пазек крупными слитками...

- Зато расплавленный воск прекрасно смешивается с любым количеством теней, - сказал Мутано.

- Воск - да. А как насчет свечного сала?

- Точно не знаю. Вероятно, в расплавленном виде оно ведет себя сходным образом.

- Если так, то... Похоже, мы с тобой вплотную приблизились к истине.

- Барона одолевают навязчивые видения. Говорят, ему часто снится, как крысы сжирают его живьем. Или что у него на голове горят волосы.

- Не кажется ли тебе, что это может быть прямым следствием того, что кто-то похитил его тень и добавил ее в растопленное сало, из которого потом наделали свечей?

- Наделали и смешали с обычными свечами, которые используются для освещения...

- ...А потом разложили по ящикам и шкафам, чтобы кто-то несведущий - те же слуги, к примеру - мог использовать их по мере надобности.

- Или просто оставили свечи на полке, чтобы их могли точить крысы... - Мутано вздохнул. - Мне очень не нравится мысль о том, что тень человека может стать добычей крыс, которые отгрызают от нее по крошечному кусочку и при малейшем шуме бросаются прочь, чтобы вернуться снова, когда тревога уляжется.

Я немного подумал.

- Не одна свеча и одна крыса, но дюжина свечей и десятки крыс. Это значит, что буквально каждую минуту одна из крыс грызет один из свечных огарков.

- Если дело обстоит подобным образом, - сказал Мутано, - то единственный способ как-то сохранить свечи - это приобрести или арендовать хорошо обученного кота-крысолова.

- И Санболът вполне подходит для этой роли, - сказал я. - Он очень умен и

отлично справляется с охраной всего замка, хотя, кроме него, там больше никого нет.

- У Санбольта хватает и других способностей, и одна из них определенно лишняя. Он без нее обойдется, а мне она бы не помешала...

- Потерпи немного, я уже почти придумал, как решить эту проблему. А сейчас давай поговорим о Вельо и Сибилле. Насколько точны были наши предположения насчет этой парочки?

- С каждым днем, - сказал Мутано, - я все больше убеждаюсь в собственной глупости и недалёковидности. Я был абсолютно уверен, что среди нищих не найдется никого, кто понимал бы кошачий язык, а между тем многие, с кем я встречался, прекрасно на нем разговаривают. Один особенно отвратительный субъект владеет сразу тремя диалектами этого языка. И что помешало мне сообразить сразу: нищие должны быть в курсе всего, что творится на улицах и в переулках Тардокко - в конце концов, от этого зависит их благополучие, а кто лучше кошек знает все лазейки, тайные ходы и выходы? В общем, для городских попрошаек кошачий язык является жизненной необходимостью.

- Ну и что рассказали тебе твои новые кошкотязычные друзья?

- Кое-что о Вельо и Сибилле.

- А об Астольфо?

Мой вопрос Мутано озадачил.

- Об Астольфо? А он-то тут при чем? - удивленно спросил он.

- А тебе не кажется, что он всегда оказывается «при чем», какие бы таинственные и важные события ни происходили в Тардокко? Впрочем, не будем об этом. Скажи лучше, не слышал ли ты каких-либо упоминаний о человеке по имени Румио или Мумио?

- Номио, - поправил Мутано. - Это имя пару раз всплывало в разговоре, однако никаких подробностей я не узнал. Но раз ты сам его упомянул, тебе, вероятно, уже известно, что о нем говорят?

- Кое-что, но не все. Так что давай обменяемся сведениями и подумаем, как нам лучше изложить наши догадки и наши планы на будущее. Ужин, кстати, приказано накрыть на пятерых и выставить на стол лучшие серебряные приборы.

- Значит, Вельо и девчонка тоже будут присутствовать? - спросил Мутано.

- Да, но это не должно нам мешать. Вот почему я предлагаю обсудить все заранее. Расскажи, что ты узнал в городе, да поподробнее. Не упускай ничего - малейшая деталь может нам пригодиться.

* * *

Как только мы уселись за стол, я поспешил первым поднять свой кубок.

- По традиции, - начал я, - первый бокал полагается выпить за здоровье гостей. Я желаю синьору Вельо и его спутнице долгой жизни, улыбок и всяческого процветания.

Когда все выпили, я быстро сказал:

- Пить за то, чтобы кого-то из присутствующих - или отсутствующих - постигли беды и несчастья, обычно не принято, однако сейчас я намерен отступить от этого правила. Выпьем за барона Тила Рендига, и пусть его терзает настоящая боль, пока воображаемые крысы впиваются зубами в его плоть, грызут кости и терзают дух. Пусть барон мечется в горячке и обливается потом, когда ему кажется, будто его голову сжигает огонь, словно он смоляной факел на деревенском празднике. И пусть эти две напасти терзают его вместе и попеременно так долго, как он только сможет вытерпеть, и пусть боль, которую барон при этом испытывает, с каждым разом усиливается. Вот за что я хочу поднять второй бокал. Есть ли за этим столом человек, который не хочет присоединиться к этому тосту?

Сибилла взглянула на меня, и ее большие, печальные глаза стали еще тоскливее. Выражение лица Вельо не изменилось, оно по-прежнему не выдавало ни мыслей, ни чувств, и все же мне показалось, что по его изможденным чертам скользнула тень мрачной радости. Взгляд Астольфо остался холодно-спокойным, однако он медленно поднял бокал и чуть склонил голову в знак согласия.

Мутано залпом осушил свой кубок, Вельо последовал его примеру, и только девчонка сделала из своего бокала небольшой глоток. А у меня уже был наготове третий тост.

- Несмотря на то что я и мой друг Мутано давно считаем себя почти что родственниками уважаемого маэстро, он остается для нас щедрым и справедливым нанимателем. Поэтому давайте выпьем за его здоровье и процветание.

Вельо и девочка поддержали и этот тост - как мне показалось, с неподдельным воодушевлением.

- Маэстро Астольфо, - продолжал я, - самый изобретательный и находчивый человек из всех, кого я встречал в своей жизни. Взять, к примеру, барона Рендига... Барон является нашим клиентом, поэтому маэстро не может действовать вопреки его интересам, не опасаясь серьезно повредить собственную репутацию, и все же ему удалось отыскать способ поступить так, как он считал нужным, и при этом не покрыть себя бесчестьем. Я, разумеется, не знаю подробностей, но не

сомневаюсь, что маэстро сумел исполнить все пожелания своего друга. Разве не так, синьор Вельо?

Старик отпил глоток из своего бокала.

- В отношении барона я никогда не буду полностью удовлетворен, - сказал он спокойно. - Но Астольфо действительно удалось многое. Очень многое.

- Скажите, маэстро, вы с самого начала действовали в интересах синьора Вельо? - спросил Мутано. - Или вы сначала получили плату от барона, а потом предложили свои услуги ему?

- Я веду свои дела честно, - сухо сказал маэстро. - Барон заплатил мне за то, чтобы я защитил от грабителей вещи, которыми он больше всего дорожит. Вы с Фалько соорудили в его замке лабиринт и установили ловушки, способные остановить любого, кто попытался бы проникнуть в секретные комнаты. Мне казалось, вы сделали все, что было в ваших силах. Или я ошибаюсь?

- Мы сделали все, что могли, - подтвердил я. - Но этого оказалось недостаточно.

- Я знаю вас как хороших работников, - продолжил Астольфо. - И все же с моей стороны было бы благоразумно проверить, насколько хорошо вы справились с заданием. Я должен строго блюсти интересы клиентов, так что же тут такого удивительного, что я попросил своего друга Вельо испытать ваш лабиринт?

- Это так, - сказал я. - Но ведь и вы, и все воры, попрошайки, ломовые извозчики, грузчики, с которыми вы тесно общались, приняв обличье нищего по имени Номио, прекрасно знали, что представляет собой барон. Вращаясь среди людей, занимающих самое разное положение в обществе, вы изучили и жизнь городского дна, и жизнь высшего света. Я совершенно уверен: вы отлично знаете, чем живет и дышит население Тардокко и провинции. И конечно, ваших ушей не могли не достичь слухи о том, как жестоко барон поступает с женщинами и девушками, которым не посчастливилось попасть к нему в лапы. Несомненно, вы давно ждали подходящей возможности, чтобы отомстить этому зверю в человеческом облике, и вы этого дождались.

- Я деловой человек, Фалько, - покачал головой Астольфо. - Я предприниматель и не борюсь за справедливость ради справедливости, как те закованные в доспехи странствующие синьоры, о которых рассказывается в старинных детских сказках. Моя цель в жизни совершенно иная: я зарабатываю золото, чтобы тратить его в свое удовольствие.

- Ладно, допустим, вы не искали этой возможности, но, когда она появилась, вы, как и полагается настоящему деловому человеку, ее не упустили. Когда барон обратился к вам, вы сразу сообразили, какой это отличный шанс поквитаться с ним за все его зверства.

- Лично мне барон не причинил никакого вреда, и его дела, каковы бы они ни были, нисколько меня не интересуют. Тил Рендиг меня нанял, щедро заплатив за услуги, и я свои обязательства перед ним выполнил. Его замку не грозят воры и грабители, поскольку никто из них не обладает уникальными способностями, которыми по воле случая наделен мой друг Вельо. Теперь барон будет жить там совершенно один, ибо он уверен, что никто не сможет до него добраться, преодолев созданный тобой и Мутано лабиринт. Я сам провел барона через все ловушки, показав легкий и простой путь, а также передал ему план лабиринта. Тил Рендиг был очень доволен, он даже предложил увеличить вознаграждение сверх оговоренной суммы, но я отказался. Иными словами, - подвел итог Астольфо, - барон получил лучшее обслуживание, на какое только могут рассчитывать мои клиенты.

- Номио дружил со многими бедняками, - сказал я. - Одним из них был Вельо. И вы, и все ваши друзья хорошо знали, как жестоко обошелся барон с дочерью Вельо Сибиллой, какую ужасную смерть он ей приготовил. Когда барон впервые обратился к вам, чтобы приобрести кое-какие тени, вы решили воспользоваться этой возможностью. Для этого вам потребовались навыки, которыми вы овладели еще в юности. Вы похитили тень самого барона или ее часть и припрятали для последующего использования.

- Ты ошибся, Фалько. Вот же Сибилла - сидит с нами за одним столом. Ты сам видишь, что она не изуродована и не искалечена, и уж конечно, она не мертва. - Астольфо усмехнулся уголком рта.

- Это не Сибилла, - сказал я. - И вам это прекрасно известно. Спутницу синьора Вельо зовут Дорминия, и она дочь одного из мелких торговцев кружевами. Некоторое время назад Дорминия стала жертвой сонной болезни, которая поражает многих юных девушек. Вельо взялся ее лечить, а вы снабдили ее тенью Сибиллы, которая хранилась у вас с тех пор, когда дочь вашего друга была зверски замучена в потайных комнатах над таверной «Темная глубина». Сибиллу похитили люди барона, действовавшие по его приказу. Перед смертью бедняжке пришлось перенести неслыханные издевательства и мучения; ее крики были слышны всему кварталу, но улицы патрулировали слуги Рендига, и поспешить на помощь никто не мог. В конце концов кто-то разыскал Вельо и позвал жандармов, но было слишком поздно. Когда с помощью друзей слепой врач поднялся в потайные комнаты, ему потребовалось все мужество, чтобы...

- Слепой?! - вскричал Вельо. - Тогда я не был слеп! Глаза отказались мне служить в тот самый миг, когда я увидел мою Сибиллу!

Я до сих пор молюсь, чтобы больше никогда не слышать человеческий голос, в

котором смешалось бы столько муки и неизбежного горя. От одного звука этого голоса я невольно съежился, чувствуя, как поднимаются дыбом волосы на голове, а по спине бегут холодные мурашки.

Тут вмешался Астольфо.

- Довольно, - сказал он твердо. - Ни слова больше! Синьор Вельо и его спутница, кем бы она ни была, наши гости. Негоже требовать от них, чтобы они вспоминали былые ужасы и несчастья.

- Простите, маэстро, но мне хотелось бы прояснить некоторые моменты, - возразил я. - Ту девочку, Сибиллу, наверняка охраняли, и то, что с ней случилось, может означать только одно: кто-то плохо исполнил свой долг. И как мне представляется, этот промах тоже мог стать поводом для мести не менее жестокой, чем самые страшные поступки барона. Тем не менее я не понимаю...

Астольфо окинул меня взглядом, который трудно было назвать приятным.

- Ты многого не понимаешь, да тебе и не нужно. Наш повар Ират - человек не слишком терпеливый, и если в самое ближайшее время мы не перейдем от тостов непосредственно к ужину, он скормит эту великолепную телятину гончим. Это ты, надеюсь, понимаешь? - добавил он с иронией.

Я кивнул. Похоже, я зашел слишком далеко. Как бы не перегнуть палку...

- Было бы весьма неосторожно сердить человека, у которого под рукой постоянно находится комплект острых ножей самого разного размера, - сказал я, чтобы шуткой остудить готовый разгореться гнев Астольфо. Похоже, мне это удалось, так как после этого мы говорили только о пустяках: циркулирующих в городе сплетнях, истинной природе новой науки астрономии, неудачах нашего рыболовного флота и многом другом. Остаток вечера пролетел быстро. Когда минула полночь, гости поднялись из-за стола, чтобы пожелать нам спокойной ночи, а заодно и попрощаться. Оказывается, рано утром Вельо и Сибилле предстояло тронуться в путь - слепец был искусным врачом, и в этом качестве его призвали к постели больной дочери графа Ризика, поместье которого находилось далеко на севере провинции. По словам Вельо, это был очередной случай необъяснимой меланхолии, которая в считанные недели переросла в состояние полной подавленности и уныния. Больная девушка совершенно перестала разговаривать с кем бы то ни было и часами сидела, пристально вглядываясь в пространство перед собой, словно там ей виделся какой-то другой мир.

- Я часто спрашиваю себя, - задумчиво проговорил Вельо, - может быть, свойственные нынешнему беспокойному времени тревоги и суета как раз и порождают подобные состояния у молодых чувствительных натур? Если так, значит, что-то сдвинулось в устройстве нашего мира. Молодежь должна быть

веселой и легкомысленной, увлекаться танцами и музыкой, а не серьезными проблемами - так, по крайней мере, было в те времена, когда я сам был молод.

- Те времена давно минули, - заметил на это Астольфо. - И поэтому сейчас наша молодость кажется нам счастливее., чем была на самом деле.

- А кстати, - заметил Вельо, - если нынешние молодые люди охвачены духом уныния, разве это не должно влиять на их тени? Впрочем, я мало что знаю о природе теней, так что мой вопрос, скорее, праздный.

- Я не изучал эту проблему специально, - сказал Астольфо. - Но твоё предположение кажется мне любопытным и, безусловно, заслуживает внимания. Пожалуй, я поручу подобное исследование Фалько. Так у него, по крайней мере, будет какое-то занятие, на которое он сможет направить свои силы и способности.

Этими словами, в которых я снова уловил легкий укор, ужин завершился, и все разошлись по своим спальням.

* * *

Час был поздний, да и выпито за ужином немало, однако мне не спалось. Стоило закрыть глаза, как в ушах снова начинал звучать исполненный горя и гнева голос Вельо. По-видимому, картина, которой он стал свидетелем, была настолько жуткой, что его глаза не выдержали. О том, что увидел Вельо за мгновение до этого, я старался не думать. Вместо этого я спросил себя, почему Дорминия заняла место его убитой дочери? Быть может, Астольфо переговорил с ее родителями, рассказал о печальной истории Вельо и Сибиллы? В таком случае они могли отпустить дочь со стариком, полагая, что подобный маскарад является одним из элементов его врачебного ремесла. Я, однако, не исключал, что проводником Вельо была вовсе не Дорминия. Ведь все, что мне было о ней известно, - имя да неточное описание, которое Мутано удалось собрать буквально по крупицам во время бесед с прежними помощниками старого врача.

В глубине души я был уверен, что за событиями, смысл которых я тщился постичь, стоит какая-то тайная сила, еще одно действующее лицо, обладающее особыми знаниями и непревзойденным мастерством. Возможно, это неведомое действующее лицо никто иной как Астольфо. И все же...

Ответ был где-то близко, я чувствовал это. Но как раз в тот момент, когда мне показалось, что я ухватился за кончик ниточки, которая позволила бы размотать весь клубок, сон наконец сморил меня, и я погрузился в забытие.

Х.

- Четыре золотых имперяла, - решительно заявила Маронда. - Дешевле я не отдам.

- Это слишком дорого, - покачал я головой.

- Не пытайся торговаться, все равно я ни гроша не уступлю. В конце концов, ты сам согласился на любую цену, которую я назначу. Что, забыл?..

- На любую разумную цену, - возразил я.

- За какую-то другую кошку четыре имперяла, может, и было бы чересчур, но за эту - в самый раз.

- Быть может, для начала синьорина позволит мне хотя бы взглянуть на это седьмое чудо света? - сказал я. - Я почел бы за счастье просто увидеть кошку, которая стоит так дорого.

- Идем на задний двор. - Маронда захлопнула за собой тяжелую дверь и, пройдя по улице несколько шагов, остановилась перед коваными железными воротами. Сквозь их решетку я разглядел ровную вытопанную площадку заднего двора, посреди которого горел в яме большой костер. Над костром висел большой чугунный котел, служивший, несомненно, для получения отваров, экстрактов, эссенций и прочих парфюмерных снадобий. От котла исходил отвратительный запах, и у меня тотчас потекли слезы и заложило нос.

В дальнем углу двора рос могучий старый платан. В его тени на низкой и длинной скамье лежала кошка. Расстояние было слишком велико, поэтому я не мог рассмотреть всех подробностей, и лишь одно мне стало ясно практически сразу: кошек такого окраса я еще никогда не встречал. Такой светлый, почти платиновый оттенок бывает только у женских волос, да и то нечасто.

Тем временем Маронда достала из кармана своего серого рабочего платья ключ и отперла ворота. Кошка смотрела в противоположную от нас сторону и даже не обернулась, пока мы шли к ней. Когда до скамьи осталось не больше десяти шагов, Маронда позвала ее по имени - Асилия, и та наконец поглядела на нас.

У нее оказались поразительные глаза, и вовсе не потому, что они были того редкого бледно-голубого оттенка, который можно сравнить с цветком цикория, распутившимся при дороге, на самом солнцепеке. Все дело было в светившемся в них разуме - глубоком, сравнимом с человеческим, всю силу которого я почувствовал с первого же взгляда. Ошибиться я не мог. Для каждого, кто имеет отношение к работе с тенями, одним из необходимых профессиональных качеств

является умение распознать и оценить связь между внешностью и внутренним содержанием, и я готов со всей ответственностью утверждать, что встречал немало людей, у которых ума - и разума - было намного меньше, чем у Асилии.

Тем временем серебристая красавица грациозно потянулась и только после этого повернулась к нам. Ее бока и лапы были одинакового серебристо-серого цвета - только самые кончики лап казались припорошенными снегом, да на груди белел узкий «галстучек», похожий на ледяной кинжал.

Усевшись на задние лапы, Асилия величественно взглянула на нас, словно королева, дающая аудиенцию подданным.

- Ну, что скажешь? - поинтересовалась Маронда.

Кошка смотрела мне прямо в глаза. Мне казалось, она с легкостью читает мои мысли.

- Замечательное животное, - сказал я, справившись с первоначальной оторопью.

- Где вы его взяли?

- Не твое дело.

- За четыре-то золотых - и не мое? Родословная, знаете ли, играет важную роль.

- Играет. Именно поэтому мы предпочитаем держать в тайне происхождение наших лучших котов и кошек. Или за четыре империаля ты хочешь купить и секрет разведения подобных красавиц?

- Ну хорошо, пусть Асилия пройдет. Я хочу взглянуть, как она движется.

Маронда подняла указательный палец. Несколько мгновений кошка мрачно ее разглядывала, словно решая, послушаться или нет, потом снова поднялась на лапы. Она прошла до конца скамьи, вернулась на прежнее место и снова уселась.

Если бы вода умела ходить или если бы дух быстрого лесного ручья вдруг пожелал принять кошачье обличье, они бы двигались именно так - плавно, слитно и мощно. Казалось, Асилия вовсе не идет, а перетекает с места на место; каждый шаг ее легких лапок с белыми мысками был продолжением другого, и от этого ее движение казалось непрерывным и стремительным, хотя сейчас кошка шла совсем не быстро, я бы даже сказал - с ленцой.

- У нее когда-нибудь были котята? - спросил я.

- Нет, - покачала головой Маронда. - Асилия девственница, как ты и просил.

- А как насчет музыкального слуха?

- Когда бродячий скрипач Веселая Нога играл свои самые веселые мелодии, она явно прислушивалась. Старинная баллада «Плач по ушедшим королевам», похоже, заинтересовала Асилию еще больше. Пока Веселая Нога играл, она сидела совершенно неподвижно и внимательно слушала.

- А подпевать она не пыталась?

Маронда озадаченно уставилась на меня, потом широко ухмыльнулась.

- Наверное, она решила, что с ее стороны будет не слишком вежливо запеть, когда никто ее об этом не просил.

Я тоже улыбнулся. Несмотря на свою ширококостную фигуру и мужские повадки, Маронда с каждой минутой нравилась мне все сильнее, и если бы не способ, которым она зарабатывала себе на жизнь, я, пожалуй, попытался бы узнать ее поближе. Увы, любовная связь с женщиной, от одного присутствия которой я начинал кашлять, чихать и поминутно вытирать слезящиеся глаза, вряд ли относилась к области возможного.

- Я видел, как по вашей команде Асилия прошла по скамейке. Что она еще умеет? Станет ли она подчиняться командам другого человека?

- Стоит показать ей поднятый палец, и она пройдет туда-сюда, если захочет, конечно, но это, пожалуй, все. В конце концов, Асилия не дрессированная кошка бродячего комедианта, обученная разным забавным трюкам. Любая дрессировка способна только испортить характер - и больше ничего.

- Не уверен, что это мне нравится, но... Пусть она пройдет еще раз.

Пока мы разговаривали, солнце немного сдвинулось, и мне удалось более подробно рассмотреть тень Асилии - такую же изящную и грациозную, как она сама. Ее тень скользила по скамье с легкостью теплого летнего ветерка, несущегося над полем белых лилий.

- Ладно, договорились, - сказал я наконец, вручая Маронде золото. - Завтра мы с Мутано снова придем и заберем Асилию. Думаю, вам будет весьма интересно узнать, что эту кошку ждет блестящее будущее. Благодаря мне Асилия займет весьма высокое положение, быть может, она даже будет жить в замке.

- Вряд ли Асилия может занять положение более высокое, чем то, которое она уже занимает, - возразила Маронда. - Среди кошек она принцесса, а будет королевой.

Я не стал возражать.

* * *

Мутано был весьма озадачен, когда я, взяв одну из птичьих клеток, принадлежащих нашему повару, украсил ее лентами и цветами, а к прутьям привязал несколько ярких игрушек.

- Боюсь, твоя ловушка не сработает, - сказал он. - Наживка не слишком подходящая.

- Позаботься лучше о том, - ответил я, - чтобы ящик, с помощью которого ты собираешься получить обратно свой голос, был в полном порядке. И не забудь захватить тень, когда мы поедem в замок. О наживке я уже подумал.

В назначенный час мы постучали в дверь заведения Насилии. Выйдя на стук, Маронда смерила Мутано откровенно оценивающим взглядом.

- Это и есть твой приятель, о котором ты вчера рассказывал?

- Да, это он; его зовут Мутано. К сожалению, он плохо говорит и не может приветствовать вас подобающим образом.

Мутано, в свою очередь, приподнял шляпу с пером и низко поклонился, причем проделал это вполне серьезно.

- Зато ты, как я погляжу, болтаешь за, двоих, - фыркнула Маронда.

Я тоже поклонился и продемонстрировал ей клетку.

- В ней мы понесем Асилию, - пояснил я. - Впрочем, в клетке ей предстоит провести совсем немного времени. - Я поставил клетку на ступеньку.

- Ну, не знаю, согласится ли она... - Маронда обернулась, подняв вверх палец, и из дверей величественно вышла Асия. На крыльце она остановилась, пристально оглядела Мутано и меня и стала приюхиваться к украшенной цветами, лентами и маленькими висячими зеркалами клетке. Потом бросила вопросительный взгляд на Маронду, и когда та кивнула, не торопясь вошла в клетку. Оказавшись внутри, она заново обнюхала углы, потом трижды повернулась на месте и легла.

- Обращайтесь с ней со всем почтением, - напутствовала нас Маронда. - Асия теперь ваша, но если из-за ваших действий или, наоборот, бездействия ей будет причинен вред, я... В общем, вы узнаете, какова я в гневе.

Мутано вручил мне клетку и еще раз с непередаваемым изяществом поклонился Маронде. Выпрямляясь, он встал на ступеньку крыльца - и вдруг поцеловал ее прямо в губы.

От неожиданности лицо Маронды словно окаменело. Это продолжалось секунд пять, после чего она раздраженно нахмурилась. Как я уже говорил, руки у нее были по-мужски крепкими, поэтому пощечина, которую она отвесила Мутано, могла бы сбить его с ног, будь он человеком менее крепким. Мой приятель, однако, был готов к подобному повороту и устоял, только его щека мгновенно покраснела.

- Я хотел бы принести извинения за моего друга, - быстро сказал я. - Поскольку он не может говорить, ему порой приходится прибегать к иным... гм-м... способам, чтобы выразить свои чувства. Смею заверить, Мутано не собирался вас оскорбить, к тому же наш хозяин Астольфо, несомненно, строго накажет его за неподобающее поведение.

При этих моих словах Мутано опустился на колени и низко склонил голову. Выглядел он при этом как воплощенное раскаяние, и Маронда, не выдержав, улыбнулась.

- Вашему хозяину следовало бы поучить хорошим манерам вас обоих, - сказала она ворчливо, но по ее лицу было видно, что она уже оттаяла.

- Мы всегда готовы учиться, - сказал я с легким поклоном.

Потянув Мутано за ухо, я заставил его подняться и вручил клетку с Асилией. Потом мы взобрались на стоящую перед дверью тележку, и я отвязал от передка вожжи.

* * *

В замок мы прибыли ближе к вечеру, когда примерно треть внутреннего двора уже была накрыта тенью, отбрасываемой западной стеной. Граница тени казалась идеально ровной, словно проведенной по рейке землемера.

Я нес опутанную ремнями клетку с нашей драгоценной Асилией, Мутано прижимал к себе черный ящик, похожий на футляр от скрипки, в котором находилась тень Санбольты. Мы были готовы выполнить нашу часть договора и вернуть одержавшему победу в поединке коту его тень. Нам, однако, необходимо было немного отложить этот момент, поэтому мы уселись на скамью под стеной и, чтобы выиграть время, принялись возиться с многочисленными застёжками и запорами клетки. Когда дверца отворилась, Асилия сразу направилась к выходу, но, высунув голову наружу, остановилась. Некоторое время она озиралась, нервно принюхиваясь и прислушиваясь к незнакомому окружению, потом осторожно шагнула на землю передними лапами, снова замерла на несколько секунд и наконец покинула клетку. Далеко она, впрочем, не ушла. Обнюхав мою руку, Асилия несколько раз боднула меня в ладонь бархатистым лбом, а затем тщательно обследовала подошву туфли моего приятеля. Стараясь не напугать зверя, я поставил клетку рядом с собой на скамью и поднял палец, как это делала Маронда. Асилия взглянула на меня с некоторым сомнением, но все же несколько раз прошлась из стороны в сторону и села.

Мутано достал из-за пояса короткую деревянную флейту и осторожно подул в нее. Несколько чистых, печальных нот разнеслись над двором. Асилия наклонила голову, словно прислушиваясь, а я увидел, как над парапетом стены наверху показались рыжие кошачьи уши. Санбольт явно ждал нас.

Уши исчезли. Очевидно, кот спускался во двор.

Мутано снова подул в свой инструмент. Флейта издала долгую, пронзительную ноту, задавая тон, и приятель запел старинную лэ «Когда я был кошачьим королем, а ты - домашней кошкой кузнеца», которую он перевел на кошачий язык и переработал в соответствии с принятой среди кошачьего племени музыкальной системой. Я с ней почти не знаком, и не мог сказать, насколько точно Мутано соблюдал тональность или размер. У меня, однако, сложилось впечатление, что он был не в лучшей форме, поскольку Асилия отреагировала на его завывания без особого энтузиазма. Пожалуй, только врожденное благородство и безукоризненное воспитание заставили ее выслушать лэ до конца (сам я едва удержался, чтобы не удрать).

Когда Мутано перестал наконец драть горло, Асилия повторила мелодию на свой лад, а мой приятель ей аккомпанировал. Ноты, которые выводила кошка, несколько напоминали звуки флейты, но были намного увереннее и чище, словно ее гортань была сделана из чистого серебра. Тремоло в исполнении Асилии навевали мысль о хрустальных цимбалах, а стакато - о лире.

Из дверей замка выглянул Санбольт. Он не спешил показываться целиком; с того места, где мы сидели, нам были видны только его уши и голова. Асилия почти закончила свою арию, когда кот вышел наконец на открытое пространство. Наша красавица его явно заинтересовала, но он продолжал держаться настороже. Какой бы привлекательной ни казалась Санбольту Асилия, куда больше он хотел получить обратно свою тень.

Мутано отложил флейту и, взяв в руки черный футляр, поднялся, чтобы переговорить с рыжим. Сделав несколько шагов навстречу Санбольту, он присел перед ним на корточки, но о чем шла речь, я не слышал.

Асилия с крайне независимым видом запрыгнула на скамью и стала вылизываться.

Пару минут спустя Мутано и Санбольт вошли в замок и исчезли из вида, затерявшись среди колонн длинной сводчатой галереи. Вскоре они, однако, появились вновь. Когда человек и кот вышли на все еще освещенную солнцем часть двора, я увидел, что тень Санбольта - плотная, мускулистая, очень внушительная - снова следует за ним. На моих глазах Санбольт несколько раз обернулся, чтобы как следует ее рассмотреть. Выглядел он очень довольным: похоже, тени ему все-таки не хватало.

Итак, Мутано выполнил свою часть договора - рыжий получил тень обратно. Но вот приятель сходил к нашей тележке и, достав оттуда аппарат для улавливания голоса, поставил его на землю немного в стороне. По-видимому, он и Санбольт о чем-то договорились, пока были в замке, поскольку кот несколько раз обошел

странное устройство, из которого торчали широкий медный раструб и несколько витков спиральной трубки-резонатора. Наконец он почти по-человечески кивнул в знак согласия; Мутано подхватил аппарат, и оба снова исчезли в галерее.

Прошло несколько мгновений, и из замка донесся громкий, неблагозвучный шум. Это была настоящая звуковая каша. Сначала Санбольт вещал голосом Мутано: он проклинал, грозил, говорил комплименты, убеждал, рассказывал. Все это я когда-то слышал из уст самого Мутано, но теперь, производимые кошачьей гортанью, эти звуки звучали совершенно не по-человечески: ни одного слова я разобрать не мог, хотя интонации и тембр оставались вполне узнаваемыми. Эта какофония продолжалась довольно долго, так что Асилия, поначалу насторожившаяся, начала скучать: поднявшись со скамьи, она демонстративно потянулась, потом снова улеглась с выражением бесконечного терпения и покорности на морде.

Я, однако, знал, что дело еще далеко не закончено, ибо в этот момент человеческая речь смолкла, и из замка понеслись грозные завывания, яростные вопли, пронзительный мям и громкое мурлыканье, которые издавал мой приятель. Таким образом Мутано избавлялся от кошачьего словаря, делая это со всем возможным рвением.

Похоже, подумал я, все прошло, как планировалось, и обмен состоялся. Но что Мутано мог предложить коту в качестве выкупа за свой голос? Пожалуй, только знакомство с Асией - подлинным эталоном кошачьей красоты, с которым ни сам Санбольт, ни мы с Мутано никогда не сталкивались и вряд ли столкнемся в будущем.

Тем временем в замке наступила тишина - оба голоса оказались в устройстве, и теперь Мутано и Санбольт по очереди вступали во владение каждой своей собственностью.

Ну вот и все, снова подумал я, когда Мутано снова появился из замка. Не говоря ни слова, он вручил мне футляр для теней и устройство для хранения голоса, чтобы я положил их в тележку. Оставалось только выяснить, пожелает ли Асилия вернуться с нами на виллу Астольфо, где ее ожидали самый торжественный прием и жизнь в достойной обстановке, или предпочтет вернуться к Маронде. А может, ей захочется ненадолго задержаться в замке, чтобы лучше познакомиться с Санбольтом?

Кошка, казалось, колеблется, не в силах принять то или иное решение. Она долго смотрела на рыжего, словно пытаясь оценить его внешность и манеры и взвешивая различные варианты. В конце концов Асилия нехотя отвернулась и мелкими шажками направилась к клетке, которая по-прежнему стояла рядом со мной на скамье.

Сделав четыре шага, она, однако, остановилась и обернулась через плечо.

Санбольт запел. Это снова была уже знакомая мне лэ «Когда я был кошачьим королем», но исполнение оказалось совершенно иным - более правильным и, если можно так сказать, мужественным. Каждая нота была чистой, полнозвучной и отчетливой, сопровождаясь при этом затейливыми фиоритурами, трелями и горловыми переливами. Санбольт в полной мере владел свойственным его племени искусством увеличенных интервалов, переходя от ноты к ноте за одиннадцать, двенадцать и даже тринадцать тактов. Кошачья музыкальная система является двойственной, в ней используются и гаммы, и отдельные свободные тона, которые постоянно смешиваются ад либитум^{*47}. В результате получается мелодия, которую не услышишь у других представителей млекопитающих, но оценить ее по достоинству способны только те, кто дал себе труд ознакомиться с лежащими в ее основе гармоническими правилами.

Асилия замерла словно зачарованная. Она не присоединилась к арии Санбольта, не стала повторять песню за ним, исправляя огрехи в технике, как она поступила, когда лэ исполнял Мутано. Асилия ждала. И мы тоже ждали - ждали, что же она решит.

А Санбольт завел новую песню - совершенно иную по мелодике и настроению. Это была томная, страстная и вместе с тем печальная баллада, которая, как я впоследствии узнал, называлась «Плач по ушедшим королевам». Некоторое время он пел один, но через несколько куплетов Асилия присоединила свой голос. Сначала она пела совсем негромко, но постепенно ее голос набирал силу и звучность. Мелодия летела, наполняя собой двор замка, ее такты сплетались в новую, волшебную гармонию, постепенно подбираясь к кульминации, и вдруг песня оборвалась - словно птица, которая взмыла ввысь и исчезла из вида.

*Спят королевы бесконечным сном,
Где те снега, что покрывали землю
Сплошным ковром?..*

Мы с Мутано переглянулись и, собрав свое имущество, погрузились в тележку и поехали восвояси.

XI.

Всякому должно быть очевидно, что человек, известный как опытный и умелый

---

⁴⁷ * *Ад либитум* - на усмотрение исполнителя. (Прим. перев.)

фехтовальщик, без труда справится с невооруженным противником, который к тому же в силу тех или иных причин не может защищаться. Но, вернувшись на виллу, мы увидели, как Астольфо, облаченный в забрызганный кровью поварской фартук, тщетно пытается разрубить на куски беспомощную тушу откормленного каплуна. По-видимому, маэстро в очередной раз вдребезги разругался с нашим поваром, и тот, как всегда в подобных случаях, покинул виллу. Когда Ират соизволит вернуться, было неизвестно, наверное, ему самому; его отсутствие могло продолжаться от нескольких часов до нескольких дней, поэтому самым разумным в данной ситуации было взять домашние дела в свои руки.

Что Астольфо и попытался сделать, правда, без особого успеха.

Увидев нас, маэстро отступил от большой деревянной колоды, с отвращением посмотрев на несчастную птицу, которую он практически расплющил несколькими мощными ударами, и отер со лба обильный трудовой пот.

- Ты спрашивал о наличии у тени сознания, Фалько... - проговорил он, будто продолжая наш вчерашний разговор, и вдруг запнулся, словно не зная, стоит ли ему продолжать. Повернувшись к ближайшему столу, маэстро сделал несколько глотков из стоявшей там кружки и только потом сказал: - Однажды я видел тень, которая напала на человека по своей собственной воле - и по причине, представляющейся мне достаточно весомой. Это была тень изнасилованной, изуродованной и замученной девочки... Зрелище, без преувеличения, было настолько ужасным, что даже сейчас мне приходится делать над собой усилие, чтобы вспомнить все подробности. Я вошел в комнату с фонарем, чтобы забрать тело. Девочка была давно и бесповоротно мертва, но ее тень, лежавшая рядом на полу, все еще трепетала. Я сразу увидел, что контуры тени не соответствуют трупу, хотя тот и был жестоко изуродован. Тень была слишком большая, и я взял ее, чтобы поместить в особый футляр. Когда впоследствии я ее исследовал, оказалось, что тень девочки захватила и удерживает часть тени другого человека. Тогда я не знал, что такое возможно, и не понимал, как это возможно...

- А в самом деле, как подобное могло произойти? - перебил Мутано. - Ведь это, наверное, весьма необычное, можно даже сказать - уникальное явление. Не так ли, маэстро?

«Весьма необычное, уникальное...» Я мысленно выругался. Получив обратно свой голос, Мутано пользовался любым предлогом, чтобы испробовать его возможности. В последние несколько часов он то принимался петь, то изъяснялся столь вычурно, что можно было подумать - приятель ненароком проглотил словарь.

- Насилие, совершенное над девочкой, было столь бесчеловечным и жестоким, что ее тень попыталась нанести ответный удар тени насильника, - сказал

Астольфо. - Только так я могу объяснить этот случай.

- Эта девочка и была Сибилла, - сказал я уверенно. - Настоящая Сибилла, дочь вашего друга Вельо. И вы, переодетый в одежду нищего, были вместе с ним, когда он ворвался в комнату - и ослеп при виде изуродованного трупа дочери. Вы своими глазами видели, что сотворил с девочкой барон, и сразу поняли, как ему можно отомстить. Именно поэтому вы забрали с собой тень Сибиллы, спрятав ее под своим рубищем. Вельо к этому моменту уже ничего не видел и не знал, что именно вы делаете. Вместе с тенью Сибиллы к вам попала и часть тени барона, что давало вам самые широкие возможности... хотя ни на что подобное вы, наверное, не рассчитывали.

Мутано недоуменно посмотрел на меня. В последние дни он был озабочен, главным образом, своим голосом, поэтому подробности моего расследования от него ускользнули. Астольфо, однако, мои слова не удивили.

- Да, ничего подобного я не ожидал, - подтвердил он. - Я вообще не знал, что тень может действовать столь агрессивно... и эффективно. Правда, в древних летописях и хрониках встречаются кое-какие намеки, но кто в наше время доверяет летописям? - Маэстро слегка пожал плечами.

- Когда барон обратился к вам с просьбой устроить в его замке лабиринт, вы решили воспользоваться удобным случаем, чтобы отомстить за девочку и своего друга. То, что Тил Рендиг вдруг решил прибегнуть к вашим услугам, было, разумеется, чистой случайностью, но все дальнейшее не случайность и не совпадение. Вы все рассчитали и даже сумели заставить барона еще сильнее беспокоиться о сохранности его драгоценных свечных огарков...

- Если барону стало казаться, будто его мозг сжигает огонь, а тело гложут крысы, нет ничего удивительного в том, что он захотел как можно надежнее защитить свою тень от окончательного разрушения. И заказанный им охранный лабиринт был в данных обстоятельствах самым разумным шагом, - усмехнулся Астольфо.

- Сказанное вами справедливо только в том случае, - возразил я, - если барону каким-то образом стало известно, что фрагменты его тени смешаны со свечным салом и эти свечи могут в любой момент пострадать от воров, забывчивости слуг или крыс.

Астольфо снова усмехнулся.

- Любой человек, который умеет читать и писать, мог отправить барону письмо и сообщить об этом. Насколько я знаю, ты, Фалько, обучен грамоте. И Мутано тоже. Даже Ират способен нацарапать несколько строк, хотя ошибки, которые он при этом делает, выглядят совершенно чудовищно. Уж лучше бы он занимался своим делом... - Астольфо воткнул мясницкий нож, который до сих пор держал в руках, в

колоду, где рядом с изрубленной тушкой птицы лежали еще три внушительных тесака. Вздыхнув, он сделал несколько глотков из кружки. Тоненькая струйка побежала по его подбородку, и я увидел, что в кружке была простая вода.

- Надо будет немного подучиться поварскому искусству, - пробормотал маэстро. - Это не такое простое дело, как мне казалось.

- Теперь ничто не помешает довести вашу месть до конца, - сказал я. - Что вы предпочтете: сжечь эти свечи или оставить их крысам?

Маэстро окинул меня взглядом, который казался совершенно спокойным и безмятежным.

- Ни то, ни другое, друг Фалько. Мы занимаемся честным ремеслом, что бы ни говорили о нас некоторые. Мы с бароном заключили договор, и я старался следовать каждой его букве. Я сам провел хозяина по лабиринту, показал ему все западни и ловушки, все тупики, фальшивые лестницы и замаскированные ямы. Я также передал Рендигу составленный вами план, чтобы он мог без опаски передвигаться по замку. Тем самым я полностью исполнил свои обязанности перед заказчиком, а барон сполна расплатился за мою и вашу работу. После этого он отправился в свой городской особняк, чтобы забрать кое-какие вещи, которые, как он считал, могут понадобиться на новом месте. Барон Рендиг был настолько любезен, что поделился со мной своими планами перебраться в замок уже сегодня.

- Значит, там он в полной безопасности, а поскольку его драгоценным свечным огаркам больше ничто не угрожает, барон имеет все шансы дожить до глубокой старости и мирно скончаться в одной из своих потайных комнат. Вы это хотите сказать?

- Ты уже знаешь, что девочка, путешествующая с Вельо, - одна из его бывших пациенток, которую он исцелил от расстройства ума и духа. Дорминия пользуется тенью убитой Сибиллы, которой известен путь через лабиринт. Кроме того, ты не подумал о том, что тень Сибиллы все еще удерживает в себе часть тени барона, которую она захватила в момент смерти хозяйки, но если бы это пришло тебе в голову, ты бы сообразил, что Вельо, который постоянно общается с тенью дочери, знает о всех перемещениях барона по коридорам замка. - Астольфо с упрёком покачал головой. - Это же элементарно, Фалько! На сколько бы фрагментов ни была раздроблена тень, то, что известно одной ее части, знают и все остальные.

- Может, и так, - согласился я. - Не понимаю только, какая от этого польза Вельо. Просто знать, где сейчас барон и что он делает, - это же очень мало. Почти ничего!

- Я думаю, Вельо может получить некоторое удовлетворение от ошибок, которые барон неизбежно совершит, блуждая по лабиринту. И кто знает, быть может, одна из этих ошибок окажется фатальной. В этом случае Вельо будет рад узнать, что с

его врагом покончено.

- Но я не понимаю...

- Вы с Мутано прекрасно поработали, создав оригинальный и сложный лабиринт, - сказал Астольфо. - Но, как известно, нет предела совершенству. После того как все пункты нашего соглашения с бароном были скрупулезно исполнены, я еще раз посетил замок и просто в качестве бесплатного приложения внес в лабиринт несколько дополнительных улучшений. Разумеется, я отметил их на плане и уже собирался передать его барону, но - вот такая оказия! - до сих пор этого не сделал. Я просто забыл, представляете?!

- Вы никогда ничего не забываете, маэстро.

- Я уже не молод, Фалько, так что некоторая рассеянность мне простительна. Как бы там ни было, план необходимо срочно передать барону, поэтому я хочу, чтобы вы двое занялись этим безотлагательно. Возьмите тележку и поезжайте к барону. Время не терпит.

- Если дело такое срочное, - вмешался Мутано, - почему бы нам не отправиться в замок верхом?

- Потому что, когда вы прибудете на место, вам может понадобиться отрез грубого холста или парусины, - ответил Астольфо. - И будет очень неплохо, если он случайно окажется при вас. Конечно, тележка движется медленнее, чем конь, но лучше заранее подготовиться к неожиданностям, не так ли? Постарайтесь, впрочем, прибыть на место не слишком поздно.

Пока он говорил, я внимательно рассматривал новый план лабиринта. Поначалу я не заметил никаких изменений, но, приглядевшись, обнаружил несколько дополнительных ловушек и тупиков.

- Взгляни... - Я передал план Мутано. Он бросил взгляд на документ и усмехнулся.

- Вот подлинный образец изобретательности и простоты, - сказал он. - Вы гений, маэстро!

Вместо ответа Астольфо достал из буфета еще две кружки и наполнил их вином.

- Вот, подкрепите силы перед дорогой, - сказал он, потом взял с колоды изуродованную тушку птицы. Протягивая ее Мутано, Астольфо сказал: - Но прежде чем вы отправитесь в путь, я бы хотел, чтобы вы похоронили этого каплуна в нашем саду.

XII.

Дневная поездка в замок и обратно изрядно нас утомила, и вот теперь нам предстояло совершить это путешествие еще раз. Правда, оно обещало быть последним. Выйдя от Астольфо, мы почти не разговаривали: закопав каплуна в саду, мы запрягли в тележку нашу миниатюрную серую ослицу Флеретту, и Мутано взял в руки вожжи. К тому моменту, когда мы добрались до городских ворот, было уже очень поздно, и огни в окнах домов и таверн гасли один за другим.

Было полнолуние. Вышедшая из-за туч луна занимала почти полнеба, и поля по обеим сторонам дороги были залиты холодным жемчужно-серым сиянием. Двойные колеи лежали перед нами прямые, точно швы на стеганом одеяле. Дорогу покрывал слой мелкой пыли, и стук копыт Флеретты звучал приглушенно и мерно, словно удары похоронного барабана. Через пару лиг впереди показался замок барона, похожий на надгробье, высеченное из цельной соляной глыбы. В лунном свете казалось, будто он парит над землей - молчаливый и таинственный, как само ночное светило.

На этот раз мы привязали Флеретту снаружи у ворот и вместе вошли во внутренний двор. Он был погружен в глубокую тень, но на стене наверху виднелись два четких кошачьих силуэта. Санбольт и Асилия внимательно следили за нами.

Немного помешкав во дворе, мы прошли в главные двери и оказались в галерее. Через шею Мутано, защищенную высоким воротником короткого плаща, был перекинут рулон грубой парусины, которую мы захватили с виллы. Я нес фонарь и новый, исправленный план лабиринта, который вручил мне Астольфо.

В конце галереи располагалась лестница, ведущая на второй этаж. У нижней ступени я остановился и поднял фонарь повыше, чтобы рассмотреть, как располагаются наведенные нами тени и куда на самом деле ведет лестница.

Потом мы двинулись дальше.

Я шел впереди, сверяя каждый шаг с планом Астольфо, хотя этот участок лабиринта был нам хорошо знаком. В конце галереи мы свернули в длинный коридор, где тени особенно причудливы и густы. Там перед нами снова возникли ступени ведущей куда-то вверх лестницы, и я схватил Мутано за запястье. Он ответил вопросительным взглядом, и мы оба склонились над нашим планом.

Новая схема лабиринта оказалась более точной. Там, где мы видели лестницу, на самом деле ничего не было. Ни убегающих вверх ступеней, ни узорчатых резных перил, ни ковровой дорожки, прихваченной блестящими медными прутьями. Все это - просто искусно скроенные и подкрашенные тени, скрывавшие пустоту глубокого провала, дно которого терялось в густом мраке.

Мутано кивнул, и мы обошли провал. Еще несколько шагов привели нас к

очередному лестничному маршу, который на сей раз вел куда-то вниз.

Убедившись, что лестница настоящая, мы стали осторожно спускаться. На всякий случай я продолжал то и дело сверяться с планом, освещая его лучом фонаря.

Внизу, на камнях, мы нашли тело барона.

Я никогда не видел его раньше и теперь уже никогда не увижу. Падение с большой высоты не прошло для барона даром. То, что лежало внизу, уже не было человеком. Кости переломаны и раздроблены, череп размозжен, вместо лица - сплошная кровавая отбивная. Тень барона, такая же изуродованная и изломанная, тонкой пленкой растеклась по грубым камням. В судорожно стиснутых пальцах был зажат пропитавшийся кровью лист пергамента с планом лабиринта. Рядом в луже крови валялись обломки искореженного фонаря и несколько коротких свечных огарков.

Мутано достал специальную лопатку, собрал с камней искалеченную тень и спрятал ее под плащом. Бросив на меня красноречивый взгляд, он расстелил на полу парусину. Со всей возможной тщательностью мы переложили на нее залитое кровью тело, завернули и перевязали. Я помог Мутано забросить страшную ношу на плечо, и мы пошли обратно к тележке. Приятель ничего не сказал,, но я не сомневался: он очень рад, что барон оказался довольно тщедушным человечком.

Наш план лабиринта я аккуратно сложил и спрятал в рукаве. Он не потребовался - обратную дорогу мы хорошо знали.

В замке мы провели довольно много времени, поэтому когда вышли во двор, тот оказался освещен серебристыми лунными лучами. С наслаждением вдыхая прохладный и чистый ночной воздух, мы забросили в тележку завернутое в парусину тело и сели сами. Мы уже готовы были тронуться в обратный путь, когда Санболт и Асилия запели. Их пронзительные и сильные голоса поднимались, казалось, до самой луны, заполняя собой все небо. Кошачий дуэт звучал как жалоба, как стенание одинокого призрака, но в нем можно было различить и счастливые ноты, и я подумал, что Вельо и Сибилла, где бы они сейчас ни находились, тоже слышат эту несущуюся с ночного неба музыку.

Перевел с английского Владимир ГРИШЕЧКИН

© Fred Chappell. Maze of Shadows. 2012. Печатается с разрешения журнала «Fantasy and Science Fiction».

журнал **АНТИКВАРИАТ**
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку

**Достоверная информация
и реальные цены**

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, факс: (499) 248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890,
(495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

журнал

ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
АНТИКВАРИАТ
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Подписка:

• по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;

• по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;

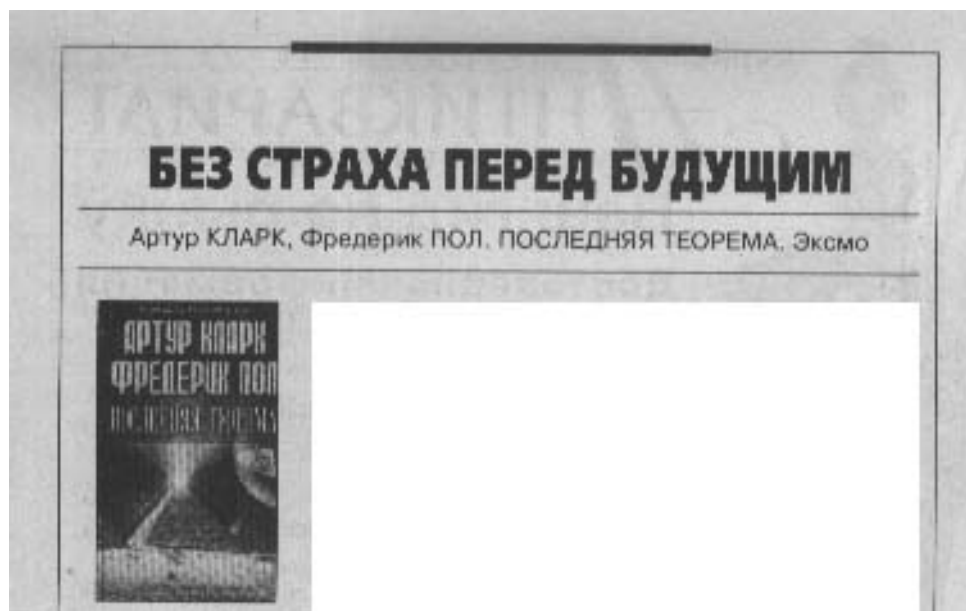
• в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890,
Факс:(499)248-6819.

Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.

Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890, (495) 585-7312 (отдел распространения),

www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),

sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

БЕЗ СТРАХА ПЕРЕД БУДУЩИМ

Артур КЛАРК, Фредерик ПОЛ. ПОСЛЕДНЯЯ ТЕОРЕМА. Эксмо

Последний роман грандмастера фантастики сэра Артура Чарлза Кларка завершил Фредерик Пол - писатель не менее уважаемый и почтенный. Каждый из них и раньше работал в соавторстве, но, как справедливо отмечено в четвертом, самом последнем послесловии, «до этой книги они никогда не работали вместе». Однако между авторами и так немало общего. И раз уж в книге речь идет о математических - и не только - теоремах, отчего бы не рассмотреть ее с точки зрения геометрии: в поиске параллелей и пересечений.

Оба автора дебютировали в литературе, когда им едва исполнилось по 20 лет. Первые романы тоже вышли почти одновременно: в 1951-м - «Прелюдия к космосу» и «Пески Марса» А.Кларка, а в 1952-м - «Операция «Венера» Ф.Пола и его постоянного соавтора Сирила Корнблата.

Кларк и Пол были членами Британского межпланетного общества, Кларк какое-то время даже возглавлял его. Фредерик Пол вместе с Айзеком Азимовым и Даймоном Найтом основал общество «футурианцев». Во время Второй мировой писатели служили в военно-воздушных силах. Еще одной точкой пересечения стала метеорология - Пол служил сержантом метеорологической службы, а Кларк активно пропагандировал идею использования спутников для прогнозирования погоды.

У обоих авторов богатый опыт работы в дуэтах с другими фантастами. Создавая «Последнюю теорему», соавторы сразу заявили, что Пол дописывает обещанный издателю роман, который Артур Кларк самостоятельно уже не в силах завершить по состоянию здоровья. Любопытно, что в одном из интервью Кларк говорил: он видел возможным соавтором своей последней книги Рэя Брэдбери.

Работа над рукописью (рукописью в буквальном смысле слова - Полу, который лишь на пару лет младше своего соавтора, было тяжело пользоваться клавиатурой) заняла два года, и Артур Кларк успел одобрить заверченный вариант за несколько дней до смерти.

В центре книги - жизнь математического гения Шри-Ланки Ранджита Субраманьяна, доказавшего великую теорему Пьера Ферма. Однако сюжет посвящен не перипетиям научных исследований, поиску и освоению грантов, посещениям научных конференций и прочим академическим будням и праздникам, хотя и таких эпизодов в романе немало. Открытие юного математика выводит его в политические сферы, он принимает участие в международном проекте России, Китая и США под эгидой ООН, цель которого - ненасильственная ликвидация диктаторских режимов и «принуждение к миру». Разумеется, эти акции подлежат и

конспирологической трактовке как установление Нового Мирового Порядка. Впрочем, авторы в этом отношении оптимистичны. Как оптимистичны и описываемые ими картины грядущего, в котором представители семейства Субраманьянов и их друзья играют важные роли.

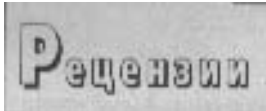
Вторая сюжетная линия отвечает на знаменитый вопрос физика Энрико Ферми: если во Вселенной есть разум, почему он молчит? Авторы «Последней теоремы» выдвигают свою версию: инопланетный разум совсем не молчит, более того, инопланетяне уже летят к нам - с «благородной» миссией принуждения нас к миру путем уничтожения, поскольку мы обладаем ядерным оружием и представляем опасность для Вселенной.

Однако авторы «немодны», они упрямо взирают в будущее с верой в лучшее, поэтому и в романе проблема разрешается лучшим образом. Как для человечества в целом, так и для Ранджита Субраманьяна, обретающего, как и многие другие, цифровое бессмертие.

«Последняя теорема» - в какой-то степени квинтэссенция всего творчества Кларка. Здесь собраны почти все знаковые темы фантаста. Значительное место в романе уделено сооружению излюбленного писателем космического лифта, описанного им больше 30 лет назад в «Фонтанах рая». Персонажи книги занимаются дайвингом, которым страстно увлекался и Кларк, и участвуют в гонках на солнечных парусниках. Точка, в которой сходятся сюжетные линии романа, знаменует контакт человечества со сверхцивилизацией - основная тема в творчестве Кларка.

Конечно, на сегодняшний день «Последняя теорема» кажется несколько старомодным и даже наивным романом. Все-таки со времени творческого расцвета Кларка жанр проделал большую эволюцию. Однако это «ретро» сродни благородной патине. Кларк и Пол принадлежат к поколению фантастов, начавших литературную карьеру в то время, когда научно-технический прогресс и социальный оптимизм шли рука об руку, а будущее представлялось простым и светлым - полуденным.

Есть в книге и другое измерение, тоже в современной фантастике почти исчезнувшее: измерение этическое. Начав книгу с Великой теоремы Ферма, авторы завершают ее рассказом о так называемом «золотом правиле», которое гласит: «Относись к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе». Максима, известная всем религиям и определенная Кантом как нравственный закон, в завершение романа спасает человечество от угрозы уничтожения. Во взаимосвязи и сопряжении этих двух понятий: морали и мечты - последнее завещание и футурологическое наставление великого фантаста.

Рецензии

**Джей ЛЕЙК
ЗЕЛЕНАЯ**

Москва: Центрполиграф, 2012. - 512 с.

Пер. с англ. А. Кровяковой.

(Серия «Мастера фэнтези»).

2500 экз.

Роман Джея Лейка «Зеленая», вышедший в США в 2009 году, представляет собой первую книгу цикла «Вселенная Зеленой». На сегодняшний день это трилогия (третий роман ожидается в ближайшее время) с бонусом в виде нескольких рассказов, некоторые из которых написаны в соавторстве.

Джей (Джозеф) Лейк - фигура в фантастике довольно известная. Сын кадрового дипломата, родившийся на Тайване и выросший в Нигерии, он является автором десятка романов, большого количества рассказов и повестей, а также составителем ряда жанровых антологий. Его творчество разнопланово и разножанрово: есть у Лейка и НФ, и хоррор, и фэнтези. В 2004 году Лейк получил премию имени Кемпбелла как «лучший новый автор science fiction».

«Зеленая» - первое вторжение Лейка в поле классической фэнтези. По духу это, скорее, авантюрная история с характерными для новейших произведений такого рода «реализмом» и аморализмом. Мир, выстроенный Лейком, мрачен и пессимистичен, и главной героине приходится противостоять ему едва ли не в одиночку, борясь за право не стать игрушкой в руках политических и сверхъестественных сил. Интерес Лейка к восточной тематике в этом цикле проявился в полной мере, и не только в именах и географических названиях. Хотя в целом это вовсе не ориенталистский текст, а довольно стандартное творение западной фэнтези эпохи победившего ревизионизма.

Увы, на этом исчерпывается позитивная информация о книге. В целом же роман

представляет собой грамотную и гладкую сводку идей и ходов, отточенных мастерами жанра за последние пару десятков лет, на примере как глобальных тем (непременный феминизм), так и частных (образ тайной школы для наемных убийц)... Но это уже выходит за рамки рецензии, а любители подобных произведений прочтут книгу, видимо, не без удовольствия.

Сергей Алексеев

ЛЕГЕНДЫ КОСМОДЕСАНТА: Сборник

СПб.: Фантастика Книжный Клуб, 2012. - 384 с.

6000 экз.

Обманывать читателя нехорошо. Если он берет в руки книгу, на которой изображен герой в боевом скафандре, вооруженный огромным бластером, то имеет полное право рассчитывать, что тексты будут соответствовать картинке. Обложка сборника «Легенды космодесанта» полностью отвечает его содержанию - он целиком посвящен бесконечной войне, которую ведет человечество в сороковом тысячелетии нашей эры.

В книгу вошли произведения десяти авторов, из которых трое (Б.Каунтер, Д.Сваллоу и Г.Макнилл) давно известны отечественному читателю. Все тексты объединены общей темой и миром: судьба космических десантников, генетически улучшенных суперсолдат, давным-давно созданных по приказу Бога-Императора. По очень древней традиции, все они разделены на отдельные ордена с собственной символикой, ритуалами и униформой. Каждый рассказ посвящен конкретному ордену.

В одном случае это будет история, связанная с орденом Саламандр («Адова ночь» Н.Кима), а в другом - с орденом Космических Волков («Двенадцать волков» Б.Каунтера). В одних текстах будет рассказано о беспримерной верности десантников своему долгу («Возвращение» Д.Сваллоу), в иных - об их заблуждениях, приведших к невольному предательству, осуждению и забвению («Испытание Воинов-Богомолов» К.С.Готто).

Сборник «Легенды космодесанта» лишний раз доказывает, что наличие единой литературной вселенной не должно быть оправданием халтуры и серости. В данном случае авторы проявили чудеса добросовестности, в книге нет проходных или просто скучных текстов. Этот сборник можно спокойно рекомендовать не только фанату вселенной «Молота войны 40 000», но и обычному ценителю

хорошей боевой фантастики, созданной в ярком научно-фантастическом антураже.

Игорь Гонтов

Ясутака ЦУЦУИ

ПАПРИКА

Москва - СПб: Эксмо - Домино, 2012. - 384 с.

Пер. с япон. А.Замилова.

(Серия: «Интеллектуальный бестселлер»).

2100 экз.

Это очень простой роман. Структурой напоминает фэнтези, хотя стилистические решения и идейное наполнение напоминает НФ ближнего прицела.

Главная героиня, доктор Ацуко, вместе со своим неуклюжим коллегой Химуро занимаются разработкой аппарата для лечения психических расстройств во сне. Технология, основанная на разработках Химуро, вызывает неоднозначную реакцию общественности. В то же время успех молодых исследователей порождает озлобление и зависть среди более опытных, но менее одаренных коллег.

Автор очень быстро предъясвляет читателю антиподов главных героев. Дальнейшие действия Ацуко связаны с противостоянием нечистым на руку оппонентам. Для этих целей девушка использует свое альтер эго - Паприку, намеренно созданную личину для нелегального лечения психических расстройств богатых клиентов. Она вступает в поединок с выпущенным на волю подсознанием шизофреников, пытаясь спасти их от распада личности. Здесь очевидна отсылка к эстетике комиксных супергероев, правда, арсенал Паприки - не молнии и мечи, но глубокое знание психологии, острый ум и сексуальная привлекательность.

В 2006 году роман был экранизирован. Полнометражный анимационный фильм Сатоси Кона благосклонно встретили поклонники анимэ. В целом соответствующий фабуле романа фильм тем не менее мало касался важных вопросов, затронутых в тексте. Речь идет об интеграции новых технологий в социум. С одной стороны, писатель показывает очевидные плюсы передовых разработок, с другой - демонстрирует, какую опасность для общества могут представлять сложные устройства, созданные на стыке знаний.

Николай Калинин

Аарон ДЕМБСКИ-БОУДЕН

ПЕРВЫЙ ЕРЕТИК

СПб.: Фантастика Книжный Клуб, 2012. - 416 с.

Пер. с англ. И.Савельевой.

(Серия «The Horus Heresy»).

6000 экз.

Цикл «The Horus Heresy», посвященный временам «Галактического Крестового Похода», стоит особняком в межавторской серии «Warhammer 40000».

В «Первом еретике» рассказывается о легионе Несущих Слово. Они, согласно официальной истории, первыми обратились к богам Хаоса и стали их глашатаями, распространяя ересь в другие легионы. Вот только что послужило толчком к подобным действиям, до сих пор оставалось загадкой.

Главными героями романа стали капитан Седьмой роты Аргел Тал, капеллан Касфен, командир отряда личной стражи Императора кустодий Аквилон и примарх Несущих Слово Лоргар Аврелиан. А события истории длиной в сорок три года покажут моменты, изменившие судьбу легиона. Унижение на планете Кхур, где Император лично высказал недовольство действиями Несущих Слово. Возвращение легиона на родную планету, где Лоргар впервые начал искать другой путь для человечества вместе примархом Магнусом Красным. Прибытие на Кадью и встреча с ее «коренными обитателями». Видения гибели инопланетной цивилизации Эльдар и выяснение причин, по которым примархи еще в детстве были разбросаны по Галактике.

Естественно, события сопровождаются сражениями, стрельбой, древней магией и прочими элементами, которыми славится боевая составляющая сериала. Но все это меркнет перед финальной битвой, переросшей в глобальную гражданскую войну. Одиннадцать легионов (сто тысяч космодесантников в каждом) сталкиваются в эпическом противостоянии, во время которого примархи дважды сходятся в дуэлях, ни на секунду не умолкает стрельба, а Несущие Слово переживают чудовищное перерождение.

Григорий Елисеев

Мария ГИНЗБУРГ

ЧЕРНЫЙ АНГЕЛ

**СПб.: Ленинградское издательство, 2012. - 432 с.
4050 экз.**

В процессе чтения романа Марии Гинзбург сразу же бросается в глаза авторская эклектика, неопределенность литературных предпочтений молодого сочинителя. В одной книге писательница попыталась адресовать читателю весь спектр увлечений современного любителя фантастики - как она себе его представляет. Здесь нуар соперничает с НФ, отсылки к анимэ неожиданно оборачиваются мотивами классической фэнтези, и весь этот винегрет сдобрен россыпью эротических сцен.

Определив событийный ряд историей Третьей мировой войны и нашествием пришельцев, писатель конструирует будущее на свое усмотрение. Продукты высоких технологий легко совмещаются с магическими ритуалами, постепенно подводя читателя к пониманию: под многочисленными масками скрывается вампирский роман.

Да, почтенный Брем Стокер не сразу увидел бы в произведении Марии Гинзбург потомка своего прославленного Дракулы. И прежде всего потому, что вампирская традиция изменилась. Общество потребления создало из противного Богу и людям исчадия привлекательный бренд, обаятельное чудовище, которому и шею не зазорно подставить.

Почему бы не соблазниться бессмертием и могуществом, когда плата, по современным меркам, смехотворна? Что такое одна человеческая жизнь в мире, где погибают тысячи? Так рассуждают центральные персонажи произведения, ступая по заманчивой и не особенно трудной тропе, ведущей исключительно к «самосовершенствованию» с бонусами в виде экзотического секса.

Перед нами ассоциативная проза, не драматургичная, но достаточно эффектная, создающая в сознании людей, привыкших пропускать через себя весь фантастический медиа-контент, соответствующий отклик. На это, видимо, и рассчитывал автор.

Николай Калининченко

Вл. ГАКОВ

КОРОЛЬ, ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

В этом месяце исполняется 65 лет Стивену Кингу, человеку, фамилия которого оказалась на удивление «говорящей». Можно по-разному относиться к литературному жанру «хоррор» и, соответственно, к «ужастикам» в кино... Но не признать Кинга королем этого направления - значит отрицать очевидное. Хотя бы неопровержимую статистику: произведения этого автора изданы общим тиражом более 350 миллионов экземпляров. А список экранизаций насчитывает более 130 позиций.

Вряд ли кого-то в мире экранизировали столь масштабно и «тотально»... А ведь написал Стивен Кинг, по меркам американской массовой литературы, не так уж много - на прошлый год его библиография насчитывала чуть меньше полусотни романов, пять книг non-fiction и девять сборников рассказов и повестей. Однако их постоянно переиздают - и экранизируют, экранизируют, экранизируют, зачастую одно и то же произведение по несколько раз... Мистика какая-то - сродни той, которую так любит Стивен Кинг!

Изучая его биографию, автор этих строк, естественно, пытался отыскать в его детстве и юности что-нибудь «страшненькое». Что-то такое, что повлияло на выбор специфического жанра, в котором писатель работает. Дело даже не во фрейдистских комплексах и последствиях детских травм (каковые последователи великого венского психиатра без труда отыщут в подсознании любого из нас). Но ведь и сам Кинг на любимый вопрос интервьюеров, откуда в нем эта страсть - пугать читателя, обычно отвечал вопросом: «А отчего вы так уверены, что у меня был выбор о чем писать?». Жизнь, мол, заставила...

Кое-что найти все-таки удалось... во всяком случае, выбору жанра некоторые эпизоды из детства будущего «короля ужасов», безусловно, способствовали.

Стивен Эдвин Кинг родился 21 сентября 1947 года в городе Портленде, штат Мэн, и этот самый северо-восточный штат США впоследствии стал постоянным местом действия большинства его произведений, в которых события разворачиваются на Земле.

Отец Кинга служил в торговом флоте; он бросил семью, когда его отпрыску только-только исполнилось два года. Вышел «купить сигарет» - и был таков. О том, что отец завел другую семью и все это время проживал неподалеку с четырьмя детьми, Кинг узнал только в конце 1990-х.

Вот вам и первая детская травма, но далеко не последняя.

Мать выбивалась из сил, чтобы поднять на ноги родного сына Стивена и его приемного старшего брата; семья часто меняла место жительства (в свой родной штат Кинг вернулся только в одиннадцатилетнем возрасте), и последним местом работы матери была лечебница для людей с психическими отклонениями. Вот и второй факт...

А еще он перенес тяжелую болезнь - корь, осложненную острым фарингитом. В уши попала инфекция, излечить которую с помощью тогдашних антибиотиков не удалось. Пришлось перенести весьма болезненную процедуру в кабинете отоларинголога, память о которой Кинг сохранил на всю жизнь. Особенно его потрясло жестокое безразличие врача, три раза протыкавшего барабанную перепонку со словами «больно не будет».

И наконец, эпизод, который комментируют все биографы писателя - кроме него самого. В четырехлетнем возрасте Стивен стал свидетелем того, как на его глазах приятель попал под поезд и погиб. Об этом мальчику спустя некоторое время рассказали близкие, потому что сам он вернулся в тот роковой день домой в состоянии шока, лишившись дара речи. И, кажется, на всю оставшуюся жизнь утратил память о разыгравшейся на его глазах трагедии. Во всяком случае, в своей автобиографии «Как писать» Кинг ни словом не упоминает об этом трагическом эпизоде.

Остается только добавить, что денег в семье постоянно не хватало. А мать Кинга была активным членом местной протестантской общины методистов, и о том, что такое фанатизм и религиозное воспитание в методистской семье, будущий автор «Кэрри» и подобных произведений знает не понаслышке.

Странно, если бы после таких потрясений Стивен Кинг начал бы писать что-нибудь бодрое и оптимистичное.

А тут еще обнаруженные на чердаке книжки Лавкрафта... После знакомства с

ними Кинг «знал, что вернулся домой», как сам охарактеризовал это событие в одном из поздних интервью. Отныне его «домом» стал страшный, тревожный и пугающий мир ужасов, реальных или воображаемых, но окружающих человека со всех сторон. И еще более кошмарных внутри него.

Литература «хоррора», все фантастическое и непознанное остро интересовали впечатлительного подростка в школьные годы. Тогда же он и сам начал писать, в основном подражая любимым комиксам-«ужастикам». Начинаящий автор не только публиковал свои первые опусы (главным образом рецензии на любимые книги и фильмы) в любительской городской газете, благо ее издавал старший брат, но и продавал свои тексты одноклассникам! Продвинутый школьник был вынужден свернуть свой бизнес лишь после того, как его застукал учитель... Для портрета будущего бестселлера, умеющего, как никто другой, снимать двойной навар - с издательств и киностудий, буквально с каждого опубликованного слова, - деталь, согласитесь, яркая и значимая.

А в 1965 году 18-летний выпускник школы опубликовал свой первый рассказ в фэнзине. Называлось дебютное произведение программно: «Я был подростком-гробкопателем».

В следующем году Стивен Кинг поступил в Университет штата Мэн, который спустя четыре года закончил с дипломом филолога. А еще через год продал свой первый рассказ уже в профессиональный журнал «Startling Mystery Stories». Ранние произведения (в том числе опубликованные под псевдонимом в специфических «мужских» журналах) Кинг писал исключительно для денег. В 1971 году он женился на бывшей однокурснице Табите Спрюз, еще раньше у них родились дочь и сын, но брат молодого дипломированного учителя английского языка и литературы в штат руководители местных колледжей почему-то не спешили. Вот и приходилось «крутиться», а это он умел лишь на одном поприще - литературном.

И хотя уже в следующем году Кинг все-таки был принят на работу, об этом периоде жизни нынешний маститый бестселлерист отзывается сухо, сообщая лишь, что в те годы у него были «проблемы с алкоголем», с коими он боролся почти десятилетие.

* * *

Между тем на поверхности картина выглядела иначе: стремительный литературный успех, растущие издательские авансы, первые предложения киностудий.

Начальной ступенькой на этом бурном восхождении к успеху стал роман «Кэрри», опубликованный крупным издательством «Doubleday» в 1974 году. Кинг потом вспоминал, что писал историю девочки-изгоя, обладающей паранормальными способностями и терроризируемой одноклассниками и религиозной фанатичкой матерью, как «почти автобиографическую». Первый вариант автора романа разочаровал, и Кинг в сердцах выбросил рукопись в мусорный бак. Книгу спасла жена, отыскавшая страницы и заставившая мужа вернуться к работе. А выплаченный издательством аванс в 2500 долларов и полученные позже две сотни тысяч долларов за права, предоставленные другому издательству, выпускающему книги в мягких обложках, окончательно убедили будущего писателя, что он на верном пути.

Вскоре после выхода романа в свет умерла мать Стивена, и он в очередной раз напился - да так, что на панихиде еле держался на ногах. После этого семейство перебралось на время в гористый штат Колорадо, в город Боулдер, где Кинг закончил новый роман «Сияние». Тогда автор, разумеется, не мог предполагать, что этим произведением заинтересуется сам Стэнли Кубрик, а одноименный фильм станет звездным часом и для режиссера, и для писателя, и для актера, сыгравшего главную роль, - Джека Николсона. Но до этого семья успела вернуться в родной штат Мэн, где фантаст получил место преподавателя литературных курсов в своей alma mater.

Дальше начинается другая биография Стивена Кинга. Точнее, две - литературная и неотделимая от нее кинематографическая.

По мнению некоторых критиков, лучшие свои произведения Стивен Кинг написал в первой половине творческого пути - может быть, потому что тогда активно работал сразу в нескольких направлениях. Писал не только «ужастики» и фэнтези, но и научную фантастику. Первые заслуживают особого разговора, и вкратце мы к ним вернемся. А начать хотелось бы с НФ-произведений автора. Так вот, фантастика в его творчестве всегда периферийна - и в смысле признания тех или иных описанных писателем феноменов современной наукой, и в смысле сюжетном.

Как это ни парадоксально звучит, но Стивен Кинг - отличный писатель-реалист^{*48}. Героем его произведений может быть человек с экстрасенсорными

---

⁴⁸ * *Писал Стивен Кинг и реалистическую прозу - с элементами фантастики или без, - о которой массовый читатель узнавал, как правило, после очередной блистательной экранизации. Чего стоит только повесть «Рита Хэйуорт и освобождение из Шоушенка», ставшая литературной основой вышеупомянутого фильма - одного из лучших в американском кинематографе последней четверти века. (Здесь и далее прим. авт.)*

способностями («Кэрри», «Воспламеняющая взглядом»), или старый автомобиль, ревниво охраняющий влюбленного в него владельца («Кристина»), или писатель, в руки которого попадает современная волшебная палочка в виде «всемогущего текст-процессора», как в одноименном рассказе. Но в каждом случае Кинг всегда описывает реальных людей в реальных - или ирреальных - обстоятельствах.

Упомянутая «Кристина», если задуматься, произведение совсем не об одержимой злым духом машине. Скорее, о типичном американце, одержимом патологической страстью (на уровне фетишизма) к собственному автомобилю. Чем больше времени проходит, тем более актуальной становится метафора и для нас, россиян. Нам ведь уже не кажется иррациональной ситуация, когда владелец только что купленной крутой тачки с битой в руках выходит на ее обидчика, посмеявшегося поцарапать обожаемую «ласточку». А то и с травматиком...

Чуть позже любители научной фантастики узнали о существовании «другого» Кинга - автора таких романов (и последующих неизбежных экранизаций), как «Ярость», «Долгая прогулка», «Дорожные работы», «Худеющий» и «Бегущий человек». Собственно, романы выходили под другими именами и фамилией -- Ричард Бахман, и читатели приняли это за чистую монету. До тех пор, пока некий книготорговец не заподозрил неладное и не указал на Кинга как на возможного автора, скрывшегося под этим псевдонимом. Кинг поначалу все отрицал, а состоявшее с ним в «заговоре» издательство даже организовало масштабную «дезу»: был выпущен пресс-релиз о преждевременной смерти Ричарда Бахмана от... «рака псевдонима»! Причем сообщила об этом будто бы вдова покойного, тоже писательница. Кинг еще какое-то время морочил голову читающей публике, а затем честно признался в мистификации.

Зачем самому Кингу потребовалась подобная литературная игра (не для дополнительной же рекламы, в которой он к тому времени уже не нуждался), вопрос по сей день открытый. Сам автор мистификации озвучил собственную версию: сделал он это якобы из-за панической боязни того, что его литературный успех - результат случайности. И он захотел добиться этого успеха еще раз, скрывшись за ничего не говорящим книжному рынку псевдонимом... По другой версии, столь же вероятной, плодовитого автора стесняли тогдашние негласные рамки издательского рынка: по роману в год - и не больше!

Как бы то ни было, романы Бахмана стали продаваться более или менее успешно лишь после того, как Кинг признался в своем авторстве.

Что касается его произведений в жанре фэнтези, то вершиной стал цикл «Темная Башня», начатый Кингом еще в конце семидесятых. В сериал вошли рассказы и повести о Роланде - «одиноким стрелке» (в оригинале - gunslinger, так в

вестернах называют вооруженного грабителя или наемного киллера), чьи приключения разворачиваются в альтернативной реальности, находящейся, как пишут критики, «на пересечении Средиземья Толкина - и Дикого Запада, каким тот изображен в знаменитых «спагетти-вестернах» покойного режиссера Серджио Леоне».

* * *

Рекордным стали не только тиражи произведений Кинга^{*49} (и, соответственно, гонорары), но и его поразительная работоспособность. Будущим фантастам автор многих бестселлеров советует читать и писать от четырех до шести часов ежедневно: «Если у вас не получается выделить на это время, то не стоит надеяться на то, что когда-нибудь вы станете хорошим писателем». Сам он еще в начале литературной карьеры поставил себе жесткие рамки - не менее 2000 слов в день и почти никогда не давал себе послаблений. Достаточно привести один факт: трехсотстраничный роман «Бегущий человек» Кинг написал всего за десять дней!

А еще он пишет на всем и чем придется - будь то ноутбук или старенькая авторучка (правда, не простая, а дорогушая - от знаменитой фирмы Waterman).

А на дежурный вопрос, зачем он творит, Кинг отвечает с обескураживающей простотой: «Просто затем, что ничего другого я делать не умею. Я был создан для того, чтобы рассказывать истории, и я это люблю. Не могу себе представить, чем бы еще мог заняться - как не могу вообразить себе жизнь без того, чем занимаюсь все это время».

Самое удивительное, что при такой работоспособности у Стивена Кинга всегда находилось время и на что-то иное, нежели литература.

Он серьезно увлекался рок-музыкой, сочинял песни для некоторых групп, а в одной из них - Rock-Bottom Reminders - даже был гитаристом. В 1966 году Кинг вместе с покойным Майклом Джексоном создал незабываемый сорокаминутный музыкальный видеофильм «Ghosts», ставший очередным хитом. Два десятилетиями позже саундтрек к фильму «Максимальная перегрузка» написала его любимая группа AC/DC, а песню к «Кладбищу животных» - другая панк-группа, The Ramonas.

Среди других увлечений писателя - бейсбол (он фанат знаменитой бостонской команды Red Socks), радио (вместе с женой Кинг владеет тремя радиостанциями),

---

⁴⁹ * *Непревзойденным пока остается первоначальный тираж (в твердой обложке) вышедшего в 1980 году романа «Око» - миллион экземпляров!*

а также... общественная деятельность! К примеру, Кинг активно выступал против закона штата Массачусетс, запрещавшего продажу несовершеннолетним видеоигр с контентом, содержащим сцены насилия. Автор знаменитых «ужастиков» протестовал не против защиты несовершеннолетних от кровищи на экранах мониторов, он не желал, чтобы этим занимались власти штата. Последних Кинг называет «навязанными детям суррогатными родителями», которые подменяют собой отцов и матерей.

А еще он выступал против отправки американских солдат в Ирак («лучше бы шли в университеты, чем на войну»). И за повышение налогов на «богатых», к коим справедливо относил и себя. И за демократов в целом, и за Барака Обаму в частности...

Между прочим, при всей своей занятости Стивен Кинг всегда оставался образцовым мужем и отцом. Он воспитал двух сыновей, пошедших по стопам родителей (оба стали профессиональными писателями), и дочь, которая пошла в бабушку - служит в одной из протестантских церквей.

...В канун Миллениума в жизнь Кинга вмешались обстоятельства, изменить которые или помешать им не в силах даже короли.

Новый этап начался с события, по-своему ужасного и документированного с точностью до часов и минут. Во второй половине дня 19 июня 1999 года писатель прогуливался по обочине шоссе в городе Лоуэлл, штат Мэн. В 16.30 внимание водителя проезжавшего по шоссе минивэна отвлек пес, сидевший на заднем сиденье, в результате чего машина резко свернула на обочину и сбила одинокого прохожего.

От удара Кинг отлетел метров на пять, получив множественные травмы. Писателя доставили в ближайшую больницу, а оттуда на вертолете в Центральную больницу штата в городе Льюистоне. Врачи диагностировали повреждение легкого, множественные переломы ноги и перелом бедра, а также рваные черепные раны. Положение было настолько серьезно, что врачи не исключали ампутацию ноги. Но все обошлось, хотя после пяти операций и месяцев, проведенных в гипсе, писатель еще долго привыкал к постоянным болям, порой становившимся невыносимыми.

Тем не менее уже в следующем году Кинг пошел на смелый эксперимент, пообещав, что его очередной роман «Завод» будет сразу же заявлен для продаж в интернете - без предварительного тиража в «бумажном» виде! Причем Кинг планировал выпускать роман в режиме online, то есть вывешивать главу за главой по мере написания. Но затем неожиданно закрыл свой проект, оставив роман неоконченным. Сначала читатели решили, что на такой необычный шаг писателя подвигли неутешительные итоги продаж - вопреки ожиданиям, пользователи

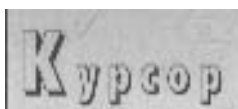

интернета покупали роман без энтузиазма. Но потом сам Кинг признался, что просто не может придумать, чем завершить сюжет.

В 2002 году Кинг огоршил миллионы своих поклонников заявлением о добровольном завершении своей писательской карьеры. И хотя позже взял свои слова обратно, но на своей домашней странице в интернете признал, что силы у него теперь не те. И о прежнем безостановочном литературном конвейере под названием «Стивен Кинг» нужно забыть навсегда.

С тех пор романы продолжали выходить, но, как и предупреждал автор, намного реже, чем раньше. По одному в два-три года. Хотя качество их не ниже прежних, и почти каждый, что называется, на злобу дня. Достаточно упомянуть роман 2006 года «Мобильник», в котором самым ужасным монстром оказывается обыкновенная сотовая телефонная сеть, превращающая своих абонентов в безумных убийц. Такая вот простенькая метафора. При этом в предисловии Кинг открыто заявил, что сам мобильником не пользуется.

И что же, он действительно нагромождает высосанные из пальца ужасы и кошмары, чтобы пощекотать нервы читателя? Или просто пронизательнее других подсматривает вполне реальные ужасы, которые большинство не замечает - либо не хочет замечать.

Курсор

4 Роман «Оно», один из самых значительных в творчестве Стивена Кинга, обретет вторую экранизацию. Постановку осуществит Кэри Фукунага по заданию студии Warner Bros. Сценарий пишет Чейз Палмер. Скорее всего, учитывая большой объем книги, это будет кинодиалогия. В 1990 году произведение уже экранизировалось в формате минисериала.

Стивен Кинг написал «Оно» в 1986 году и посвятил его своему 12-летнему сыну Джо. Теперь Джозеф Хиллстром Кинг давно вырос, стал известным писателем Джо Хиллом, и его творчеством тоже заинтересовался кинематограф. Дэниэл Редклифф, бывший Гарри Поттер, сыграет главную роль в экранизации мистического триллера Джо Хилла «Рога». Книга повествует о человеке, у которого

неожиданно выросли «украшения» на голове, позволяющие выявлять скрытую суть людей. Поставит ленту модный французско-голливудский мастер хоррора Александр Ажа.

Дэвид Брин вновь «заговорил» после 11 лет молчания. Издательство Tor выпустило в свет его новый роман «Существование» - приквел культовой саги Брина «Возвышение». Действие происходит в близком будущем. Недалеко от Земли обнаруживают загадочный кристалл - информационное послание Чужих. За обладание кристаллом начинают борьбу ведущие мировые державы...

Тимур Бекмамбетов наконец расстанется с фэнтези и вампирами, обратившись к НФ. Он спродюсирует эпическую историю о далеком будущем «Навсегда». Действие развивается на планете роботов, где единственный человек - маленький мальчик. С роботом-служгой он ищет остатки своей расы. Сценарий пишет Данте Харпер вместе с будущим режиссером ленты Гаретом Эдвардсом.

Терри Пратчетт объединил усилия с популярным фантастом Стивеном Бакстером для реализации своей идеи четвертьвековой давности о цепочке параллельных миров. Итогом стал их совместный роман «Длинная земля», который выпустило издательство Harper. Сюжет берет начало в ближайшем будущем, когда молодая полицейская Салли Янсон оказывается втянутой в дело о жестоком обращении с животными, которое оборачивается путешествием в параллельный мир.

«Чумацкий шлях» - под таким названием с 27 по 29 июля в Одессе прошел жанровый фестиваль, организованный Всеукраинским обществом любителей фантастики (ВОЛФ). В работе конвента приняли участие писатели, издатели, художники и фэны Украины и России, а также гости из Кубы. Состоялись доклады, творческие встречи, кинопоказы, книжная ярмарка, выставка картин.

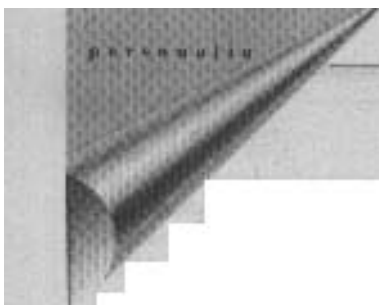
Водолазы наконец спустились к таинственному объекту на дне Балтики. И все равно ничего не поняли. Напомним, что объект, обнаруженный на глубине 87 метров при помощи мощного сонара в июне 2011 года, представляет собой образование диаметром 60 метров и напоминает корабль Хана Соло «Сокол

тысячелетия». Таинственности добавляет то, что за «кораблем» тянется след длиной 300 метров, как если бы объект приземлился, пролетев по низкой траектории. В июне 2012 года шведские водолазы попытались обследовать объект. И обнаружили, что он возвышается над дном моря на три-четыре метра и напоминает гриб. Края округлые и прочные. В средней части находится яйцеобразное отверстие, напоминающее люк. Образцы материала отправлены на исследования, некоторые ученые предполагают, что это либо огромный древний гриб, либо колония грибов.

 National Geographic провел опрос зрителей своего телеканала в преддверии старта собственного документального сериала «В погоне за НЛО». Как оказалось, 65% американцев считают, что президент США Барак Обама будет лучше подходить к работе с захватчиками из космоса (если таковые прилетят), чем его соперник - бывший губернатор Массачусетса Митт Ромни. Вроде бы не очень серьезный опрос, однако по данным того же National Geographic более 80 миллионов американцев убеждены, что НЛО существуют. И большинство из них «не возражали бы против незначительного вторжения инопланетян, потому что ожидают, что они могут быть похожи на спилберговского ИТи». А уж дипломатией пусть занимается президент.

 «Все вы зомби» - рассказ Роберта Хайнлайна, посвященный парадоксам, связанным с путешествиями во времени, будет перенесен на экран под названием «Предопределенность». Постановкой займутся братья Майкл и Питер Спириг для компании Arclight Films. Съемки стартуют в начале следующего года в Австралии.

Агентство F-пресс

personalia

**АЛЕКСАНДЕР Майкл
(ALEXANDER, Michael)**

Майкл Александер родился в Кливленде, штат Огайо (США). Получил степень бакалавра по химии, затем магистра и докторскую степень по фармакологии. После научной работы, связанной с защитой докторской диссертации в Национальном институте здоровья, писатель обратился к частной деятельности и следующие двадцать пять лет занимался спектрометрией. С 2010 года полностью посвятил себя литературному творчеству.

Первая публикация в жанре научной фантастики - рассказ «Достижения в современной химиотерапии» - состоялась в журнале «Fantasy and Science Fiction Magazine» в 2010 году. С тех пор опубликовал шесть рассказов и сейчас работает над первым романом.

Последние пятнадцать лет Майкл Александер живет рядом с Портлендом (штат Орегон) и в качестве хобби занимается астрономией.

БАЧИЛО Катерина

Катерина Бачило, по ее словам, «родилась в прошлом веке за Полярным кругом». В сознательные годы выступала художником-иллюстратором, сценаристом, пробовала свои силы в прозе. Автор обложек книг отечественных и зарубежных фантастов. На «Интерпрессконе-2010» была признана лучшим художником - автором обложки в области фантастики.

Первая публикация в жанре состоялась в 2008 году - это был рассказ «Панкратов и бездна». После этого новеллы К.Бачило выходили в межавторских сборниках. Рассказ «Качибейская опера» (2011), победивший в конкурсе «Рваная грелка», был опубликован в журнале «Если».

ВОРОН Елена Вячеславовна

Петербургская писательница и переводчик родилась в 1963 году в Ленинграде. Окончила английское отделение филологического факультета ЛГУ, получив на военной кафедре специальность военного переводчика, затем училась в аспирантуре, но бросила науку и обратилась к литературе. В студенческие годы перепробовала множество профессий: работала гидом-переводчиком,

машинисткой, официанткой, укладчицей булок на хлебокомбинате, лаборантом в медицинской лаборатории, техническим переводчиком, после чего преподавала в различных вузах Ленинграда - Санкт-Петербурга; много занималась вопросами художественного перевода. В настоящее время преподает английский язык в Санкт-Петербургском государственном университете.

С момента создания Студии молодых писателей-фантастов под руководством сначала А.Ф.Бритикова и А.Д.Балабухи, а затем А.Д.Балабухи и Л.Э.Смирнова принимает участие в ее работе. Публикуется как автор фантастики и «экзотических» детективов с середины 1990-х. Перу Е.Ворон принадлежат книги «Ангелы-хранители работают без выходных» (1996) и «Без права на смерть, или Лоцман на продажу» (2003). В 2011 году в журнале «Если» была опубликована ее повесть «Чужак и Рокот».

КОУДРИ Альберт (COWDREY, Albert E.)

Альберт Коудри, американский писатель и военный историк, родился в 1933 году. После окончания университета работал чиновником Пентагона (заведовал отделом «специальных исторических исследований» и опубликовал несколько книг по истории военной медицины), но затем оставил службу, чтобы полностью сосредоточиться на литературной работе.

В фантастике Коудри дебютировал рассказом «Счастливые люди» (1968), опубликованным в журнале «The Magazine of Fantasy and Science Fiction», с которым писатель не прекращает творческое содружество: большинство его рассказов вышли в этом издании. С тех пор А.Коудри выпустил роман «Крукс» (2004), основанный на цикле новелл, и около полусотни рассказов и повестей. Рассказ «Королева на день» (2001) принес автору Всемирную премию фэнтези, на эту же премию номинировалась повесть «Сверхусматривающий» (2008), а повесть «Племена Белы» (2004) - на премию «Небьюла». Многие его произведения написаны на стыке фэнтези и хоррора, однако некоторые работы выполнены в жанре «твердой» science fiction.

В настоящее время живет в Новом Орлеане, выбрав этот город местом действия многих своих произведений.

РОСС Дебора (ROSS, Deborah J.)

Американская писательница Дебора Джин Росс (в девичестве - Уилер) родилась в 1947 году в Нью-Йорке и детство провела в Калифорнии. Окончив Университет штата Орегон в Портленде с двумя дипломами - биолога и психолога, Дебора Уилер профессионально занималась хиропрактикой, а затем решила переключиться на литературную деятельность.

Первый рассказ «Императрица» (1984) Уилер опубликовала в антологии по мотивам цикла Мэрион Зиммер Брэдли о Сумрачном мире (Дарковере). С тех пор Дебора, после развода вернувшая себе девичью фамилию, выпустила три романа о Сумрачном мире (в соавторстве с Брэдли), два внесерийных романа - «Нефритиум» (1993) и «Свет с севера» (1995), а также более полусотни рассказов и повестей.

В настоящее время проживает со своим вторым мужем, также писателем Дейвом Трубриджем, двумя кошками и немецкой овчаркой «в совершеннейшей глуши» - в лесу секвой рядом с городом Санта-Крузо, штат Калифорния.

ХЬЮЗ Мэтью (HUGHES, Matthew)

Канадский писатель Мэтью Хьюз родился в 1949 году в английском городе Ливерпуле и в пятилетнем возрасте приехал с родителями в Канаду, где и проживает по сей день. Бросив университет, Хьюз работал некоторое время в газетах, спичрайтером, рабочим на фабрике, шофером грузовика, автодилером и санитаром в психиатрической клинике, а затем занялся детективной прозой и быстро приобрел популярность.

Вклад Хьюза в фантастику, в которой он дебютировал в 1996 году рассказом «Вынести все», тоже значителен. На его счету один цикл фэнтези об «арконате», состоящий из девяти романов - «Глупцы, сбившиеся с пути» (2000), «Одурачь меня дважды» (2001), «Черный Бриллиан» (2004, номинировался на канадскую премию «Аврора»), «Община» (2007), «Маэструм» (2007) и другие, а также несколько рассказов и повестей, четыре «внесерийных» романа и около трех десятков произведений короткой формы. Повесть «Помощник и его герой» (2008) была номинирована на премию «Небьюла».

Сейчас Хьюз вместе с женой и тремя сыновьями проживает в небольшом городке на острове Ванкувер у западного берега Канады.

ЧАППЕЛЛ Фред

(CHAPPELL, Fred)

Прозаик и поэт Фред Чаппелл родился в 1936 году в Кантоне (штат Северная Каролина), учился в Университете Дьюка и в настоящее время ведет творческие курсы в Университете Северной Каролины в Гринсборо.

Первый рассказ «Дуэт» опубликовал в 1975 году. С тех пор вышло два десятка рассказов и повестей (в большинстве своем - фэнтези), лучшие из которых составили сборник «Более одного облика» (1992), номинированный на Всемирную премию фэнтези, и два романа - «Я навеки один из вас» (1985) и «Дагон» (1987), навеянный творчеством Лавкрафта и признанный Французской академией лучшим переводным романом года. Чаппелл был дважды награжден Всемирной премией фэнтези: в 1992-м за рассказ «Двери куда-то» (1991) и в 1994-м за рассказ «Жилец» (1993), а рассказ «Безмолвная женщина» (1996) был номинирован на Премию имени Джеймса Типтри-младшего.

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

Кидж ДЖОНСОН
«МОСТ ЧЕРЕЗ ТУМАН»
Джона ХЕМРИ
«САБЛИ И СЁДЛА»

РАССКАЗЫ

Стива ТЕМА, Шона МАКМАЛЛЕНА,
Фелисити ШОЛДЕРС,
Алистера РЕЙНОЛДСА, Тома ПАРДОМА

ОБЗОР

Глеба ЕЛИСЕЕВА: пропавший отряд

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА: юбилейный портрет
Майкла КРАЙТОНА

ЧИТАЙТЕ ОКТЯБРЬСКИЙ
ВЫПУСК ЖУРНАЛА

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ

**Кидж ДЖОНСОН
«МОСТ ЧЕРЕЗ ТУМАН»**

**Джона ХЕМРИ
«САБЛИ И СЁДЛА»**

РАССКАЗЫ

**Стива ТЕМА, Шона МАКМАЛЛЕНА,
Фелисити ШОЛДЕРС,
Алистера РЕЙНОЛДСА, Тома ПАРДОМА**

ОБЗОР

Глеба ЕЛИСЕЕВА: пропавший отряд

ОЧЕРК

Вл. ГАКОВА: юбилейный портрет Майкла КРАЙТОНА

ЧИТАЙТЕ ОКТЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

Добро пожаловать в интернет-магазин «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО»! Здесь вы можете купить самые лучшие обучающие видеоуроки и видеокурсы-самоучители на DVD, познавательные и документальные фильмы. Удачных Вам покупок!

ЭТА ПРОДУКЦИЯ ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ И СТАБИЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ

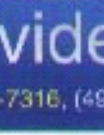

ISSN 1680-645X

9 771680 645003

12009>

12009>

poleznoevideo.ru

(499) 248-7408, (495) 585-7316, (495) 585-7312

В МАГАЗИНЕ «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО» ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ И СТАБИЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ

В МАГАЗИНЕ «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО» ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ И СТАБИЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ

В МАГАЗИНЕ «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО» ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ И СТАБИЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ

В МАГАЗИНЕ «ПОЛЕЗНОЕ ВИДЕО» ОТЛИЧАЕТСЯ ВЫСОКИМ КАЧЕСТВОМ И СТАБИЛЬНЫМ КАЧЕСТВОМ

Сканирование, распознавание, вычитка - Глюк Файнридера